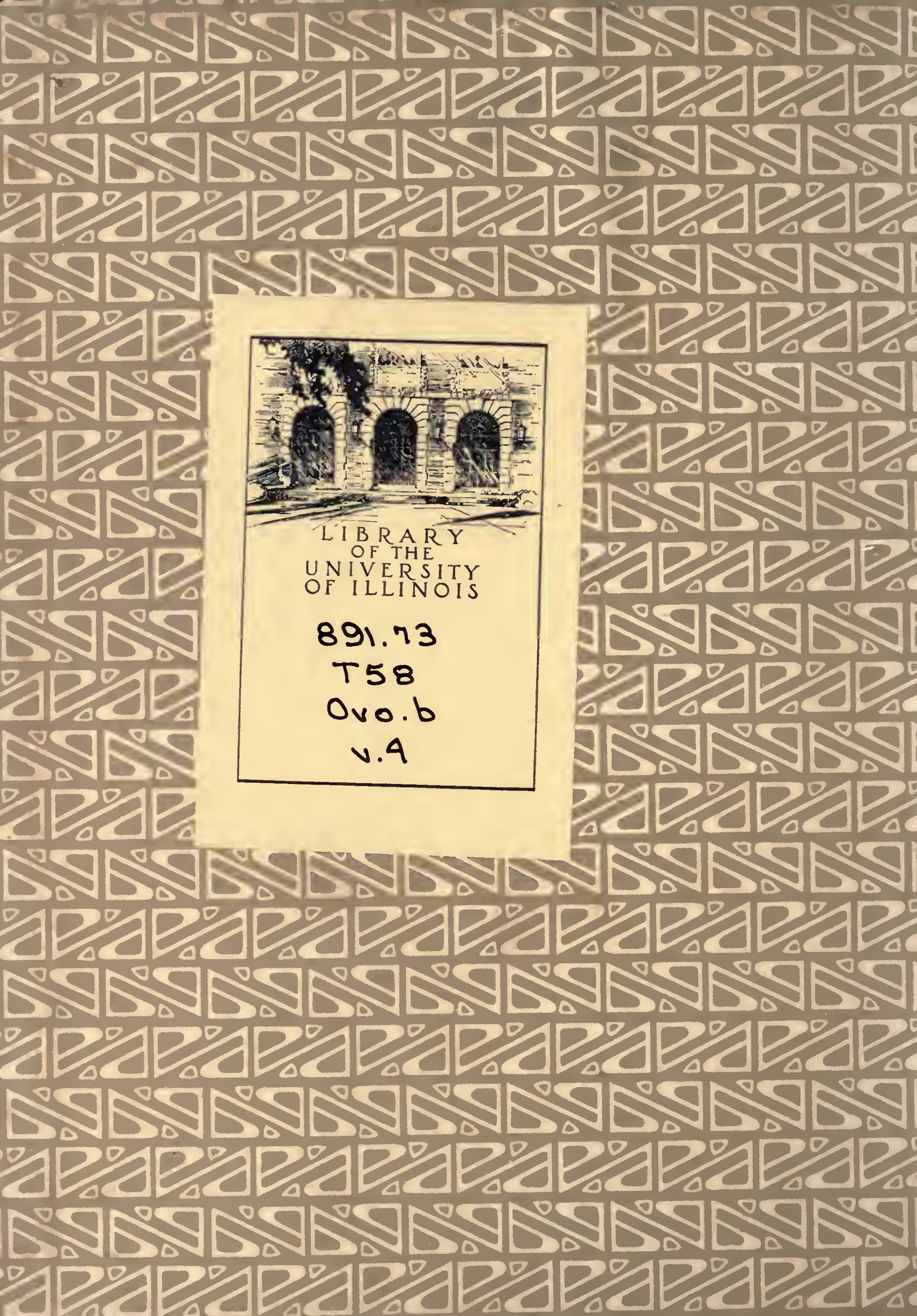
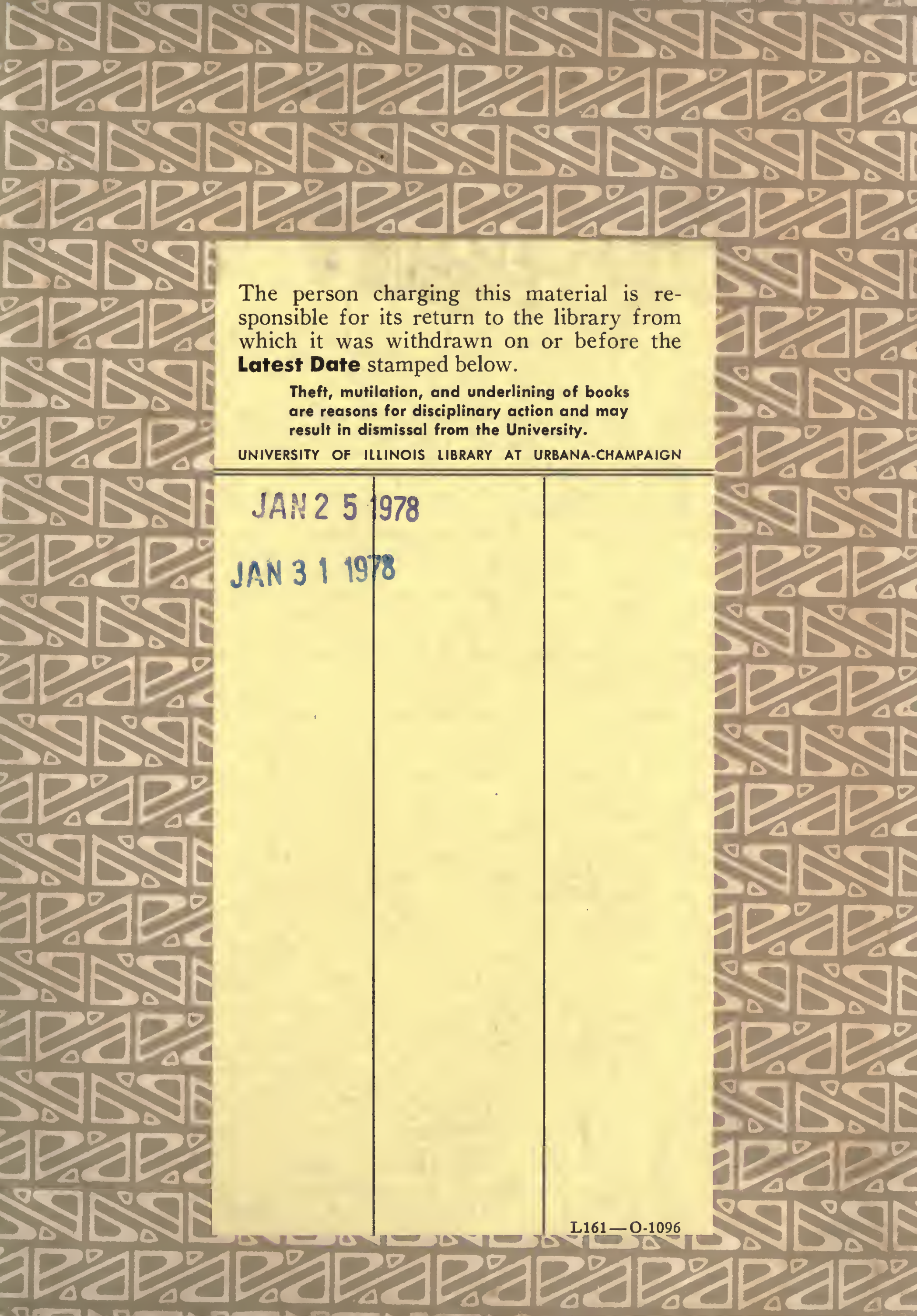
Л. Н. Толстой.

ВОЙНА и МИРЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М.О.ВОЛЬФЪ

Левъ Николаевичъ Толстой.

ВОЙНА И МИРЪ.

Томъ IV.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1912.

ВОЙНА и МИРЪ.

(1864—1869.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Петербургѣ въ это время въ высшихъ кругахъ съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ когда-нибудь, шла сложная борьба партій Румянцева, французовъ, Маріи Θеодоровны, цесаревича и другихъ, заглушаемая, какъ всегда, трубеніемъ придворныхъ трутней. Но спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отраженіями жизни, петербургская жизнь шла по-старому; и изъ-за хода этой жизни надо было дѣлать большія усилія, чтобы сознавать опасность и то трудное положеніе, въ которомъ находился русскій народъ. Тѣ же были выходы, балы, тотъ же французскій театръ, тѣ же интересы дворовъ, тѣ же интересы службы и интриги. Только въ самыхъ высшихъ кругахъ дѣлались усилія для того, чтобы напоминать трудность настоящаго положенія. Разсказывалось шопотомъ о томъ, какъ противоположно одна другой въ столь трудныхъ обстоятельствахъ поступили обѣ императрицы. Императрица Марія Θеодоровна, озабоченная благосостояніемъ подвѣдомственныхъ ей богоугодныхъ и воспитательныхъ учрежденій, сдѣлала распоряженіе объ отправкѣ всѣхъ институтовъ въ Казань, и вещи этихъ заведеній уже были уложены. Императрица же Елизавета Алексѣевна на вопросъ о томъ, какія ей угодно сдѣлать распоряженія, со свойственнымъ ей русскимъ патріотизмомъ изволила отвѣтить, что о государственныхъ учрежденіяхъ она не можетъ дѣлать распоряженій, такъ какъ это касается государя; о томъ же, что лично зависитъ отъ нея, она изволила сказать, что она послѣдняя выѣдетъ изъ Петербурга.

У Анны Павловны 26-го августа, въ самый день Бородинскаго сраженія, былъ вечеръ, цвѣткомъ котораго должно было быть чтеніе письма преосвященнаго, написаннаго при посылкѣ государю образа преподобнаго угодника Сергія. Письмо это почиталось образцомъ патріотическаго духовнаго краснорѣчія.

Прочесть его долженъ былъ самъ князь Василій, славившійся своимъ искусствомъ чтенія. (Онъ же читывалъ у императрицы.) Искусство чтенія считалось въ томъ, чтобы громко, пѣвуче, между отчаяннымъ завываніемъ и нѣжнымъ ропотомъ переливать слова совершенно независимо отъ ихъ значенія, такъ что совершенно случайно на одно слово попадало завываніе, на другія— ропотъ. Чтеніе это, какъ и всѣ вечера Анны Павловны, имѣло политическое значеніе. На этомъ вечерѣ должно было быть нѣсколько важныхъ лицъ, которыхъ надо было устыдить за ихъ поѣздки во французскій театръ и воодушевить къ патріотическому настроенію. Уже довольно много собралось народа, но Анна Павловна еще не видѣла въ гостиной всѣхъ тѣхъ, кого нужно было, и потому, не приступая еще къ чтенію, заводила общіе разговоры.

Новостью дня въ этотъ день въ Петербургѣ была болѣзнь графини Безуховой. Графиня нѣсколько дней тому назадъ неожиданно заболѣла, пропустила нѣсколько собраній, которыхъ она была украшеніемъ, и слышно было, что она никого не принимаетъ и что вмѣсто знаменитыхъ петербургскихъ докторовъ, обыкновенно лѣчившихъ ее, она ввѣрилась какому-то итальянскому доктору, лѣчившему ее какимъ-то новымъ и необыкновеннымъ способомъ.

Всѣ очень хорошо знали, что болѣзнь прелестной графини происходила отъ неудобства выходить замужъ сразу за двухъ мужей и что лѣченіе итальянца состояло въ устраненіи этихъ неудобствъ; но въ присутствіи Анны Павловны не только никто не смѣлъ думать объ этомъ, но какъ будто никто и не зналъ этого.

— On dit que la pauvre comtesse est très mal. Le médecin dit que c'est l'angine pectorale.

— L'angine? Oh, c'est une maladie terrible!

— On dit que les rivaux se sont reconciliés grâce à l'angine... [1]).

Слово angine повторялось съ большимъ удовольствіемъ.

— Le vieux comte est touchant à ce qu'on dit. Il a pleuré comme un enfant, quand le médecin lui a dit que le cas était dangereux.

— Oh, ce serait une perte terrible. C'est une femme ravissante.

---

[1]) Говорятъ, что бѣдная графиня очень плоха. Докторъ сказалъ, что это грудная жаба.

— Жаба? О, это ужасная болѣзнь!

— Говорятъ, что соперники примирились благодаря этой болѣзни.

— Vous parlez de la pauvre comtesse, — сказала подходя Анна Павловна. — J'ai envoyé savoir de ses nouvelles. On m'a dit qu'elle allait un peu mieux. Oh, sans doute, c'est la plus charmante femme du monde [1]), — сказала Анна Павловна съ улыбкой надъ своею восторженностью. — Nous appartenons à des camps différents, mais cela ne m'empêche pas de l'estimer, comme elle le mérite. Elle est bien malheureuse [2]), — прибавила Анна Павловна.

Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка приподнимала завѣсу тайны надъ болѣзнью графини, одинъ неосторожный молодой человѣкъ позволилъ себѣ выразить удивленіе въ томъ, что не призваны извѣстные врачи, а лѣчитъ графиню шарлатанъ, который можетъ дать опасныя средства.

— Vos informations peuvent être meilleures que les miennes [3]), — вдругъ ядовито напустилась Анна Павловна на неопытнаго молодого человѣка. — Mais je sais de bonne source que ce médecin est un homme très savant et très habile. C'est le médecin intime de la Reine d'Espagne [4]).

И такимъ образомъ уничтоживъ молодого человѣка, Анна Павловна обратилась къ Билибину, который въ другомъ кружкѣ, подобравъ кожу и, видимо, собираясь распустить ее, чтобы сказать un mot, говорилъ объ австрійцахъ.

— Je trouve que c'est charmant [5]), — говорилъ онъ про дипломатическую бумагу, при которой отосланы были въ Вѣну австрійскія знамена, взятыя Витгенштейномъ, le héros de Pétropol [6]) (какъ его называли въ Петербургѣ).

— Какъ, какъ это?—обратилась къ нему Анна Павловна, возбуждая молчаніе для услышанія mot, которое она уже знала.

И Билибинъ повторилъ слѣдующія подлинныя слова дипломатической депеши, имъ составленной:

---

[1]) Старый графъ очень трогателенъ, говорятъ. Онъ заплакалъ какъ дитя, когда докторъ сказалъ, что случай опасный.

— О, это была бы большая потеря. Такая прелестная женщина!

— Вы говорите про бѣдную графиню? Я посылала узнавать о ея здоровьѣ. Мнѣ сказали, что ей немного лучше. О, безъ сомнѣнія, это прелестнѣйшая женщина въ мірѣ.

[2]) Мы принадлежимъ къ различнымъ лагерямъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать ее по ея заслугамъ. Она такъ несчастна.

[3]) Ваши извѣстія могутъ быть лучше моихъ.

[4]) Но я изъ хорошихъ источниковъ знаю, что этотъ докторъ очень ученый и искусный человѣкъ. Это лейбъ-медикъ королевы испанской.

[5]) Я нахожу, что это прелестно!

[6]) Герой Петрополя.

— L'Empereur renvoie les drapeaux autrichiens, — сказалъ Билибинъ, — drapeaux amis et égarés qu'il a trouvés hors de la route [1]), — докончилъ Билибинъ, распуская кожу.

— Charmant, charmant! — сказалъ князь Василій.

— C'est la route de Varsovie peut-être [2]), — громко и неожиданно сказалъ князь Ипполитъ.

Всѣ оглянулись на него, не понимая того, что онъ хотѣлъ сказать этимъ. Князь Ипполитъ тоже съ веселымъ удивленіемъ оглядывался вокругъ себя. Онъ такъ же, какъ и другіе, не понималъ того, что значили сказанныя имъ слова. Онъ во время своей дипломатической карьеры не разъ замѣчалъ, что такимъ образомъ сказанныя вдругъ слова оказывались очень остроумны, и на всякій случай сказалъ эти слова, первыя пришедшія ему на языкъ. «Можетъ, выйдетъ очень хорошо», думалъ онъ, «а ежели не выйдетъ, они тамъ сумѣютъ это устроить». Дѣйствительно, въ то время, какъ воцарилось неловкое молчаніе, вошло то недостаточно-патріотическое лицо, которое ждала для обращенія Анна Павловна, и она, улыбаясь и погрозивъ пальцами Ипполиту, пригласила князя Василія къ столу и, поднося ему двѣ свѣчи и рукопись, попросила его начать. Все замолкло.

«Всемилостивѣйшій государь императоръ!» строго провозгласилъ князь Василій и оглянулъ публику, какъ будто спрашивая, не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь противъ этого. Но никто ничего не сказалъ. «Первопрестольный градъ Москва, Новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа *своего*», вдругъ ударилъ онъ на словѣ *своего*, «яко мать во объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый!»

Князь Василій плачущимъ голосомъ произнесъ эти послѣднія слова.

Билибинъ разсматривалъ внимательно свои ногти, и многіе видимо робѣли, какъ бы спрашивая, въ чемъ же они виноваты. Анна Павловна шопотомъ повторяла уже впередъ, какъ старушка молитву причастія: «Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ...» прошептала она.

Князь Василій продолжалъ:

«Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; кроткая вѣра,

---

[1]) Императоръ отсылаетъ австрійскія знамена, дружескія и заблудшіяся знамена, которыя онъ нашелъ внѣ настоящей дороги.

[2]) Это, можетъ-быть. по дорогѣ въ Варшаву.

сія праща россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Сей образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія вашего величества».

— Quelle force! Quel style[1]),—послышались похвалы чтецу и сочинителю.

Воодушевленные этою рѣчью, гости Анны Павловны долго еще говорили о положеніи отечества и дѣлали различныя предположенія объ исходѣ сраженія, которое на-дняхъ должно было быть дано.

— Vous verrez [2]),—сказала Анна Павловна,—что завтра, въ день рожденія государя, мы получимъ извѣстіе. У меня есть хорошее предчувствіе.

II.

Предчувствіе Анны Павловны дѣйствительно оправдалось. На другой день, во время молебствія во дворцѣ по случаю дня рожденія государя, князь Волконскій былъ вызванъ изъ церкви и получилъ конвертъ отъ князя Кутузова. Это было донесеніе Кутузова, писанное въ день сраженія изъ Татариновой. Кутузовъ писалъ, что русскіе не отступили ни на шагъ, что французы потеряли гораздо болѣе нашего, что онъ доноситъ второпяхъ съ поля сраженія, не успѣвъ еще собрать послѣднихъ свѣдѣній. Стало-быть, это была побѣда. И тотчасъ же, не выходя изъ храма, была воздана Творцу благодарность за Его помощь и за побѣду.

Предчувствіе Анны Павловны оправдалось, и въ городѣ все утро царствовало радостно-праздничное настроеніе духа. Всѣ признавали побѣду совершонною, и нѣкоторые уже говорили о плѣненіи самого Наполеона, о низложеніи его и избраніи новой главы для Франціи.

Вдали отъ дѣла и среди условій придворной жизни весьма трудно, чтобы событія отражались во всей ихъ полнотѣ и силѣ. Невольно событія общія группируются около какого-нибудь частнаго случая. Такъ, теперь главная радость придворныхъ заключалась столько же въ томъ, что мы побѣдили, сколько и

---

[1]) Какая сила! Какой слогъ!

[2]) Вы увидите.

въ томъ, что извѣстіе объ этой побѣдѣ пришлось именно въ день рожденія государя. Это было, какъ удавшійся сюрпризъ. Въ извѣстіи Кутузова сказано было тоже о потеряхъ русскихъ, и въ числѣ ихъ названы были Тучковъ, Багратіонъ, Кутайсовъ. Тоже и печальная сторона событія невольно въ здѣшнемъ, петербургскомъ, мірѣ сгруппировалась около одного событія—смерти Кутайсова. Его всѣ знали, государь любилъ его, онъ былъ молодъ и интересенъ. Въ этотъ день всѣ встрѣчались со словами:

— Какъ удивительно случилось! Въ самый молебенъ. А какая потеря Кутайсовъ! Ахъ, какъ жаль!

— Что я вамъ говорилъ про Кутузова?—говорилъ теперь князь Василій съ гордостью пророка.—Я говорилъ всегда, что онъ одинъ способенъ побѣдить Наполеона.

Но на другой день не получалось извѣстій изъ арміи, и общій голосъ сталъ тревоженъ. Придворные страдали за страданія неизвѣстности, въ которой находился государь.

«Каково положеніе государя!» говорили придворные и уже не превозносили, какъ третьяго дня, а теперь осуждали Кутузова, бывшаго причиной безпокойства государя. Князь Василій въ этотъ день уже не хвастался болѣе своимъ protégé Кутузовымъ, а хранилъ молчаніе, когда рѣчь заходила о главнокомандующемъ. Кромѣ того, къ вечеру этого дня какъ будто все соединилось для того, чтобы повергнуть въ тревогу и безпокойство петербургскихъ жителей: присоединилась еще одна страшная новость. Графиня Елена Безухова скоропостижно умерла отъ этой страшной болѣзни, которую такъ пріятно было выговаривать. Офиціально въ большихъ обществахъ всѣ говорили, что графиня Безухова умерла отъ страшнаго припадка angine pectorale [1]), но въ интимныхъ кружкахъ разсказывали подробности о томъ, какъ le médecin intime de la Reine d'Espagne [2]) предписалъ Эленъ небольшія дозы какого-то лѣкарства для произведенія извѣстнаго дѣйствія; но какъ Эленъ, мучимая тѣмъ, что старый графъ подозрѣвалъ ее, и тѣмъ, что мужъ, которому она писала (этотъ несчастный развратный Пьеръ), не отвѣчалъ ей, вдругъ приняла огромную дозу выписаннаго ей лѣкарства и умерла въ мученіяхъ прежде, чѣмъ могли подать помощь. Разсказывали, что князь Василій и старый графъ взялись было за итальянца; но итальянецъ показалъ такія записки отъ несчастной покойницы, что его тотчасъ же отпустили.

---

[1]) Грудной жабы.

[2]) Лейбъ-медикъ королевы испанской.

Общій разговоръ сосредоточился около трехъ печальныхъ событій: неизвѣстности государя, погибели Кутайсова и смерти Эленъ.

На третій день послѣ донесенія Кутузова въ Петербургъ пріѣхалъ помѣщикъ изъ Москвы, и по всему городу распространилось извѣстіе о сдачѣ Москвы французамъ. Это было ужасно! Каково было положеніе государя! Кутузовъ былъ измѣнникъ, и князь Василій во время visites de condoléance[1]) по случаю смерти его дочери, которые ему дѣлали, говорилъ о прежде восхваляемомъ имъ Кутузовѣ (ему простительно было въ печали забыть то, что̀ говорилъ прежде), онъ говорилъ, что нельзя было ожидать ничего другого отъ слѣпого и развратнаго старика.

— Я удивляюсь только, какъ можно было поручить такому человѣку судьбу Россіи.

Пока извѣстіе это было еще не офиціально, въ немъ можно было еще сомнѣваться, но на другой день пришло отъ графа Растопчина слѣдующее донесеніе:

«Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывезъ, мнѣ остается плакать объ участи моего отечества».

Получивъ это донесеніе, государь послалъ съ княземъ Волконскимъ слѣдующій рескриптъ Кутузову:

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Съ 29 августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го сентября получилъ я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміей оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело на меня это извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь печальной рѣшимости».

III.

Девять дней послѣ оставленія Москвы въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не

---

[1]) Визитовъ соболѣзнованія

знавшій по-русски, но quoique étranger, russe de coeur et d'âme [1]), какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо, который никогда не видалъ Москвы до кампаніи и который не зналъ по-русски, чувствовалъ себя все-таки растроганнымъ, когда онъ явился передъ notre très gracieux souverain [2]) (какъ онъ писалъ) съ извѣстіемъ о пожарѣ Москвы, dont les flammes éclairaient sa route [3]).

Хотя и источникъ chagrin г-на Мишо и долженъ былъ быть другой, чѣмъ тотъ, изъ котораго вытекало горе русскихъ людей, Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него:

— M'apportez-vous de tristes nouvelles, colonel?

— Bien tristes, Sire, — отвѣчалъ Мишо, со вздохомъ опуская глаза: — l'abandon de Moscou [4]).

— Aurait-on livré mon ancienne capitale sans se battre? [5]) — вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ государь.

Мишо почтительно передалъ то, что̀ ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ — потерять армію и Москву или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— L'ennemi est-il entré en ville? — спросилъ онъ.

— Oui, Sire, et elle est en cendres à l'heure qu'il est. Je l'ai laissée toute en flammes [6]), — рѣшительно сказалъ Мишо; но, взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что̀ онъ сдѣлалъ.

Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные голубые глаза мгновенно увлажились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость, и, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

---

[1]) Хотя иностранецъ, но русскій всѣмъ сердцемъ и всею душою.
[2]) Всемилостивѣйшій повелитель.
[3]) Пламя которой освѣщало его путь.
[4]) Какія извѣстія привезли вы мнѣ? Грустныя, полковникъ?
— Очень грустныя, ваше величество,—оставленіе Москвы.
[5]) Неужели предали мою древнюю столицу безъ битвы?
[6]) Непріятель вошелъ въ городъ?
— Да, ваше величество, и онъ обращенъ въ пепелъ въ настоящее время. Я оставилъ его въ пламени.

— Je vois, colonel, par tout ce qui nous arrive, — сказалъ онъ, — que la Providence exige de grands sacrifices de nous... Je suis prêt à me soumettre à toutes Ses volontés; mais dites-moi, Michaud, comment avez-vous laissé l'armée, en voyant ainsi, sans coup férir, abandonner mon ancienne capitale? N'avez-vous pas aperçu du découragement?.. [1])

Увидавъ успокоеніе своего très gracieux souverain, Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопросъ государя, требовавшій и прямого отвѣта, онъ не успѣлъ еще приготовить отвѣта.

— Sire, me permettrez-vous de vous parler franchement en loyal militaire? [2]) — сказалъ онъ, чтобы выиграть время.

— Colonel, je l'exige toujours, — сказалъ государь. — Ne me cachez rien, je veux savoir absolument ce qu'il en est [3]).

— Sire! — сказалъ Мишо съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой на губахъ, успѣвъ приготовить свой отвѣтъ въ формѣ легкаго и почтительнаго jeu de mots. — Sire! j'ai laissé toute l'armée de puis les chefs jusqu'au dernier soldat, sans exception, dans une crainte épouvantable, effrayante... [4])

— Comment ça?—строго нахмурившись, перебилъ государь.— Mes russes se laisseront-ils abattre par le malheur... Jamais [5]).

Этого только и ждалъ Мишо для вставленія своей игры словъ.

— Sire, — сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія, — ils craignent seulement que Votre Majesté par bontée de coeur ne se laisse persuader de faire la paix. Ils brûlent de combattre, — говорилъ уполномоченный русскаго народа, — et de prouver à Votre Majesté par le sacrifice de leur vie, combien ils lui sont devoués... [6]).

---

[1]) Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ... Я готовъ покориться во всемъ Его волѣ; но скажите мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, оставлявшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

[2]) Государь, позволите ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ честному воину?

[3]) Полковникъ, я всегда этого требую. Не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать всю истину.

[4]) Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ, отчаянномъ страхѣ.

[5]) Какъ это? Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ отъ неудачъ? Никогда!..

[6]) Государь, они боятся только того, чтобы ваше величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ сражаться и доказать вашему величеству жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы!..

— Ah! — успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо. — Vous me tranquillisez, colonel [1]).

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Eh bien, retournez à l'armée [2]), — сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и ласковымъ величественнымъ жестомъ обращаясь къ Мишо, — et dites à nos braves, dites à tous mes bons sujets partout où vous passerez, que quand je n'aurai plus aucun soldat, je me mettrai, moi-même, à la tête da ma chère noblesse, de mes bons paysans et j'userai ainsi jusqu'à la dernière ressource de mon empire. Il m'en offre encore plus que mes ennemis ne pensent [3]), — говорилъ государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь. — Mais si jamais il fut écrit dans les decrets de la Divine Providence [4]), — сказалъ онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, — que ma dinastie dût cesser de régner sur le trône de mes ancêtres, alors, après avoir épuisé tous les moyens qui sont en mon pouvoir, je me laisserai croître la barbe jusqu'ici (государь показалъ рукой на половину груди), et j'irai manger des pommes de terre avec le dernier de mes paysans plutôt, que de signer la honte de ma patrie et de ma chère nation, dont je sais apprécier les sacrifices... [5]).

Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ въ глубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, онъ большими шагами вернулся къ Мишо и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо государя раскраснѣлось, и глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Colonel Michaud, n'oubliez pas ce que je vous dis ici; peut-être qu'un jour nous le rappellerons avec plaisir... Napoléon

---

1) Вы меня успокаиваете, полковникъ.

2) Ну, возвращайтесь къ арміи.

3) И скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ добрымъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ своихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ и истощу такимъ образомъ послѣднія средства своего государства. Ихъ больше, нежели думаютъ мои враги.

4) Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ.

5) Чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду до сихъ поръ, и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ своей родины и дорогого народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить.

ou moi, — сказалъ государь, дотрогиваясь до груди. — Nous ne pouvons plus régner ensemble. J'ai appris à le connaître, il ne me trompera plus... [1]).

И государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо quoique étranger, mais russe de coeur et d'âme, почувствовалъ себя, въ эту торжественную минуту, entousiasmé par tout ce qu'il venait d'entendre [2]) (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Sire! — сказалъ онъ. — Votre Majesté signe dans ce moment la gloire de la nation et le salut de l'Europe [3]).

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

IV.

Въ то время, какъ Россія была до половины завоевана, и жители Москвы бѣжали въ дальнія губерніи, и ополченіе за ополченіемъ поднималось на защиту отечества, невольно представляется намъ, не жившимъ въ то время, что всѣ русскіе люди, отъ мала до велика, были заняты только тѣмъ, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать надъ его погибелью. Разсказы, описанія того времени всѣ безъ исключенія говорятъ только о самопожертвованіи, любви къ отечеству, отчаяніи, горѣ и геройствѣ русскихъ. Въ дѣйствительности же это такъ не было. Намъ кажется это только такъ потому, что мы видимъ изъ прошедшаго одинъ общій историческій интересъ того времени и не видимъ всѣхъ тѣхъ личныхъ, человѣческихъ интересовъ, которые были у людей. А между тѣмъ въ дѣйствительности тѣ личные интересы настоящаго въ такой степени значительнѣе общихъ интересовъ, что изъ-за нихъ никогда не чувствуется (вовсе не замѣтенъ даже) интересъ общій. Большая часть людей того времени не обращала вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководилась только личными интересами насто-

---

[1]) Полковникъ Мишо, не забудьте, что я вамъ сказалъ здѣсь; можетъ-быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я... Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ...

[2]) Хотя иностранецъ, но русскій сердцемъ и душою, почувствовалъ себя восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ.

[3]) Государь! Ваше величество подписываете въ эту минуту славу народа и спасеніе Европы!

ящаго. И эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени.

Тѣ же, которые пытались понять общій ходъ дѣлъ и съ самопожертвованіемъ и геройствомъ хотѣли участвовать въ немъ, были самые безполезные члены общества; они видѣли все навыворотъ, и все, что̀ они дѣлали для пользы, оказывалось безполезнымъ вздоромъ, какъ полки Пьера, Мамонова, грабившіе русскія деревни, какъ корпія, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненыхъ, и т. п. Даже тѣ, которые, любя поумничать и выразить свои чувства, толковали о настоящемъ положеніи Россіи, невольно носили въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ или притворства и лжи, или безполезнаго осужденія и злобы на людей, обвиняемыхъ за то, въ чемъ никто не могъ быть виноватъ. Въ историческихъ событіяхъ очевиднѣе всего запрещеніе вкушенія плода древа познанія. Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью.

Значеніе совершавшагося тогда въ Россіи событія тѣмъ незамѣтнѣе было, чѣмъ ближе было въ немъ участіе человѣка. Въ Петербургѣ и губерніяхъ, отдаленныхъ отъ Москвы, дамы и мужчины, въ ополченскихъ мундирахъ, оплакивали Россію и столицу и говорили о самопожертвованіи и т. п.; но въ арміи, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москвѣ, и, глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матрешкѣ-маркитанткѣ и тому подобное.

Николай Ростовъ безъ всякой цѣли самопожертвованія, а случайно, такъ какъ война застала его на службѣ, принималъ близкое и продолжительное участіе въ защитѣ отечества и потому безъ отчаянія и мрачныхъ умозаключеній смотрѣлъ на то, что̀ совершалось тогда въ Россіи. Ежели бы у него спросили, что̀ онъ думаетъ о теперешнемъ положеніи Россіи, онъ бы сказалъ, что ему думать нечего, что на то есть Кутузовъ и другіе, а что онъ слышалъ, что комплектуютъ полки и что, должно-быть, драться еще долго будутъ и что при теперешнихъ обстоятельствахъ ему немудрено черезъ года два получить полкъ.

Потому, что онъ такъ смотрѣлъ на дѣло, онъ не только безъ сокрушенія о томъ, что лишается участія въ послѣдней борьбѣ, принялъ извѣстіе о назначеніи его въ командировку за ремонтомъ для дивизіи въ Воронежъ, но и съ величайшимъ

удовольствіемъ, которое онъ не скрывалъ и которое весьма хорошо понимали его товарищи.

За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія Николай получилъ деньги, бумаги и, пославъ впередъ гусаръ, на почтовыхъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Только тотъ, кто испыталъ это, то-есть пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, не переставая, въ атмосферѣ военной, боевой жизни, можетъ понять то наслажденіе, которое испытывалъ Николай, когда онъ выбрался изъ того района, до котораго достигали войска своими фуражировками, подвозами провіанта, госпиталями. Когда онъ, безъ солдатъ, фуръ, грязныхъ слѣдовъ присутствія лагеря, увидалъ деревни съ мужиками и бабами, помѣщичьи дома, поля съ пасущимся скотомъ, станціонные дома съ заснувшими смотрителями, онъ почувствовалъ такую радость, какъ будто въ первый разъ все это видѣлъ. Въ особенности то, что долго удивляло и радовало его, это были женщины, молодыя, здоровыя, за каждой изъ которыхъ не было десятка ухаживающихъ офицеровъ, и женщины, которыя рады и польщены были тому, что проѣзжій офицеръ шутитъ съ ними.

Въ самомъ веселомъ расположеніи духа Николай ночью пріѣхалъ въ Воронежъ въ гостиницу, заказалъ все то, чего онъ долго лишенъ былъ въ арміи, и на другой день, чисто-начисто выбрившись и надѣвъ давно не надѣванную парадную форму, поѣхалъ являться къ начальству.

Начальникъ ополченія былъ статскій генералъ, старый человѣкъ, который, видимо, забавлялся своимъ военнымъ званіемъ и чиномъ. Онъ сердито (думая, что въ этомъ военное свойство) принялъ Николая и значительно, какъ бы имѣя на то право и какъ бы обсуживая общій ходъ дѣла, одобряя и не одобряя, разспрашивалъ его. Николай былъ такъ веселъ, что ему только забавно было это.

Отъ начальника ополченія онъ поѣхалъ къ губернатору. Губернаторъ былъ маленькій, живой человѣчекъ, весьма ласковый и простой. Онъ указалъ Николаю на тѣ заводы, въ которыхъ онъ могъ достать лошадей, рекомендовалъ ему барышника въ городѣ и помѣщика за 20 верстъ отъ города, у которыхъ были лучшія лошади, и обѣщалъ всякое содѣйствіе.

— Вы графа Ильи Андреевича сынъ? Моя жена очень дружна была съ вашей матушкой. По четвергамъ у меня собираются; нынче четвергъ, милости прошу ко мнѣ запросто, — сказалъ губернаторъ, отпуская его.

Прямо отъ губернатора Николай взялъ перекладную и, посадивъ съ собой вахмистра, поскакалъ за 20 верстъ на заводъ

къ помѣщику. Все, въ это первое время пребыванія его въ Воронежѣ, было для Николая весело и легко, и все, какъ это бываетъ, когда человѣкъ самъ хорошо расположенъ, все ладилось и спорилось.

Помѣщикъ, къ которому пріѣхалъ Николай, былъ старый кавалеристъ-холостякъ, лошадиный знатокъ, охотникъ, владѣтель коверной, столѣтней запеканки, стараго венгерскаго и чудныхъ лошадей.

Николай въ два слова купилъ за 6 тысячъ 17 жеребцовъ на подборъ (какъ онъ говорилъ) для казоваго конца своего ремонта. Пообѣдавъ и выпивъ немножко лишняго венгерскаго, Ростовъ, расцѣловавшись съ помѣщикомъ, съ которымъ онъ уже сошелся на «ты», по отвратительной дорогѣ, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, поскакалъ назадъ, безпрестанно погоняя ямщика съ тѣмъ, чтобы поспѣть на вечеръ къ губернатору.

Переодѣвшись, надушившись и обливъ голову холодной водой, Николай хотя нѣсколько поздно, но съ готовой фразой: «vaut mieux tard que jamais», явился къ губернатору.

Это былъ не балъ, и не сказано было, что будутъ танцовать; но всѣ знали, что Катерина Петровна будетъ играть на клавикордахъ вальсы и экосезы и что будутъ танцовать, и всѣ, разсчитывая на это, съѣхались по-бальному.

Губернская жизнь въ 1812 году была точно такая же, какъ и всегда, только съ тою разницей, что въ городѣ было оживленнѣе по случаю прибытія многихъ богатыхъ семей изъ Москвы и что, какъ и во всемъ, что происходило въ то время въ Россіи, замѣтна была какая-то особенная размашистость—море по колѣно, трынъ-трава—въ жизни, да еще въ томъ, что тотъ пошлый разговоръ, который необходимъ между людьми и который прежде велся о погодѣ и объ общихъ знакомыхъ, теперь велся о Москвѣ, о войскѣ и Наполеонѣ.

Общество, собранное у губернатора, было лучшее общество Воронежа.

Дамъ было очень много, было нѣсколько московскихъ знакомыхъ Николая; но мужчинъ не было никого, кто бы сколько-нибудь могъ соперничать съ георгіевскимъ кавалеромъ, ремонтеромъ-гусаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ и благовоспитаннымъ графомъ Ростовымъ. Въ числѣ мужчинъ былъ одинъ плѣнный итальянецъ-офицеръ французской арміи, и Николай чувствовалъ, что присутствіе этого плѣннаго еще болѣе возвышало значеніе его—русскаго героя. Это былъ какъ будто трофей. Николай чувствовалъ это, и ему казалось, что всѣ такъ

же смотрѣли на итальянца, и Николай обласкалъ этого офицера съ достоинствомъ и воздержностью.

Какъ только вошелъ Николай въ своей гусарской формѣ, распространяя вокругъ себя запахъ духовъ и вина, и самъ сказалъ и слышалъ нѣсколько разъ сказанныя ему слова: vaut mieux tard que jamais, его обступили; всѣ взгляды обратились на него, и онъ сразу почувствовалъ, что вступилъ въ подобающее ему въ губерніи и всегда пріятное, но теперь послѣ долгаго лишенія опьянившее его удовольствіемъ положеніе всеобщаго любимца. Не только на станціяхъ, постоялыхъ дворахъ и въ коверной помѣщика были льстившіяся его вниманіемъ служанки, но здѣсь, на вечерѣ губернатора, было (какъ показалось Николаю) неисчерпаемое количество молоденькихъ дамъ и хорошенькихъ дѣвицъ, которыя съ нетерпѣніемъ только ждали того, чтобы Николай обратилъ на нихъ вниманіе. Дамы и дѣвицы кокетничали съ нимъ, и старики съ перваго дня уже захлопотали о томъ, какъ бы женить и остепенить этого молодца-повѣсу гусара. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была сама жена губернатора, которая приняла Ростова, какъ близкаго родственника, и называла его «Nicolas» и «ты».

Катерина Петровна дѣйствительно стала играть вальсы и экосезы, и начались танцы, въ которыхъ Николай еще болѣе плѣнилъ своею ловкостью все губернское общество. Онъ удивилъ даже всѣхъ своей особенной, развязной манерой въ танцахъ. Николай самъ былъ нѣсколько удивленъ своей манерой танцовать въ этотъ вечеръ. Онъ никогда такъ не танцовалъ въ Москвѣ и счелъ бы даже неприличнымъ и mauvais genre такую слишкомъ развязную манеру танца; но здѣсь онъ чувствовалъ потребность удивить ихъ всѣхъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, чѣмъ-нибудь такимъ, которое они должны были принять за обыкновенное въ столицахъ, но неизвѣстное еще имъ въ провинціи.

Во весь вечеръ Николай обращалъ больше всего вниманія на голубоглазую, полную и миловидную блондинку, жену одного изъ губернскихъ чиновниковъ. Съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ развеселившихся молодыхъ людей, что чужія жены сотворены для нихъ, Ростовъ не отходилъ отъ этой дамы и дружески, нѣсколько заговорщически, обращался съ ея мужемъ, какъ будто они хотя не говорили этого, но знали, какъ славно они сойдутся, то-есть Николай съ женой этого мужа. Мужъ однако, казалось, не раздѣлялъ этого убѣжденія и старался мрачно обращаться съ Ростовымъ. Но добродушная наивность Николая была такъ безгранична, что иногда мужъ невольно под-

давался веселому настроенію духа Николая. Къ концу вечера однако, по мѣрѣ того, какъ лицо жены становилось все румянѣе и оживленнѣе, лицо ея мужа становилось все грустнѣе и солиднѣе, какъ будто доля оживленія была одна на обоихъ, и по мѣрѣ того, какъ она увеличивалась въ женѣ, она уменьшалась въ мужѣ.

V.

Николай, съ несходящей улыбкой на лицѣ, нѣсколько изогнувшись на креслѣ, сидѣлъ, близко наклонясь надъ блондинкой и говоря ей миѳологическіе комплименты.

Перемѣняя бойко положеніе ногъ въ натянутыхъ рейтузахъ, распространяя отъ себя запахъ духовъ и любуясь и своей дамой, и собой, и красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами, Николай говорилъ блондинкѣ, что онъ хочетъ здѣсь, въ Воронежѣ, похитить одну даму.

— Какую же?

— Прелестную, божественную. Глаза у нея (Николай посмотрѣлъ на собесѣдницу) голубые, ротъ—кораллы, бѣлизна... (онъ глядѣлъ на плечи), станъ—Діаны...

Мужъ подошелъ къ нимъ и мрачно спросилъ у жены, о чемъ она говоритъ.

— А! Никита Иванычъ,—сказалъ Николай, учтиво вставая.

И, какъ бы желая, чтобы Никита Иванычъ принялъ участіе въ его шуткахъ, онъ началъ и ему сообщать свое намѣреніе похитить одну блондинку.

Мужъ улыбался угрюмо, жена весело. Добрая губернаторша съ неодобрительнымъ видомъ подошла къ нимъ.

— Анна Игнатьевна хочетъ тебя видѣть, Nicolas,—сказала она, такимъ голосомъ выговаривая слова «Анна Игнатьевна», что Ростову сейчасъ стало понятно, что Анна Игнатьевна очень важная дама.—Пойдемъ, Nicolas. Вѣдь ты позволилъ такъ называть тебя?

— О да, ma tante. Кто жъ это?

— Анна Игнатьевна Мальвинцева. Она слышала о тебѣ отъ своей племянницы, какъ ты спасъ ее... Угадаешь?..

— Мало ли я ихъ тамъ спасалъ!—сказалъ Николай.

— Ея племянницу, княжну Болконскую. Она здѣсь въ Воронежѣ съ теткой. Ого, какъ покраснѣлъ! Что, или?..

— И не думалъ, полноте, ma tante.

— Ну, хорошо, хорошо... О! какой ты!

Губернаторша подводила его къ высокой и очень толстой старухѣ въ голубомъ токѣ, только что кончившей свою карточ-

ную партію съ самыми важными лицами въ городѣ. Это была Мальвинцева, тетка княжны Марьи по матери, богатая бездѣтная вдова, жившая всегда въ Воронежѣ. Она стояла, разсчитываясь за карты, когда Ростовъ подошелъ къ ней. Она строго и важно прищурилась, взглянула на него и продолжала бранить генерала, выигравшаго у нея.

— Очень рада, мой милый,—сказала она, протянувъ ему руку. — Милости прошу ко мнѣ.

Поговоривъ о княжнѣ Марьѣ и покойникѣ ея отцѣ, котораго, видимо, не любила Мальвинцева, и разспросивъ о томъ, что Николай зналъ о князѣ Андреѣ, который тоже, видимо, не пользовался ея милостями, важная старуха отпустила его, повторивъ приглашеніе быть у нея.

Николай обѣщалъ и опять покраснѣлъ, когда откланивался Мальвинцевой. При упоминаніи о княжнѣ Марьѣ Ростовъ испытывалъ непонятное для него самого чувство застѣнчивости, даже страха.

Отходя отъ Мальвинцевой, Ростовъ хотѣлъ вернуться къ танцамъ, но маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукавъ Николая и, сказавъ, что ей нужно поговорить съ нимъ, повела его въ диванную, изъ которой бывшіе въ ней вышли тотчасъ же, чтобы не мѣшать губернаторшѣ.

— Знаешь, mon cher,—сказала губернаторша съ серьезнымъ выраженіемъ маленькаго, добраго лица,—вотъ это тебѣ точно партія; хочешь, я тебѣ сосватаю?

— Кого, ma tante?—спросилъ Николай.

— Княжну сосватаю. Катерина Петровна говоритъ, что Лили, а по-моему нѣтъ — княжна. Хочешь? Я увѣрена, твоя maman благодарить будетъ. Право, какая дѣвушка, прелесть! И она совсѣмъ не такъ дурна.

— Совсѣмъ нѣтъ, — какъ бы обидѣвшись, сказалъ Николай. — Я, ma tante, какъ слѣдуетъ солдату, никуда не напрашиваюсь и ни отъ чего не отказываюсь, — сказалъ Ростовъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подумать о томъ, что̀ онъ говоритъ.

— Такъ помни же: это не шутка.

— Какая шутка!

— Да, да,—какъ бы сама съ собой говоря, сказала губернаторша. — А вотъ что, mon cher, entre autre. Vous êtes trop assidu auprès de l'autre, la blonde [1]). Мужъ ужъ жалокъ, право...

---

[1]) Мой милый, между прочимъ. Вы слишкомъ ухаживаете за той бѣлокурой.

— Ахъ, нѣтъ, мы съ нимъ друзья,—въ простотѣ душевной сказалъ Николай: ему и въ голову не приходило, чтобы такое веселое препровожденіе времени для него могло бы быть для кого-нибудь не весело.

«Что я за глупость сказалъ однако губернаторшѣ!» вдругъ за ужиномъ вспомнилось Николаю. «Она точно сватать начнетъ, а Соня?..» И, прощаясь съ губернаторшей, когда она, улыбаясь, еще разъ сказала ему: «ну, такъ помни же», онъ отвелъ ее въ сторону.

— Но вотъ что, по правдѣ вамъ сказать, ma tante...

— Что, что, мой другъ? Пойдемъ, вотъ тутъ сядемъ.

Николай вдругъ почувствовалъ желаніе и необходимость разсказать всѣ свои задушевныя мысли (такія, которыя и не разсказалъ бы матери, сестрѣ, другу) этой почти чужой женщинѣ. Николаю потомъ, когда онъ вспоминалъ объ этомъ порывѣ ничѣмъ не вызванной, не объяснимой откровенности, которая имѣла однако для него очень важныя послѣдствія, казалось (какъ это и кажется всегда людямъ), что такъ, глупый стихъ нашелъ; а между тѣмъ этотъ порывъ откровенности, вмѣстѣ съ другими мелкими событіями, имѣлъ для него и для всей семьи его огромныя послѣдствія.

— Вотъ что, ma tante. Maman меня давно женить хочетъ на богатой; но мнѣ мысль одна эта противна—жениться изъ-за денегъ.

— О да, понимаю, — сказала губернаторша.

— Но княжна Болконская—это другое дѣло: во-первыхъ, я вамъ правду скажу, она мнѣ очень нравится, она по сердцу мнѣ; и потомъ, послѣ того, какъ я ее встрѣтилъ въ такомъ положеніи, такъ странно, мнѣ часто въ голову приходило: это судьба. Особенно подумайте: maman давно объ этомъ думала, но прежде мнѣ ее не случалось встрѣчать, какъ-то все такъ случалось, — не встрѣчались. И во время, когда моя сестра Наташа была невѣстой ея брата, вѣдь тогда мнѣ бы нельзя было думать жениться на ней. Надо же, чтобы я ее встрѣтилъ именно тогда, когда Наташина свадьба разстроилась, ну и потомъ все... Да, вотъ что... Я никому не говорилъ этого и не скажу. А вамъ только.

Губернаторша пожала его благодарно за локоть.

— Вы знаете Софи, кузину? Я люблю ее, я обѣщалъ жениться и женюсь на ней... Поэтому вы видите, что про это не можетъ быть и рѣчи, — нескладно и краснѣя говорилъ Николай.

— Mon cher, mon cher, какъ же ты судишь? Да вѣдь у Софи ничего нѣтъ, а ты самъ говорилъ, что дѣла твоего папа очень плохи. А твоя maman? Это убьетъ ее, — разъ. Потомъ Софи: ежели она дѣвушка съ сердцемъ,—какая жизнь для нея будетъ? Мать въ отчаяніи, дѣла разстроены... Нѣтъ, mon cher, ты и Софи должны понять это.

Николай молчалъ. Ему пріятно было слышать эти выводы.

— Все-таки, ma tante, этого не можетъ быть,—со вздохомъ сказалъ онъ, помолчавъ немного.—Да пойдетъ ли еще за меня княжна, и опять она теперь въ трауре. Развѣ можно объ этомъ думать!

— Да развѣ ты думаешь, что я тебя сейчасъ и женю. Il y a manière et manière, — сказала губернаторша.

— Какая вы сваха, ma tante...—сказалъ Nicolas, цѣлуя ея пухлую ручку.

VI.

Пріѣхавъ въ Москву послѣ своей встрѣчи съ Ростовымъ, княжна Марья нашла тамъ своего племянника съ гувернеромъ и письмо отъ князя Андрея, который предписывалъ имъ ихъ маршрутъ въ Воронежъ, къ тетушкѣ Мальвинцевой. Заботы о переѣздѣ, безпокойство о братѣ, устройство жизни въ новомъ домѣ, новыя лица, воспитаніе племянника,—все это заглушило въ душѣ княжны Марьи то чувство какъ будто искушенія, которое мучило ее во время болѣзни и послѣ кончины ея отца и въ особенности послѣ встрѣчи съ Ростовымъ. Она была печальна. Впечатлѣніе потери отца, соединявшееся въ ея душѣ съ погибелью Россіи, теперь, послѣ мѣсяца, прошедшаго съ тѣхъ поръ въ условіяхъ покойной жизни, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось ей. Она была тревожна: мысль объ опасностяхъ, которымъ подвергался ея братъ, единственный близкій человѣкъ, оставшійся у нея, мучила ее безпрестанно. Она была озабочена воспитаніемъ племянника, для котораго она чувствовала себя постоянно неспособной; но въ глубинѣ души ея было согласіе съ самой собою, вытекавшее изъ сознанія того, что она задавила въ себѣ поднявшіяся было, связанныя съ появленіемъ Ростова, личныя мечтанія и надежды.

Когда на другой день послѣ своего вечера губернаторша пріѣхала къ Мальвинцевой и переговорила съ теткой о своихъ планахъ (сдѣлавъ оговорку о томъ, что хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ нельзя и думать о формальномъ сватовствѣ, все-таки можно свести молодыхъ людей, дать имъ узнать другъ друга), и когда, получивъ одобреніе тетки, губернаторша при

княжнѣ Марьѣ заговорила о Ростовѣ, хваля его и разсказывая, какъ онъ покраснѣлъ при упоминаніи о княжнѣ,—княжна Марья испытала не радостное, но болѣзненное чувство: внутреннее согласіе ея не существовало болѣе, и опять поднялись желанія, сомнѣнія, упреки и надежды.

Въ тѣ два дня, которые прошли со времени этого извѣстія, и до посѣщенія Ростова княжна Марья не переставая думала о томъ, какъ ей должно держать себя въ отношеніи Ростова. То она рѣшала, что она не выйдетъ въ гостиную, когда онъ пріѣдетъ къ теткѣ, что ей, въ ея глубокомъ траурѣ, неприлично принимать гостей; то она думала, что это будетъ грубо послѣ того, что онъ сдѣлалъ для нея; то ей приходило въ голову, что ея тетка и губернаторша имѣютъ какіе-то виды на нее и Ростова (ихъ взгляды и слова иногда, казалось, подтверждали это предположеніе); то она говорила себѣ, что только она съ своею порочностью могла думать это про нихъ: не могли онѣ не помнить, что въ ея положеніи, когда еще она не сняла плерезы, такое сватовство было бы оскорбительно и ей и памяти ея отца. Предполагая, что она выйдетъ къ нему, княжна Марья придумывала тѣ слова, которыя онъ скажетъ ей и которыя она скажетъ ему; и то слова эти казались ей незаслуженно-холодными, то имѣющими слишкомъ большое значеніе. Больше же всего она при свиданіи съ нимъ боялась за смущеніе, которое, она чувствовала, должно было овладѣть ею и выдать ее, какъ скоро она его увидитъ.

Но когда въ воскресенье послѣ обѣдни лакей доложилъ въ гостиной, что пріѣхалъ графъ Ростовъ, княжна не выказала смущенія; только легкій румянецъ выступилъ ей на щеки, и глаза освѣтились новымъ, лучистымъ свѣтомъ.

— Вы его видѣли, тетушка?—сказала княжна Марья спокойнымъ голосомъ, сама не зная, какъ это она могла быть такъ наружно спокойна и естественна.

Когда Ростовъ вошелъ въ комнату, княжна опустила на мгновеніе голову, какъ бы предоставляя время гостю поздороваться съ теткой, и потомъ, въ самое то время, какъ Николай обратился къ ней, она подняла голову и блестящими глазами встрѣтила его взглядъ. Полнымъ достоинства и граціи движеніемъ она съ радостной улыбкой приподнялась, протянула ему свою тонкую, нѣжную руку и заговорила голосомъ, въ которомъ въ первый разъ звучали новые, женскіе, грудные звуки. M-lle Bourienne, бывшая въ гостиной, съ недоумѣвающимъ удивленіемъ смотрѣла на княжну Марью. Самая искусная кокетка,

она сама не могла бы лучше маневрировать при встрѣчѣ съ человѣкомъ, которому надо было понравиться.

«Или ей черное такъ къ лицу, или дѣйствительно она такъ похорошѣла и я не замѣтила. И главное — этотъ тактъ и грація!» думала m-lle Bourienne.

Ежели бы княжна Марья въ состояніи была думать въ эту минуту, она еще болѣе, чѣмъ m-lle Bourienne, удивилась бы перемѣнѣ, происшедшей въ ней. Съ той минуты, какъ она увидала это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни овладѣла ею и заставляла ее, помимо ея воли, говорить и дѣйствовать. Лицо ея съ того времени, какъ вошелъ Ростовъ, вдругъ преобразилось. Какъ вдругъ съ неожиданной поражающей красотой выступаетъ на стѣнкахъ расписного и рѣзного фонаря та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и безсмысленною, когда зажигается свѣтъ внутри, такъ вдругъ преобразилось лицо княжны Марьи. Въ первый разъ вся та чистая духовная, внутренняя работа, которою она жила до сихъ поръ, выступила наружу. Вся ея внутренняя, недовольная собой работа, ея страданія, стремленіе къ добру, покорность, любовь, самопожертвованіе,—все это свѣтилось теперь въ этихъ лучистыхъ глазахъ, въ тонкой улыбкѣ, въ каждой чертѣ ея нѣжнаго лица.

Ростовъ увидалъ все это такъ же ясно, какъ будто онъ зналъ всю ея жизнь. Онъ чувствовалъ, что существо, бывшее передъ нимъ, было совсѣмъ другое, лучшее, чѣмъ всѣ тѣ, которыя онъ встрѣчалъ до сихъ поръ, и лучшее, главное, чѣмъ онъ самъ.

Разговоръ былъ самый простой и незначительный. Они говорили о войнѣ, невольно, какъ и всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи; говорили о послѣдней встрѣчѣ, при чемъ Николай старался отклонить разговоръ на другой предметъ; говорили о доброй губернаторшѣ, о родныхъ Николая и княжны Марьи.

Княжна Марья не говорила о братѣ, отвлекая разговоръ на другой предметъ, какъ только тетка ея заговорила объ Андреѣ. Видно было, что о несчастьяхъ Россіи она могла говорить притворно, но братъ ея былъ предметъ слишкомъ близкій ея сердцу, и она не хотѣла и не могла слегка говорить о немъ. Николай замѣтилъ это, какъ онъ вообще съ несвойственной ему проницательной наблюдательностью замѣчалъ всѣ оттѣнки характера княжны Марьи, которые всѣ только подтверждали его убѣжденіе, что она была совсѣмъ особенное и необыкновенное существо. Николай точно такъ же, какъ и княжна Марья, краснѣлъ и

смущался, когда ему говорили про княжну и даже когда онъ думалъ о ней, но въ ея присутствіи чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и говорилъ совсѣмъ не то, что онъ приготавливалъ, а то, что мгновенно и всегда кстати приходило ему въ голову.

Во время короткаго визита Николая, какъ и всегда, гдѣ есть дѣти, въ минуту молчанія Николай прибѣгъ къ маленькому сыну князя Андрея, лаская его и спрашивая, хочетъ ли онъ быть гусаромъ. Онъ взялъ на руки мальчика, весело сталъ вертѣть его и оглянулся на княжну Марью. Умиленный, счастливый и робкій взглядъ слѣдилъ за любимымъ ею мальчикомъ на рукахъ любимаго человѣка. Николай замѣтилъ и этотъ взглядъ и, какъ бы понявъ его значеніе, покраснѣлъ отъ удовольствія и добродушно-весело сталъ цѣловать мальчика.

Княжна Марья не выѣзжала по случаю траура, а Николай не считалъ приличнымъ бывать у нихъ; но губернаторша все-таки продолжала свое дѣло сватовства и, передавъ Николаю то лестное, что сказала про него княжна Марья, и обратно, настаивала на томъ, чтобы Ростовъ объяснился съ княжной Марьей. Для этого объясненія она устроила свиданіе между молодыми людьми у архіерея передъ обѣдней.

Хотя Ростовъ и сказалъ губернаторшѣ, что онъ не будетъ имѣть никакого объясненія съ княжной Марьей, но онъ обѣщался пріѣхать.

Какъ въ Тильзитѣ Ростовъ не позволилъ себѣ усомниться въ томъ, хорошо ли то, что признано всѣми хорошимъ, точно такъ же и теперь, послѣ короткой, но искренней борьбы между попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиреннымъ подчиненіемъ обстоятельствамъ, онъ выбралъ послѣднее и предоставилъ себя той власти, которая его (онъ это чувствовалъ) непреодолимо влекла куда-то. Онъ зналъ, что, обѣщавъ Сонѣ, высказать свои чувства княжнѣ Марьѣ было бы то, что онъ называлъ подлость. И онъ зналъ, что подлости никогда не сдѣлаетъ. Но онъ зналъ тоже (и не то что зналъ, а въ глубинѣ души чувствовалъ), что, отдаваясь теперь во власть обстоятельствъ и людей, руководившихъ имъ, онъ не только не дѣлаетъ ничего дурного, но дѣлаетъ что-то очень-очень важное, такое важное, чего онъ еще никогда не дѣлалъ въ жизни.

Послѣ его свиданія съ княжной Марьей хотя образъ жизни его наружно оставался тотъ же, но всѣ прежнія удовольствія потеряли для него свою прелесть, и онъ часто думалъ о княжнѣ Марьѣ; но онъ никогда не думалъ о ней такъ, какъ онъ безъ исключенія думалъ о всѣхъ барышняхъ, встрѣчавшихся ему въ

свѣтѣ, не такъ, какъ онъ долго и когда-то съ восторгомъ думалъ о Сонѣ. О всѣхъ барышняхъ, какъ и почти всякій честный молодой человѣкъ, онъ думалъ, какъ о будущей женѣ, примѣривалъ въ своемъ воображеніи къ нимъ всѣ условія супружеской жизни — бѣлый капотъ, жена за самоваромъ, женина карета, ребятишки, maman и papa, ихъ отношенія съ ней и т. д., и т. д., и эти представленія будущаго доставляли ему удовольствіе; но когда онъ думалъ о княжнѣ Марьѣ, на которой его сватали, онъ никогда не могъ ничего представить себѣ изъ будущей супружеской жизни. Ежели онъ и пытался, то все выходило нескладно и фальшиво. Ему только становилось жутко.

VII.

Страшное извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, о нашихъ потеряхъ убитыми и ранеными, а еще болѣе страшное извѣстіе о потерѣ Москвы были получены въ Воронежѣ въ половинѣ сентября. Княжна Марья, узнавъ только изъ газетъ о ранѣ брата и не имѣя о немъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, собралась ѣхать отыскивать князя Андрея, какъ слышалъ Николай (самъ же онъ не видалъ ея).

Получивъ извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи и объ оставленіи Москвы, Ростовъ не то, чтобы испытывалъ отчаяніе, злобу или месть и тому подобныя чувства, но ему вдругъ все стало скучно, досадно въ Воронежѣ, все какъ-то совѣстно и неловко. Ему казались притворными всѣ разговоры, которые онъ слышалъ; онъ не зналъ, какъ судить про все это, и чувствовалъ, что только въ полку все ему опять станетъ ясно. Онъ торопился окончаніемъ покупки лошадей и часто несправедливо приходилъ въ горячность съ своимъ слугой и вахмистромъ.

Нѣсколько дней передъ отъѣздомъ Ростова въ соборѣ было назначено молебствіе по случаю побѣды, одержанной русскими войсками, и Николай поѣхалъ къ обѣднѣ. Онъ сталъ нѣсколько позади губернатора и съ служебною степенностью, размышляя о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, выстоялъ службу. Когда молебствіе кончилось, губернаторша подозвала его къ себѣ.

— Ты видѣлъ княжну? — сказала она, головой указывая на даму въ черномъ, стоявшую за клиросомъ.

Николай тотчасъ же узналъ княжну Марью не столько по профилю ея, который виднѣлся изъ-подъ шляпы, сколько по тому чувству осторожности, страха и жалости, которое тотчасъ же охватило его. Княжна Марья, очевидно погруженная въ

свои мысли, дѣлала послѣдніе кресты передъ выходомъ изъ церкви.

Николай съ удивленіемъ смотрѣлъ на ея лицо. Это было то же лицо, которое онъ видѣлъ прежде, то же было въ немъ общее выраженіе тонкой, внутренней, духовной работы; но теперь оно было совершенно иначе освѣщено. Трогательное выраженіе печали, мольбы и надежды было на немъ. Какъ и прежде бывало съ Николаемъ въ ея присутствіи, онъ, не дожидаясь, совѣта губернаторши подойти къ ней, не спрашивая себя, хорошо ли, прилично ли или нѣтъ будетъ его обращеніе къ ней здѣсь въ церкви, подошелъ къ ней и сказалъ, что онъ слышалъ о ея горѣ и всей душой соболѣзнуетъ ему. Едва только она услыхала его голосъ, какъ вдругъ яркій свѣтъ загорѣлся въ ея лицѣ, освѣщая въ одно и то же время и печаль ея и радость.

— Я одно хотѣлъ вамъ сказать, княжна, — сказалъ Ростовъ, — это то, что ежели бы князь Андрей Николаевичъ не былъ живъ, то, какъ полковой командиръ, въ газетахъ это сейчасъ было бы объявлено.

Княжна смотрѣла на него, не понимая его словъ, но радуясь выраженію сочувствующаго страданія, которое было въ его лицѣ.

— И я столько примѣровъ знаю, что рана осколкомъ (въ газетахъ сказано гранатой) бываетъ или смертельна сейчасъ же, или, напротивъ, очень легкая, — говорилъ Николай. — Надо надѣяться на лучшее, и я увѣренъ...

Княжна Марья перебила его.

— О, это было бы такъ ужа... — начала она и, не договоривъ отъ волненія, граціознымъ движеніемъ (какъ и все, что она дѣлала при немъ) наклонивъ голову и благодарно взглянувъ на него, пошла за теткой.

Вечеромъ этого дня Николай никуда не поѣхалъ въ гости и остался дома съ тѣмъ, чтобы покончить нѣкоторые счеты съ продавцами лошадей. Покончивъ дѣла, было уже поздно, чтобы ѣхать куда-нибудь, но было еще рано, чтобы ложиться спать, и Николай долго одинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая свою жизнь, что съ нимъ рѣдко случалось.

Княжна Марья произвела на него пріятное впечатлѣніе подъ Смоленскомъ. То, что онъ встрѣтилъ ее тогда въ такихъ особенныхъ условіяхъ, и то, что именно на нее одно время его мать указывала ему, какъ на богатую партію, сдѣлали то, что онъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Въ Воронежѣ во время его посѣщенія впечатлѣніе это было не только пріятное, но

сильное. Николай былъ пораженъ той особенной, нравственной красотой, которую онъ въ этотъ разъ замѣтилъ въ ней. Однако онъ собирался уѣзжать, и ему въ голову не приходило пожалѣть о томъ, что, уѣзжая изъ Воронежа, онъ лишается случая видѣть княжну. Но нынѣшняя встрѣча съ княжной Марьей въ церкви (Николай чувствовалъ это) засѣла ему глубже въ сердце, чѣмъ онъ это предвидѣлъ, и глубже, чѣмъ онъ желалъ для своего спокойствія. Это блѣдное, тонкое, печальное лицо, этотъ лучистый взглядъ, эти тихія, граціозныя движенія и, главное, эта глубокая и нѣжная печаль, выражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея, тревожили его и требовали его участія. Въ мужчинахъ Ростовъ терпѣть не могъ видѣть выраженіе высшей духовной жизни (оттого онъ не любилъ князя Андрея), онъ презрительно называлъ это философіей, мечтательностью; но въ княжнѣ Марьѣ, именно въ этой печали, выказывавшей всю глубину этого чуждаго для Николая духовнаго міра, онъ чувствовалъ неотразимую привлекательность.

«Чудная должна быть дѣвушка! Вотъ именно ангелъ!» говорилъ онъ самъ съ собой. «Отчего я не свободенъ, отчего я поторопился съ Соней?» И невольно ему представилось сравненіе между двумя: бѣдность въ одной и богатство въ другой тѣхъ духовныхъ даровъ, которыхъ не имѣлъ Николай и которые потому онъ такъ высоко цѣнилъ. Онъ попробовалъ себѣ представить, что бы было, если бы онъ былъ свободенъ. Какимъ образомъ онъ сдѣлалъ бы ей предложеніе, и она стала бы его женой? Нѣтъ, онъ не могъ себѣ представить этого. Ему дѣлалось жутко, и никакіе ясные образы не представлялись ему. Съ Соней онъ давно уже составилъ себѣ будущую картину, и все это было просто и ясно, именно потому, что все это было выдумано, и онъ зналъ все, что было въ Сонѣ; но съ княжной Марьей нельзя было себѣ представить будущей жизни, потому что онъ не понималъ ея, а только любилъ.

Мечтанія о Сонѣ имѣли въ себѣ что-то веселое и игрушечное. Но думать о княжнѣ Марьѣ всегда было трудно и немного страшно.

«Какъ она молилась!» вспомнилъ онъ. «Видно было, что вся душа ея была въ молитвѣ. Да, это та молитва, которая сдвигаетъ горы, и я увѣренъ, что молитва ея будетъ исполнена. Отчего я не молюсь о томъ, что мнѣ нужно?» вспомнилъ онъ. «Что мнѣ нужно? Свободы, развязки съ Соней. Она правду говорила», вспомнилъ онъ слова губернаторши: «кромѣ несчастья, ничего не будетъ изъ того, что я женюсь на ней. Путаница, горе maman... дѣла... путаница, страшная путаница. Да я и

не люблю ея. Да, не такъ люблю, какъ надо. Боже мой! выведи меня изъ этого ужаснаго, безвыходнаго положенія!» началъ онъ вдругъ молиться. «Да, молитва сдвинетъ гору, но надо вѣрить и не такъ молиться, какъ мы дѣтьми молились съ Наташей о томъ, чтобы снѣгъ сдѣлался сахаромъ, и выбѣгали на дворъ пробовать, дѣлается ли изъ снѣгу сахаръ. Нѣтъ, но я не о пустякахъ молюсь теперь», сказалъ онъ, ставя въ уголъ трубку и, сложивъ руки, становясь передъ образомъ. И, умиленный воспоминаніемъ о княжнѣ Марьѣ, онъ началъ молиться такъ, какъ онъ давно не молился. Слезы у него были на глазахъ и въ горлѣ, когда въ дверь вошелъ Лаврушка съ какими-то бумагами.

— Дуракъ! что лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ!—сказалъ Николай, быстро перемѣняя положеніе.

— Отъ губернатора, — заспаннымъ голосомъ сказалъ Лаврушка, — кульеръ пріѣхалъ, письмо вамъ.

— Ну, хорошо, спасибо, ступай!

Николай взялъ два письма. Одно было отъ матери, другое— отъ Сони. Онъ узналъ ихъ по почеркамъ и распечаталъ первое письмо Сони. Не успѣлъ онъ прочесть нѣсколькихъ строкъ, какъ лицо его поблѣднѣло и глаза его испуганно и радостно раскрылись.

— Нѣтъ, это не можетъ быть! — проговорилъ онъ вслухъ.

Не въ силахъ сидѣть на мѣстѣ, онъ съ письмомъ въ рукахъ, читая его, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ пробѣжалъ письмо, потомъ прочелъ его разъ, другой, и, поднявъ плечи и разведя руками, онъ остановился посреди комнаты съ открытымъ ртомъ и остановившимися глазами. То, о чемъ онъ только что молился съ увѣренностью, что Богъ исполнитъ его молитву, было исполнено; но Николай былъ удивленъ этимъ такъ, какъ будто это было что-то необыкновенное, и какъ будто онъ никогда не ожидалъ этого, и какъ будто именно то, что это такъ быстро совершилось, доказывало то, что это происходило не отъ Бога, котораго онъ просилъ, а отъ обыкновенной случайности.

Тотъ, казавшійся неразрѣшимымъ, узелъ, который связывалъ свободу Ростову, былъ разрѣшенъ этимъ неожиданнымъ (какъ казалось Николаю), ничѣмъ не вызваннымъ письмомъ Сони. Она писала, что послѣднія несчастныя обстоятельства, потеря почти всего имущества Ростовыхъ въ Москвѣ, и не разъ высказываемыя желанія графини о томъ, чтобы Николай женился на княжнѣ Болконской, и его молчаніе, и холодность за

послѣднее время, — все это вмѣстѣ заставило ее рѣшиться отречься отъ его обѣщаній и дать ему полную свободу.

«Мнѣ слишкомъ тяжело было думать, что я могу быть причиной горя или раздора въ семействѣ, которое меня облагодѣтельствовало», писала она, «и любовь моя имѣетъ одною цѣлью счастье тѣхъ, кого я люблю; и потому я умоляю васъ, Nicolas, считать себя свободнымъ и знать, что, несмотря ни на что, никто сильнѣе не можетъ васъ любить, какъ ваша Соня».

Оба письма были изъ Троицы. Другое письмо было отъ графини. Въ письмѣ этомъ описывались послѣдніе дни въ Москвѣ, выѣздъ, пожаръ и погибель всего состоянія. Въ письмѣ этомъ между прочимъ графиня писала о томъ, что князь Андрей въ числѣ раненыхъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Положеніе его было очень опасно, но теперь докторъ говоритъ, что есть больше надежды. Соня и Наташа, какъ сидѣлки, ухаживаютъ за нимъ.

Съ этимъ письмомъ на другой день Николай поѣхалъ къ княжнѣ Марьѣ. Ни Николай, ни княжна Марья ни слова не сказали о томъ, что могли означать слова: «Наташа ухаживаетъ за нимъ»; но, благодаря этому письму, Николай вдругъ сблизился съ княжной въ почти родственныя отношенія.

На другой день Ростовъ проводилъ княжну Марью въ Ярославль и черезъ нѣсколько дней самъ уѣхалъ въ полкъ.

VIII.

Письмо Сони къ Николаю, бывшее осуществленіемъ его молитвы, было написано изъ Троицы. Вотъ чѣмъ оно было вызвано. Мысль о женитьбѣ Николая на богатой невѣстѣ все больше и больше занимала старую графиню. Она знала, что Соня была главнымъ препятствіемъ для этого. И жизнь Сони послѣднее время, въ особенности послѣ письма Николая, описывавшаго свою встрѣчу въ Богучаровѣ съ княжной Марьей, становилась тяжелѣе и тяжелѣе въ домѣ графини. Графиня не пропускала ни одного случая для оскорбительнаго или жестокаго намека Сонѣ.

Но нѣсколько дней передъ выѣздомъ изъ Москвы растроганная и взволнованная всѣмъ тѣмъ, что происходило, графиня, призвавъ къ себѣ Соню, вмѣсто упрековъ и требованій, со слезами обратилась къ ней съ мольбой о томъ, чтобы она, пожертвовавъ собой, отплатила бы за все, что было для нея сдѣлано, тѣмъ, чтобы разорвала свои связи съ Николаемъ.

— Я не буду покойна до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не дашь это обѣщаніе.

Соня разрыдалась истерически, отвѣчала сквозь рыданія, что она сдѣлаетъ все, что она на все готова, но не дала прямого обѣщанія и въ душѣ своей не могла рѣшиться на то, что отъ нея требовали. Надо было жертвовать собой для счастья семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собой для счастья другихъ было привычкой Сони. Ея положеніе въ домѣ было таково, что только на пути жертвованья она могла выказывать свои достоинства, и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде во всѣхъ дѣйствіяхъ самопожертвованья она съ радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этимъ самымъ возвышаетъ свою цѣну въ глазахъ себя и другихъ и становится болѣе достойной Nicolas, котораго она любила больше всего въ жизни; но теперь жертва ея должна была состоять въ томъ, чтобы отказаться отъ того, что̀ для нея составляло всю награду жертвы, весь смыслъ жизни. И въ первый разъ въ жизни она почувствовала горечь къ тѣмъ людямъ, которые облагодѣтельствовали ее для того, чтобы больнѣе замучить; почувствовала зависть къ Наташѣ, никогда не испытавшей ничего подобнаго, никогда не нуждавшейся въ жертвахъ и заставлявшей другихъ жертвовать себѣ и все-таки всѣми любимой. И въ первый разъ Соня почувствовала, какъ изъ ея тихой, чистой любви къ Nicolas вдругъ начинало выростать страстное чувство, которое стояло выше и правилъ, и добродѣтели, и религіи; и подъ вліяніемъ этого чувства Соня, невольно выученная своею зависимою жизнью скрытности, въ общихъ, неопредѣленныхъ словахъ отвѣтивъ графинѣ, избѣгала съ ней разговоровъ и рѣшилась ждать свиданія съ Николаемъ, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ свиданіи не освободить, но, напротивъ, навсегда связать себя съ нимъ.

Хлопоты и ужасъ послѣднихъ дней пребыванія Ростовыхъ въ Москвѣ заглушили въ Сонѣ тяготившія ее мрачныя мысли. Она рада была находить спасеніе отъ нихъ въ практической дѣятельности. Но когда она узнала о присутствіи въ ихъ домѣ князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала къ нему и къ Наташѣ, радостное и суевѣрное чувство того, что Богъ не хочетъ того, чтобы она была разлучена съ Nicolas, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь, сведенные вмѣстѣ при такихъ страшныхъ условіяхъ, они снова полюбятъ другъ друга и что тогда Николаю вслѣдствіе родства, которое будетъ между ними, нельзя будетъ жениться на княжнѣ Марьѣ. Несмотря на весь ужасъ всего происходившаго въ послѣдніе дни и во время первыхъ дней путе-

шествія, это чувство, это сознаніе вмѣшательства Провидѣнія въ ея личныя дѣла радовало Соню.

Въ Троицкой лаврѣ Ростовы сдѣлали первую дневку въ своемъ путешествіи.

Въ гостиницѣ лавры Ростовымъ были отведены три большія комнаты, изъ которыхъ одну занималъ князь Андрей. Раненому было въ этотъ день гораздо лучше. Наташа сидѣла съ нимъ. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли графъ и графиня, почтительно бесѣдуя съ настоятелемъ, посѣтившимъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ и вкладчиковъ. Соня сидѣла тутъ же, и ее мучило любопытство о томъ, о чемъ говорили князь Андрей съ Наташей. Она изъ-за двери слушала звуки ихъ голосовъ. Дверь комнаты князя Андрея отворилась. Наташа съ взволнованнымъ лицомъ вышла оттуда и, не замѣчая приподнявшагося ей навстрѣчу и взявшагося за широкій рукавъ правой руки монаха, подошла къ Сонѣ и взяла ее за руку.

Наташа подошла подъ благословеніе, и настоятель посовѣтовалъ обратиться за помощью къ Богу и Его угоднику.

Тотчасъ послѣ ухода настоятеля Наташа взяла за руку свою подругу и пошла съ ней въ пустую комнату.

— Соня, да? онъ будетъ живъ?—сказала она.—Соня, какъ я счастлива и какъ я несчастна! Соня, голубчикъ, все постарому. Только бы онъ былъ живъ. Онъ не можетъ... потому что, потому... что... — и Наташа расплакалась.

— Такъ! Я знала это! Слава Богу, — проговорила Соня. — Онъ будетъ живъ!

Соня была взволнована не меньше своей подруги и ея страхомъ и горемъ, и своими личными, никому не высказанными мыслями. Она рыдая цѣловала, утѣшала Наташу. «Только бы онъ былъ живъ!» думала она. Поплакавъ, поговоривъ и отеревъ слезы, обѣ подруги подошли къ двери князя Андрея. Наташа, осторожно отворивъ двери, заглянула въ комнату. Соня рядомъ съ ней стояла у полуотворенной двери.

Князь Андрей лежалъ высоко на трехъ подушкахъ. Блѣдное лицо его было покойно, глаза закрыты, и видно было, какъ онъ ровно дышалъ.

— Ахъ, Наташа!—вдругъ почти вскрикнула Соня, хватаясь за руку своей кузины и отступая отъ двери.

— Что? что? — спросила Наташа.

— Это то, то, вотъ...—сказала Соня съ блѣднымъ лицомъ и дрожащими губами.

Наташа тихо затворила дверь и отошла съ Соней къ окну, не понимая еще того, что ей говорили.

— Помнишь ты,—съ испуганнымъ и торжественнымъ лицомъ говорила Соня, — помнишь, когда я за тебя въ зеркало смотрѣла... въ Отрадномъ, на святкахъ... помнишь, что я видѣла?..

— Да, да, — широко раскрывая глаза, сказала Наташа, смутно вспоминая, что тогда Соня сказала что-то о князѣ Андреѣ, котораго она видѣла лежащимъ.

— Помнишь?—продолжала Соня. — Я видѣла тогда и сказала всѣмъ, и тебѣ, и Дуняшѣ. Я видѣла, что онъ лежитъ на постели, — говорила она, при каждой подробности дѣлая жестъ рукой съ поднятымъ пальцемъ, — и что онъ закрылъ глаза, и что онъ покрытъ именно розовымъ одѣяломъ, и что онъ сложилъ руки, — говорила Соня, убѣждаясь по мѣрѣ того, какъ она описывала видѣнныя ею сейчасъ подробности, что эти самыя подробности она *видѣла* тогда.

Тогда она ничего не видѣла, но разсказала, что видѣла то, что ей пришло въ голову; но то, что она придумала тогда, представлялось ей столь же дѣйствительнымъ, какъ и всякое другое воспоминаніе. То, что она тогда сказала, что онъ оглянулся на нее и улыбнулся и былъ покрытъ чѣмъ-то краснымъ, она не только помнила, но твердо была убѣждена, что еще тогда она сказала и видѣла, что онъ былъ покрытъ розовымъ, именно розовымъ одѣяломъ, и что глаза его были закрыты.

— Да, да, именно розовымъ, — сказала Наташа, которая тоже теперь, казалось, помнила, что было сказано розовымъ, и въ этомъ самомъ видѣла главную необычайность и таинственность предсказанія.

— Но что же это значитъ? — задумчиво сказала Наташа.

— Ахъ, я не знаю, какъ все это необычайно, — сказала Соня, хватаясь за голову.

Черезъ нѣсколько минутъ князь Андрей позвонилъ, и Наташа вошла къ нему; а Соня, испытывая рѣдко испытанное ею волненіе и умиленіе, осталась у окна, обдумывая всю необычайность случившагося.

Въ этотъ день былъ случай отправить письма въ армію, и графиня писала сыну.

— Соня, — сказала графиня, поднимая голову отъ письма, когда племянница проходила мимо нея. — Соня, ты не напишешь Николенькѣ? — сказала графиня тихимъ, дрогнувшимъ голосомъ.

И во взглядѣ ея усталыхъ, смотрѣвшихъ черезъ очки глазъ Соня прочла все, что разумѣла графиня этими словами. Въ этомъ взглядѣ выражались мольба, и страхъ отказа, и стыдъ за то, что надо было просить, и готовность на непримиримую ненависть въ случаѣ отказа.

Соня подошла къ графинѣ и, ставъ на колѣни, поцѣловала ея руку.

— Я напишу, maman,— сказала она.

Соня была размягчена, взволнована и умилена всѣмъ тѣмъ, что происходило въ этотъ день, въ особенности тѣмъ таинственнымъ совершеніемъ гаданья, которое она сейчасъ видѣла. Теперь, когда она знала, что, по случаю возобновленія отношеній Наташи съ княземъ Андреемъ, Николай не могъ жениться на княжнѣ Марьѣ, она съ радостью почувствовала возвращеніе того настроенія самопожертвованія, въ которомъ она любила и привыкла жить. И со слезами на глазахъ и съ радостью сознанія совершенія великодушнаго поступка она, нѣсколько разъ прерываясь отъ слезъ, которыя отуманивали ея бархатные черные глаза, написала то трогательное письмо, полученіе котораго такъ поразило Николая.

IX.

На гауптвахтѣ, куда былъ отведенъ Пьеръ, офицеръ и солдаты, взявшіе его, обращались съ нимъ враждебно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уважительно. Еще чувствовалось въ ихъ отношеніяхъ къ нему и сомнѣніе о томъ, кто онъ такой (не очень ли важный человѣкъ), и враждебность вслѣдствіе еще свѣжей ихъ личной борьбы съ нимъ.

Но когда въ утро другого дня пришла смѣна, то Пьеръ почувствовалъ, что для новаго караула — для офицеровъ и солдатъ — онъ уже не имѣлъ того смысла, который имѣлъ для тѣхъ, которые его взяли. И дѣйствительно, въ этомъ большомъ, толстомъ человѣкѣ въ мужицкомъ кафтанѣ караульные другого дня уже не видѣли того живого человѣка, который такъ отчаянно дрался съ мародерами и съ конвойными солдатами и сказалъ торжественную фразу о спасеніи ребенка, а видѣли только 17-го изъ содержащихся зачѣмъ-то, по приказанію высшаго начальства, взятыхъ русскихъ. Ежели и было что-нибудь особенное въ Пьерѣ, то только его неробкій, сосредоточенно-задумчивый видъ и французскій языкъ, на которомъ онъ удивительно для французовъ хорошо изъяснялся. Несмотря на то, въ тотъ же день Пьера соединили съ другими взятыми подозрительными, такъ

какъ отдѣльная комната, которую онъ занималъ, понадобилась офицеру.

Всѣ русскіе, содержавшіеся съ Пьеромъ, были люди самаго низкаго званія. И всѣ они, узнавъ въ Пьерѣ барина, чуждались его тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ по-французски. Пьеръ съ грустью слышалъ надъ собой насмѣшки.

На другой день вечеромъ Пьеръ узналъ, что всѣ эти содержащіеся (и, вѣроятно, онъ въ томъ же числѣ) должны были быть судимы за поджигательство. На третій день Пьера водили съ другими въ какой-то домъ, гдѣ сидѣли французскій генералъ съ бѣлыми усами, два полковника и другіе французы съ шарфами на рукахъ. Пьеру, наравнѣ съ другими, дѣлали съ тою, мнимо-превышающею человѣческія слабости, точностью и опредѣлительностью, съ которою обыкновенно обращаются съ подсудимыми, вопросы о томъ, кто онъ? гдѣ онъ былъ? съ какою цѣлью? и т. п.

Вопросы эти, оставляя въ сторонѣ сущность жизненнаго дѣла и исключая возможность раскрытія этой сущности, какъ и всѣ вопросы, дѣлаемые на судахъ, имѣли цѣлью только подставленіе того желобка, по которому судящіе желали, чтобы потекли отвѣты подсудимаго и привели его къ желаемой цѣли, т.-е. къ обвиненію. Какъ только онъ начиналъ говорить что-нибудь такое, что не удовлетворяло цѣли обвиненія, такъ принимали желобокъ, и вода могла течь, куда ей угодно. Кромѣ того, Пьеръ испыталъ то же, что во всѣхъ судахъ испытываетъ подсудимый: недоумѣніе, для чего дѣлали ему всѣ эти вопросы. Ему чувствовалось, что только изъ снисходительности или какъ бы изъ учтивости употреблялась эта уловка подставляемаго желобка. Онъ зналъ, что находился во власти этихъ людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала имъ право требовать отвѣты на вопросы, что единственная цѣль этого собранія состояла въ томъ, чтобы обвинить его. И поэтому, такъ какъ была власть и было желаніе обвинить, то не нужно было и уловки вопросовъ и суда. Очевидно было, что всѣ отвѣты должны были привести къ виновности. На вопросъ, что онъ дѣлалъ, когда его взяли, Пьеръ отвѣчалъ съ нѣкоторою трагичностью, что онъ «несъ къ родителямъ ребенка, qu'il avait sauvé des flammes» [1]). Для чего онъ дрался съ мародеромъ? Пьеръ отвѣчалъ, что онъ «защищалъ женщину, что защита оскорбляемой женщины есть обязанность каждаго человѣка, что...» Его остановили: это не шло къ дѣлу. Для чего онъ

[1]) Котораго онъ спасъ изъ пламени.

былъ на дворѣ загорѣвшагося дома, на которомъ его видѣли свидѣтели? Онъ отвѣчалъ, что «шелъ посмотрѣть, что дѣлалось въ Москвѣ». Его опять остановили: у него не спрашивали, куда онъ шелъ, а для чего онъ находился подлѣ пожара. Кто онъ? повторили ему первый вопросъ, на который онъ сказалъ, что не хочетъ отвѣчать. Опять онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать этого.

— Запишите, это нехорошо. Очень нехорошо, — строго сказалъ ему генералъ съ бѣлыми усами и краснымъ румянымъ лицомъ.

На четвертый день пожары начались на Зубовскомъ валу.

Пьера съ 13-ю другими отвели на Крымскій Бродъ въ каретный сарай купеческаго дома. Проходя по улицамъ, Пьеръ задыхался отъ дыма, который, казалось, стоялъ надъ всѣмъ городомъ. Съ разныхъ сторонъ виднѣлись пожары. Пьеръ тогда еще не понималъ значенія сожженной Москвы и съ ужасомъ смотрѣлъ на эти пожары.

Въ каретномъ сараѣ одного дома у Крымскаго Брода Пьеръ пробылъ еще четыре дня и во время этихъ дней изъ разговора французскихъ солдатъ узналъ, что всѣ содержащіеся здѣсь ожидали съ каждымъ днемъ рѣшенія маршала. Какого маршала, Пьеръ не могъ узнать отъ солдата. Для солдата, очевидно, маршалъ представлялся высшимъ и нѣсколько таинственнымъ звеномъ власти.

Эти первые дни до 8-го сентября, дня, въ который плѣнныхъ повели на вторичный допросъ, были самые тяжелые для Пьера.

X.

8-го сентября въ сараѣ къ плѣннымъ вошелъ очень важный офицеръ, судя по почтительности, съ которой съ нимъ обращались караульные. Офицеръ этотъ, вѣроятно штабный, съ спискомъ въ рукахъ, сдѣлалъ перекличку всѣмъ русскимъ, назвавъ Пьера: celui qui n'avoue pas son nom[1]). И, равнодушно и лѣниво оглядѣвъ всѣхъ плѣнныхъ, онъ приказалъ караульному офицеру прилично одѣть и прибрать ихъ прежде, чѣмъ вести къ маршалу. Черезъ часъ прибыла рота солдатъ, и Пьера съ другими 13-ю повели на Дѣвичье поле. День былъ ясный, солнечный послѣ дождя, и воздухъ былъ необыкновенно чистъ. Дымъ не стлался низомъ, какъ въ тотъ день, когда Пьера вывели изъ гауптвахты Зубовскаго вала; дымъ поднимался столбами

[1]) Тотъ, который не говоритъ своего имени.

въ чистомъ воздухѣ. Огня пожаровъ нигдѣ не было видно, но со всѣхъ сторонъ поднимались столбы дыма, и вся Москва, все, что только могъ видѣть Пьеръ, было одно пожарище. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись пустыри съ печами и трубами и изрѣдка обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. Пьеръ приглядывался къ пожарищамъ и не узнавалъ знакомые кварталы города. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія церкви. Кремль, не разрушенный, бѣлѣлъ издалека съ своими башнями и Иваномъ Великомъ. Вблизи весело блестѣлъ куполъ Новодѣвичьяго монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовѣстъ. Благовѣстъ этотъ напомнилъ Пьеру, что было воскресенье и праздникъ Рождества Богородицы. Но, казалось, некому было праздновать этотъ праздникъ: вездѣ было разореніе пожарища, и изъ русскаго народа встрѣчались только изрѣдка оборванные, испуганные люди, которые прятались при видѣ французовъ.

Очевидно, русское гнѣздо было разорено и уничтожено; но, за уничтоженіемъ этого русскаго порядка жизни, Пьеръ безсознательно чувствовалъ, что надъ этимъ разореннымъ гнѣздомъ установился свой, совсѣмъ другой, но твердый французскій порядокъ. Онъ чувствовалъ это по виду тѣхъ бодро и весело, правильными рядами шедшихъ солдатъ, которые конвоировали его съ другими преступниками; онъ чувствовалъ это по виду какого-то важнаго французскаго чиновника въ парной коляскѣ, управляемой солдатомъ, проѣхавшаго ему навстрѣчу. Онъ это чувствовалъ по веселымъ звукамъ полковой музыки, доносившимся съ лѣвой стороны поля, и въ особенности онъ чувствовалъ и понималъ это по тому списку, который, перекликая плѣнныхъ, прочелъ нынче утромъ пріѣзжавшій французскій офицеръ. Пьеръ былъ взятъ одними солдатами, отведенъ въ одно, въ другое мѣсто съ десятками другихъ людей; казалось, они могли бы забыть про него, смѣшать его съ другими. Но нѣтъ: отвѣты его, данные на допросѣ вернулись къ нему въ формѣ наименованія его: celui qui n'avoue pas son nom [1]). И подъ этимъ названіемъ, которое страшно было Пьеру, его теперь вели куда-то съ несомнѣнною увѣренностью, написанною на ихъ лицахъ, что всѣ остальные плѣнные и онъ были тѣ самые, которыхъ нужно, и что ихъ ведутъ туда, куда нужно. Пьеръ чувствовалъ себя ничтожной щепкой, попавшей въ колеса неизвѣстной ему, но правильно дѣйствующей машины.

Пьера съ другими преступникамп привели на правую сторону Дѣвичьяго поля, недалеко отъ монастыря, къ большому бѣлому

---

[1]) Тотъ, который не говоритъ своего имени.

дому съ огромнымъ садомъ. Это былъ домъ князя Щербатова, въ которомъ Пьеръ часто прежде бывалъ у хозяина и въ которомъ теперь, какъ онъ узналъ изъ разговора солдатъ, стоялъ маршалъ, герцогъ Экмюльскій.

Ихъ подвели къ крыльцу и по одному стали вводить въ домъ. Пьера ввели шестымъ. Черезъ стеклянную галлерею, сѣни, переднюю, знакомыя Пьеру, его ввели въ длинный низкій кабинетъ, у дверей котораго стоялъ адъютантъ.

Даву сидѣлъ на концѣ комнаты надъ столомъ, съ очками на носу. Пьеръ близко подошелъ къ нему. Даву, не поднимая глазъ, видимо справлялся съ какой-то бумагой, лежавшей передъ нимъ. Не поднимая же глазъ, онъ тихо спросилъ: «Qui êtes-vous?» [1])

Пьеръ молчалъ оттого, что не въ силахъ былъ выговорить слова. Даву для Пьера не былъ просто французскій генералъ; для Пьера Даву былъ извѣстный своею жестокостью человѣкъ. Глядя на холодное лицо Даву, который, какъ строгій учитель, соглашался до времени имѣть терпѣніе и ждать отвѣта, Пьеръ чувствовалъ, что всякая минута промедленія могла стоить ему жизни; но онъ не зналъ, что сказать. Сказать то же, что онъ говорилъ на первомъ допросѣ, онъ не рѣшался; открыть свое званіе и положеніе было опасно и стыдно. Пьеръ молчалъ. Но прежде, чѣмъ Пьеръ успѣлъ на что-нибудь рѣшиться, Даву приподнялъ голову, приподнялъ очки на лобъ, прищурилъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера.

— Я знаю этого человѣка, — мѣрнымъ, холоднымъ голосомъ, очевидно разсчитаннымъ для того, чтобы испугать Пьера, сказалъ онъ.

Холодъ, пробѣжавшій прежде по спинѣ Пьера, охватилъ его голову какъ тисками.

— Mon général, vous ne pouvez pas me connaître, je ne vous ai jamais vu...

— C'est un espion russe [2]), — перебилъ его Даву, обращаясь къ другому генералу, бывшему въ комнатѣ и котораго не замѣтилъ Пьеръ.

И Даву отвернулся. Съ неожиданнымъ раскатомъ въ голосѣ Пьеръ вдругъ заговорилъ быстро:

— Non, Monseigneur, — сказалъ онъ, неожиданно вспомнивъ, что Даву былъ герцогъ. — Non, Monseigneur, vous n'avez pas

---

[1]) Кто вы?

[2]) Генералъ, вы не можете меня знать, я васъ никогда не видалъ. — Это русскій шпіонъ.

pu me connaître. Je suis un officier militionnaire et je n'ai pas quitté Moscou.

— Votre nom? — повторилъ Даву.

— Besouhof.

— Qu'est-ce qui me prouvera que vous ne mentez pas?

— Monseigneur! [1]) — воскликнулъ Пьеръ не обиженнымъ, но умоляющимъ голосомъ.

Даву поднялъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга, и этотъ взглядъ спасъ Пьера. Въ этомъ взглядѣ, помимо всѣхъ условій войны и суда, между этими двумя людьми установились человѣческія отношенія. Оба они въ эту одну минуту смутно перечувствовали безчисленное количество вещей и поняли, что они оба дѣти человѣчества, что они братья.

Въ первомъ взглядѣ для Даву, приподнявшаго только голову отъ своего списка, гдѣ людскія дѣла и жизнь назывались номерами, Пьеръ былъ только обстоятельство; и, не взявъ на совѣсть дурного поступка, Даву застрѣлилъ бы его; но теперь уже онъ видѣлъ въ немъ человѣка. Онъ задумался на мгновеніе.

— Comment me prouverez-vous la vérité de ce que vous me dites? [2])—сказалъ Даву холодно.

Пьеръ вспомнилъ Рамбаля и назвалъ его полкъ и фамилію и улицу, на которой былъ домъ.

— Vous n'êtes pas ce que vous dites [3]),—опять сказалъ Даву.

Пьеръ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ сталъ приводить доказательства справедливости своего показанія.

Но въ это время вошелъ адъютантъ и что-то доложилъ Даву.

Даву вдругъ просіялъ при извѣстіи, сообщенномъ адъютантомъ и сталъ застегиваться. Онъ, видимо, совсѣмъ забылъ Пьера.

Когда адъютантъ напомнилъ ему о плѣнномъ, онъ, нахмурившись, кивнулъ въ сторону Пьера и сказалъ, чтобы его вели. Но куда должны были его вести, Пьеръ не зналъ: назадъ въ балаганъ или на приготовленное мѣсто казни, которое, проходя по Дѣвичьему полю, ему показывали товарищи.

---

[1]) Нѣтъ, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я ополченскій офицеръ и не покидалъ Москвы.

— Ваше имя? — Безуховъ. — Кто мнѣ докажетъ, что вы не лжете?

— Ваше высочество!

[2]) Какъ докажете вы мнѣ, что вы говорите правду?

[3]) Вы не то, что вы мнѣ говорите.

Онъ обернулъ голову и видѣлъ, что адъютантъ переспрашивалъ что-то.

— Oui, sans doute! [1])—сказалъ Даву; но что̀ «да», Пьеръ не зналъ.

Пьеръ не помнилъ, какъ, долго ли онъ шелъ и куда. Онъ, въ состояніи совершеннаго безсмыслія и отупленія, ничего не видя вокругъ себя, передвигалъ ногами вмѣстѣ съ другими до тѣхъ поръ, пока всѣ остановились, и онъ остановился. Одна мысль за все это время была въ головѣ Пьера. Это была мысль о томъ: кто, кто же, наконецъ, приговорилъ его къ казни? Это былп не тѣ люди, которые допрашивали его въ комиссіи: изъ нихъ ни одинъ не хотѣлъ и, очевидно, не могъ этого сдѣлать. Это былъ не Даву, который такъ человѣчески посмотрѣлъ на него. Еще бы одна минута, и Даву понялъ бы, что они дѣлаютъ дурно, но этой минутѣ помѣшалъ адъютантъ, который вошелъ. И адъютантъ этотъ, очевидно, не хотѣлъ ничего худого, по онъ могъ бы не войти. Кто же это, наконецъ, казнилъ, убивалъ, лишалъ жизни его — Пьера, со всѣми его воспоминаніями, стремленіями, надеждами, мыслями? Кто дѣлалъ это? И Пьеръ чувствовалъ, что это былъ никто.

Это былъ порядокъ, складъ обстоятельствъ.

Порядокъ какой-то убивалъ его—Пьера; лишалъ его жизни, всего: уничтожалъ его.

XI.

Отъ дома князя Щербатова плѣнныхъ повели прямо внизъ по Дѣвичьему полю, лѣвѣе Дѣвичьяго монастыря, и подвели къ огороду, на которомъ стоялъ столбъ. За столбомъ была вырыта большая яма съ свѣже-выкопанной землей, и около ямы и столба полукругомъ стояла большая толпа народа. Толпа состояла изъ малаго числа русскихъ и большого числа Наполеоновскихъ войскъ внѣ строя: нѣмцевъ, итальянцевъ и французовъ въ разнородныхъ мундирахъ. Справа и слѣва столба стояли фронты французскихъ войскъ въ синихъ мундирахъ съ красными эполетами, въ штиблетахъ и киверахъ.

Преступниковъ разставили по извѣстному порядку, который былъ въ спискѣ (Пьеръ стоялъ шестымъ), и подвели къ столбу. Нѣсколько барабановъ вдругъ ударили съ двухъ сторонъ, и Пьеръ почувствовалъ, что съ этимъ звукомъ какъ будто оторвалась часть его души. Онъ потерялъ способность думать и соображать. Онъ только могъ видѣть и слышать. И только одно

---

[1]) Да, конечно.

желаніе было у него—желаніе, чтобы поскорѣе сдѣлалось что-то страшное, что должно было быть сдѣлано. Пьеръ оглядывался на своихъ товарищей и разсматривалъ ихъ.

Два человѣка съ края были бритые острожные. Одинъ—высокій, худой; другой—черный, мохнатый, мускулистый, съ приплюснутымъ носомъ. Третій былъ дворовый, лѣтъ 45-ти, съ сѣдѣющими волосами и полнымъ, хорошо откормленнымъ тѣломъ. Четвертымъ былъ мужикъ, очень красивый, съ окладистой русой бородой и черными глазами. Пятый былъ фабричный, желтый, худой малый, лѣтъ 18-ти, въ халатѣ.

Пьеръ слышалъ, что французы совѣщались, какъ стрѣлять, по одному или по два. «По два», холодно-спокойно отвѣчалъ старшій офицеръ. Сдѣлалось передвиженіе въ рядахъ солдатъ, и замѣтно было, что всѣ торопились; и торопились пе такъ, какъ торопятся, чтобы сдѣлать понятное для всѣхъ дѣло, но такъ, какъ торопятся, чтобы окончить необходимое, но непріятное и непостижимое дѣло.

Чиновникъ-французъ въ шарфѣ подошелъ къ правой сторонѣ шеренги преступниковъ и прочелъ по-русски и по-французски приговоръ.

Потомъ двѣ пары французовъ подошли къ преступникамъ и взяли, по указанію офицера, двухъ острожныхъ, стоявшихъ съ края. Острожные, подойдя къ столбу, остановились и, пока принесли мѣшки, молча смотрѣли вокругъ себя, какъ смотритъ подбитый звѣрь на подходящаго охотника. Одинъ все крестился, другой чесалъ спину и дѣлалъ губами движеніе, подобное улыбкѣ. Солдаты, торопясь руками, стали завязывать имъ глаза, надѣвать мѣшки и привязывать къ столбу.

12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ ружьями мѣрнымъ, твердымъ шагомъ вышли изъ-за рядовъ и остановились въ 8-ми шагахъ отъ столба. Пьеръ отвернулся, чтобы не видать того, что̀ будетъ. Вдругъ послышался трескъ и грохотъ, показавшійся Пьеру громче самыхъ страшныхъ ударовъ грома, и онъ оглянулся. Былъ дымъ, и французы съ блѣдными лицами и дрожащими руками что-то дѣлали у ямы. Повели другихъ двухъ. Такъ же, такими же глазами, и эти двое смотрѣли на всѣхъ, тщетно одними глазами, молча, прося защиты и, видимо, не понимая и не вѣря тому, что будетъ. Они не могли вѣрить, потому что они одни знали, что такое была для нихъ жизнь, и потому не понимали и не вѣрили, чтобы можно было отнять ее.

Пьеръ хотѣлъ не смотрѣть и опять отвернулся; но опять какъ будто ужасный взрывъ поразилъ его слухъ, и вмѣстѣ съ этими звуками онъ увидалъ дымъ, чью-то кровь и блѣдныя испу-

ганныя лица французовъ, опять что-то дѣлавшихъ у столба, дрожащими руками толкая другъ друга. Пьеръ, тяжело дыша, оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая: что это такое? Тотъ же вопросъ былъ и во всѣхъ взглядахъ, которые встрѣчались со взглядомъ Пьера.

На всѣхъ лицахъ русскихъ, на лицахъ французскихъ солдатъ, офицеровъ, всѣхъ безъ исключенія, онъ читалъ такой же испугъ, ужасъ и борьбу, какіе были въ его сердцѣ. «Да кто же это дѣлаетъ, наконецъ? Они всѣ страдаютъ такъ же, какъ и я. Кто же? Кто же?» на секунду блеснуло въ душѣ Пьера.

«Tirailleurs du 86-me, en avant!» [1]) прокричалъ кто-то. Повели пятаго, стоявшаго рядомъ съ Пьеромъ, одного. Пьеръ не понялъ того, что онъ спасенъ, что онъ и всѣ остальные были приведены сюда только для присутствія при казни. Онъ съ все возраставшимъ ужасомъ, не ощущая ни радости, ни успокоенія, смотрѣлъ на то, что дѣлалось. Пятый былъ фабричный въ халатѣ. Только что до него дотронулись, какъ онъ въ ужасѣ отпрыгнулъ и схватился за Пьера. (Пьеръ вздрогнулъ и оторвался отъ него.) Фабричный не могъ идти. Его потащили подъ мышки, и онъ что-то кричалъ. Когда его подвели къ столбу, онъ вдругъ замолкъ. Онъ какъ будто вдругъ что-то понялъ. То ли онъ понялъ, что напрасно кричать, или то, что невозможно, чтобы его убили люди, но онъ сталъ у столба, ожидая повязки, вмѣстѣ съ другими, и, какъ подстрѣленный звѣрь, оглядываясь вокругъ себя блестящими глазами.

Пьеръ уже не могъ взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волненіе его и всей толпы при этомъ пятомъ убійствѣ дошло до высшей степени. Такъ же, какъ и другіе, этотъ пятый казался спокоенъ: онъ запахивалъ халатъ и почесывалъ одной босой ногой о другую.

Когда ему стали завязывать глаза, онъ поправилъ самъ узелъ на затылкѣ, который рѣзалъ ему; потомъ, когда прислонили его къ окровавленному столбу, онъ завалился назадъ, и, такъ какъ ему въ этомъ положеніи было неловко, онъ поправился и, ровно поставивъ ноги, покойно прислонился. Пьеръ не сводилъ съ него глазъ, не упуская ни малѣйшаго движенія.

Должно-быть, послышалась команда; должно-быть, послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько ни старался вспомнить потомъ, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣлъ только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показалась кровь въ

---

[1]) Стрѣлки 86-го полка, впередъ!

двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удерживалъ его. Вокругъ фабричнаго что-то дѣлали испуганные, блѣдные люди. У одного стараго усатаго француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Солдаты неловко и торопливо потащили его за столбъ и стали сталкивать въ яму.

Всѣ, очевидно, несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣлъ, что фабричный лежалъ тамъ колѣнями кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно крикнулъ на Пьера, чтобы онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и стоялъ у столба, и никто не отгонялъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пьера отвели на его мѣсто, и французскія войска, стоявшія фронтами по обѣимъ сторонамъ столба, сдѣлали полуоборотъ и стали проходить мѣрнымъ шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разряженными ружьями, стоявшіе въ серединѣ круга, примыкали бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ въ то время, какъ роты проходили мимо нихъ.

Пьеръ смотрѣлъ теперь безсмысленными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кромѣ одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ, съ мертво-блѣднымъ лицомъ, въ киверѣ, свалившемся назадъ, спустивъ ружье, все еще стоялъ противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ, какъ пьяный, шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобы поддержать свое падающее тѣло. Старый солдатъ, унтеръ-офицеръ, выбѣжалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодого солдата, втащилъ его въ роту. Толпа русскихъ и французовъ стала расходиться. Всѣ шли молча съ опущенными головами.

— Ça leur apprendra à incendier [1]), — сказалъ кто-то изъ французовъ.

Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидалъ, что это былъ солдатъ, который хотѣлъ утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукой и пошелъ прочь.

---

[1]) Это ихъ научитъ поджигать.

XII.

Послѣ казни Пьера отдѣлили отъ другихъ подсудимыхъ и оставили одного въ небольшой разоренной и загаженной церкви.

Передъ вечеромъ караульный унтеръ-офицеръ съ двумя солдатами вошелъ въ церковь и объявилъ Пьеру, что онъ прощенъ и поступаетъ теперь въ бараки военноплѣнныхъ. Не понимая того, что ему говорили, Пьеръ всталъ и пошелъ съ солдатами. Его привели къ построеннымъ вверху поля изъ обгорѣлыхъ досокъ, бревенъ и тесу балаганамъ и ввели въ одинъ изъ нихъ. Въ темнотѣ человѣкъ двадцать различныхъ людей окружили Пьера. Пьеръ смотрѣлъ на нихъ, не понимая, кто такіе эти люди, зачѣмъ они и чего хотятъ отъ него. Онъ слышалъ слова, которыя ему говорили, но не дѣлалъ изъ нихъ никакого вывода и приложенія: не понималъ ихъ значенія. Онъ самъ отвѣчалъ на то, что у него спрашивали, но не соображалъ того, кто слушаетъ его и какъ поймутъ его отвѣты. Онъ смотрѣлъ на лица и фигуры, и всѣ онѣ казались ему одинаково безсмысленны.

Съ той минуты, какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершонное людьми, не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь не въ его власти.

Вокругъ него въ темнотѣ стояли люди: вѣрно, что-то ихъ очень занимало въ немъ. Ему разсказывали что-то, разспрашивали о чемъ-то, потомъ повели куда-то, и онъ наконецъ очутился въ углу балагана рядомъ съ какими-то людьми, переговаривавшимися съ разныхъ сторонъ, смѣявшимися.

«И вотъ, братцы мои... тотъ самый принцъ, *который*...» съ особеннымъ удареніемъ на слово «который» говорилъ чей-то голосъ въ противоположномъ углу балагана.

Молча и неподвижно сидя у стѣны на соломѣ, Пьеръ то открывалъ, то закрывалъ глаза. Но только что онъ закрывалъ глаза, онъ видѣлъ передъ собой то же страшное, въ особенности страшное своею простотой, лицо фабричнаго и еще болѣе страшныя своимъ безпокойствомъ лица невольныхъ убійцъ. И онъ опять открывалъ глаза и безсмысленно смотрѣлъ въ темнотѣ вокругъ себя.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ, согнувшись, какой-то маленькій человѣкъ, присутствіе котораго Пьеръ замѣтилъ сначала по крѣпкому запаху пота, который отдѣлялся отъ него при всякомъ его движеніи. Человѣкъ этотъ что-то дѣлалъ въ темнотѣ съ своими ногами и, несмотря на то, что Пьеръ не видалъ его лица, онъ чувствовалъ, что человѣкъ этотъ безпрестанно взглядывалъ на него. Присмотрѣвшись въ темнотѣ, Пьеръ понялъ, что человѣкъ этотъ разувался. И то, какимъ образомъ онъ это дѣлалъ, заинтересовало Пьера.

Размотавъ бечевки, которыми была завязана одна нога, онъ аккуратно свернулъ бечевки и тотчасъ принялся за другую ногу, взглядывая на Пьера. Пока одна рука вѣшала бечевку, другая уже принималась разматывать другую ногу. Такимъ образомъ, аккуратно, круглыми, спорыми, безъ замедленія слѣдовавшими одно за другимъ движеніями разувшись, человѣкъ развѣсилъ свою обувь на колышки, вбитые у него надъ головами, досталъ ножикъ, обрѣзалъ что-то, сложилъ ножикъ, положилъ подъ изголовье и, получше усѣвшись, обнялъ свои поднятыя колѣни обѣими руками и прямо уставился на Пьера. Пьеру чувствовалось что-то пріятное, успокоительное и круглое въ этихъ спорыхъ движеніяхъ, въ этомъ благоустроенномъ въ углу его хозяйствѣ, въ запахѣ даже этого человѣка, и онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него.

— А много вы нужды увидали, баринъ? А?—сказалъ вдругъ маленькій человѣкъ.

И такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы. Маленькій человѣкъ въ ту же секунду, не давая Пьеру времени выказать свое смущеніе, заговорилъ тѣмъ же пріятнымъ голосомъ.

— Э, соколикъ, не тужи,—сказалъ онъ съ той нѣжно-пѣвучей лаской, съ которой говорятъ старыя русскія бабы.—Не тужи, дружокъ: часъ терпѣть, а вѣкъ жить! Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. Тоже люди и худые и добрые есть,—сказалъ онъ и, еще говоря, гиб-

кимъ движеніемъ перегнулся на колѣни, всталъ и, прокашливаясь, пошелъ куда-то.

— Ишь, шельма, пришла!—услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ же ласковый голосъ. — Пришла, шельма, помнитъ! Ну, ну, буде.

И солдатъ, отталкивая отъ себя собачонку, прыгавшую къ нему, вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ. Въ рукахъ у него было что-то завернуто въ тряпкѣ.

— Вотъ, покушайте, баринъ,—сказалъ онъ, опять возвращаясь къ прежнему почтительному тону и развертывая и подавая Пьеру нѣсколько печеныхъ картошекъ.—Въ обѣдѣ похлебка была. А картошки важнѣющія!

Пьеръ не ѣлъ цѣлый день, и запахъ картофеля показался ему необыкновенно пріятнымъ. Онъ поблагодарилъ солдата и сталъ ѣсть.

— Что жъ, такъ-то?—улыбаясь сказалъ солдатъ и взялъ одну изъ картошекъ.—А ты вотъ какъ.

Онъ досталъ опять складной ножикъ, разрѣзалъ на своей ладони картошку на равныя двѣ половины, посыпалъ соли изъ тряпки и поднесъ Пьеру.

— Картошки важнѣющія, — повторилъ онъ. — Ты покушай вотъ такъ-то.

Пьеру казалось, что онъ никогда не ѣлъ кушанья вкуснѣе этого.

— Нѣтъ, мнѣ все ничего,—сказалъ Пьеръ,—но за что они разстрѣляли этихъ несчастныхъ!.. Послѣдній лѣтъ двадцати.

— Тц... тц... — сказалъ маленькій человѣкъ. — Грѣха-то, грѣха-то... — быстро прибавилъ онъ, и, какъ будто слова его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали изъ него, онъ продолжалъ:—Что жъ это, баринъ, вы такъ въ Москвѣ-то остались?

— Я не думалъ, что они такъ скоро придутъ. Я нечаянно остался, — сказалъ Пьеръ.

— Да какъ же они взяли тебя, соколикъ, изъ дома твоего?

— Нѣтъ, я пошелъ на пожаръ, а тутъ они схватили меня, судили за поджигателя.

— Гдѣ судъ, тамъ и неправда,—вставилъ маленькій человѣкъ.

— А ты давно здѣсь?—спросилъ Пьеръ, дожевывая послѣднюю картошку.

— Я-то? Въ то воскресенье меня взяли изъ гошпиталя въ Москвѣ.

— Ты кто же, солдатъ?

— Солдаты Апшеронскаго полка. Отъ лихорадки умиралъ. Намъ и не сказали ничего. Нашихъ человѣкъ двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Что жъ, тебѣ скучно здѣсь? — спросилъ Пьеръ.

— Какъ не скучно, соколикъ. Меня Платономъ звать; Каратаевы прозвище, — прибавилъ онъ, видимо съ тѣмъ, чтобы облегчить Пьеру обращеніе къ нему.—Соколикомъ на службѣ прозвали. Какъ не скучать, соколикъ! Москва—она городамъ мать. Какъ не скучать на это смотрѣть. Да червь капусту гложе, а самъ прежде того пропадае; такъ-то старички говаривали,— прибавилъ онъ быстро.

— Какъ, какъ это ты сказалъ? — спросилъ Пьеръ.

— Я-то? — спросилъ Каратаевъ. — Я говорю: не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ,—сказалъ онъ, думая, что повторяетъ сказанное, и тотчасъ же продолжалъ. — Какъ же у васъ, баринъ, и вотчины есть? И домъ есть? Стало-быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы?—спрашивалъ онъ.

И хотя Пьеръ не видѣлъ въ темнотѣ, но чувствовалъ, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкою ласки въ то время, какъ онъ спрашивалъ это. Онъ, видимо, былъ огорченъ тѣмъ, что у Пьера не было родителей, въ особенности матери.

— Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матушки!—сказалъ онъ.—Ну, а дѣтки есть?—продолжалъ онъ спрашивать.

Отрицательный отвѣтъ Пьера опять, видимо, огорчилъ его, и онъ поспѣшилъ прибавить:

— Что жъ, люди молодые; еще дастъ Богъ, будутъ. Только бы въ совѣтѣ жить...

— Да теперь все равно, — невольно сказалъ Пьеръ.

— Эхъ, милый человѣкъ ты, — возразилъ Платонъ. — Отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся.

Онъ усѣлся получше, прокашлялся, видимо приготовляясь къ длинному разсказу.

— Такъ-то, другъ мой любезный, жилъ я еще дома,—началъ онъ. — Вотчина у насъ богатая, земли много, хорошо живутъ мужики, и нашъ домъ — слава тебѣ Богу. Самъ-семъ батюшка косить выходилъ. Жили хорошо. Христьяне настоящіе были. Случись...

И Платонъ Каратаевъ разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ поѣхалъ въ чужую рощу за лѣсомъ и попался сторожу, какъ его сѣкли, судили и отдали въ солдаты.

— Что жъ, соколикъ, — говорилъ онъ измѣняющимся отъ улыбки голосомъ, — думали горе, анъ радость! Брату бы идти,

кабы не мой грѣхъ. А у брата меньшого самъ-пятъ ребятъ; а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была дѣвочка, да еще до солдатства Богъ прибралъ. Пришелъ я на побывку, скажу я тебѣ. Гляжу—лучше прежняго живутъ. Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ. Одинъ Михайла, меньшой, дома. Батюшка и говоритъ: «Мнѣ, говоритъ, всѣ дѣтки равны: какой палецъ ни укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы идти». Позвалъ насъ всѣхъ—вѣришь—поставилъ передъ образа. «Михайла, говоритъ, поди сюда, кланяйся ему въ ноги, и ты, баба, кланяйся, и внучата кланяйтесь. Поняли?» говоритъ. Такъ-то, другъ мой любезный. Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то нехорошо, то неладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь — ничего нѣту. Такъ-то.

И Платонъ пересѣлъ на своей соломѣ.

Помолчавъ нѣсколько времени, Платонъ всталъ.

— Что жъ, я чай, спать хочешь?—сказалъ онъ и быстро началъ креститься, приговаривая:

— Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра! Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра! Господи Іисусъ Христосъ, помилуй и спаси насъ!—заключилъ онъ, поклонился въ землю, всталъ, вздохнулъ и сѣлъ на свою солому. — Вотъ такъ-то. Положи, Боже, камушкомъ, подними калачикомъ, — проговорилъ онъ и легъ, натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читалъ?—спросилъ Пьеръ.

— Ась?—проговорилъ Платонъ (онъ было уже заснулъ).—Читалъ что? Богу молился. А ты развѣ не молишься?

— Нѣтъ, и я молюсь,—сказалъ Пьеръ.—Но что ты говорилъ: Фрола и Лавра?

— А какъ же?—быстро отвѣчалъ Платонъ: — лошадиный праздникъ. И скота жалѣть надо,—сказалъ Каратаевъ.—Вишь, шельма, свернулась. Угрѣлась, сукина дочь,—сказалъ онъ, ощупавъ собаку у своихъ ногъ, и, повернувшись опять, тотчасъ же заснулъ.

Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крики, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и темно. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнью Платона, лежавшаго подлѣ него, и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ-то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ.

XIII.

Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ, три офицера и два чиновника.

Всѣ они потомъ, какъ въ туманѣ, представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго. Когда на другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидалъ своего сосѣда, первое впечатлѣніе чего-то круглаго подтвердилось вполнѣ: вся фигура Платона въ его подпоясанной веревкою французской шинели, въ фуражкѣ и лаптяхъ была круглая. Голова была совершенно круглая; спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ, какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе, нѣжные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ. Но зубы его, ярко-бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выкатывались своими двумя полукругами, когда онъ смѣялся (что̀ онъ часто дѣлалъ), были всѣ хороши и цѣлы; ни одного сѣдого волоса не было въ его бородѣ и волосахъ, и все тѣло его имѣло видъ гибкости и въ особенности твердости и сносливости.

Лицо его, несмотря на мелкія круглыя морщинки, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главная особенность въ его рѣчи состояла въ непосредственности и спорости. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что̀ онъ сказалъ и что́ онъ скажетъ; и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонацій была особенная неотразимая убѣдительность.

Физическія силы его и поворотливость были таковы первое время плѣна, что, казалось, онъ не понималъ, что такое усталость и болѣзнь. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ, ложась, говорилъ: «положи, Господи, камушкомъ, подними калачикомъ»; поутру вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорилъ: «легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся». И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ, и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое-нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, точалъ сапоги. Онъ

всегда былъ занятъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разговоры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ; но пѣлъ, какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было такъ же необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородой, онъ, видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное на него чуждое, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу.

— Солдатъ въ отпуску—рубаха изъ портокъ,—говорилъ онъ.

Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время, хотя не жаловался и часто повторялъ, что онъ всю службу ни разу битъ не былъ. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и, видимо, дорогихъ ему воспоминаній «христьянскаго», какъ онъ выговаривалъ «крестьянскаго», быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ большей частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда онѣ сказаны кстати.

Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то и другое было справедливо. Онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо, украшая свою рѣчь ласкательными и пословицами, которыя, Пьеру казалось, онъ самъ выдумывалъ; но главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки, которыя разсказывалъ по вечерамъ (все однѣ и тѣ же) одинъ солдатъ, но больше всего онъ любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ,—не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. Онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Кара-

таевъ, несмотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ. И Пьеръ то же чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву.

Платонъ Каратаевъ былъ для всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ самымъ обыкновеннымъ солдатомъ; его звали соколикъ или Платоша, добродушно трунили надъ нимъ, посылали его за посылками. Но для Пьера, какимъ онъ представился въ первую ночь, непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды, такимъ онъ и остался навсегда.

Платонъ Каратаевъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ.

Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказанное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минуту тому назадъ, такъ же, какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню. Тамъ было: «родимая, березанька» и «тошненько мнѣ», но на словахъ не выходило никакого смысла. Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ, отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи. Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него такъ же равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова.

XIV.

Получивъ отъ Николая извѣстіе о томъ, что братъ ея находится съ Ростовыми въ Ярославлѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванья тетки, тотчасъ же собралась ѣхать, и не только одна, но съ племянникомъ. Трудно ли, не трудно ли, возможно ли, невозможно ли это было, она не спрашивала и не хотѣла знать: ея обязанность была не только самой быть подлѣ, можетъ-быть, умирающаго брата, но и сдѣлать все возможное для того, чтобы привезти ему сына, и она поднялась ѣхать. Если князь Андрей самъ не увѣдомлялъ ее, то это княжна Марья объясняла или тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы писать, или тѣмъ, что онъ считалъ для нея и для своего сына этотъ длинный переѣздъ слишкомъ труднымъ и опаснымъ.

Въ нѣсколько дней княжна Марья собралась въ дорогу. Экипажи ея состояли изъ огромной княжеской кареты, въ которой она пріѣхала въ Воронежъ, брички и повозки. Съ ней ѣхали m-lle Bourienne, Николушка съ гувернеромъ, старая няня, три дѣвушки, Тихонъ, молодой лакей и гайдукъ, котораго тетка отпустила съ нею.

Ѣхать обыкновеннымъ путемъ на Москву нельзя было и думать, и потому окольный путь, который должна была сдѣлать княжна Марья на Липецкъ, Рязань, Владиміръ, Шую, былъ очень длиненъ, по неимѣнію вездѣ почтовыхъ лошадей очень труденъ и около Рязани, гдѣ (какъ говорили) показывались французы, даже опасенъ.

Во время этого труднаго путешествія m-lle Bourienne, Десаль и прислуга княжны Марьи были удивлены ея твердостью духа и дѣятельностью. Она позже всѣхъ ложилась, раньше всѣхъ вставала, и никакія затрудненія не могли остановить ее. Благодаря ея дѣятельности и энергіи, возбуждавшимъ ея спутниковъ, къ концу второй недѣли они подъѣзжали къ Ярославлю.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Воронежѣ княжна Марья испытала лучшее счастье въ своей жизни. Любовь ея къ Ростову уже не мучила, не волновала ея. Любовь эта наполняла всю ея душу, сдѣлалась нераздѣльною частью ея самой, и она не боролась болѣе противъ нея. Въ послѣднее время княжна Марья убѣдилась—хотя она никогда ясно словами опредѣленно не говорила себѣ этого—убѣдилась, что она была любима и любила. Въ этомъ она убѣдилась въ послѣднее свое свиданіе съ Николаемъ, когда онъ пріѣхалъ ей объявить о томъ, что ея братъ былъ съ Ростовыми. Николай ни однимъ словомъ не намекнулъ на то, что теперь (въ случаѣ выздоровленія князя Андрея) прежнія отношенія между нимъ и Наташей могли возобновиться, но княжна Марья видѣла по его лицу, что онъ зналъ и думалъ это. И, несмотря на то, его отношенія къ ней, осторожныя, нѣжныя и любовныя, не только не измѣнились, но онъ, казалось, радовался тому, что теперь родство между нимъ и княжной Марьей позволяло ему свободнѣе выражать ей свою дружбу-любовь, какъ иногда думала княжна Марья. Княжна Марья знала, что она любила въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и чувствовала, что она любима, и была счастлива, спокойна въ этомъ отношеніи.

Но это счастье одной стороны душевной не только не мѣшало ей во всей силѣ чувствовать горе о братѣ, но, напротивъ, это душевное спокойствіе — въ одномъ отношеніи — давало ей бо́льшую возможность отдаваться вполнѣ своему чувству къ

брату. Чувство это было такъ сильно въ первую минуту выѣзда изъ Воронежа, что провожавшіе ее были увѣрены, глядя на ея измученное, отчаянное лицо, что она непремѣнно заболѣетъ дорогой; но именно трудности и заботы путешествія, за которыя съ такою дѣятельностью взялась княжна Марья, спасли ее на время отъ ея горя и придали ей силы.

Какъ и всегда это бываетъ во время путешествія, княжна Марья думала только объ одномъ путешествіи, забывая о томъ, что̀ было его цѣлью. Но, подъѣзжая къ Ярославлю, когда открылось опять то, что̀ могло предстоять ей, и уже не черезъ много дней, а нынче вечеромъ, волненіе княжны Марьи дошло до крайнихъ предѣловъ.

Когда посланный впередъ гайдукъ, чтобы узнать въ Ярославлѣ, гдѣ стоятъ Ростовы и въ какомъ положеніи находится князь Андрей, встрѣтилъ у заставы большую въѣзжавшую карету, онъ ужаснулся, увидавъ страшно-блѣдное лицо княжны, которое высунулось ему изъ окна.

— Все узналъ, ваше сіятельство: Ростовскіе стоятъ на площади, въ домѣ купца Бронникова. Недалече, надъ самой надъ Волгой, — сказалъ гайдукъ.

Княжна Марья испуганно-вопросительно смотрѣла въ его лицо, не понимая, почему онъ не отвѣчалъ на главный вопросъ: что братъ? M-lle Bourienne сдѣлала этотъ вопросъ за княжну.

— Что князь? — спросила она.

— Ихъ сіятельство съ ними въ томъ же домѣ стоятъ.

«Стало-быть, онъ живъ», подумала княжна и тихо спросила: — Что онъ?

— Люди сказываютъ: все въ томъ же положеніи.

Что значило «все въ томъ же положеніи», княжна не стала спрашивать и, мелькомъ только, незамѣтно взглянувъ на семилѣтняго Николушку, сидѣвшаго передъ нею и радовавшагося на городъ, опустила голову и не поднимала ея до тѣхъ поръ, пока тяжелая карета, гремя, трясясь и колыхаясь, не остановилась гдѣ-то. Загремѣли откидываемыя подножки.

Отворились дверцы. Слѣва была вода — рѣка большая, справа — крыльцо; на крыльцѣ были люди, прислуга и какая-то румяная, съ большой черной косой, дѣвушка, которая непріятно-притворно улыбалась, какъ показалось княжнѣ Марьѣ (это была Соня). Княжна взбѣжала по лѣстницѣ, притворно улыбавшаяся дѣвушка сказала: «сюда, сюда!» и княжна очутилась въ передней передъ старой женщиной съ восточнымъ типомъ лица,

которая съ растроганнымъ выраженіемъ быстро шла ей навстрѣчу. Это была старая графиня. Она обняла княжну Марью и стала цѣловать ее.

— Mon enfant! — проговорила она, — je vous aime et vous connais depuis longtemps [1]).

Несмотря на все свое волненіе, княжна Марья поняла, что это была графиня и что надо было ей сказать что-нибудь. Она, сама не зная какъ, проговорила какія-то учтивыя французскія слова въ томъ же тонѣ, въ которомъ были тѣ, которыя ей говорили, и спросила: «что онъ?»

— Докторъ говоритъ, что нѣтъ опасности, — сказала графиня, но въ то время, какъ она говорила это, она со вздохомъ подняла глаза кверху, и въ этомъ жестѣ было выраженіе, противорѣчащее ея словамъ.

— Гдѣ онъ? Можно его видѣть, можно? — спросила княжна.

— Сейчасъ, княжна, сейчасъ, мой дружокъ. Это его сынъ? — сказала она, обращаясь къ Николушкѣ, который входилъ съ Десалемъ. — Мы всѣ помѣстимся, домъ большой. О, какой прелестный мальчикъ!

Графиня ввела княжну въ гостиную. Соня разговаривала съ m-lle Bourienne. Графиня ласкала мальчика. Старый графъ вошелъ въ комнату, привѣтствуя княжну. Старый графъ чрезвычайно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его въ послѣдній разъ видѣла княжна. Тогда онъ былъ бойкій, веселый, самоувѣренный старичокъ; теперь онъ казался жалкимъ, затеряннымъ человѣкомъ. Онъ, говоря съ княжной, безпрестанно оглядывался, какъ бы спрашивая у всѣхъ, то ли онъ дѣлаетъ, что надобно. Послѣ разоренія Москвы и его имѣнія, выбитый изъ привычной колеи, онъ видимо потерялъ сознаніе своего значенія и чувствовалъ, что ему уже нѣтъ мѣста въ жизни.

Несмотря на одно желаніе поскорѣе увидать брата и на досаду за то, что въ эту минуту, когда ей одного хочется — увидать его, ее занимаютъ и притворно хвалятъ ея племянника, княжна замѣчала все, что́ дѣлалось вокругъ нея, и чувствовала необходимость на время подчиниться этому новому порядку, въ который она вступала. Она знала, что все это необходимо, и ей было это трудно, но она не досадовала на нихъ.

— Это моя племянница, — сказалъ графъ, представляя Соню, — вы не знаете ее, княжна?

Княжна повернулась къ ней и, стараясь затушить поднявшееся въ ея душѣ враждебное чувство къ этой дѣвушкѣ, по-

---

[1]) Дитя мое, я васъ люблю и знаю давно.

цѣловала ее. Но ей становилось тяжело оттого, что настроеніе всѣхъ окружающихъ было такъ далеко отъ того, что было въ ея душѣ.

— Гдѣ онъ?—спросила она еще разъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Онъ внизу, Наташа съ нимъ,—отвѣчала Соня краснѣя.— Пошли узнать. Вы, я думаю, устали, княжна?

У княжны выступили на глаза слезы досады. Она отвернулась и хотѣла опять спросить у графини, гдѣ пройти къ нему, какъ въ дверяхъ послышались легкіе, стремительные, какъ будто веселые шаги. Княжна оглянулась и увидала почти вбѣгающую Наташу, ту Наташу, которая въ то давнишнее свиданіе въ Москвѣ такъ не понравилась ей.

Но не успѣла княжна взглянуть на лицо этой Наташи, какъ она поняла, что это былъ ея искренній товарищъ по горю и потому ея другъ. Она бросилась ей навстрѣчу и, обнявъ ее, заплакала на ея плечѣ.

Какъ только Наташа, сидѣвшая у изголовья князя Андрея, узнала о пріѣздѣ княжны Марьи, она тихо вышла изъ его комнаты тѣми быстрыми, какъ показалось княжнѣ Марьѣ, какъ будто веселыми шагами и побѣжала къ ней.

На взволнованномъ лицѣ ея, когда она вбѣжала въ комнату, было только одно выраженіе—выраженіе любви, безпредѣльной любви къ нему, къ ней, ко всему тому, что было близко любимому человѣку, выраженіе жалости, страданія за другихъ и страстнаго желанія отдать себя всю для того, чтобы помочь имъ. Видно было, что въ эту минуту ни одной мысли о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ нему не было въ душѣ Наташи.

Чуткая княжна Марья съ перваго взгляда на лицо Наташи поняла все это и съ горестнымъ наслажденіемъ плакала на ея плечѣ.

— Пойдемте, пойдемте къ нему, Мари, — проговорила Наташа, отводя ее въ другую комнату.

Княжна Марья подняла лицо, отерла глаза и обратилась къ Наташѣ. Она чувствовала, что отъ нея она все пойметъ и узнаетъ.

— Что... — начала она вопросъ, но вдругъ остановилась.

Она почувствовала, что словами нельзя ни спросить, ни отвѣтить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснѣе и глубже.

Наташа смотрѣла на нее, но, казалось, была въ страхѣ и сомнѣніи—сказать или не сказать все то, что она знала; она какъ будто почувствовала, что передъ этими лучистыми глазами, проникавшими въ самую глубь ея сердца, нельзя не сказать

всю, всю истину, какою она ее видѣла. Губа Наташи вдругъ дрогнула, уродливыя морщины образовались вокругъ ея рта, и она, зарыдавъ, закрыла лицо руками.

Княжна Марья поняла все.

Но она все-таки надѣялась и спросила словами, въ которыя она не вѣрила:

— Но какъ его рана? Вообще, въ какомъ онъ положенiи?

— Вы, вы... увидите это,—только могла сказать Наташа.

Онѣ посидѣли нѣсколько времени внизу подлѣ его комнаты съ тѣмъ, чтобы перестать плакать и войти къ нему съ спокойными лицами.

— Какъ шла вся болѣзнь? Давно ли ему было хуже? Когда *это* случилось? — спрашивала княжна Марья.

Наташа разсказывала, что первое время была опасность отъ горячечнаго состоянiя и страданiя, но у Троицы это прошло, и докторъ боялся одного—антонова огня. Но и эта опасность миновалась. Когда прiѣхали въ Ярославль, рана стала гноиться (Наташа знала все, что касалось нагноенiя, и т. п.), и докторъ говорилъ, что нагноенiе можетъ пойти правильно. Сдѣлалась лихорадка. Докторъ говорилъ, что лихорадка эта не такъ опасна.

— Но два дня тому назадъ,—начала Наташа,—вдругъ *это* сдѣлалось... (Она удержала рыданiя.) Я не знаю отчего, но вы увидите, какой онъ сталъ.

— Ослабѣлъ? похудѣлъ?.. — спрашивала княжна.

— Нѣтъ, не то, но хуже. Вы увидите. Ахъ, Мари, онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ, не можетъ жить, потому что...

XV.

Когда Наташа привычнымъ движенiемъ отворила его дверь, пропуская впередъ себя княжну, княжна Марья чувствовала уже въ горлѣ своемъ готовыя рыданiя. Сколько она ни готовилась, ни старалась успокоиться, она знала, что не въ силахъ будетъ безъ слезъ увидать его.

Княжна Марья понимала то, что Наташа разумѣла словами: *съ нимъ случилось это два дня тому назадъ.* Она понимала, что это означало то, что онъ вдругъ смягчился и что смягченiе, умиленiе эти были признаками смерти. Она, подходя къ двери, уже видѣла въ воображенiи своемъ то лицо Андрюши, которое она знала въ дѣтствѣ, нѣжное, кроткое, умиленное, которое такъ рѣдко бывало у него и потому такъ сильно всегда на нее дѣйствовало. Она знала, что онъ скажетъ ей тихiя, нѣж-

ныя слова, какъ тѣ, которыя сказалъ ей отецъ передъ смертью, и что она не вынесетъ этого и разрыдается надъ нимъ. Но рано ли, поздно ли, это должно было быть, и она вошла въ комнату. Рыданія все ближе и ближе подступали ей къ горлу въ то время, какъ она своими близорукими глазами яснѣе и яснѣе различала его форму и отыскивала его черты, и вотъ она увидала его лицо и встрѣтилась съ нимъ взглядомъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, обложенный подушками, въ мѣховомъ бѣличьемъ халатѣ. Онъ былъ худъ и блѣденъ. Одна худая, прозрачно-бѣлая рука его держала платокъ, другою онъ, тихими движеніями пальцевъ, трогалъ тонкіе отросшіе усы. Глаза его смотрѣли на входившихъ.

Увидавъ его лицо и встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, княжна Марья вдругъ умѣрила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдругъ пересохли и рыданія остановились. Уловивъ выраженіе его лица и взгляда, она вдругъ оробѣла и почувствовала себя виноватою.

«Да въ чемъ же я виновата?» спросила она себя. «Въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я!...» отвѣчалъ его холодный, строгій взглядъ.

Въ глубокомъ, не изъ себя, а въ себя смотрѣвшемъ взглядѣ была почти враждебность, когда онъ медленно оглянулъ сестру и Наташу.

Онъ поцѣловался съ сестрой рука въ руку, по ихъ привычкѣ.

— Здравствуй, Мари, какъ это ты добралась?—сказалъ онъ голосомъ такимъ же ровнымъ и чуждымъ, какимъ былъ его взглядъ.

Ежели бы онъ завизжалъ отчаяннымъ крикомъ, то этотъ крикъ менѣе бы ужаснулъ княжну Марью, чѣмъ звукъ этого голоса.

— И Николушку привезла?—сказалъ онъ такъ же ровно и медленно и съ очевиднымъ усиліемъ воспоминанія.

— Какъ твое здоровье теперь?—говорила княжна Марья, сама удивляясь тому, что она говорила.

— Это, мой другъ, у доктора спрашивать надо,—сказалъ онъ, и, видимо, сдѣлавъ еще усиліе, чтобы быть ласковымъ, онъ сказалъ однимъ ртомъ (видно было, что онъ вовсе не думалъ того, что говорилъ):

— Merci, chère amie, d'être venue [1]).

---

[1]) Благодарю, мой другъ, что пріѣхала.

Княжна Марья пожала его руку. Онъ чуть замѣтно поморщился отъ пожатія ея руки. Онъ молчалъ, и она не знала, что говорить. Она поняла то, что случилось съ нимъ за два дня. Въ словахъ, въ тонѣ его, въ особенности во взглядѣ этомъ—холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ—чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірского. Онъ, видимо, съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живого не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманія, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что поглощало его всего.

— Да, вотъ какъ странно судьба свела насъ!—сказалъ онъ, прерывая молчаніе и указывая на Наташу.—Она все ходитъ за мной.

Княжна Марья слушала и не понимала того, что онъ говорилъ. Онъ, чуткій, нѣжный князь Андрей, какъ могъ онъ говорить это при той, которую онъ любилъ и которая его любила! Ежели бы онъ думалъ жить, то не такимъ холодно-оскорбительнымъ тономъ онъ сказалъ бы это. Ежели бы онъ не зналъ, что умретъ, то какъ же ему не жалко было ея, какъ онъ могъ при ней говорить это? Одно объясненіе только могло быть этому, это то, что ему было все равно, и все равно оттого, что что-то другое, важнѣйшее, было открыто ему.

Разговоръ былъ холодный, несвязный и прерывался каждую минуту.

— Мари проѣхала черезъ Рязань,—сказала Наташа.

Князь Андрей не замѣтилъ, что она называла его сестру Мари. А Наташа, при немъ назвавъ ее такъ, въ первый разъ сама это замѣтила.

— Ну, что же?—сказалъ онъ.

— Ей разсказывали, что Москва вся сгорѣла, совершенно; что будто бы...

Наташа остановилась: нельзя было говорить. Онъ, очевидно, дѣлалъ усилія, чтобы слушать, и все-таки не могъ.

— Да, сгорѣла, говорятъ, — сказалъ онъ. — Это очень жалко,—и онъ сталъ смотрѣть впередъ, пальцами разсѣянно расправляя усы.

— А ты встрѣтилась, Мари, съ графомъ Николаемъ?—сказалъ вдругъ князь Андрей, видимо желая сдѣлать имъ пріятное.—Онъ писалъ сюда, что ты ему очень полюбилась,—продолжалъ онъ просто, спокойно, видимо не въ силахъ понимать всего того сложнаго значенія, которое имѣли его слова для живыхъ людей.—Ежели бы ты его полюбила тоже, то было бы

очень хорошо... чтобъ вы женились,—прибавилъ онъ нѣсколько скорѣе, какъ бы обрадованный словами, которыя онъ долго искалъ и нашелъ наконецъ.

Княжна Марья слышала его слова, но они не имѣли для нея никакого другого значенія, кромѣ того, что они доказывали то, какъ страшно далекъ онъ былъ теперь отъ всего живого.

— Что обо мнѣ говорить! — сказала она спокойно и взглянула на Наташу.

Наташа, чувствуя на себѣ ея взглядъ, не смотрѣла на нее. Опять всѣ молчали.

— André, ты хоч...—вдругъ сказала княжна Марья содрогнувшимся голосомъ, — ты хочешь видѣть Николушку? Онъ все время вспоминалъ о тебѣ!

Князь Андрей чуть замѣтно улыбнулся въ первый разъ, но княжна Марья, такъ знавшая его лицо, съ ужасомъ поняла, что это была улыбка не радости, не нѣжности къ сыну, но тихой, кроткой насмѣшки надъ тѣмъ, что княжна Марья употребляла, по ея мнѣнію, послѣднее средство для приведенія его въ чувство.

— Да, я очень радъ Николушкѣ. Онъ здоровъ?

Когда привели къ князю Андрею Николушку, испуганно смотрѣвшаго на отца, но не плакавшаго, потому что никто не плакалъ, князь Андрей поцѣловалъ его и, очевидно, не зналъ, что говорить съ нимъ.

Когда Николушку уводили, княжна Марья подошла еще разъ къ брату, поцѣловала его и, не въ силахъ удерживаться болѣе, заплакала.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты о Николушкѣ? — спросилъ онъ.

Княжна Марья, плача, утвердительно нагнула голову.

— Мари, ты знаешь еван... — но онъ вдругъ замолчалъ.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Не надо плакать здѣсь,—сказалъ онъ, тѣмъ же холоднымъ взглядомъ глядя на нее.

Когда княжна Марья заплакала, онъ понялъ, что она плакала о томъ, что Николушка останется безъ отца. Съ большимъ усиліемъ надъ собой онъ постарался вернуться назадъ въ жизнь и перенесся на ихъ точку зрѣнія.

«Да, имъ это должно казаться жалко!» подумалъ онъ. «А какъ это просто!»

«Птицы небесныя ни сѣютъ, ни жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ», сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ то же сказать княжнѣ. «Но нѣтъ, онѣ поймутъ это по-своему, онѣ не поймутъ! Этого онѣ не могутъ понимать: что всѣ эти чувства, которыми онѣ дорожатъ, всѣ наши; всѣ эти мысли, которыя кажутся намъ такъ важны, что онѣ *не нужны*. Мы не можемъ понимать другъ друга!» и онъ замолчалъ.

Маленькому сыну князя Андрея было семь лѣтъ. Онъ едва умѣлъ читать — онъ ничего не зналъ. Онъ многое пережилъ послѣ этого дня, пріобрѣтая знанія, наблюдательность, опытность; но ежели бы онъ владѣлъ тогда всѣми этими послѣ пріобрѣтенными способностями, онъ не могъ бы лучше, глубже понять все значеніе той сцены, которую онъ видѣлъ между отцомъ, княжной Марьей и Наташей, чѣмъ онъ ее понялъ теперь. Онъ все понялъ и, не плача, вышелъ изъ комнаты, молча подошелъ къ Наташѣ, вышедшей за нимъ, застѣнчиво взглянулъ на нее задумчивыми прекрасными глазами; приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, онъ прислонился къ ней головой и заплакалъ.

Съ этого дня онъ избѣгалъ Десаля, избѣгалъ ласкавшую его графиню и либо сидѣлъ одинъ, либо робко подходилъ къ княжнѣ Марьѣ и къ Наташѣ, которую онъ, казалось, полюбилъ еще болѣе своей тетки, и тихо и застѣнчиво ласкался къ нимъ.

Княжна Марья, выйдя отъ князя Андрея, поняла вполнѣ все то, что сказало ей лицо Наташи. Она не говорила больше съ Наташей о надеждѣ на спасеніе его жизни. Она чередовалась съ нею у его дивана и не плакала больше, но безпрестанно молилась, обращаясь душою къ тому Вѣчному Непостижимому, котораго присутствіе такъ ощутительно было теперь надъ умиравшимъ человѣкомъ.

XVI.

Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ наполовину. Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной и странной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіе всей своей жизни, теперь для него было близкое и—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ — почти понятное и ощущаемое. . . . . .

. . . .

Прежде онъ боялся конца. Онъ два раза испыталъ это страшно-мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понималъ его.

Первый разъ онъ испыталъ это чувство тогда, когда граната волчкомъ вертѣлась передъ нимъ, и онъ смотрѣлъ на жнивье, на кусты, на небо, и зналъ, что передъ нимъ была смерть. Когда онъ очнулся послѣ раны и въ душѣ его, мгновенно, какъ бы освобожденный отъ удерживавшаго его гнета жизни, распустился этотъ цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни, онъ уже не боялся смерти и не думалъ о ней.

Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило — никого не любить, значило — не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая (безъ любви) стоитъ между жизнью и смертью. Когда онъ, это первое время, вспоминалъ о томъ, что ему надо было умереть, онъ говорилъ себѣ: «ну что жъ, тѣмъ лучше».

Но послѣ той ночи въ Мытищахъ, когда въ полубреду передъ нимъ явилась та, которую онъ желалъ, и когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни. И радостныя, и тревожныя мысли стали приходить ему. Вспоминая ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ увидалъ Курагина, онъ теперь не могъ возвратиться къ тому чувству; его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли онъ. И онъ не смѣлъ спросить этого.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, что Наташа называла: *это сдѣлалось съ нимъ*, случилось съ нимъ два дня передъ пріѣздомъ княжны Марьи. Это была та послѣдняя нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознаніе того, что онъ еще дорожилъ жизнью, представлявшеюся ему въ любви къ Наташѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущеніе счастье охватило его.

«А, это она вошла!» подумалъ онъ.

Дѣйствительно, на мѣстѣ Сони сидѣла только что неслышными шагами вошедшая Наташа.

Съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить за нимъ, онъ всегда испытывалъ это физическое ощущеніе ея близости. Она сидѣла на креслѣ бокомъ къ нему, заслоняя собой отъ него свѣтъ свѣчи, и вязала чулокъ. (Она выучилась вязать чулки съ тѣхъ поръ, какъ разъ князь Андрей сказалъ ей, что никто такъ не умѣетъ ходить за больными, какъ старыя няни, которыя вяжутъ чулки и что въ вязаньи чулка есть что-то успокоительное.) Тонкіе пальцы ея быстро перебирали изрѣдка сталкивающіяся спицы, и задумчивый профиль ея опущеннаго лица былъ ясно виденъ ему. Она сдѣлала движеніе — клубокъ скатился съ ея колѣнъ. Она вздрогнула, оглянулась на него и, заслоняя свѣчу рукой, осторожнымъ, гибкимъ и точнымъ движеніемъ изогнулась, подняла клубокъ и сѣла въ прежнее положеніе.

Онъ смотрѣлъ на нее не шевелясь и видѣлъ, что ей нужно было послѣ своего движенія вздохнуть во всю грудь, но она не рѣшалась этого сдѣлать и осторожно переводила дыханіе.

Въ Троицкой лаврѣ они говорили о прошедшемъ, и онъ сказалъ ей, что ежели бы онъ былъ живъ, онъ благодарилъ бы вѣчно Бога за свою рану, которая свела его опять съ нею; но съ тѣхъ поръ они никогда не говорили о будущемъ.

«Могло или не могло это быть?» думалъ онъ теперь, глядя на нее и прислушиваясь къ легкому стальному звуку спицъ. «Неужели только затѣмъ такъ странно свела меня съ нею судьба, чтобы мнѣ умереть?.. Неужели мнѣ открылась истина жизни только для того, чтобы я жилъ во лжи? Я люблю ее больше всего въ мірѣ. Но что же дѣлать мнѣ, ежели я люблю ее?» сказалъ онъ, и онъ вдругъ невольно застоналъ по привычкѣ, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ страданій.

Услыхавъ этотъ звукъ, Наташа положила чулокъ, перегнулась ближе къ нему и вдругъ, замѣтивъ его свѣтящіеся глаза, подошла къ нему легкимъ шагомъ и нагнулась.

— Вы не спите?

— Нѣтъ, я давно смотрю на васъ; я почувствовалъ, когда вы вошли. Никто, какъ вы, не даетъ мнѣ той мягкой тишины... того свѣта. Мнѣ такъ и хочется плакать отъ радости.

Наташа ближе придвинулась къ нему. Лицо ея сіяло восторженною радостью.

— Наташа, я слишкомъ люблю васъ. Больше всего на свѣтѣ.

— А я? — Она отвернулась на мгновеніе. — Отчего же слишкомъ? — сказала она.

— Отчего слишкомъ?.. Ну, какъ вы думаете, какъ вы чувствуете по душѣ, по всей душѣ, буду я живъ? Какъ вамъ кажется?

— Я увѣрена, я увѣрена! — почти вскрикнула Наташа, страстнымъ движеніемъ взявъ его за обѣ руки.

Онъ помолчалъ.

— Какъ бы хорошо! — И, взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее.

Наташа была счастлива и взволнована; и тотчасъ же она вспомнила, что этого нельзя, что ему нужно спокойствіе.

— Однако вы не спали, — сказала она, подавляя свою радость. — Постарайтесь заснуть... пожалуйста.

Онъ выпустилъ, пожавъ, ея руку, и она перешла къ свѣчѣ и опять сѣла въ прежнее положеніе. Два раза она оглянулась на него, глаза его свѣтились ей навстрѣчу. Она задала себѣ урокъ на чулкѣ и сказала себѣ, что до тѣхъ поръ она не оглянется, пока не кончитъ его.

Дѣйствительно, скоро послѣ этого онъ закрылъ глаза и заснулъ. Онъ спалъ недолго и вдругъ въ холодномъ поту тревожно проснулся.

Засыпая, онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время, — о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

«Любовь? Что такое любовь?» думалъ онъ.

«Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику». Мысли эти показались ему утѣшительны. Но это были только мысли. Чего-то недоставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное — не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой онъ лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много разныхъ лицъ, ничтожныхъ, равнодушныхъ, являются передъ княземъ Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они сбираются ѣхать куда-то. Князь Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть другія важнѣйшія заботы, но продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя

слова. Понемногу незамѣтно всѣ эти лица начинаютъ исчезать, и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ *все*. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ *оно*. Но въ то же время, какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это что-то ужасное съ другой стороны уже, надавливая, ломится въ нее. Что-то нечеловѣческое — смерть — ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія — запереть уже нельзя — хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и надавливаемая ужаснымъ дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ оно надавило оттуда. Послѣднія сверхъестественныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. *Оно* вошло, и оно есть *смерть*. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умеръ — я проснулся. Да, смерть — пробужденіе», вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту, зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и спросила, что съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ее, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это-то было то, что̀ случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Марьи. Съ этого же дня, какъ говорилъ докторъ, изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ, но Наташа не интересовалась тѣмъ, что говорилъ докторъ: она видѣла эти страшные, болѣе для нея несомнѣнные, нравственные признаки.

Съ этого дня началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна пробужденіе отъ жизни. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія.

Ничего не было страшнаго и рѣзкаго въ этомъ относительно-медленномъ пробужденіи.

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно и просто. И княжна Марья и Наташа, не отходившія отъ него, чувствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаніемъ о немъ — за его тѣломъ. Чувства обѣихъ были такъ сильны, что на нихъ не дѣйствовала внѣшняя, страшная сторона смерти, и онѣ не находили нужнымъ растравлять свое горе. Онѣ не плакали ни при немъ, ни безъ него, но и никогда не говорили про него между собой. Онѣ чувствовали, что не могли выразить словами того, что̀ онѣ понимали.

Онѣ обѣ видѣли, какъ онъ глубже и глубже, медленно и спокойно опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть и что это хорошо.

Его исповѣдывали, причастили; всѣ приходили къ нему прощаться. Когда ему привели сына, онъ приложилъ къ нему свои губы и отвернулся не потому, чтобы ему было тяжело и жалко (княжна Марья и Наташа понимали это), но только потому, что онъ полагалъ, что это все, что отъ него требовали; но когда ему сказали, чтобы онъ благословилъ его, онъ исполнилъ требуемое и оглянулся, какъ будто спрашивая, не нужно ли еще что-нибудь сдѣлать.

Когда происходили послѣднія содроганія тѣла, оставляемаго духомъ, княжна Марья и Наташа были тутъ.

— Кончилось?! — сказала княжна Марья послѣ того, какъ тѣло его уже нѣсколько минутъ неподвижно, холодѣя, лежало передъ ними. Наташа подошла, взглянула въ мертвые глаза и поспѣшила закрыть ихъ. Она закрыла ихъ и не поцѣловала ихъ, а приложилась къ тому, что̀ было ближайшимъ воспоминаніемъ о немъ.

«Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь?..»

Когда одѣтое, обмытое тѣло лежало въ гробу на столѣ, всѣ подходили къ нему прощаться и всѣ плакали.

Николушка плакалъ отъ страдальческаго недоумѣнія, разрывавшаго его сердце. Графиня и Соня плакали отъ жалости къ Наташѣ и о томъ, что его нѣтъ больше. Старый графъ плакалъ о томъ, что скоро, онъ чувствовалъ, и ему предстояло сдѣлать тотъ же страшный шагъ.

Наташа и княжна Марья плакали тоже теперь, но онѣ плакали не отъ своего личнаго горя, — онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простого и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій. Но потребность отыскивать причины вложена въ душу человѣка. И человѣческій умъ, не вникнувши въ безчисленность и сложность условій явленій, изъ которыхъ каждое отдѣльно можетъ представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближеніе и говоритъ: вотъ причина. Въ историческихъ событіяхъ (гдѣ предметомъ наблюденія суть дѣйствія людей) самымъ первобытнымъ сближеніемъ представляется воля боговъ, потомъ воля тѣхъ людей, которые стоятъ на самомъ видномъ историческомъ мѣстѣ—историческихъ героевъ. Но стоитъ только вникнуть въ сущность каждаго историческаго событія, т.-е. въ дѣятельность всей массы людей, участвовавшихъ въ событіи, чтобы убѣдиться, что воля историческаго героя не только не руководитъ дѣйствіями массъ, но сама постоянно руководима. Казалось бы, все равно понимать значеніе историческаго событія такъ или иначе. Но между человѣкомъ, который говоритъ, что народы запада пошли на востокъ потому, что Наполеонъ захотѣлъ этого, и человѣкомъ, который говоритъ, что это совершилось потому, что должно было совершиться, существуетъ то же различіе, которое существовало между людьми, утверждавшими, что земля стоитъ твердо и планеты движутся вокругъ нея, и тѣми, которые говорили, что они не знаютъ, на чемъ держится земля, но знаютъ, что есть законы, управляющіе движеніемъ и ея и другихъ планетъ. Причинъ историческаго событія нѣтъ и не можетъ быть, кромѣ единственной причины всѣхъ причинъ. Но есть законы, управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти нащупываемые нами. Открытіе этихъ законовъ возможно только тогда, когда мы вполнѣ отрѣшимся отъ отыскиванія причинъ въ волѣ одного человѣка, точно такъ же, какъ открытіе

законовъ движенія планетъ стало возможно только тогда, когда люди отрѣшились отъ представленія утвержденности земли.

Послѣ Бородинскаго сраженія, занятія непріятелемъ Москвы и сожженія ея важнѣйшимъ эпизодомъ войны 1812 года историки признаютъ движеніе русской арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу и къ Тарутинскому лагерю — такъ называемый фланговый маршъ за Красной Пахрой. Историки приписываютъ славу этого геніальнаго подвига различнымъ лицамъ и спорятъ о томъ, кому собственно она принадлежитъ. Даже иностранные, даже французскіе историки признаютъ геніальность русскихъ полководцевъ, говоря объ этомъ фланговомъ маршѣ. Но почему военные писатели, а за ними и всѣ, полагаютъ, что этотъ фланговый маршъ есть весьма глубокомысленное изобрѣтеніе какого-нибудь одного лица, спасшее Россію и погубившее Наполеона,— весьма трудно понять. Во-первыхъ, трудно понять, въ чемъ состоитъ глубокомысліе и геніальность этого движенія, ибо для того, чтобы догадаться, что самое лучшее положеніе арміи (когда ея не атакуютъ) находится тамъ, гдѣ больше продовольствія, не нужно большого умственнаго напряженія; и каждый, даже глупый тринадцатилѣтній мальчикъ, безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ. Итакъ, нельзя понять, во-первыхъ, какими умозаключеніями доходятъ историки до того, чтобы видѣть что-то глубокомысленное въ этомъ маневрѣ. Во-вторыхъ, еще труднѣе понять, въ чемъ именно историки видятъ спасительность этого маневра для русскихъ и пагубность его для французовъ; ибо фланговый маршъ этотъ при другихъ предшествующихъ, сопутствовавшихъ и послѣдовавшихъ обстоятельствахъ могъ быть пагубнымъ для русскаго и спасительнымъ для французскаго войска. Если съ того времени, какъ совершилось это движеніе, положеніе русскаго войска стало улучшаться, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это движеніе было тому причиною.

Этотъ фланговый маршъ не только не могъ бы принести какія-нибудь выгоды, но могъ бы погубить русскую армію, ежели бы притомъ не было совпаденія другихъ условій. Что бы было, если бы не сгорѣла Москва? Если бы Мюратъ не потерялъ изъ виду русскихъ? Если бы Наполеонъ не находился въ бездѣйствіи? Если бы подъ Красной Пахрой русская армія, по совѣту Бенигсена и Барклая, дала сраженіе? Что бы было, если бы французы атаковали русскихъ, когда они шли за Пах-

рой? Что бы было, если бы впослѣдствіи Наполеонъ, подойдя къ Тарутину, атаковалъ русскихъ хотя бы съ одной десятой долей той энергіи, съ которой онъ атаковалъ въ Смоленскѣ? Что бы было, если бы французы пошли на Петербургъ?.. При всѣхъ этихъ предположеніяхъ спасительность флангового марша могла перейти въ пагубность.

Въ-третьихъ, и самое непонятное, состоитъ въ томъ, что люди, изучающіе исторію, умышленно не хотятъ видѣть того, что фланговый маршъ нельзя приписывать никакому одному человѣку; что никто никогда его не предвидѣлъ; что маневръ этотъ точно такъ же, какъ и отступленіе въ Филяхъ, въ настоящемъ никому никогда не представлялся въ его цѣльности, а шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, мгновеніе за мгновеніемъ вытекалъ изъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ условій, и только тогда представился во всей цѣльности, когда онъ совершился и сталъ прошедшимъ.

На совѣтѣ въ Филяхъ у русскаго начальства преобладающею мыслью было само собой разумѣвшееся отступленіе по прямому направленію назадъ, т.-е. по Нижегородской дорогѣ. Доказательствами тому служитъ то, что большинство голосовъ на совѣтѣ было подано въ этомъ смыслѣ, и, главное, извѣстный разговоръ послѣ совѣта главнокомандующаго съ Ланскимъ, завѣдывавшимъ провіантскою частью. Ланской донесъ главнокомандующему, что продовольствіе для арміи собрано преимущественно по Окѣ, въ Тульской и Калужской губерніяхъ, и что, въ случаѣ отступленія на Нижній, запасы провіанта будутъ отдѣлены отъ арміи большой рѣкой Окой, черезъ которую перевозъ въ первозимье бываетъ невозможенъ. Это былъ первый признакъ необходимости уклоненія отъ прежде представлявшагося самымъ естественнымъ прямого направленія на Нижній. Армія подержалась южнѣе, по Рязанской дорогѣ, и ближе къ запасамъ. Впослѣдствіи бездѣйствіе французовъ, потерявшихъ даже изъ виду русскую армію, заботы о защитѣ Тульскаго завода и, главное, выгоды приближенія къ своимъ запасамъ заставили армію отклониться еще южнѣе, на Тульскую дорогу. Перейдя отчаяннымъ движеніемъ за Пахрой на Тульскую дорогу, военачальники русской арміи думали оставаться у Подольска, и не было мысли о Тарутинской позиціи; но безчисленное количество обстоятельствъ и появленіе опять французскихъ войскъ, прежде потерявшихъ изъ виду русскихъ, и проекты сраженія, и, главное, обиліе провіанта въ Калугѣ заставили нашу армію еще болѣе отклониться къ югу и перейти въ середину путей своего продовольствія, съ Тульской на Калужскую дорогу, къ Тарутину. Точно такъ же,

какъ нельзя отвѣчать на тотъ вопросъ, когда оставлена была Москва, нельзя отвѣчать и на то, когда именно и кѣмъ рѣшено было перейти къ Тарутину. Только тогда, когда войска пришли уже къ Тарутину вслѣдствіе безчисленныхъ диференціальныхъ силъ, тогда только стали люди увѣрять себя, что они этого хотѣли и давно предвидѣли.

II.

Знаменитый фланговый маршъ состоялъ только въ томъ, что русское войско, отступая все прямо назадъ по обратному направленію наступленія, послѣ того, какъ наступленіе французовъ прекратилось, отклонилось отъ принятаго сначала прямого направленія и, не видя за собой преслѣдованія, естественно подалось въ ту сторону, куда его влекло обиліе продовольствія.

Если бы представить себѣ не геніальныхъ полководцевъ во главѣ русской арміи, но просто одну армію безъ начальниковъ, то и эта армія не могла бы сдѣлать ничего другого, кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе.

Передвиженіе это съ Нижегородской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дороги было до такой степени естественно, что въ этомъ самомъ направленіи отбѣгали мародеры русской арміи и что въ этомъ самомъ направленіи требовалось изъ Петербурга, чтобы Кутузовъ перевелъ свою армію. Въ Тарутинѣ Кутузовъ получилъ почти выговоръ отъ государя за то, что онъ отвелъ армію на Рязанскую дорогу, и ему указывалось то самое положеніе противъ Калуги, въ которомъ онъ уже находился въ то время, какъ получилъ письмо государя.

Откатывавшійся по направленію толчка, даннаго ему во время всей кампаніи и въ Бородинскомъ сраженіи, шаръ русскаго войска, при уничтоженіи силы толчка и не получая новыхъ толчковъ, принялъ то положеніе, которое было ему естественно.

Заслуга Кутузова не состояла въ какомъ-нибудь геніальномъ, какъ это называютъ, стратегическомъ маневрѣ, а въ томъ, что онъ одинъ понималъ значеніе совершавшагося событія. Онъ одинъ понималъ уже тогда значеніе бездѣйствія французской арміи; онъ одинъ продолжалъ утверждать, что Бородинское сраженіе была побѣда; онъ одинъ — тотъ, который, казалось бы, по своему положенію главнокомандующаго, долженъ былъ быть вызываемъ къ наступленію — онъ одинъ всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы удержать русскую армію отъ безполезныхъ сраженій.

Подбитый звѣрь подъ Бородинымъ лежалъ тамъ гдѣ-то, гдѣ его оставилъ отбѣжавшій охотникъ; но живъ ли, силенъ ли онъ былъ, или онъ только притаился, охотникъ не зналъ этого. Вдругъ послышался стонъ этого звѣря.

Стонъ этого раненаго звѣря французской арміи, обличитель ея погибели, была присылка Лористона въ лагерь Кутузова съ просьбой о мирѣ.

Наполеонъ съ своею увѣренностью въ томъ, что не то хорошо, что̀ хорошо, а то, что̀ ему пришло въ голову, написалъ Кутузову слова, первыя пришедшія ему въ голову и не имѣющія никакого смысла:

«Monsieur le prince Koutouzov», писалъ онъ: «j'envoie près de vous un de mes aides de camp généraux pour vous entretenir de plusieurs objets intéressants. Je désire que votre Altesse ajoute foi à ce qu'il lui dira, *surtout lorsqu'il exprimera les sentiments d'estime et de particulière considération que j'ai depuis longtemps pour sa personne. Cette lettre n'étant à autre fin, je prie Dieu, Monsieur le prince Koutouzov, qu'il vous ait en Sa sainte et digne garde.*

Moscou, le 30 Octobre, 1812. Signé:
Napoléon» [1]).

— Je serais maudit par la postérité si l'on me regardait comme le premier moteur d'un accommodement quelconque. *Tel est l'esprit actuel de ma nation* [2]), — отвѣчалъ Кутузовъ и продолжалъ употреблять всѣ свои силы на то, чтобы удерживать войска отъ наступленія.

Въ мѣсяцъ грабежа французскаго войска въ Москвѣ и спокойной стоянки русскаго войска подъ Тарутинымъ совершилось измѣненіе въ отношеніи силы обоихъ войскъ (духа и численности), вслѣдствіе котораго преимущество силы оказалось на сторонѣ русскихъ. Несмотря на то, что положеніе французскаго войска и его численность были неизвѣстны русскимъ, какъ скоро измѣнилось отношеніе, необходимость наступленія тотчасъ же выразилась въ безчисленномъ количествѣ признаковъ. Признаками

---

[1]) Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу свѣтлость вѣрить всему, что онъ вамъ скажетъ, особенно когда онъ станетъ выражать вамъ чувства уваженія и особеннаго почтенія, питаемыя мною къ вамъ съ давняго времени. Засимъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Своимъ священнымъ кровомъ.

[2]) Я былъ бы проклятъ потомствомъ, если бы меня сочли первымъ зачинщикомъ какой бы то ни было сдѣлки: *такова воля нашего народа.*

этими были: и присылка Лористона; и изобиліе провіанта въ Тарутинѣ; и свѣдѣнія, приходившія со всѣхъ сторонъ, о бездѣйствіи и безпорядкѣ французовъ; и комплектованіе нашихъ полковъ рекрутами; и хорошая погода; и продолжительный отдыхъ русскихъ солдатъ; и обыкновенно возникающее въ войскахъ вслѣдствіе отдыха нетерпѣніе исполнять то дѣло, для котораго всѣ собраны; и любопытство о томъ, что дѣлалось во французской арміи, такъ давно потерянной изъ виду; и смѣлость, съ которою теперь шныряли русскіе аванпосты около стоявшихъ въ Тарутинѣ французовъ; и извѣстія о легкихъ побѣдахъ надъ французами мужиковъ и партизановъ; и зависть, возбуждаемая этимъ; и чувство мести, лежавшее на душѣ каждаго человѣка до тѣхъ поръ, пока французы были въ Москвѣ; и (главное) неясное, но возникшее въ душѣ каждаго человѣка сознаніе того, что отношеніе силы измѣнилось теперь и преимущество находится на нашей сторонѣ. Существенное отношеніе силъ измѣнилось, и наступленіе стало необходимымъ. И тотчасъ же, такъ же вѣрно, какъ начинаютъ бить и играть въ часахъ куранты, когда стрѣлка совершила полный кругъ, въ высшихъ сферахъ, соотвѣтственно существенному измѣненію силъ, отразилось усиленное движеніе, шипѣніе и игра курантовъ.

III.

Русская армія управлялась Кутузовымъ, съ его штабомъ, и государемъ изъ Петербурга. Въ Петербургѣ, еще до полученія извѣстія объ оставленіи Москвы, былъ составленъ подробный планъ всей войны и присланъ Кутузову для руководства. Несмотря на то, что планъ этотъ былъ составленъ въ предположеніи того, что Москва еще въ нашихъ рукахъ, планъ этотъ былъ одобренъ штабомъ и принятъ къ исполненію. Кутузовъ писалъ только, что дальнія диверсіи всегда трудно исполнимы. И для разрѣшенія встрѣчавшихся трудностей присылались новыя наставленія и лица, долженствовавшія слѣдить за его дѣйствіями и доносить о нихъ.

Кромѣ того, теперь въ русской арміи преобразовался весь штабъ. Замѣщались мѣста убитаго Багратіона и обиженнаго, удалившагося Барклая. Весьма серьезно обдумывали, что̀ будетъ лучше: А. помѣстить на мѣсто Б., а Б. на мѣсто Д., или, напротивъ, Д. на мѣсто А. и т. д.; какъ будто что-нибудь, кромѣ удовольствія А. и Б., могло зависѣть отъ этого.

Въ штабѣ арміи, по случаю враждебности Кутузова съ своимъ начальникомъ штаба, Бенигсеномъ, и присутствія довѣрен-

ныхъ лицъ государя и этихъ перемѣщеній, шла болѣе, чѣмъ обыкновенно, сложная игра партій: А. подкапывался подъ Б., Д.—подъ С. и т. д., во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. При всѣхъ этихъ подкапываньяхъ предметомъ интригъ большею частью было то военное дѣло, которымъ думали руководить всѣ эти люди; но это военное дѣло шло независимо отъ нихъ, именно такъ, какъ оно должно было идти, т.-е. никогда не совпадая съ тѣмъ, что придумывали люди, а вытекая изъ сущности отношенія массъ. Всѣ эти придумыванья, скрещиваясь, перепутываясь, представляли въ высшихъ сферахъ только вѣрное отраженіе того, что̀ должно было совершиться.

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!» писалъ государь отъ 2-го октября въ письмѣ, полученномъ послѣ Тарутинскаго сраженія. «Съ 2-го сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣдніе ваши рапорты отъ 20-го; и въ теченіе всего сего времени не только что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія первопрестольной столицы, но даже, по послѣднимъ рапортамъ вашимъ, вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и Тула, съ знаменитымъ и столь для арміи необходимымъ своимъ заводомъ, въ опасности. По рапортамъ отъ генерала Винценгероде вижу я, что непріятельскій 10.000-й корпусъ подвигается къ Петербургской дорогѣ. Другой, въ нѣсколькихъ тысячахъ, также подается къ Дмитрову. Третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Наполеонъ же самъ по 25-е число находился въ Москвѣ. По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ, съ своей гвардіей, возможно ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся передъ вами, были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно? Съ вѣроятностью, напротивъ того, можно полагать, что онъ васъ преслѣдуетъ отрядами или, по крайней мѣрѣ, корпусомъ, гораздо слабѣе арміи, вамъ ввѣренной. Казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля, слабѣе васъ, и истребить онаго или по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ нашихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ для угрожанія сей столицѣ, въ которой не могло остаться

много войска, ибо съ ввѣренною вамъ арміей, дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью, вы имѣете всѣ средства отвратить сіе новое несчастье. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы. Вы имѣли опыты моей готовности васъ награждать. Сія готовность не ослабнетъ во мнѣ, но я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которые умъ вашъ, воинскіе таланты ваши и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ».

Но въ то время, какъ письмо это, доказывающее то, что существенное отношеніе силъ уже отражалось и въ Петербургѣ, было въ дорогѣ, Кутузовъ не могъ уже удержать командуемую имъ армію отъ наступленія, и сраженіе уже было дано.

2-го октября казакъ Шаповаловъ, находясь въ разъѣздѣ, убилъ изъ ружья одного и подстрѣлилъ другого зайца. Гоняясь за подстрѣленнымъ зайцемъ, Шаповаловъ забрелъ далеко въ лѣсъ и наткнулся на лѣвый флангъ арміи Мюрата, стоящій безъ всякихъ предосторожностей. Казакъ смѣясь разсказалъ товарищамъ, какъ онъ чуть не попался французамъ. Хорунжій, услыхавъ этотъ разсказъ, сообщилъ его командиру.

Казака призвали, разспросили; казачьи командиры хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отбить лошадей, но одинъ изъ начальниковъ, знакомый съ высшими чинами арміи, сообщилъ этотъ фактъ штабному генералу. Въ послѣднее время въ штабѣ арміи положеніе было въ высшей степени натянутое. Ермоловъ за нѣсколько дней передъ этимъ, придя къ Бенигсену, умолялъ его употребить свое вліяніе на главнокомандующаго для того, чтобы сдѣлано было наступленіе.

— Ежели бы я не зналъ васъ, я подумалъ бы, что вы не хотите того, о чемъ вы просите. Стоитъ мнѣ посовѣтовать одно, чтобы свѣтлѣйшій навѣрное сдѣлалъ противоположное, — отвѣчалъ Бенигсенъ.

Извѣстіе казаковъ, подтвержденное посланными разъѣздами, доказало окончательную зрѣлость событія. Натянутая струна соскочила, и зашипѣли часы, и заиграли куранты. Несмотря на всю свою мнимую власть, на свой умъ, опытность, знаніе людей, Кутузовъ, принявъ во вниманіе записку Бенигсена, посылавшаго лично донесеніе государю, выражаемое всѣми генералами одно и то же желаніе, предполагаемое имъ желаніе государя и свѣдѣніе казаковъ, уже не могъ удержать неизбѣжнаго движенія и отдалъ приказаніе на то, что онъ считалъ безполезнымъ и вреднымъ, — благословилъ совершившійся фактъ.

IV.

Записка Бенигсена и свѣдѣніе казаковъ о незакрытомъ лѣвомъ флангѣ французовъ были только послѣдніе признаки необходимости отдать приказаніе о наступленіи, и наступленіе было назначено на 5-е октября.

4-го числа утромъ Кутузовъ подписалъ диспозицію. Толь прочелъ ее Ермолову, предлагая ему заняться дальнѣйшими распоряженіями.

— Хорошо, хорошо, мнѣ теперь некогда, — сказалъ Ермоловъ и вышелъ изъ избы.

Диспозиція, составленная Толемъ, была очень хорошая. Такъ же, какъ и въ аустерлицкой диспозиціи, было написано, хотя и не по-нѣмецки:

Die erste Colonne marschirt [1]) туда-то и туда-то, die zweite Colonne marschirt туда-то и туда-то и т. д. И всѣ эти колонны на бумагѣ приходили въ назначенное время въ свое мѣсто и уничтожали непріятеля. Все было, какъ и во всѣхъ диспозиціяхъ, прекрасно придумано, и, какъ и по всѣмъ диспозиціямъ, ни одна колонна не пришла въ свое время и на свое мѣсто.

Когда диспозиція была готова въ должномъ количествѣ экземпляровъ, былъ призванъ офицеръ и посланъ къ Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполненія. Молодой кавалергардскій офицеръ, ординарецъ Кутузова, довольный важностью даннаго ему порученія, отправился на квартиру Ермолова.

— Уѣхали, — отвѣчалъ денщикъ Ермолова.

Кавалергардскій офицеръ пошелъ къ генералу, у котораго часто бывалъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, и генерала нѣтъ.

Кавалергардскій офицеръ, сѣвъ верхомъ, поѣхалъ къ другому.

— Нѣтъ, уѣхали.

«Какъ бы мнѣ не отвѣчать за промедленіе! Вотъ досада!» думалъ офицеръ. Онъ объѣздилъ весь лагерь. Кто говорилъ, что видѣли, какъ Ермоловъ проѣхалъ съ другими генералами куда-то; кто говорилъ, что онъ, вѣрно, опять дома. Офицеръ, не обѣдая, искалъ до 6-ти часовъ вечера. Нигдѣ Ермолова не было, и никто не зналъ, гдѣ онъ былъ. Офицеръ наскоро перекусилъ у товарища и поѣхалъ опять въ авангардъ къ Милорадовичу. Милорадовича не было тоже дома, но тутъ ему

---

[1]) Первая колонна маршируетъ.

сказали, что Милорадовичъ на балу у генерала Кикина, что, должно-быть, и Ермоловъ тамъ.

— Да гдѣ же это?

— А вонъ, въ Ечкинѣ,—сказалъ казачій офицеръ, указывая на далекій помѣщичій домъ.

— Да какъ же тамъ, за цѣпью!

— Выслали два полка нашихъ въ цѣпь; тамъ нынче такой кутежъ идетъ, бѣда! Двѣ музыки, три хора пѣсенниковъ.

Офицеръ поѣхалъ за цѣпь къ Ечкину. Издалека еще, подъѣзжая къ дому, онъ услыхалъ дружные, веселые звуки плясовой солдатской пѣсни.

— «Во-олузяхъ... во-олузяхъ!...» съ присвистомъ и съ торбаномъ слышалось ему, изрѣдка заглушаемое крикомъ голосовъ. Офицеру и весело стало на душѣ отъ этихъ звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно за то, что онъ виноватъ, такъ долго не передавъ важнаго, порученнаго ему, приказанія. Былъ уже 9-й часъ. Онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ на крыльцо большого, сохранившагося въ цѣлости, помѣщичьяго дома, находившагося между русскихъ и французовъ. Въ буфетѣ и въ передней суетились лакеи съ винами и яствами. Подъ окнами стояли пѣсенники. Офицера ввели въ дверь, и онъ увидалъ вдругъ всѣхъ вмѣстѣ важнѣйшихъ генераловъ арміи, въ томъ числѣ и большую, замѣтную фигуру Ермолова. Всѣ генералы были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, съ красными, оживленными лицами, и громко смѣялись, стоя полукругомъ. Въ серединѣ залы красивый, невысокій генералъ съ краснымъ лицомъ бойко и ловко выдѣлывалъ трепака.

— Ха, ха, ха! Ай-да Николай Ивановичъ! Ха, ха, ха!..

Офицеръ чувствовалъ, что, входя въ эту минуту съ важнымъ приказаніемъ, онъ дѣлается вдвойнѣ виноватъ, и онъ хотѣлъ подождать; но одинъ изъ генераловъ увидалъ его и, узнавъ, зачѣмъ онъ, сказалъ Ермолову. Ермоловъ съ нахмуреннымъ лицомъ вышелъ къ офицеру и, выслушавъ, взялъ отъ него бумагу, ничего не сказавъ ему.

— Ты думаешь, это онъ нечаянно уѣхалъ?—сказалъ въ этотъ вечеръ штабный товарищъ кавалергардскому офицеру про Ермолова.—Это штуки, это все нарочно. Коновницына подкатить. Посмотри, завтра каша какая будетъ!

V.

На другой день рано утромъ дряхлый Кутузовъ велѣлъ разбудить себя, помолился Богу, одѣлся и съ непріятнымъ сознаніемъ того, что онъ долженъ руководить сраженіемъ, кото-

рое онъ не одобрялъ, сѣлъ въ коляску и выѣхалъ изъ Леташовки, 5 верстъ позади Тарутина, къ тому мѣсту, гдѣ должны были быть собраны наступающія колонны. Кутузовъ ѣхалъ, засыпая и просыпаясь, и прислушиваясь, нѣтъ ли справа выстрѣловъ, не начиналось ли дѣло. Но все еще было тихо. Только начинался разсвѣтъ сырого и пасмурнаго осенняго дня. Подъѣзжая къ Тарутину, Кутузовъ замѣтилъ кавалеристовъ, ведшихъ на водопой лошадей черезъ дорогу, по которой ѣхала коляска. Кутузовъ присмотрѣлся къ нимъ, остановилъ коляску и спросилъ, какого полка. Кавалеристы были изъ той колонны, которая должна была быть уже давно далеко впереди, въ засадѣ. «Ошибка, можетъ-быть», подумалъ старый главнокомандующій. Но, проѣхавъ еще дальше, Кутузовъ увидалъ пѣхотные полки, ружья въ козлахъ, солдатъ за кашей и съ дровами, въ подштанникахъ. Позвали офицера. Офицеръ доложилъ, что никакого приказанія о выступленіи не было.

— Какъ не бы..., — началъ Кутузовъ, но тотчасъ же замолчалъ и приказалъ позвать къ себѣ старшаго офицера. Вылѣзши изъ коляски, опустивъ голову и тяжело дыша, молча ожидая, онъ ходилъ взадъ и впередъ. Когда явился потребованный офицеръ генеральнаго штаба Эйхенъ, Кутузовъ побагровѣлъ не оттого, что этотъ офицеръ былъ виною ошибки, но оттого, что онъ былъ достойный предметъ для выраженія гнѣва. И, трясясь, задыхаясь, старый человѣкъ, придя въ то состояніе бѣшенства, въ которое онъ въ состояніи былъ приходить, когда валялся по землѣ отъ гнѣва, онъ напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругаясь площадными словами. Другой подвернувшійся, капитанъ Брозинъ, ни въ чемъ не виноватый, потерпѣлъ ту же участь.

— Это что за каналья еще? Разстрѣлять! Мерзавцы! — хрипло кричалъ онъ, махая руками и шатаясь.

Онъ испытывалъ физическое страданіе. Онъ, главнокомандующій, свѣтлѣйшій, котораго всѣ увѣряютъ, что никто никогда не имѣлъ въ Россіи такой власти, какъ онъ, онъ поставленъ въ это положеніе — поднятъ на смѣхъ передъ всей арміей. «Напрасно такъ хлопоталъ молиться о нынѣшнемъ днѣ, напрасно не спалъ ночь и все обдумывалъ!» думалъ онъ о самомъ себѣ. «Когда былъ мальчишкой-офицеромъ, никто бы не смѣлъ такъ насмѣяться надо мной... А теперь!» Онъ испытывалъ физическое страданіе, какъ отъ тѣлеснаго наказанія, и не могъ не выражать его гнѣвными и страдальческими криками; но скоро силы его ослабѣли, и онъ, оглядываясь, чувствуя, что онъ много наговорилъ нехорошаго, сѣлъ въ коляску и молча уѣхалъ назадъ.

Излившійся гнѣвъ уже не возвращался болѣе, и Кутузовъ, слабо мигая глазами, выслушивалъ оправданія, и слова защиты (Ермоловъ самъ не являлся къ нему до другого дня), и настоянія Бенигсена, Коновницына и Толя о томъ, чтобы то же неудавшееся движеніе сдѣлать на другой день. И Кутузовъ долженъ былъ опять согласиться.

VI.

На другой день войска съ вечера собрались въ назначенныхъ мѣстахъ и ночью выступили. Была осенняя ночь съ черно-лиловатыми тучами, но безъ дождя. Земля была влажна, но грязи не было, и войска шли безъ шума, только слабо слышно было изрѣдка бренчаніе артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанія. Таинственность предпріятія увеличивала его привлекательность. Люди шли весело. Нѣкоторыя колонны остановились, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ, полагая, что онѣ пришли туда, куда надо было; нѣкоторыя (большинство) колонны шли цѣлую ночь и, очевидно, зашли не туда, куда имъ надо было.

Графъ Орловъ-Денисовъ съ казаками (самый незначительный отрядъ изъ всѣхъ другихъ) одинъ попалъ на свое мѣсто и въ свое время. Отрядъ этотъ остановился у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ деревни Строміловой въ Дмитровское.

Передъ зарею задремавшаго графа Орлова разбудили. Привели перебѣжчика изъ французскаго лагеря. Это былъ польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго. Унтеръ-офицеръ этотъ по-польски объяснилъ, что онъ перебѣжалъ потому, что его обидѣли по службѣ, что ему давно бы пора быть офицеромъ, что онъ храбрѣе всѣхъ, и потому бросилъ ихъ и хочетъ ихъ наказать. Онъ говорилъ, что Мюратъ ночуетъ въ верстѣ отъ нихъ и что, ежели ему дадутъ сто человѣкъ конвою, онъ живьемъ возьметъ его. Графъ Орловъ-Денисовъ посовѣтовался съ своими товарищами. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться. Всѣ вызывались ѣхать, всѣ совѣтовали попытаться. Послѣ многихъ споровъ и соображеній генералъ-майоръ Грековъ съ двумя казачьими полками рѣшился ѣхать съ унтеръ-офицеромъ.

— Ну, помни же,—сказалъ графъ Орловъ-Денисовъ унтеръ-офицеру, отпуская его:—въ случаѣ ты совралъ, я тебя велю повѣсить, какъ собаку; а правда — сто червонцевъ.

Унтеръ-офицеръ съ рѣшительнымъ видомъ не отвѣчалъ на эти слова, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ съ быстро собравшимся

Грековымъ. Они скрылись въ лѣсу. Графъ Орловъ, пожимаясь отъ свѣжести начинавшаго брезжить утра, взволнованный тѣмъ, что имъ затѣяно на свою отвѣтственность, проводивъ Грекова, вышелъ изъ лѣса и сталъ оглядывать непріятельскій лагерь, виднѣвшійся теперь обманчиво въ свѣтѣ начинавшагося утра и догоравшихъ костровъ. Справа отъ графа Орлова-Денисова, по открытому склону, должны были показаться наши колонны. Графъ Орловъ глядѣлъ туда; но, несмотря на то, что издалека онѣ были бы замѣтны, колоннъ этихъ не было видно. Во французскомъ лагерѣ, какъ показалось графу Орлову-Денисову, и особенно по словамъ его очень зоркаго адъютанта, начинали шевелиться.

— Ахъ, право, поздно,—сказалъ графъ Орловъ, поглядѣвъ на лагерь.

Ему вдругъ, какъ это часто бываетъ послѣ того, какъ человѣка, которому мы повѣримъ, нѣтъ больше передъ глазами, ему вдругъ совершенно ясно и очевидно стало, что унтеръ-офицеръ этотъ обманщикъ, что онъ навралъ и только испортитъ все дѣло атаки отсутствіемъ этихъ двухъ полковъ, которые онъ заведетъ Богъ знаетъ куда. Можно ли изъ такой массы войскъ выхватить главнокомандующаго!

— Право, онъ вретъ, этотъ шельма, — сказалъ графъ.

— Можно воротить, — сказалъ одинъ изъ свиты, который почувствовалъ такъ же, какъ и графъ Орловъ-Денисовъ, недовѣріе предпріятію, когда посмотрѣлъ на лагерь.

— А? Право... какъ вы думаете? Или оставить? Или нѣтъ?

— Прикажете воротить?

— Воротить, воротить!—вдругъ рѣшительно сказалъ графъ Орловъ, глядя на часы. — Поздно будетъ, совсѣмъ свѣтло.

И адъютантъ поскакалъ лѣсомъ за Грековымъ. Когда Грековъ вернулся, графъ Орловъ-Денисовъ, взволнованный и этой отмѣненной попыткой, и тщетнымъ ожиданіемъ пѣхотныхъ колоннъ, которыя все не показывались, и близостью непріятеля (всѣ люди его отряда испытывали то же), рѣшилъ наступать.

Шопотомъ прокомандовалъ онъ: «садись!» Распредѣлились, перекрестились... «Съ Богомъ!»

«Урааааа!» зашумѣло по лѣсу, и одна сотня за другой, какъ изъ мѣшка высыпаясь, полетѣли весело казаки, съ своими дротиками на перевѣсъ, черезъ ручей къ лагерю.

Одинъ отчаянный, испуганный крикъ перваго увидавшаго казаковъ француза—и все, что было въ лагерѣ, неодѣтое, спросонокъ, бросило пушки, ружья, лошадей и побѣжало куда попало.

Ежели бы казаки преслѣдовали французовъ, не обращая вниманія на то, что было позади и вокругъ нихъ, они взяли бы и Мюрата, и все, что тутъ было. Начальники и хотѣли этого. Но нельзя было сдвинуть съ мѣста казаковъ, когда они добрались до добычи и плѣнныхъ. Команды никто не слушалъ. Взято было тутъ же 1500 человѣкъ плѣнныхъ, 38 орудій, знамена и, что важнѣе всего для казаковъ, лошади, сѣдла, одѣяла и различные предметы. Со всѣмъ этимъ надо было обойтись: прибрать къ рукамъ плѣнныхъ, пушки, подѣлить добычу, покричать, даже подраться между собой; всѣмъ этимъ занялись казаки.

Французы, не преслѣдуемые болѣе, стали опоминаться, собрались командами и принялись стрѣлять. Орловъ-Денисовъ ожидалъ все колонны и не наступалъ дальше.

Между тѣмъ по диспозиціи: die erste Colonne marschirt и т. д., пѣхотныя войска опоздавшихъ колоннъ, которыми командовалъ Бенигсенъ и управлялъ Толь, выступили какъ слѣдуетъ и, какъ всегда бываетъ, пришли куда-то, но не туда, куда имъ было назначено. Какъ и всегда бываетъ, люди, вышедшіе весело, стали останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы, двинулись куда-то назадъ. Проскакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили, что совсѣмъ не туда и опоздали, кого-то бранили и т. д., и наконецъ всѣ махнули рукой и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда-нибудь. «Куда-нибудь да придемъ!» И, дѣйствительно, пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали такъ, что пришли безъ всякой пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли. Толь, который въ этомъ сраженіи игралъ роль Вейротера въ Аустерлицкомъ, старательно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто и вездѣ находилъ все навыворотъ. Такъ онъ наскакалъ на корпусъ Баговута въ лѣсу, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ былъ быть тамъ, съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный и огорченный неудачей и полагая, что кто-нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толь подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстрѣлять слѣдуетъ. Баговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницей, противорѣчіями, къ удивленію всѣхъ, совершенно противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толю.

— Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать съ своими солдатами умѣю не хуже другого, — сказалъ онъ и съ одной дивизіей пошелъ впередъ.

Выйдя на поле подъ французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его вступленіе въ дѣло теперь и съ одной дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Опасность, ядра, пули были то самое, что ему было нужно въ его гнѣвномъ настроеніи. Одна изъ первыхъ пуль убила его, слѣдующія пули убили многихъ солдатъ. И дивизія его постояла нѣсколько времени безъ пользы подъ огнемъ.

VII.

Между тѣмъ съ фронта другая колонна должна была напасть на французовъ, но при этой колоннѣ былъ Кутузовъ. Онъ зналъ хорошо, что ничего, кромѣ путаницы, не выйдетъ изъ этого, противъ его воли начатаго, сраженія, и, насколько то было въ его власти, удерживалъ войска. Онъ не двигался.

Кутузовъ молча ѣхалъ на своей сѣренькой лошадкѣ, лѣниво отвѣчая на предложеніе атаковать.

— У васъ все на языкѣ атаковать, а не видите, что мы не умѣемъ дѣлать сложныхъ маневровъ, — сказалъ онъ Милорадовичу, просившемуся впередъ.

— Не умѣли утромъ взять живьемъ Мюрата и придти вовремя на мѣсто: теперь нечего дѣлать!—отвѣчалъ онъ другому.

Когда Кутузову доложили, что въ тылу французовъ, гдѣ, по донесеніямъ казаковъ, прежде никого не было, теперь было два батальона поляковъ, онъ покосился назадъ на Ермолова (онъ съ нимъ не говорилъ еще со вчерашняго дня).

— Вотъ, просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу — ничего не готово, и предупрежденный непріятель беретъ свои мѣры.

Ермоловъ прищурилъ глаза и слегка улыбнулся, услыхавъ эти слова. Онъ понялъ, что для него гроза прошла и что Кутузовъ ограничится этимъ намекомъ.

— Это онъ на мой счетъ забавляется, — тихо сказалъ Ермоловъ, толкнувъ колѣнкой Раевскаго, стоявшаго подлѣ него.

Вскорѣ послѣ этого Ермоловъ выдвинулся впередъ къ Кутузову и почтительно доложилъ:

— Время не упущено, ваша свѣтлость, непріятель не ушелъ,—если прикажете наступать. А то гвардія и дыма не увидитъ.

Кутузовъ ничего не сказалъ, но, когда ему донесли, что войска Мюрата отступаютъ, онъ приказалъ наступленіе, но черезъ каждые сто шаговъ останавливался на три четверти часа.

Все сраженіе состояло только въ томъ, что сдѣлали казаки Орлова-Денисова; остальныя войска лишь напрасно потеряли нѣсколько сотъ людей.

Вслѣдствіе этого сраженія Кутузовъ получилъ алмазный знакъ, Бенигсенъ — тоже алмазы и сто тысячъ рублей, другіе по чинамъ соотвѣтственно получили тоже много пріятнаго, и послѣ этого сраженія сдѣланы еще новыя перемѣщенія въ штабѣ.

«Вотъ какъ *у насъ всегда* дѣлается, все навыворотъ!» говорили послѣ Тарутинскаго сраженія русскіе офицеры и генералы, точно такъ же, какъ и говорятъ теперь, давая чувствовать, что кто-то тамъ глупый дѣлаетъ такъ навыворотъ, а мы бы не такъ сдѣлали. Но люди, говорящіе такъ, или не знаютъ дѣла, про которое говорятъ, или умышленно обманываютъ себя. Всякое сраженіе — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое, всякое — совершается не такъ, какъ предполагали его распорядители. Это есть существенное условіе.

Безчисленное количество свободныхъ силъ (ибо нигдѣ человѣкъ не бываетъ свободнѣе, какъ во время сраженія, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти) вліяетъ на направленіе сраженія, и это направленіе никогда не можетъ быть извѣстно впередъ и никогда не совпадаетъ съ направленіемъ какой-нибудь одной силы.

Ежели многія одновременно и разнообразно направленныя силы дѣйствуютъ на какое-нибудь тѣло, то направленіе движенія этого тѣла не можетъ совпадать ни съ одной изъ силъ, а будетъ всегда среднее, кратчайшее направленіе, — то, что въ механикѣ выражается діагональю параллелограмма силъ.

Ежели въ описаніяхъ историковъ, въ особенности французскихъ, мы находимъ, что у нихъ войны и сраженія исполняются по впередъ опредѣленному плану, то единственный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этого, состоитъ въ томъ, что описанія эти невѣрны.

Тарутинское сраженіе, очевидно, не достигло той цѣли, которую имѣлъ въ виду Толь: по порядку ввести по диспозиціи въ дѣло войска; и той, которую могъ имѣть графъ Орловъ: взять въ плѣнъ Мюрата; или цѣли истребленія мгновенно всего корпуса, которую могли имѣть Бенигсенъ и другія лица; или цѣли офицера, желавшаго попасть въ дѣло и отличиться; или казака, который хотѣлъ пріобрѣсти больше добычи, чѣмъ онъ пріобрѣлъ, и т. д. Но если цѣлью было то, что дѣйствительно совершилось, и то, что для всѣхъ русскихъ людей тогда было общимъ желаніемъ (изгнаніе французовъ изъ Россіи и истребле-

ніе ихъ арміи), то будетъ совершенно ясно, что Тарутинское сраженіе, именно вслѣдствіе его несообразностей, было то самое, что было нужно въ тотъ періодъ кампаніи. Трудно и невозможно придумать какой-нибудь исходъ этого сраженія болѣе цѣлесообразный, чѣмъ тотъ, который оно имѣло. При самомъ маломъ напряженіи, при величайшей путаницѣ и при самой ничтожной потерѣ были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію, былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость французовъ и былъ данъ тотъ толчокъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства.

VIII.

Наполеонъ вступаетъ въ Москву послѣ блестящей побѣды de la Moskowa; сомнѣнія въ побѣдѣ не можетъ быть, такъ какъ поле сраженія остается за французами. Русскіе отступаютъ и отдаютъ столицу. Москва, наполненная провіантомъ, оружіемъ, снарядами и несмѣтными богатствами, въ рукахъ Наполеона. Русское войско, вдвое слабѣйшее французскаго, въ продолженіе мѣсяца не дѣлаетъ ни одной попытки нападенія. Положеніе Наполеона самое блестящее. Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки русской арміи и истребить ее; для того, чтобы выговорить выгодный миръ или, въ случаѣ отказа, сдѣлать угрожающее движеніе на Петербургъ; для того, чтобы, даже въ случаѣ неудачи, вернуться въ Смоленскъ или въ Вильну, или остаться въ Москвѣ; для того, однимъ словомъ, чтобы удержать то блестящее положеніе, въ которомъ находилось въ то время французское войско, казалось бы не нужно особенной геніальности. Для этого нужно было сдѣлать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимнія одежды, которыхъ достало бы въ Москвѣ на всю армію, и правильно собрать находившійся въ Москвѣ болѣе чѣмъ на полгода (по показанію французскихъ историковъ) провіантъ всему войску. Наполеонъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ и имѣвшій власть управлять арміей, какъ утверждаютъ историки, ничего не сдѣлалъ этого.

Онъ не только не сдѣлалъ ничего этого, но, напротивъ, употребилъ свою власть на то, чтобы изъ всѣхъ представлявшихся ему путей дѣятельности выбрать то, что было глупѣе и пагубнѣе всего. Изъ всего, что могъ сдѣлать Наполеонъ: зимовать въ Москвѣ, идти въ Петербургъ, идти на Нижній-Новгородъ, идти назадъ, сѣвернѣе или южнѣе (тѣмъ путемъ, кото-

рымъ пошелъ потомъ Кутузовъ), ну что̀ бы ни придумать, — глупѣе и пагубнѣе того, что сдѣлалъ Наполеонъ, т.-е. оставаться до октября въ Москвѣ, предоставляя войскамъ грабить городъ; потомъ, колеблясь оставить гарнизонъ, выйти изъ Москвы, подойти къ Кутузову, не начать сраженія, пойти вправо, дойти до Малаго Ярославца, опять не испытавъ случайности пробиться; пойти не по той дорогѣ, по которой пошелъ Кутузовъ, а пойти назадъ на Можайскъ по разоренной Смоленской дорогѣ, — глупѣе этого, пагубнѣе для войска ничего нельзя было придумать, какъ то и показали послѣдствія. Пускай самые искусные стратегики придумаютъ, — представивъ себѣ, что цѣль Наполеона состояла въ томъ, чтобы погубить свою армію, — придумаютъ другой рядъ дѣйствій, который бы съ такою же несомнѣнностью и независимостью отъ всего того, что бы ни предприняли русскія войска, погубилъ такъ совершенно всю французскую армію, какъ то, что сдѣлалъ Наполеонъ!

Геніальный Наполеонъ сдѣлалъ это. Но сказать, что Наполеонъ погубилъ свою армію потому, что онъ хотѣлъ этого, или потому, что онъ былъ очень глупъ, было бы точно такъ же несправедливо, какъ сказать, что Наполеонъ довелъ свои войска до Москвы потому, что онъ хотѣлъ этого, и потому, что онъ былъ очень уменъ и геніаленъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ личная дѣятельность его, не имѣвшая больше силы, чѣмъ личная дѣятельность каждаго солдата, только совпадала съ тѣми законами, по которымъ совершалось явленіе.

Совершенно ложно (только потому, что послѣдствія не оправдали дѣятельности Наполеона) представляютъ намъ историки силы Наполеона ослабѣвшими въ Москвѣ. Онъ точно такъ же, какъ и прежде, какъ и послѣ, въ 13-мъ году, употреблялъ все свое умѣніе и силы на то, чтобы сдѣлать наилучшее для себя и своей арміи. Дѣятельность Наполеона за это время не менѣе изумительна, чѣмъ въ Египтѣ, въ Италіи, въ Австріи и въ Пруссіи. Мы не знаемъ вѣрно о томъ, въ какой степени была дѣйствительна геніальность Наполеона въ Египтѣ, гдѣ 40 вѣковъ смотрѣли на его величіе, потому что эти всѣ великіе подвиги описаны намъ только французами. Мы не можемъ вѣрно судить о его геніальности въ Австріи и Пруссіи, такъ какъ свѣдѣнія о его дѣятельности тамъ должны черпать изъ французскихъ и нѣмецкихъ источниковъ; а непостижимая сдача въ плѣнъ корпусовъ безъ сраженій и крѣпостей безъ осады должна склонять нѣмцевъ къ признанію геніальности, какъ къ единственному объясненію той войны, которая велась въ Германіи. Но намъ

признавать его геніальность, чтобы скрыть свой стыдъ, слава Богу, нѣтъ причины. Мы заплатили за то, чтобы имѣть право просто и прямо смотрѣть на дѣло, и мы не уступимъ этого права.

Дѣятельность его въ Москвѣ такъ же изумительна и геніальна, какъ и вездѣ. Приказанія за приказаніями и планы за планами исходятъ изъ него со времени его вступленія въ Москву и до выхода изъ нея. Отсутствіе жителей и депутаціи и самый пожаръ Москвы не смущаютъ его. Онъ не упускаетъ изъ виду ни блага своей арміи, ни дѣйствій непріятеля, ни блага народовъ Россіи, ни управленія дѣлами Парижа, ни дипломатическихъ соображеній о предстоящихъ условіяхъ мира.

IX.

Въ военномъ отношеніи, тотчасъ по вступленіи въ Москву Наполеонъ строго приказываетъ генералу Себастіани слѣдить за движеніями русской арміи, разсылаетъ корпуса по разнымъ дорогамъ и Мюрату приказываетъ найти Кутузова. Потомъ онъ старательно распоряжается объ укрѣпленіи Кремля; потомъ дѣлаетъ геніальный планъ будущей кампаніи по всей картѣ Россіи.

Въ отношеніи дипломатическомъ, Наполеонъ призываетъ къ себѣ ограбленнаго и оборваннаго капитана Яковлева, не знающаго, какъ выбраться изъ Москвы, подробно излагаетъ ему всю свою политику и свое великодушіе и, написавъ письмо къ императору Александру, въ которомъ онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить своему другу и брату, что Растопчинъ дурно распорядился въ Москвѣ, онъ отправляетъ Яковлева въ Петербургъ. Изложивъ такъ же подробно свои виды и великодушіе передъ Тутолминымъ, онъ и этого старичка отправляетъ въ Петербургъ для переговоровъ.

Въ отношеніи юридическомъ, тотчасъ же послѣ пожаровъ велѣно найти виновныхъ и казнить ихъ. И злодѣй Растопчинъ наказанъ тѣмъ, что велѣно сжечь его дома.

Въ отношеніи административномъ, Москвѣ дарована конституція. Учрежденъ муниципалитетъ и обнародовано слѣдующее:

«Жители Москвы!

«Несчастья ваши жестоки, но его величество императоръ и король хочетъ прекратить теченіе оныхъ. Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе. Строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпо-

рядокъ и возвратить общую безопасность. Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ, или градское правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но, исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

«Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а черезъ ея дѣятельность уже лучше существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ комиссаровъ, или полицмейстеровъ, и 20 комиссаровъ, или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки. Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастью. Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія; чтобы забыли, ежели можно, ваши несчастья, которыя претерпѣли; предались надеждѣ не столь жестокой судьбы; были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества; а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены,—ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и жители, какой бы вы націи ни были! Возстановите публичное довѣріе, источникъ счастья государства; живите, какъ братья; дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство; соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ; повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ: и скоро ваши слезы течь перестанутъ».

Въ отношеніи продовольствія войска, Наполеонъ предписалъ всѣмъ войскамъ поочередно ходить въ Москву à la maraude для заготовленія себѣ провіанта, такъ чтобы, такимъ образомъ, армія была обезпечена на будущее время.

Въ отношеніи религіозномъ, Наполеонъ приказалъ ramener les popes[1]) и возобновить служеніе въ церквахъ.

Въ торговомъ отношеніи и для продовольствія арміи, было развѣшано вездѣ слѣдующее:

---

[1]) Привести назадъ поповъ.

Провозглашеніе.

«Вы, спокойные московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастья удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте! Тишина возвращается въ сію столицу, и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя, что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ нихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается. Е. в. императоръ и король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ, кои ослушиваются его повелѣніямъ. Онъ хочетъ прекратить ваши несчастья и возвратить васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ. Соотвѣтствуйте же его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности. Жители! Возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища: вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ! Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! Приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ: домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату! И вы, наконецъ, крестьяне, выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страха въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи, что найдете защищеніе. Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестьяне могутъ привозить излишніе свои запасы и земельныя растенія. Правительство приняло слѣдующія мѣры, чтобъ обезпечить имъ свободную продажу: 1) Считая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого бы рода они ни были, въ двухъ назначенныхъ лабазахъ, т.-е. на Моховую и въ Охотный рядъ. 2) Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но ежели продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то продавецъ воленъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ. 3) Каждое воскресенье и среда назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено по вторникамъ и субботамъ на всѣхъ большихъ дорогахъ, въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы. 4) Таковыя же мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовало препятствія. 5) Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкно-

венныхъ торговъ. Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой бы вы націи ни были! Васъ вызываютъ исполнять отеческія намѣренія е. в. императора и короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами!»

Въ отношеніи поднятія духа войска и народа, безпрестанно дѣлались смотры, раздавались награды. Императоръ разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ и утѣшалъ жителей; и, несмотря на всю озабоченность государственными дѣлами, самъ посѣтилъ учрежденные по его приказанію театры.

Въ отношеніи благотворительности, лучшей доблести вѣнценосцевъ,—Наполеонъ дѣлалъ тоже все, что̀ отъ него зависѣло. На богоугодныхъ заведеніяхъ онъ велѣлъ надписать: «Maison de ma mère», соединяя этимъ актомъ нѣжное сыновнее чувство съ величіемъ добродѣтели монарха. Онъ посѣтилъ воспитательный домъ и, давъ облобызать свои бѣлыя руки спасеннымъ имъ сиротамъ, милостиво бесѣдовалъ съ Тутолминымъ. Потомъ, по краснорѣчивому изложенію Тьера, онъ велѣлъ раздать жалованье своимъ войскамъ русскими, сдѣланными имъ, фальшивыми деньгами. «Relevant l'emploi de ces moyens par un acte digne de lui et de l'armée française, il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étant trop précieux pour être donnés à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent à fin qu'ils se fournissent au dehors, et il leur fit distribuer des roubles papiers» [1]).

Въ отношеніи дисциплины арміи, безпрестанно выдавались приказы о строгихъ взысканіяхъ за неисполненіе долга службы и о прекращеніи грабежа.

X.

Но, странное дѣло, всѣ эти распоряженія, заботы и планы, бывшіе вовсе не хуже другихъ, издаваемыхъ въ подобныхъ же случаяхъ, не затрогивали сущности дѣла, а, какъ стрѣлки циферблата въ часахъ, отдѣленнаго отъ механизма, вертѣлись произвольно и безцѣльно, не захватывая колесъ.

---

[1]) Возвышая употребленіе этихъ мѣръ дѣйствіемъ, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ раздать пособія погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги для того, чтобы давать ихъ людямъ чужой земли и по большей части враждебно расположеннымъ, Наполеонъ счелъ лучшимъ дать имъ денегъ, чтобы они добывали себѣ продовольствіе на сторонѣ; и онъ приказалъ одѣлять ихъ бумажными рублями.

Въ военномъ отношеніи, геніальный планъ кампаніи, про который Тьеръ говоритъ: «que son génie n'avait jamais rien imaginé de plus profond, de plus habile et de plus admirable»[1]), и относительно котораго Тьеръ, вступая въ полемику съ г-мъ Феномъ, доказываетъ, что составленіе этого геніальнаго плана должно быть отнесено не къ 4-му, а къ 15-му октября,—планъ этотъ никогда не былъ и не могъ быть исполненъ, потому что ничего не имѣлъ близкаго къ дѣйствительности. Укрѣпленіе Кремля, для котораго надо было срыть la Mosquée (такъ Наполеонъ назвалъ церковь Василія Блаженнаго), оказалось совершенно безполезнымъ. Подведеніе минъ подъ Кремлемъ только содѣйствовало исполненію желанія императора при выходѣ изъ Москвы, чтобы Кремль былъ взорванъ, т.-е. чтобы былъ побитъ тотъ полъ, о который убился ребенокъ. Преслѣдованіе русской арміи, которое такъ озабочивало Наполеона, представило неслыханное явленіе. Французскіе военачальники потеряли 60-тысячную русскую армію, и только, по словамъ Тьера, искусству и, кажется тоже, геніальности Мюрата удалось найти, какъ булавку, эту 60-тысячную русскую армію.

Въ дипломатическомъ отношеніи, всѣ доводы Наполеона о своемъ великодушіи и справедливости и передъ Тутолминымъ и передъ Яковлевымъ, озабоченнымъ преимущественно пріобрѣтеніемъ шинели и повозки, оказались безполезны: Александръ не принялъ этихъ пословъ и не отвѣчалъ на ихъ посольство.

Въ отношеніи юридическомъ, послѣ казни мнимыхъ поджигателей сгорѣла другая половина Москвы.

Въ отношеніи административномъ, учрежденіе муниципалитета не остановило грабежа и принесло только пользу нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ муниципалитетѣ и, подъ предлогомъ соблюденія порядка, грабившимъ Москву или сохранявшимъ свое отъ грабежа.

Въ отношеніи религіозномъ, такъ легко устроенное дѣло въ Египтѣ, посредствомъ посѣщенія мечети, здѣсь не принесло никакихъ результатовъ. Два или три священника, найденные въ Москвѣ, попробовали исполнить волю Наполеона, но одного изъ нихъ по щекамъ прибилъ французскій солдатъ во время службы, а про другого доносилъ слѣдующее французскій чиновникъ: «Le prêtre, que j'avais découvert et invité à recommencer à dire la messe, a nettoyé et fermé l'église. Cette nuit on est venu de

---

[2]) Геній его никогда не изобрѣталъ ничего болѣе глубокаго, болѣе искуснаго и болѣе удивительнаго.

nouveau enfoncer les portes, casser les cadenas, déchirer les livres et commettre d'autres desordres» [1]).

Въ торговомъ отношенiи, на провозглашенiе трудолюбивымъ ремесленникамъ и всѣмъ крестьянамъ не послѣдовало никакого отвѣта. Трудолюбивыхъ ремесленниковъ не было, а крестьяне ловили тѣхъ комиссаровъ, которые слишкомъ далеко заѣзжали съ этимъ провозглашенiемъ, и убивали ихъ.

Въ отношенiи увеселенiй народа и войска театрами, дѣло точно такъ же не удалось. Учрежденные въ Кремлѣ и въ домѣ Познякова театры тотчасъ же закрылись, потому что ограбили актрисъ и актеровъ.

Благотворительность—и та не принесла желаемыхъ результатовъ. Фальшивыя ассигнацiи и нефальшивыя наполняли Москву и не имѣли цѣны. Для французовъ, собиравшихъ добычу, нужно было только золото. Не только фальшивыя ассигнацiи, которыя Наполеонъ такъ милостиво раздавалъ несчастнымъ, не имѣли цѣны, но серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото.

Но самое поразительное явленiе недѣйствительности высшихъ распоряженiй въ то время было старанiе Наполеона остановить грабежи и возстановить дисциплину.

Вотъ что доносили чины армiи:

«Грабежи продолжаются въ городѣ, несмотря на повелѣнiе прекратить ихъ. Порядокъ еще не возстановленъ, и нѣтъ ни одного купца, отправляющаго торговлю законнымъ образомъ. Только маркитанты позволяютъ себѣ продавать, да и то награбленныя вещи».

«La partie de mon arrondissement continue à être en proie au pillage des soldats du 3 corps, qui, non contents d'arracher aux malheureux réfugiés dans des souterrains le peu qui leur reste, ont même la férocité de les blesser à coups de sabre, comme j'en ai vu plusieurs exemples» [2]).

«Rien de nouveau outre que les soldats se permettent de voler et de piller, le 9 octobre».

---

[1]) Священникъ, котораго я нашелъ и пригласилъ начать служить обѣдни, вычистилъ и заперъ церковь. Въ ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другiе безпорядки.

[2]) Часть моего округа продолжаетъ подвергаться грабежу солдатъ 3-го корпуса, которые не довольствуются тѣмъ, что отнимаютъ скудное достоянiе несчастныхъ жителей, попрятавшихся въ подвалы, но еще и съ жестокостью бьютъ ихъ саблями, какъ я самъ много разъ видѣлъ.

«Le vol et le pillage continuent. Il y a une bande de voleurs dans notre district qu'il faudra faire arrêter par de fortes gardes le 11 octobre» [1]).

«Императоръ чрезвычайно недоволенъ, что, несмотря на строгія повелѣнія остановить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающіеся въ Кремль.—Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ сильнѣе, нежели когда-либо, возобновились вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, назначенные охранять его особу, долженствующіе подавать примѣръ подчиненности, до такой степени простираютъ ослушаніе, что разбиваютъ погреба и магазины, заготовленные для арміи. Другіе унизились до того, что не слушали часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, ругали ихъ и били».

«Le grand maréchal du palais se plaint vivement», писалъ губернаторъ, «que malgré les défenses réitérées, les soldats continuent à faire leurs besoins dans toutes les cours et même jusque sous les fenêtres de l'Empereur» [2]).

Войско это, какъ распущенное стадо, топча подъ ногами тотъ кормъ, который могъ бы спасти его отъ голодной смерти, распадалось и гибло съ каждымъ днемъ лишняго пребыванія въ Москвѣ. Но оно не двигалось

Оно побѣжало только тогда, когда его вдругъ охватилъ паническій страхъ, произведенный перехватами обозовъ по Смоленской дорогѣ и Тарутинскимъ сраженіемъ. Это же самое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи, неожиданно на смотру полученное Наполеономъ, вызвало въ немъ желаніе наказать русскихъ, какъ говоритъ Тьеръ, и онъ отдалъ приказаніе о выступленіи, котораго требовало все войско.

Убѣгая изъ Москвы, люди этого войска захватили съ собой все, что было награблено. Наполеонъ тоже увозилъ съ собой свой собственный trésor. Увидавъ обозъ, загромождавшій армію, Наполеонъ ужаснулся (какъ говоритъ Тьеръ). Но онъ, съ своею опытностью войны, не велѣлъ сжечь всѣ лишнія повозки, какъ онъ это сдѣлалъ съ повозками маршала, подходя къ Москвѣ;

---

[1]) Ничего новаго, только, что солдаты позволяютъ себѣ грабить и воровать, 9-го октября.

Воровство и грабежъ продолжаются. Существуетъ шайка воровъ въ нашемъ уѣздѣ, которую надо будетъ остановить сильными отрядами, 11-го октября.

[2]) Оберъ-церемоніймейстеръ дворца сильно жалуется на то, что, несмотря на всѣ запрещенія, солдаты продолжаютъ ходить на часъ во всѣхъ дворахъ и даже подъ окнами императора.

онъ посмотрѣлъ на эти коляски и кареты, въ которыхъ ѣхали солдаты, и сказалъ, что это очень хорошо, что экипажи эти употребятся для провіанта, больныхъ и раненыхъ.

Положеніе всего войска было подобно положенію раненаго животнаго, чувствующаго свою погибель и не знающаго, что оно дѣлаетъ. Изучать искусные маневры и цѣли Наполеона и его войска, со времени вступленія въ Москву и до уничтоженія этого войска, все равно, что изучать значеніе предсмертныхъ прыжковъ и судорогъ смертельно раненаго животнаго. Очень часто раненое животное, заслышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ охотника, бѣжитъ впередъ, назадъ и само ускоряетъ свой конецъ. То же самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ и, наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

Наполеонъ, представляющійся намъ руководителемъ всего этого движенія (какъ дикимъ представлялась фигура, вырѣзанная на носу корабля, силою, руководящею корабль), Наполеонъ во все это время своей дѣятельности былъ подобенъ ребенку, который, держась за тесемочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что онъ правитъ.

XI.

6-го октября рано утромъ Пьеръ вышелъ изъ балагана и, вернувшись назадъ, остановился у двери, играя съ длинной, на короткихъ, кривыхъ ножкахъ, лиловой собачонкой, вертѣвшейся около него. Собачонка эта жила у нихъ въ балаганѣ, ночуя съ Каратаевымъ, но иногда ходила куда-то въ городъ и опять возвращалась. Она, вѣроятно, никогда никому не принадлежала, и теперь она была ничья и не имѣла никакого названія. Французы звали ее Азоръ; солдатъ-сказочникъ звалъ ее Фемгалкой; Каратаевъ и другіе звали ее Сѣрый, иногда Вислый. Непринадлежаніе ея никому и отсутствіе имени и даже породы, даже опредѣленнаго цвѣта, казалось, нисколько не затрудняло лиловую собачонку. Пушной хвостъ панашемъ твердо и кругло стоялъ кверху; кривыя ноги служили ей такъ хорошо, что часто она, какъ бы пренебрегая употребленіемъ всѣхъ четырехъ ногъ, поднимала граціозно одну заднюю и очень ловко и скоро бѣжала на трехъ лапахъ. Все для нея было предметомъ удовольствія. То, взвизгивая отъ радости, она валялась на спинѣ; то

грѣлась на солнцѣ съ задумчивымъ и значительнымъ видомъ; то рѣзвилась, играя съ щепкой или соломинкой.

Одѣяніе Пьера теперь состояло изъ грязной продранной рубашки, единственнаго остатка его прежняго платья, солдатскихъ портокъ, завязанныхъ для тепла веревочками на щиколкахъ по совѣту Каратаева, изъ кафтана и мужицкой шапки. Пьеръ очень измѣнился физически въ это время. Онъ не казался уже толстъ, хотя и имѣлъ все тотъ же видъ крупности и силы, наслѣдственной въ ихъ породѣ. Борода и усы обросли нижнюю часть лица; отросшіе, спутанные волосы на головѣ, наполненные вшами, курчавились теперь шапкою. Выраженіе глазъ было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имѣлъ прежде взглядъ Пьера. Прежняя его распущенность, выражавшаяся и во взглядѣ, замѣнилась теперь энергической, готовой на дѣятельность и отпоръ подобранностью. Ноги его были босыя.

Пьеръ смотрѣлъ то внизъ по полю, по которому въ нынѣшнее утро разъѣздились повозки и верховые, то вдаль за рѣку, то на собачонку, притворявшуюся, что она не на шутку хочетъ укусить его, то на свои босыя ноги, которыя онъ съ удовольствіемъ переставлялъ въ различныя положенія, пошевеливая грязными, толстыми большими пальцами. И всякій разъ, какъ онъ взглядывалъ на свои босыя ноги, на лицѣ его пробѣгала улыбка оживленія самодовольства. Видъ этихъ босыхъ ногъ напоминалъ ему все то, что онъ пережилъ и понялъ за это время, и воспоминаніе это ему было пріятно.

Погода уже нѣсколько дней стояла тихая, ясная, съ легкими заморозками по утрамъ — такъ называемое бабье лѣто.

Въ воздухѣ, на солнцѣ, было тепло, и тепло это съ крѣпительною свѣжестью утренняго заморозка, еще чувствовавшагося въ воздухѣ, было особенно пріятно.

На всемъ, и на дальнихъ и на ближнихъ предметахъ, лежалъ тотъ волшебно-хрустальный блескъ, который бываетъ только въ эту пору осени. Вдалекѣ виднѣлись Воробьевы горы, съ деревнею, церковью и большимъ бѣлымъ домомъ. И оголенныя деревья, и песокъ, и камни, и крыши домовъ, зеленый шпиль церкви и углы дальняго бѣлаго дома — все это неестественно-отчетливо, тончайшими линіями вырѣзалось въ прозрачномъ воздухѣ. Вблизи виднѣлись знакомыя развалины полуобгорѣлаго барскаго дома, занимаемаго французами, съ темно-зелеными еще кустами сирени, росшими по оградѣ. И даже этотъ развалённый и загаженный домъ, отталкивающій своимъ безобразіемъ въ

пасмурную погоду, теперь, въ яркомъ, неподвижномъ блескѣ, казался чѣмъ-то успокоительно-прекраснымъ.

Французскій капралъ, по-домашнему разстегнутый, въ колпакѣ, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, вышелъ изъ-за угла балагана и, дружески подмигнувъ, подошелъ къ Пьеру.

— Quel soleil, hein? Monsieur Kiril (такъ звали Пьера всѣ французы). On dirait le printemps [1]).

И капралъ прислонился къ двери и предложилъ Пьеру трубку, несмотря на то, что всегда онъ ее предлагалъ и всегда Пьеръ отказывался.

— Si l'on marchait par un temps comme celui-là... [2]) — началъ онъ.

Пьеръ разспросилъ его, что̀ слышно о выступленіи, и капралъ разсказывалъ, что почти всѣ войска выступаютъ и что нынче долженъ быть приказъ о плѣнныхъ. Въ балаганѣ, въ которомъ былъ Пьеръ, одинъ изъ солдатъ, Соколовъ, былъ при смерти боленъ, и Пьеръ сказалъ капралу, что надо распорядиться этимъ солдатомъ. Капралъ сказалъ, что Пьеръ можетъ быть спокоенъ, что на это есть подвижной и постоянный госпитали и что о больныхъ будетъ распоряженіе, и что вообще все, что только можетъ случиться, все предвидѣно начальствомъ.

— Et puis, m-r Kiril, vous n'avez qu'à dire un mot au capitaine, vous savez. Oh, c'est un... qui n'oublie jamais rien. Dites au capitaine quand il fera sa tournée, il fera tout pour vous... [3])

Капитанъ, про котораго говорилъ капралъ, почасту и подолгу бесѣдовалъ съ Пьеромъ и оказывалъ ему всякаго рода снисхожденія.

— Vois-tu, St.-Thomas, qu'il me disait l'autre jour: Kiril c'est un homme qui a de l'instruction, qui parle français; c'est un seigneur russe, qui a eu des malheurs, mais c'est un homme. Et il s'y entend le........ S'il demande quelque chose, qu'il me dise, il n'y a pas de refus. Quand on a fait ses études, voyez-vous, on aime l'instruction et les gens comme il faut. C'est pour vous que je dis cela, m-r Kiril. Dans l'affaire de l'autre jour si ce n'était grâce à vous, ça aurait fini mal [4]).

---

[1]) Каково солнце, а, господинъ Кириллъ? Точно весна.

[2]) Въ такую бы погоду идти въ походъ.

[3]) И потомъ, господинъ Кириллъ, вамъ стоитъ сказать слово капитану; вы знаете... Это такой... ничего не забываетъ. Скажите капитану, когда онъ будетъ дѣлать обходъ: онъ все для васъ сдѣлаетъ.

[4]) Видишь ли, S.-Thomas, сказалъ онъ мнѣ намедни, Кириллъ — это человѣкъ образованный, говоритъ по-французски; это русскій баринъ, съ которымъ случилось несчастье, но это — человѣкъ. Онъ знаетъ толкъ...

И, поболтавъ еще нѣсколько времени, капралъ ушелъ. (Дѣло, случившееся намедни, о которомъ упоминалъ капралъ, была драка между плѣнными и французами, въ которой Пьеру удалось усмирить своихъ товарищей.) Нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ слушали разговоръ Пьера съ капраломъ и тотчасъ же стали спрашивать, что онъ сказалъ. Въ то время, какъ Пьеръ разсказывалъ своимъ товарищамъ то, что капралъ сказалъ о выступленіи, къ двери балагана подошелъ худощавый, желтый и оборванный французскій солдатъ. Быстрымъ и робкимъ движеніемъ приподнявъ пальцы ко лбу въ знакъ поклона, онъ обратился къ Пьеру и спросилъ его, въ этомъ ли балаганѣ солдатъ Platoche, которому онъ отдалъ шить рубаху.

Съ недѣлю тому назадъ французы получили сапожный товаръ и полотно и роздали шить сапоги и рубахи плѣннымъ солдатамъ.

— Готова, готова, соколикъ! — сказалъ Каратаевъ, выходя съ аккуратно сложенной рубахой.

Каратаевъ, по случаю тепла и для удобства работы, былъ въ однѣхъ порткахъ и въ черной, какъ земля, продранной рубашкѣ. Волосы его, какъ это дѣлаютъ мастеровые, были обвязаны мочалкой, и круглое лицо его казалось еще круглѣе и миловиднѣе.

— Уговорецъ—дѣлу родной братецъ. Какъ сказалъ, къ пятницѣ, такъ и сдѣлалъ, — говорилъ Платонъ, улыбаясь и развертывая сшитую имъ рубашку.

Французъ безпокойно оглянулся и, какъ будто преодолѣвъ сомнѣніе, быстро скинулъ мундиръ и надѣлъ рубаху. Подъ мундиромъ на французѣ не было рубахи, а на голое, желтое, худое тѣло былъ надѣтъ длинный засаленный шелковый съ цвѣточками жилетъ. Французъ, видимо, боялся, чтобы плѣнные, смотрѣвшіе на него, не засмѣялись, и поспѣшно сунулъ голову въ рубашку. Никто изъ плѣнныхъ не сказалъ ни слова.

— Вишь, въ самый разъ, — приговаривалъ Платонъ, обдергивая рубаху.

Французъ, просунувъ голову и руки, не поднимая глазъ, оглядывалъ на себѣ рубашку и разсматривалъ шовъ.

— Что жъ, соколикъ, вѣдь это не швальня, инструмента настоящаго нѣтъ; а сказано: безъ снасти и вша не убьешь,—го-

---

Если ему что нужно и онъ меня попроситъ, отказа нѣтъ. Когда учился кой-чему, видишь ли, то любишь просвѣщеніе и людей благовоспитанныхъ. Это я для васъ говорю, господинъ Кириллъ. Намедни, если бы не вы, то худо бы кончилось.

ворилъ Платонъ, кругло улыбаясь и, видимо, самъ радуясь на свою работу.

— C'est bien, c'est bien, merci; mais vous devez avoir de la toile de reste [1]), — сказалъ французъ.

— Она еще ладнѣе будетъ, какъ ты на тѣло-то надѣнешь,— говорилъ Каратаевъ, продолжая радоваться на свое произведеніе. — Вотъ тебѣ и хорошо и пріятно будетъ...

— Merci, merci, mon vieux, le reste... — повторилъ французъ, улыбаясь, и, доставъ ассигнацію, далъ Каратаеву.—Mais le reste... [2])

Пьеръ видѣлъ, что Платонъ не хотѣлъ понимать того, что говорилъ французъ, и, не вмѣшиваясь, смотрѣлъ на нихъ. Каратаевъ поблагодарилъ за деньги и продолжалъ любоваться своей работой. Французъ настаивалъ на остаткахъ и попросилъ Пьера перевести то, что онъ говорилъ.

— На что же ему остатки-то?—сказалъ Каратаевъ.—Намъ подверточки-то важныя бы вышли. Ну, да Богъ съ нимъ.

И Каратаевъ съ вдругъ измѣнившимся, грустнымъ лицомъ досталъ изъ-за пазухи сверточекъ обрѣзковъ и, не глядя на него, подалъ французу. «Эхма!» проговорилъ Каратаевъ и пошелъ назадъ. Французъ поглядѣлъ на полотно, задумался, взглянулъ вопросительно на Пьера, и какъ будто взглядъ Пьера что-то сказалъ ему.

— Platoche, dites donc, Platoche, — вдругъ, покраснѣвъ, крикнулъ французъ пискливымъ голосомъ. — Gardez pour vous [3]),—сказалъ онъ, подавая обрѣзки, повернулся и ушелъ.

— Вотъ поди ты, — сказалъ Каратаевъ, покачивая головой. — Говорятъ—нехристи, а тоже душа есть. То-то старички говаривали: потная рука торовата, сухая неподатлива. Самъ голый, а вотъ отдалъ же.

Каратаевъ, задумчиво улыбаясь и глядя на обрѣзки, помолчалъ нѣсколько времени.

— А подверточки, дружокъ, важнѣющія выйдутъ,—сказалъ онъ и вернулся въ балаганъ.

XII.

Прошло четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ былъ въ плѣну. Несмотря на то, что французы предлагали перевести его изъ солдатскаго балагана въ офицерскій, онъ остался въ томъ балаганѣ, въ который поступилъ съ перваго дня.

---

[1]) Хорошо, хорошо, спасибо; но полотна должно остаться.
[2]) Спасибо, спасибо, любезный. Остатокъ... остатокъ.
[3]) Платоша, а Платоша. Возьмите себѣ.

Въ разоренной и сожженной Москвѣ Пьеръ испыталъ почти крайніе предѣлы лишеній, которыя можетъ переносить человѣкъ; но, благодаря своему сильному сложенію и здоровью, котораго онъ не сознавалъ до сихъ поръ, и въ особенности благодаря тому, что эти лишенія подходили такъ незамѣтно, что нельзя было сказать, когда они начались, онъ переносилъ не только легко, но и радостно свое положеніе. И именно въ это самое время онъ получилъ то спокойствіе и довольство собой, къ которымъ онъ тщетно стремился прежде. Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ этого успокоенія, согласія съ самимъ собою, того, что такъ поразило его въ солдатахъ въ Бородинскомъ сраженіи: онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, — и всѣ эти исканія и попытки, всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собой только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что онъ понялъ въ Каратаевѣ.

Тѣ страшныя минуты, которыя онъ пережилъ во время казни, какъ будто смыли навсегда изъ его воображенія и воспоминанія тревожныя мысли и чувства, прежде казавшіяся ему важными. Ему не приходило и мысли ни о Россіи, ни о войнѣ, ни о политикѣ, ни о Наполеонѣ. Ему очевидно было, что все это не касалось его, что онъ не призванъ былъ и потому не могъ судить обо всемъ этомъ. «Россіи да лѣту—союзу нѣту», повторялъ онъ слова Каратаева, и эти слова странно успокаивали его. Ему казалось теперь непонятнымъ и даже смѣшнымъ его намѣреніе убить Наполеона и его вычисленія о кабалистическомъ числѣ и звѣрѣ Апокалипсиса. Озлобленіе его противъ жены и тревога о томъ, чтобы не было посрамлено его имя, теперь казались ему не только ничтожны, но забавны. Что ему было за дѣло до того, что эта женщина вела тамъ гдѣ-то ту жизнь, которая ей нравилась? Кому, въ особенности ему, какое дѣло было до того, что узнаютъ или не узнаютъ, что имя ихъ плѣннаго было графъ Безуховъ?

Теперь онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ княземъ Андреемъ и вполнѣ соглашался съ нимъ, только нѣсколько иначе понимая мысль князя Андрея. Князь Андрей думалъ и говорилъ, что счастье бываетъ только отрицательное, но онъ говорилъ это съ оттѣнкомъ горечи и ироніи. Какъ будто, говоря это, онъ высказывалъ другую мысль — о томъ, что всѣ вложенныя въ насъ стремленія къ счастью положительному вложены только

для того, чтобы, не удовлетворяя, мучить насъ. Но Пьеръ безъ всякой задней мысли признавалъ справедливость этого. Отсутствіе страданій, удовлетвореніе потребностей и, вслѣдствіе того, свобода выбора занятій, т.-е. образа жизни, представлялись теперь Пьеру несомнѣннымъ и высшимъ счастьемъ человѣка. Здѣсь, теперь только, въ первый разъ Пьеръ вполнѣ оцѣнилъ наслажденіе ѣды—когда хотѣлось ѣсть, питья—когда хотѣлось пить, сна—когда хотѣлось спать, тепла — когда было холодно, разговора съ человѣкомъ — когда хотѣлось говорить и послушать человѣческій голосъ. Удовлетвореніе потребностей — хорошая пища, чистота, свобода — теперь, когда онъ былъ лишенъ всего этого, казалось Пьеру совершеннымъ счастьемъ, а выборъ занятія, т.-е. жизнь, теперь, когда выборъ этотъ былъ такъ ограниченъ, казался ему такимъ легкимъ дѣломъ, что онъ забывалъ то, что избытокъ удобствъ жизни уничтожаетъ все счастье удовлетворенія потребностей, а большая свобода выбора занятій, та свобода, которую ему въ его жизни давали образованіе, богатство, положеніе въ свѣтѣ, что эта-то свобода и дѣлаетъ выборъ занятій неразрушимо труднымъ и уничтожаетъ самую потребность и возможность занятія.

Всѣ мечтанія Пьера теперь стремились къ тому времени, когда онъ будетъ свободенъ. А между тѣмъ впослѣдствіи и во всю свою жизнь Пьеръ съ восторгомъ думалъ и говорилъ объ этомъ мѣсяцѣ плѣна, о тѣхъ невозвратимыхъ сильныхъ и радостныхъ ощущеніяхъ и, главное, о томъ полномъ душевномъ спокойствіи, о совершенной внутренней свободѣ, которыя онъ испытывалъ только въ это время.

Когда онъ въ первый день, вставъ рано утромъ, вышелъ на зарѣ изъ балагана и увидалъ сначала темные купола, кресты Новодѣвичьяго монастыря, увидалъ морозную росу на пыльной травѣ, увидалъ холмы Воробьевыхъ горъ и извивающійся надъ рѣкою и скрывающійся въ лиловой дали лѣсистый берегъ; когда ощутилъ прикосновеніе свѣжаго воздуха и услыхалъ звуки летѣвшихъ изъ Москвы черезъ поле галокъ, и когда потомъ вдругъ брызнуло свѣтомъ съ востока и торжественно выплылъ край солнца изъ-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и рѣка — все заиграло въ радостномъ свѣтѣ, — Пьеръ почувствовалъ новое, неиспытанное имъ чувство радости и крѣпости жизни.

И чувство это не только не покидало его во все время плѣна, но, напротивъ, возрастало въ немъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности его положенія.

Чувство это — готовности на все, нравственной подобранности — еще болѣе поддерживалось въ Пьерѣ тѣмъ высокимъ мнѣ-

ніемъ, которое, вскорѣ по его вступленіи въ балаганъ, установилось о немъ между его товарищами. Пьеръ — съ своимъ знаніемъ языковъ, съ тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали французы; съ своей простотой; отдававшій все, что у него просили (онъ получалъ офицерскіе три рубля въ недѣлю); съ своей силой, которую онъ показывалъ солдатамъ, вдавливая гвозди въ стѣну балагана; съ кротостью, которую онъ выказывалъ въ обращеніи съ товарищами; съ своей непонятной для нихъ способностью сидѣть неподвижно и, ничего не дѣлая, думать — представлялся солдатамъ нѣсколько таинственнымъ и высшимъ существомъ. Тѣ самыя свойства его, которыя въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, были для него если не вредны, то стѣснительны, — его сила, пренебреженіе къ удобствамъ жизни, разсѣянность, простота, — здѣсь, между этими людьми, давали ему положеніе почти героя. И Пьеръ чувствовалъ, что этотъ взглядъ обязывалъ его.

XIII.

Въ ночь съ 6-го на 7-е октября началось движеніе выступавшихъ французовъ: ломались кухни, балаганы, укладывались повозки, и двигались войска и обозы.

Въ 7 часовъ утра конвой французовъ, въ походной формѣ, въ киверахъ, съ ружьями, ранцами и огромными мѣшками, стоялъ передъ балаганами, и французскій оживленный говоръ, пересыпаемый ругательствами, перекатывался по всей линіи.

Въ балаганѣ всѣ были готовы, одѣты, подпоясаны, обуты и ждали только приказанія выходить. Больной солдатъ Соколовъ, блѣдный, худой, съ синими кругами вокругъ глазъ, одинъ, необутый и неодѣтый, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и выкатившимися отъ худобы глазами вопросительно смотрѣлъ на необращавшихъ на него вниманія товарищей и негромко и равномѣрно стоналъ. Видимо, не столько страданія—онъ былъ боленъ кровавымъ поносомъ, сколько страхъ и горе оставаться одному заставляли его стонать.

Пьеръ, обутый въ башмаки, сшитые для него Каратаевымъ изъ цыбика, который принесъ французъ для подшивки себѣ подошвъ, подпоясанный веревкой, подошелъ къ больному и присѣлъ передъ нимъ на корточки.

— Что жъ, Соколовъ, они вѣдь не совсѣмъ уходятъ! У нихъ тутъ гошпиталь. Можетъ, тебѣ еще лучше нашего будетъ, — сказалъ Пьеръ.

— О Господи! О смерть моя! О Господи!—громче застоналъ солдатъ.

— Да я сейчасъ еще спрошу ихъ,—сказалъ Пьеръ и, поднявшись, пошелъ къ двери балагана.

Въ то время, какъ Пьеръ подходилъ къ двери, снаружи подходилъ съ двумя солдатами тотъ капралъ, который вчера угощалъ Пьера трубкой. И капралъ и солдаты были въ походной формѣ, въ ранцахъ и въ киверахъ съ застегнутыми чешуями, измѣнившими ихъ знакомыя лица.

Капралъ шелъ къ двери съ тѣмъ, чтобы по приказанію начальства затворить ее. Передъ выпускомъ надо было пересчитать плѣнныхъ.

— Caporal, que fera-t-on du malade?..[1])—началъ Пьеръ.

Но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ это, онъ усомнился, тотъ ли это знакомый его капралъ или другой неизвѣстный человѣкъ: такъ не похожъ былъ на себя капралъ въ эту минуту. Кромѣ того, въ ту минуту, какъ Пьеръ говорилъ это, съ двухъ сторонъ вдругъ послышался трескъ барабановъ. Капралъ нахмурился на слова Пьера и, проговоривъ безсмысленное ругательство, захлопнулъ дверь. Въ балаганѣ стало полутемно; съ двухъ сторонъ рѣзко трещали барабаны, заглушая стоны больного.

«Вотъ оно!.. Опять оно!» сказалъ себѣ Пьеръ, и невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Въ измѣненномъ лицѣ капрала, въ звукѣ его голоса, въ возбуждающемъ и заглушающемъ трескѣ барабановъ Пьеръ узналъ ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей противъ своей воли умерщвлять себѣ подобныхъ, ту силу, дѣйствіе которой онъ видѣлъ во время казни. Бояться, стараться избѣгать этой силы, обращаться съ просьбами или увѣщаніями къ людямъ, которые служили орудіями ея, было безполезно. Это зналъ теперь Пьеръ. Надо было ждать и терпѣть. Пьеръ не подошелъ больше къ больному и не оглянулся на него. Онъ молча, нахмурившись, стоялъ у двери балагана.

Когда двери балагана отворились и плѣнные, какъ стадо барановъ, давя другъ друга, затѣснились въ выходѣ, Пьеръ пробился впередъ ихъ и подошелъ къ тому самому капитану, который, по увѣренію капрала, готовъ былъ все сдѣлать для Пьера. Капитанъ тоже былъ въ походной формѣ, и изъ холоднаго лица его смотрѣло тоже «оно», которое Пьеръ узналъ въ словахъ капрала и въ трескѣ барабановъ.

— Filez, filez [2]), — приговаривалъ капитанъ, строго хмурясь и глядя на толпившихся мимо него плѣнныхъ.

---

[1]) Капралъ, что сдѣлаютъ съ больнымъ?

[2]) Проходите, проходите.

Пьеръ зналъ, что его попытка будетъ напрасна, но подошелъ къ нему.

— Eh bien, qu'est-ce qu'il y a? — холодно оглянувшись, какъ бы не узнавъ, сказалъ офицеръ.

Пьеръ сказалъ про больного.

— Il pourra marcher, que diable! — сказалъ капитанъ.— Filez, filez, — продолжалъ онъ приговаривать, не глядя на Пьера.

— Mais non, il est à l'agonie... — началъ было Пьеръ.

— Voulez-vous bien!.. [1]) — злобно нахмурившись, крикнулъ капитанъ.

«Драмъ-да-да-дамъ, дамъ-дамъ» — трещали барабаны. И Пьеръ понялъ, что таинственная сила уже вполнѣ овладѣла этими людьми и что теперь говорить еще что-нибудь было безполезно.

Плѣнныхъ офицеровъ отдѣлили отъ солдатъ и велѣли имъ идти впереди. Офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ Пьеръ, было человѣкъ 30, солдатъ человѣкъ 300.

Плѣнные офицеры, выпущенные изъ другихъ балагановъ, были всѣ чужіе, были гораздо лучше одѣты, чѣмъ Пьеръ, и смотрѣли на него, въ его обуви, съ недовѣрчивостью и отчужденностью. Недалеко отъ Пьера шелъ, видимо, пользующійся общимъ уваженіемъ своихъ товарищей плѣнныхъ толстый майоръ въ казанскомъ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, съ пухлымъ, желтымъ, сердитымъ лицомъ. Онъ одну руку съ кисетомъ держалъ за пазухой, другой опирался на чубукъ. Майоръ, пыхтя и отдуваясь, ворчалъ и сердился на всѣхъ за то, что ему казалось, что его толкаютъ и что всѣ торопятся, когда торопиться некуда, всѣ чему-то удивляются, когда ни въ чемъ ничего нѣтъ удивительнаго. Другой маленькій, худой офицеръ со всѣми заговаривалъ, дѣлая предположенія о томъ, куда ихъ ведутъ теперь и какъ далеко они успѣютъ пройти нынѣшній день. Чиновникъ, въ валяныхъ сапогахъ и комиссаріатской формѣ, забѣгалъ съ разныхъ сторонъ и высматривалъ сгорѣвшую Москву, громко сообщая свои наблюденія о томъ, что̀ сгорѣло и какая была та или эта виднѣвшаяся часть Москвы. Третій офицеръ, польскаго происхожденія по акценту, спорилъ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ, доказывая ему, что онъ ошибался въ опредѣленіи кварталовъ Москвы.

— О чемъ спорите?—сердито говорилъ майоръ. — Николы ли, Власа ли — все одно; видите, все сгорѣло, ну и конецъ...

---

[1]) Ну что такое? Онъ можетъ идти, чортъ возьми! Проходите, проходите. — Но нѣтъ, онъ умираетъ... — Хотите ли вы...

Что толкаетесь-то, развѣ дороги мало? — обратился онъ сердито къ сзади шедшему и вовсе не толкавшему его.

— Ай, ай, ай, что надѣлали! — слышались однако то съ той, то съ другой стороны голоса плѣнныхъ, оглядывающихъ пожарища. — И Замоскворѣчье-то, и Зубово, и въ Кремлѣ-то... Смотрите, половины нѣтъ. Да я вамъ говорилъ, что все Замоскворѣчье, вонъ такъ и есть.

— Ну, знаете, что сгорѣло; ну, о чемъ же толковать! — говорилъ майоръ.

Проходя черезъ Хамовники (одинъ изъ немногихъ несгорѣвшихъ кварталовъ Москвы) мимо церкви, вся толпа плѣнныхъ вдругъ пожалась къ одной сторонѣ, и послышались восклицанія ужаса и омерзѣнія.

— Ишь, мерзавцы! То-то нехристи. Да мертвый, мертвый и есть... Вымазали чѣмъ-то.

Пьеръ тоже подвинулся къ церкви, у которой было то, что̀ вызывало восклицанія, и смутно увидалъ что-то прислоненное къ оградѣ церкви. Изъ словъ товарищей, видѣвшихъ лучше его, онъ узналъ, что это что-то былъ трупъ человѣка, поставленный стоймя у ограды и вымазанный въ лицѣ сажей.

— Marchez, sacré nom... Filez... trente mille diables... [1]) — послышались ругательства конвойныхъ, и французскіе солдаты съ новымъ озлобленіемъ разогнали тесаками толпу плѣнныхъ, смотрѣвшую на мертваго человѣка.

XIV.

По переулкамъ Хамовниковъ плѣнные шли одни съ своимъ конвоемъ и повозками и фурами, принадлежавшими конвойнымъ и ѣхавшими сзади; но, выйдя къ провіантскимъ магазинамъ, они попали въ середину огромнаго, тѣсно двигавшагося артиллерійскаго обоза, перемѣшаннаго съ частными повозками.

У самаго моста всѣ остановились, дожидаясь того, чтобы продвинулись ѣхавшіе впереди. Съ моста плѣннымъ открылись сзади и впереди безконечные ряды другихъ двигавшихся обозовъ. Направо, тамъ, гдѣ загибалась Калужская дорога мимо Нескучнаго, пропадая вдали, тянулись безконечные ряды войскъ и обозовъ. Это были вышедшія прежде всѣхъ войска корпуса Богарне; назади, по Набережной и черезъ Каменный мостъ, тянулись войска и обозы Нея.

Войска Даву, къ которымъ принадлежали плѣнные, шли черезъ Крымскій Бродъ и уже отчасти вступали въ Калужскую

[1]) Идите, чортъ возьми... Проходите... тридцатъ тысячъ дьяволовъ...

улицу. Но обозы такъ растянулись, что послѣдніе обозы Богарне еще не вышли изъ Москвы въ Калужскую улицу, а голова войскъ Нея уже выходила изъ Большой Ордынки.

Пройдя Крымскій Бродъ, плѣнные двигались по нѣскольку шаговъ и останавливались, и опять двигались, и со всѣхъ сторонъ экипажи и люди все больше и больше стѣснялись. Пройдя болѣе часа тѣ нѣсколько сотъ шаговъ, которые отдѣляютъ мостъ отъ Калужской улицы, и дойдя до площади, гдѣ сходятся замоскворѣцкія улицы съ Калужской, плѣнные, сжатые въ кучу, остановились и нѣсколько часовъ простояли на этомъ перекресткѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались неумолкаемый, какъ шумъ моря, грохотъ колесъ и топотъ ногъ и неумолкаемые сердитые крики и ругательства. Пьеръ стоялъ, прижатый къ стѣнѣ обгорѣлаго дома, слушая этотъ звукъ, сливавшійся въ его воображеніи съ звуками барабана.

Нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, чтобы лучше видѣть, взлѣзли на стѣну обгорѣлаго дома, подлѣ котораго стоялъ Пьеръ.

— Народу-то! Эка народу!.. И на пушкахъ-то навалили! Смотри, мѣха...—говорили они.—Вишь, стервецы, награбили... Вотъ у того-то сзади, на телѣгѣ... Вѣдь это—съ иконы, ей-Богу!.. Это нѣмцы, должно-быть. И нашъ мужикъ, ей-Богу!.. Ахъ, подлецы!.. Вишь, навьючился-то, насилу идетъ! Вотъ-те на, дрожки и тѣ захватили!.. Вишь, усѣлся на сундукахъ-то. Батюшки!.. подрались!..

— Такъ его по мордѣ-то, по мордѣ! Этакъ до вечера не дождешься. Гляди, глядите... а это, вѣрно, самого Наполеона. Видишь, лошади-то какія! въ вензеляхъ съ короной. Это домъ складной. Уронилъ мѣшокъ, не видитъ. Опять подрались... Женщина съ ребеночкомъ, и недурна. Да, какъ же; такъ тебя и пропустятъ... Смотрите, и конца нѣтъ. Дѣвки русскія, ей-Богу, дѣвки. Въ колявкахъ вѣдь какъ покойно усѣлись.

Опять волна общаго любопытства, какъ и около церкви въ Хамовникахъ, надвинула всѣхъ плѣнныхъ къ дорогѣ, и Пьеръ, благодаря своему росту, черезъ головы другихъ увидалъ то, что такъ привлекло любопытство плѣнныхъ. Въ трехъ колясках, замѣшавшихся между зарядными ящиками, ѣхали, тѣсно сидя другъ на другѣ, разряженныя въ яркихъ цвѣтахъ, нарумяненныя, что-то кричащія пискливыми голосами женщины.

Съ той минуты, какъ Пьеръ сознавалъ появленіе таинственной силы, ничто не казалось ему странно или страшно: ни трупъ, вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины, спѣшившія куда-то, ни пожарища Москвы. Все, что видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія, какъ будто

душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя могли ослабить ее.

Поѣздъ женщинъ проѣхалъ. За нимъ тянулись опять телѣги, солдаты, фуры; солдаты, палубы, кареты; солдаты, ящики, солдаты; изрѣдка женщины.

Пьеръ не видалъ людей отдѣльно, а видѣлъ движеніе ихъ.

Всѣ эти люди, лошади какъ будто гнались какою-то невидимою силой. Всѣ они въ продолженіе часа, во время котораго ихъ наблюдалъ Пьеръ, выплывали изъ разныхъ улицъ съ однимъ и тѣмъ же желаніемъ скорѣе пройти; всѣ они одинаково, сталкиваясь съ другими, начинали сердиться, драться: оскаливались бѣлые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и тѣ же ругательства, и на всѣхъ лицахъ было одно и то же молодечески-рѣшительное и жестоко-холодное выраженіе, которое поутру поразило Пьера, при звукѣ барабана, на лицѣ капрала.

Уже передъ вечеромъ конвойный начальникъ собралъ свою команду и съ крикомъ и спорами втѣснился въ обозы, и плѣнные, окруженные со всѣхъ сторонъ, вышли на Калужскую дорогу.

Шли очень скоро, не отдыхая, и остановились только, когда уже солнце стало садиться. Обозы надвинулись одни на другихъ, и люди стали готовиться къ ночлегу. Всѣ казались сердиты и недовольны. Долго съ разныхъ сторонъ слышались ругательства, злобные крики и драки. Карета, ѣхавшая сзади конвойныхъ, надвинулась на повозку конвойныхъ и пробила ее дышломъ. Нѣсколько солдатъ съ разныхъ сторонъ сбѣжались къ повозкѣ; одни били по головамъ лошадей, запряженныхъ въ каретѣ, сворачивая ихъ, другіе дрались между собой, и Пьеръ видѣлъ, что одного нѣмца тяжело ранили тесакомъ въ голову.

Казалось, всѣ эти люди испытывали теперь, когда остановились посреди поля въ холодныхъ сумеркахъ осенняго вечера, одно и то же чувство непріятнаго пробужденія отъ охватившей всѣхъ при выходѣ поспѣшности и стремительнаго куда-то движенія. Остановившись, всѣ какъ будто поняли, что неизвѣстно еще, куда идутъ, и что на этомъ движеніи много будетъ тяжелаго и труднаго.

Съ плѣнными на этомъ привалѣ конвойные обращались еще хуже, чѣмъ при выступленіи. На этомъ привалѣ въ первый разъ мясная пища плѣнныхъ была выдана кониной.

Отъ офицеровъ до послѣдняго солдата было замѣтно въ каждомъ какъ будто личное озлобленіе противъ каждаго изъ плѣнныхъ, такъ неожиданно замѣнившее прежде дружелюбныя отношенія.

Озлобленіе это еще болѣе усилилось, когда при пересчитываніи плѣнныхъ оказалось, что во время суеты выхода изъ Москвы одинъ русскій солдатъ, притворявшійся больнымъ отъ живота, бѣжалъ. Пьеръ видѣлъ, какъ французъ избилъ русскаго солдата за то, что тотъ отошелъ далеко отъ дороги, и слышалъ, какъ капитанъ, его пріятель, выговаривалъ унтеръ-офицеру за побѣгъ русскаго солдата и угрожалъ ему судомъ. На отговорку унтеръ-офицера о томъ, что солдатъ былъ боленъ и не могъ идти, офицеръ сказалъ, что велѣно пристрѣливать тѣхъ, кто будетъ отставать. Пьеръ чувствовалъ, что та роковая сила, которая смяла его во время казни и которая была незамѣтна во время плѣна, теперь опять овладѣла его существованіемъ. Ему было страшно; но онъ чувствовалъ, какъ по мѣрѣ усилій, которыя дѣлала роковая сила, чтобы раздавить его, въ душѣ его вырастала и крѣпла независимая отъ нея сила жизни.

Пьеръ поужиналъ похлебкой изъ ржаной муки съ лошадинымъ мясомъ и поговорилъ съ товарищами.

Ни Пьеръ и никто изъ товарищей его не говорили ни о томъ, что они видѣли въ Москвѣ, ни о грубости обращенія французовъ, ни о томъ распоряженіи пристрѣливать, которое было объявлено имъ: всѣ были, какъ бы въ отпоръ ухудшающемуся положенію, особенно оживлены и веселы. Говорили о личныхъ воспоминаніяхъ, о смѣшныхъ сценахъ, видѣнныхъ во время похода, и заминали разговоры о настоящемъ положеніи.

Солнце давно сѣло. Яркія звѣзды зажглись кое-гдѣ по небу; красное, подобное пожару, зарево встающаго полнаго мѣсяца разлилось по краю неба, и огромный красный шаръ удивительно колебался въ сѣроватой мглѣ. Становилось свѣтло. Вечеръ уже кончился, но ночь еще не начиналась. Пьеръ всталъ отъ своихъ новыхъ товарищей и пошелъ между костровъ на другую сторону дороги, гдѣ, ему сказали, стояли плѣнные солдаты. Ему хотѣлось поговорить съ ними. На дорогѣ французскій часовой остановилъ его и велѣлъ воротиться.

Пьеръ вернулся, но не къ костру, къ товарищамъ, а къ отпряженной повозкѣ, у которой никого не было. Онъ, поджавъ ноги и опустивъ голову, сѣлъ на холодную землю у колеса повозки и долго неподвижно сидѣлъ, думая. Прошло болѣе часа. Никто не тревожилъ Пьера. Вдругъ онъ захохоталъ своимъ толстымъ, добродушнымъ смѣхомъ такъ громко, что съ разныхъ сторонъ съ удивленіемъ оглянулись люди на этотъ странный, очевидно одинокій, смѣхъ.

— Ха-ха-ха! — смѣялся Пьеръ. И онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собой: — Не пустилъ меня солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого меня? Меня? Меня — мою безсмертную душу! Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!.. — смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами.

Какой-то человѣкъ всталъ и подошелъ посмотрѣть, о чемъ одинъ смѣется этотъ странный, большой человѣкъ. Пьеръ пересталъ смѣяться, всталъ, отошелъ подальше отъ любопытнаго и оглянулся вокругъ себя.

Прежде громко шумѣвшій трескомъ костровъ и говоромъ людей, огромный, нескончаемый бивакъ затихалъ; красные огни костровъ потухали и блѣднѣли. Высоко въ свѣтломъ небѣ стоялъ полный мѣсяцъ. Лѣса и поля, невидные прежде внѣ расположенія лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этихъ лѣсовъ и полей виднѣлась свѣтлая, колеблющаяся, зовущая въ себя безконечная даль. Пьеръ взглянулъ въ небо, въ глубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ. «И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я!» думалъ Пьеръ. «И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!» Онъ улыбнулся и пошелъ укладываться спать къ своимъ товарищамъ.

XV.

Въ первыхъ числахъ октября къ Кутузову пріѣзжалъ еще парламентеръ съ письмомъ отъ Наполеона и предложеніемъ мира, обманчиво означеннымъ изъ Москвы, тогда какъ Наполеонъ уже былъ недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дорогѣ. Кутузовъ отвѣчалъ на это письмо такъ же, какъ на первое, присланное съ Лористономъ: онъ сказалъ, что о мирѣ рѣчи быть не можетъ.

Вскорѣ послѣ этого изъ партизанскаго отряда Дорохова, ходившаго налѣво отъ Тарутина, получено донесеніе о томъ, что въ Ѳоминскомъ показались войска, что войска эти состоятъ изъ дивизіи Брусье и что дивизія эта, отдѣленная отъ другихъ войскъ, легко можетъ быть истреблена. Солдаты и офицеры опять требовали дѣятельности. Штабные генералы, возбужденные воспоминаніемъ о легкости побѣды подъ Тарутинымъ, настаивали у Кутузова объ исполненіи предложенія Дорохова. Кутузовъ не считалъ нужнымъ никакого наступленія. Вышло среднее, то, что должно было совершиться; посланъ былъ въ Ѳоминское небольшой отрядъ, который долженъ былъ атаковать Брусье.

По странной случайности это назначеніе — самое трудное и самое важное, какъ оказалось впослѣдствіи — получилъ Дохтуровъ, тотъ самый скромный, маленькій Дохтуровъ, котораго никто не описывалъ намъ составляющимъ планы сраженій, летающимъ передъ полками, кидающимъ кресты на батареи и т. п., котораго считали и называли нерѣшительнымъ и непроницательнымъ, но тотъ самый Дохтуровъ, котораго во время всѣхъ войнъ русскихъ съ французами, съ Аустерлица и до 13-го года, мы находимъ начальствующимъ вездѣ, гдѣ только положеніе трудно. Въ Аустерлицѣ онъ остается послѣднимъ у плотины Аугеста, собирая полки, спасая что можно, когда все бѣжитъ и гибнетъ и ни одного генерала нѣтъ въ арьергардѣ. Онъ, больной въ лихорадкѣ, идетъ въ Смоленскъ съ 20-ю тысячами защищать городъ противъ всей Наполеоновской арміи. Въ Смоленскѣ едва задремалъ онъ на Малаховскихъ воротахъ, въ пароксизмѣ лихорадки, его будитъ канонада по Смоленску, и Смоленскъ держится цѣлый день. Въ Бородинскомъ сраженіи, когда убитъ Багратіонъ и войска нашего лѣваго фланга перебиты въ пропорціи 9 къ 1, и вся сила французской артиллеріи направлена туда, посылается не кто другой, а именно нерѣшительный и непроницательный Дохтуровъ, и Кутузовъ торопится поправить свою ошибку, когда онъ послалъ было туда другого. И маленькій, тихонькій Дохтуровъ ѣдетъ туда, и Бородино—лучшая слава русскаго войска. И много героевъ описано намъ въ стихахъ и прозѣ, но о Дохтуровѣ почти ни слова.

Опять Дохтурова посылаютъ туда, въ Ѳоминское, и оттуда въ Малый Ярославецъ, въ то мѣсто, гдѣ было послѣднее сраженіе съ французами, и въ то мѣсто, съ котораго очевидно уже начинается погибель французовъ, и опять много геніевъ и героевъ описываютъ намъ въ этотъ періодъ кампаніи, но о Дохтуровѣ ни слова, или очень мало, или сомнительно. Это-то умолчаніе о Дохтуровѣ очевиднѣе всего доказываетъ его достоинства.

Естественно, что для человѣка, не понимающаго хода машины, при видѣ ея дѣйствія кажется, что важнѣйшая часть этой машины есть та щепка, которая случайно попала въ нее и, мѣшая ея ходу, треплется въ ней. Человѣкъ, не знающій устройства машины, не можетъ понять того, что не эта портящая и мѣшающая дѣлу щепка, а та маленькая передаточная шестерня, которая неслышно вертится, есть одна изъ существеннѣйшихъ частей машины.

10-го октября, въ тотъ самый день, какъ Дохтуровъ прошелъ половину дороги до Ѳоминскаго и остановился въ деревнѣ

Аристовѣ, приготавливаясь въ точности исполнить отданное приказаніе, все французское войско, въ своемъ судорожномъ движеніи дойдя до позиціи Мюрата, какъ казалось, для того, чтобы дать сраженіе, вдругъ безъ причины повернуло вправо на новую Калужскую дорогу и стало входить въ Ѳоминское, въ которомъ прежде стоялъ одинъ Брусье. У Дохтурова подъ командою въ это время были, кромѣ Дорохова, два небольшіе отряда Фигнера и Сеславина.

Вечеромъ 11-го октября Сеславинъ пріѣхалъ въ Аристово къ начальству съ пойманнымъ плѣннымъ французскимъ гвардейцемъ. Плѣнный говорилъ, что войска, вошедшія нынче въ Ѳоминское, составляли авангардъ всей большой арміи, что Наполеонъ былъ тутъ же, что армія вся уже 5-й день вышла изъ Москвы. Въ тотъ же вечеръ дворовый человѣкъ, пришедшій изъ Боровска, разсказалъ, какъ онъ видѣлъ вступленіе огромнаго войска въ городъ. Казаки изъ отряда Дорохова доносили, что они видѣли французскую гвардію, шедшую по дорогѣ къ Боровску. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій стало очевидно, что тамъ, гдѣ думали найти одну дивизію, теперь была вся армія французовъ, шедшая изъ Москвы по неожиданному направленію—по старой Калужской дорогѣ. Дохтуровъ ничего не хотѣлъ предпринимать, такъ какъ ему не ясно было теперь, въ чемъ состоитъ его обязанность. Ему велѣно было атаковать Ѳоминское. Но въ Ѳоминскомъ прежде былъ одинъ Брусье, теперь была вся французская армія. Ермоловъ хотѣлъ поступить по своему усмотрѣнію, но Дохтуровъ настаивалъ на томъ, что ему нужно имѣть приказаніе отъ свѣтлѣйшаго. Рѣшено было послать донесеніе въ штабъ.

Для этого избранъ толковый офицеръ Болховитиновъ, который, кромѣ письменнаго донесенія, долженъ былъ на словахъ разсказать все дѣло. Въ 12-мъ часу ночи Болховитиновъ, получивъ конвертъ и словесное приказаніе, поскакалъ, сопутствуемый казакомъ съ запасными лошадьми, въ главный штабъ.

XVI.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже 4-й день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ 30 верстъ по грязной вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташовкѣ. Слѣзши у избы, на плетневомъ заборѣ которой была вывѣска: «Главный Штабъ», и бросивъ лошадь, онъ вошелъ въ темныя сѣни.

— Дежурнаго генерала скорѣе! Очень важное! — проговорилъ онъ кому-то, поднимавшемуся и сопѣвшему въ темнотѣ сѣней.

— Съ вечера нездоровы очень были, третью ночь не спятъ, — заступнически прошепталъ денщицкій голосъ. — Ужъ вы капитана разбудите сначала.

— Очень важное, отъ генерала Дохтурова, — сказалъ Болховитиновъ, входя въ ощупанную имъ растворенную дверь.

Денщикъ прошелъ впередъ его и сталъ будить кого-то.

— Ваше благородіе, ваше благородіе, — кульеръ.

— Что? что? отъ кого? — проговорилъ чей-то сонный голосъ.

— Отъ Дохтурова и отъ Алексѣя Петровича. Наполеонъ въ Ѳоминскомъ, — сказалъ Болховитиновъ, не видя въ темнотѣ того, кто спрашивалъ его, но по звуку голоса предполагая, что это былъ не Коновницынъ.

Разбуженный человѣкъ зѣвалъ и тянулся.

— Будить-то мнѣ его не хочется, — сказалъ онъ, ощупывая что-то. — Больнешенекъ! Можетъ такъ, слухи.

— Вотъ донесеніе, — сказалъ Болховитиновъ: — велѣно сейчасъ же передать дежурному генералу.

— Постойте, огня зажгу. Куда ты, проклятый, всегда засунешь? — обращаясь къ денщику, сказалъ тянувшійся человѣкъ. (Это былъ Щербининъ, адъютантъ Коновницына.) — Нашелъ, нашелъ, — прибавилъ онъ.

Денщикъ рубилъ огонь, Щербининъ ощупывалъ подсвѣчникъ.

— Ахъ, мерзкіе! — съ отвращеніемъ сказалъ онъ.

При свѣтѣ искръ Болховитиновъ увидѣлъ молодое лицо Щербинина со свѣчой и въ переднемъ углу еще спящаго человѣка. Это былъ Коновницынъ.

Когда сначала синимъ и потомъ краснымъ пламенемъ загорѣлись сѣрники о трутъ, Щербининъ зажегъ сальную свѣчку, съ подсвѣчника которой побѣжали обгладывавшіе ее прусаки, и осмотрѣлъ вѣстника. Болховитиновъ былъ весь въ грязи и, рукавомъ обтираясь, размазывалъ себѣ лицо.

— Да кто доноситъ? — сказалъ Щербининъ, взявъ конвертъ.

— Извѣстіе вѣрное, — сказалъ Болховитиновъ. — И плѣнные, и казаки, и лазутчики — всѣ единогласно показываютъ одно и то же.

— Нечего дѣлать, надо будить, — сказалъ Щербининъ, вставая и подходя къ человѣку въ ночномъ колпакѣ, укрытому шинелью. — Петръ Петровичъ! — проговорилъ онъ. (Коновницынъ не шевелился.) — Въ главахъ штабъ! — проговорилъ онъ улыбнувшись, зная, что эти слова навѣрное разбудятъ его.

И дѣйствительно, голова въ ночномъ колпакѣ поднялась тотчасъ же. На красивомъ, твердомъ лицѣ Коновницына, съ лихорадочно-воспаленными щеками, на мгновеніе оставалось еще выраженіе далекихъ отъ настоящаго положенія мечтаній сна, но потомъ вдругъ онъ вздрогнулъ, лицо это приняло обычно-спокойное и твердое выраженіе.

— Ну, что такое? Отъ кого?—неторопливо, но тотчасъ же спросилъ онъ, мигая отъ свѣта.

Слушая донесеніе офицера, Коновницынъ распечаталъ и прочелъ. Едва прочтя, онъ опустилъ ноги въ шерстяныхъ чулкахъ на земляной полъ и сталъ обуваться. Потомъ снялъ колпакъ и, причесавъ виски, надѣлъ фуражку.

— Ты скоро доѣхалъ? Пойдемъ къ свѣтлѣйшему.

Коновницынъ тотчасъ понялъ, что привезенное извѣстіе имѣло большую важность и что нельзя медлить. Хорошо ли, дурно ли это было, онъ не думалъ и не спрашивалъ себя. Его это не интересовало. На все дѣло войны онъ смотрѣлъ не умомъ, не разсужденіемъ, а чѣмъ-то другимъ. Въ душѣ его было глубокое, невысказанное убѣжденіе, что все будетъ хорошо, но что этому вѣрить не надо, и тѣмъ болѣе не надо говорить этого, а надо дѣлать только свое дѣло. И это свое дѣло онъ дѣлалъ, отдавая ему всѣ свои силы.

Петръ Петровичъ Коновницынъ такъ же, какъ и Дохтуровъ, только какъ бы изъ приличія внесенный въ списокъ такъ называемыхъ героевъ 12-го года — Барклаевъ, Раевскихъ, Ермоловыхъ, Платовыхъ, Милорадовичей—такъ же, какъ и Дохтуровъ, пользовался репутаціей человѣка весьма ограниченныхъ способностей и свѣдѣній и такъ же, какъ и Дохтуровъ, Коновницынъ никогда не дѣлалъ проектовъ сраженій, но всегда находился тамъ, гдѣ было труднѣе всего; спалъ всегда съ раскрытой дверью съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, приказывая каждому посланному будить себя; всегда во время сраженія былъ подъ огнемъ, такъ что Кутузовъ упрекалъ его за то и боялся посылать; и былъ такъ же, какъ и Дохтуровъ, одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ шестеренъ, которыя, не треща и не шумя, составляютъ самую существенную часть машины.

Выходя изъ избы въ сырую, темную ночь, Коновницынъ нахмурился, частью отъ головной усилившейся боли, частью отъ непріятной мысли, пришедшей ему въ голову, о томъ, какъ теперь взволнуется все это гнѣздо штабныхъ вліятельныхъ людей при этомъ извѣстіи, въ особенности Бенигсенъ, послѣ Тарутина бывшій на ножахъ съ Кутузовымъ; какъ будутъ предлагать,

спорить, приказывать, отмѣнять. И это предчувствіе пепріятно ему было, хотя онъ и зналъ, что безъ этого нельзя.

Дѣйствительно, Толь, къ которому онъ зашелъ сообщить новое извѣстіе, тотчасъ же сталъ излагать свои соображенія генералу, жившему съ нимъ, и Коновницынъ, молча и устало слушавшій, напомнилъ ему, что надо идти къ свѣтлѣйшему.

XVII.

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ; но ночью онъ, не раздѣваясь лежа на своей постели, большею частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь въ темнотѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бенигсенъ, переписывавшійся съ государемъ и имѣвшій болѣе всѣхъ силы въ штабѣ, избѣгалъ его, Кутузовъ былъ спокойнѣе въ томъ отношеніи, что его съ войсками не заставятъ опять участвовать въ безполезныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Урокъ Тарутинскаго сраженія и кануна его, болѣзненно памятный Кутузову, тоже долженъ былъ подѣйствовать, думалъ онъ.

«Они должны понять, что мы только можемъ проиграть, дѣйствуя наступательно. Терпѣніе и время — вотъ мои воины-богатыри!» думалъ Кутузовъ. Онъ зналъ, что не надо срывать яблока, пока оно зелено. Оно само упадетъ, когда будетъ зрѣло; а сорвешь зелено, испортишь яблоко и дерево, и самъ оскомину набьешь. Онъ, какъ опытный охотникъ, зналъ, что звѣрь раненъ, раненъ такъ, какъ только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нѣтъ, это былъ еще неразъясненный вопросъ. Теперь, по присылкамъ Лористона и Бертеми и по донесеніямъ партизановъ, Кутузовъ почти зналъ, что онъ раненъ смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать.

«Имъ хочется бѣжать посмотрѣть, какъ они его убили. Подождите, увидите. Все маневры, все наступленія!» думалъ онъ. «Къ чему? Все отличиться! Точно что-то веселое есть въ томъ, чтобы драться. Они точно дѣти, отъ которыхъ не добьешься толку, какъ было дѣло, оттого, что всѣ хотятъ доказать, какъ они умѣютъ драться. Да не въ томъ теперь дѣло».

«И какіе искусные маневры предлагаютъ мнѣ всѣ эти! Имъ кажется, что когда они выдумали двѣ-три случайности (онъ вспомнилъ объ общемъ планѣ изъ Петербурга), они выдумали ихъ всѣ. А имъ всѣмъ нѣтъ числа!»

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная при Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился. Лежа на своей постели въ свои безсонныя ночи, онъ дѣлалъ то самое, что́ дѣлала эта молодежь генераловъ, то самое, за что онъ упрекалъ ихъ. Онъ придумывалъ всѣ возможныя случайности такъ же, какъ и молодежь, но съ той разницей только, что онъ ничего не основывалъ на этихъ предположеніяхъ и что онъ видѣлъ ихъ не двѣ и три, а тысячи. Чѣмъ дальше онъ думалъ, тѣмъ больше ихъ представлялось. Онъ придумывалъ всякаго рода движенія Наполеоновской арміи, всей или частей ея, — къ Петербургу, на него, въ обходъ его, придумывалъ (чего онъ больше всего боялся) и ту случайность, что Наполеонъ станетъ бороться противъ него его же оружіемъ, что онъ останется въ Москвѣ, выжидая его. Кутузовъ придумывалъ даже движеніе Наполеоновской арміи назадъ на Медынь и Юхновъ; но одного, чего онъ не могъ предвидѣть, это того, что совершилось, того безумнаго, судорожнаго метанія войска Наполеона въ продолженіе первыхъ 11-ти дней его выступленія изъ Москвы,—метанія, которое сдѣлало возможнымъ то, о чемъ все-таки не смѣлъ еще тогда думать Кутузовъ: совершенное истребленіе французовъ. Донесенія Дорохова о дивизіи Брусье, извѣстія отъ партизановъ о бѣдствіяхъ арміи Наполеона, слухи о сборахъ къ выступленію изъ Москвы — все подтверждало предположеніе, что французская армія разбита и сбирается бѣжать; но это были только предположенія, казавшіяся важными для молодежи, но не для Кутузова. Онъ съ своей 60-лѣтней опытностью зналъ, какой вѣсъ надо приписывать слухамъ, зналъ, какъ способны люди, желающіе чего-нибудь, группировать всѣ извѣстія такъ, что они какъ будто подтверждаютъ желаемое, и зналъ, какъ въ этомъ случаѣ охотно упускаютъ все противорѣчащее. И чѣмъ больше желалъ этого Кутузовъ, тѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ этому вѣрить. Вопросъ этотъ занималъ всѣ его душевныя силы. Все остальное было для него только привычнымъ исполненіемъ жизни. Такимъ привычнымъ исполненіемъ и подчиненіемъ жизни были его разговоры съ штабными, письма къ m-me Stahl, которыя онъ пи-

салъ изъ Тарутина, чтеніе романовъ, раздачи наградъ, переписка съ Петербургомъ и т. п. Но погибель французовъ, предвидѣнная имъ однимъ, было его душевное, единственное желаніе.

Въ ночь 11-го октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелилось, и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своей холодной строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда!

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ, — сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку. — Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу, — перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сщурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей...— дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки. — Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи. — И онъ заплакалъ.

XVIII.

Со времени этого извѣстія и до конца кампаніи вся дѣятельность Кутузова заключается только въ томъ, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска отъ безполезныхъ

наступленій, маневровъ и столкновеній съ гибнущимъ врагомъ. Дохтуровъ идетъ къ Малоярославцу, но Кутузовъ медлитъ со всей арміей и отдаетъ приказанія объ очищеніи Калуги, отступленіе за которую представляется ему весьма возможнымъ.

Кутузовъ вездѣ отступаетъ, но непріятель, не дожидаясь его отступленія, бѣжитъ назадъ въ противную сторону.

Историки Наполеона описываютъ намъ искусный маневръ его на Тарутино и Малоярославецъ и дѣлаютъ предположенія о томъ, что бы было, если бы Наполеонъ успѣлъ проникнуть въ богатыя полуденныя губерніи.

Но, не говоря о томъ, что ничто не мѣшало Наполеону идти въ эти полуденныя губерніи (такъ какъ русская армія давала ему дорогу), историки забываютъ то, что армія Наполеона не могла быть спасена ничѣмъ, потому что она въ самой себѣ несла уже тогда неизбѣжныя условія гибели. Почему эта армія, нашедшая обильное продовольствіе въ Москвѣ и не могшая удержать его, а стоптавшая его подъ ногами, эта армія, которая, придя въ Смоленскъ, не разбирала продовольствія, а грабила его, почему эта армія могла бы поправиться въ Калужской губерніи, населенной тѣми же русскими, какъ и въ Москвѣ, и съ тѣмъ же свойствомъ огня сжигать то, что зажигаютъ?

Армія нигдѣ не могла поправиться. Она съ Бородинскаго сраженія и грабежа Москвы несла въ себѣ уже какъ бы химическія условія разложенія.

Люди этой бывшей арміи бѣжали съ своими предводителями, сами не зная куда, желая (Наполеонъ и каждый солдатъ) только одного: выпутаться лично какъ можно скорѣе изъ того безвыходнаго положенія, которое, хотя и неясно, они всѣ сознавали.

Только поэтому на совѣтѣ въ Малоярославцѣ, когда, притворяясь, что они—генералы—совѣщаются, подавая разныя мнѣнія, послѣднее мнѣніе простодушнаго солдата Мутона, сказавшаго то, что всѣ думали, что надо только уйти какъ можно скорѣе, закрыло всѣ рты, и никто, даже Наполеонъ, не могъ сказать ничего противъ этой всѣми сознаваемой истины.

Но хотя всѣ и знали, что надо было уйти, оставался еще стыдъ сознанія того, что надо бѣжать. И нуженъ былъ внѣшній толчокъ, который побѣдилъ бы этотъ стыдъ. И толчокъ этотъ явился въ нужное время. Это было такъ называемое у французовъ «le Hourra de l'Empereur».

На другой день послѣ совѣта Наполеонъ рано утромъ, притворяясь, что хочетъ осматривать войска и поле прошедшаго и будущаго сраженія, съ свитой маршаловъ и конвоя ѣхалъ посрединѣ линіи расположенія войскъ. Казаки, шнырявшіе

около добычи, наткнулись на самого императора и чуть-чуть не поймали его. Ежели казаки не поймали въ этотъ разъ Наполеона, то спасло его то же, что губило французовъ: добыча, на которую и въ Тарутинѣ и здѣсь, оставляя людей, бросались казаки. Они, не обращая вниманія на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеонъ успѣлъ уйти.

Когда вотъ-вотъ les enfants du Don могли поймать самого императора въ серединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ, съ своимъ 40-лѣтнимъ брюшкомъ, не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подъ вліяніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, какъ говорятъ историки, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу.

То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ и войска пошли назадъ, не доказываетъ того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона.

XIX.

Когда человѣкъ находится въ движеніи, онъ всегда придумываетъ себѣ цѣль этого движенія. Для того, чтобы идти тысячу верстъ, человѣку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ю верстъ. Нужно представленіе объ обѣтованной землѣ для того, чтобы имѣть силы двигаться.

Обѣтованная земля при наступленіи французовъ была Москва, при отступленіи была родина. Но родина была слишкомъ далеко, и для человѣка, идущаго 1000 верстъ, непремѣнно нужно сказать себѣ, забывъ о конечной цѣли, что нынче я приду за 40 верстъ, на мѣсто отдыха и ночлега; и въ первый переходъ это мѣсто отдыха заслоняетъ конечную цѣль и сосредоточиваетъ на себѣ всѣ желанія и надежды. Тѣ стремленія, которыя выражаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда увеличиваются въ толпѣ.

Для французовъ, пошедшихъ назадъ по старой Смоленской дорогѣ, конечная цѣль родины была слишкомъ отдалена, и ближайшая цѣль, та, къ которой, въ огромной пропорціи усиливаясь въ толпѣ, стремились всѣ желанія и надежды, была Смоленскъ. Не потому, чтобы люди знали, что въ Смоленскѣ было много провіанту и свѣжихъ войскъ, не потому, чтобы имъ говорили это (напротивъ, высшіе чины арміи и самъ Наполеонъ

знали, что тамъ мало провіанта), но потому, что это одно могло имъ дать силу двигаться и переносить настоящія лишенія, они, и тѣ, которые знали, и тѣ, которые не знали, одинаково обманывая себя, какъ къ обѣтованной землѣ, стремились къ Смоленску.

Выйдя на большую дорогу, французы съ поразительной энергіей, съ быстротою неслыханной побѣжали къ своей выдуманной цѣли. Кромѣ этой причины общаго стремленія, связывавшей въ одно цѣлое толпы французовъ и придававшей имъ нѣкоторую энергію, была еще другая причина, связывавшая ихъ. Причина эта состояла въ ихъ количествѣ. Сама огромная масса ихъ, какъ въ физическомъ законѣ притяженія, притягивала къ себѣ отдѣльные атомы — людей. Они двигались своей стотысячной массой, какъ цѣлымъ государствомъ.

Каждый человѣкъ изъ нихъ желалъ только одного—отдаться въ плѣнъ, избавиться отъ всѣхъ ужасовъ и несчастій. Но, съ одной стороны, сила общаго стремленія къ цѣли Смоленска увлекала каждаго въ одномъ и томъ же направленіи; съ другой стороны, нельзя было корпусу отдаться въ плѣнъ ротѣ, и, несмотря на то, что французы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отдѣлаться другъ отъ друга и при малѣйшемъ приличномъ предлогѣ отдаваться въ плѣнъ, предлоги эти не всегда случались. Самое число ихъ и тѣсное, быстрое движеніе лишало ихъ этой возможности и дѣлало для русскихъ не только труднымъ, но невозможнымъ остановить это движеніе, на которое направлена была вся энергія массы французовъ. Механическое разрываніе тѣла не могло ускорить дальше извѣстнаго предѣла совершавшійся процессъ разложенія.

Комъ снѣга невозможно растаить мгновенно. Существуетъ извѣстный предѣлъ времени, ранѣе котораго никакія усилія тепла не могутъ растаить снѣга. Напротивъ, чѣмъ больше тепла, тѣмъ болѣе крѣпнетъ остающійся снѣгъ.

Изъ русскихъ военачальниковъ никто, кромѣ Кутузова, не понималъ этого. Когда опредѣлилось направленіе бѣгства французской арміи по Смоленской дорогѣ, тогда то, что предвидѣлъ Коновницынъ въ ночь 11 октября, начало сбываться. Всѣ высшіе чины арміи хотѣли отличиться, отрѣзать, перехватить, полонить, опрокинуть французовъ, и всѣ требовали наступленія.

Кутузовъ одинъ всѣ силы свои (силы эти очень не велики у каждаго главнокомандующаго) употреблялъ на то, чтобы противодѣйствовать наступленію.

Онъ не могъ имъ сказать то, что мы говоримъ теперь: зачѣмъ сраженіе и загораживаніе дороги, и потеря своихъ людей, и безчеловѣчное добиваніе несчастныхъ; зачѣмъ все это, когда

отъ Москвы до Вязьмы безъ сраженія растаяла одна треть этого войска. Но онъ говорилъ имъ, выводя изъ своей старческой мудрости то, что они могли бы понять,—онъ говорилъ имъ про золотой мостъ; и они смѣялись надъ нимъ, клеветали на него, и рвали, и метали, и куражились надъ убитымъ звѣремъ.

Подъ Вязьмой Ермоловъ, Милорадовичъ, Платовъ и другіе, находясь въ близости отъ французовъ, не могли воздержаться отъ желанія отрѣзать и опрокинуть два французскіе корпуса. Кутузову, извѣщая его объ ихъ намѣреніи, вмѣсто донесенія они прислали въ конвертѣ листъ бѣлой бумаги.

И сколько ни старался Кутузовъ удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу. Пѣхотные полки, какъ разсказываютъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ ходили въ атаку и побили и потеряли тысячи людей.

Но отрѣзать—никого не отрѣзали и не опрокинули. И французское войско, стянувшись крѣпче отъ опасности, продолжало, равномѣрно тая, все тотъ же свой гибельный путь къ Смоленску.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Бородинское сраженіе съ послѣдовавшими за нимъ занятіемъ Москвы и бѣгствомъ французовъ, безъ новыхъ сраженій, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи.

Всѣ историки согласны въ томъ, что внѣшняя дѣятельность государствъ и народовъ, въ ихъ столкновеніяхъ между собой, выражается войнами; что непосредственно, вслѣдствіе бо̀льшихъ или меньшихъ успѣховъ военныхъ, увеличивается или уменьшается политическая сила государствъ и народовъ.

Какъ ни странны историческія описанія того, какъ какой-нибудь король или императоръ, поссорившись съ другимъ императоромъ или королемъ, собралъ войско, сразился съ войскомъ врага, одержалъ побѣду, убилъ три, пять, десять тысячъ человѣкъ и, вслѣдствіе того, покорилъ государство и цѣлый народъ въ нѣсколько милліоновъ; какъ ни непонятно, почему пораженіе одной арміи, одной сотой всѣхъ силъ народа, заставило покориться народъ,—всѣ факты исторіи (насколько она намъ извѣстна) подтверждаютъ справедливость того, что бо́льшіе или меньшіе успѣхи войска одного народа противъ войска другого народа суть причины или, по крайней мѣрѣ, существенные признаки увеличенія или уменьшенія силы народовъ. Войско одержало побѣду, и тотчасъ же увеличились права побѣдившаго народа въ ущербъ побѣжденному. Войско понесло пораженіе, и тотчасъ же, по степени пораженія, народъ лишается правъ, а при совершенномъ пораженіи своего войска совершенно покоряется.

Такъ было (по исторіи) съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Всѣ войны Наполеона служатъ подтвержденіемъ этого правила. По степени пораженія австрійскихъ войскъ Австрія лишается своихъ правъ, и увеличиваются права и силы

Франціи. Побѣда французовъ подъ Іеной и Ауэрштетомъ уничтожаетъ самостоятельное существованіе Пруссіи.

Но вдругъ въ 1812 году французами одержана побѣда подъ Москвой, Москва взята и вслѣдъ затѣмъ, безъ новыхъ сраженій, не Россія перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армія, потомъ Наполеоновская Франція. Натянуть факты на правила исторіи, сказать, что поле сраженія въ Бородинѣ осталось за русскими, что послѣ Москвы были сраженія, уничтожившія армію Наполеона, невозможно.

Послѣ Бородинской побѣды французовъ не было ни одного не только генеральнаго, но сколько-нибудь значительнаго сраженія, и французская армія перестала существовать. Что это значитъ? Ежели бы это былъ примѣръ изъ исторіи Китая, мы бы могли сказать, что это явленіе не историческое (лазейка историковъ, когда что не подходитъ подъ ихъ мѣрку); ежели бы дѣло касалось столкновенія непродолжительнаго, въ которомъ участвовали бы малыя количества войскъ, мы бы могли принять это явленіе за исключеніе; но событіе это совершилось на глазахъ нашихъ отцовъ, для которыхъ рѣшался вопросъ жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая изъ всѣхъ извѣстныхъ войнъ.

Періодъ кампаніи 1812 года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія, — доказалъ, что сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ.

Французскіе историки, описывая положеніе французскаго войска передъ выходомъ изъ Москвы, утверждаютъ, что все въ великой арміи было въ порядкѣ, исключая кавалеріи, артиллеріи и обозовъ, да не было фуража для корма лошадей и рогатаго скота. Этому бѣдствію не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сѣно и не давали французамъ.

Выигранное сраженіе не принесло обычныхъ результатовъ, потому что мужики Карпъ и Власъ, которые послѣ выступленія французовъ пріѣхали въ Москву съ подводами грабить городъ и вообще не выказывали лично геройскихъ чувствъ, и все безчисленное количество такихъ мужиковъ не везли сѣна въ Москву за хорошія деньги, которыя имъ предлагали, а жгли его.

Представимъ себѣ двухъ людей, вышедшихъ на поединокъ, со шпагами, по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства; фехтованіе продолжалось довольно долгое время; вдругъ одинъ изъ противниковъ, почувствовавъ себя раненымъ, понявъ, что дѣло это не шутка, а касается его жизни, бросилъ шпагу и, взявъ первую попавшуюся дубину, началъ ворочать ею. Но представимъ себѣ, что противникъ, такъ разумно употребившій лучшее и простѣйшее средство для достиженія цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевленный преданіями рыцарства, захотѣлъ бы скрыть сущность дѣла и настаивалъ бы на томъ, что онъ по всѣмъ правиламъ искусства побѣдилъ на шпагахъ. Можно себѣ представить, какая путаница и неясность произошла бы отъ такого описанія происшедшаго поединка.

Фехтовальщикъ, требовавшій борьбы по правиламъ искусства, былп французы; его противникъ, бросившій шпагу и поднявшій дубину, были русскіе; люди, старающіеся объяснить все по правиламъ фехтованія,—историки, которые писали объ этомъ событіи.

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни подъ какія прежнія преданія войнъ. Сожженіе городовъ и деревень, отступленіе послѣ сраженій, ударъ Бородина и опять отступленіе, пожаръ Москвы, ловля мародеровъ, переимка транспортовъ, партизанская война, — все это были отступленія отъ правилъ.

Наполеонъ чувствовалъ это и съ самаго того времени, когда онъ въ правильной позѣ фехтованія остановился въ Москвѣ и вмѣсто шпаги противника увидалъ поднятую надъ собой дубину, онъ не переставалъ жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всѣмъ правиламъ (какъ будто существуютъ какія-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французовъ о неисполненіи правилъ, несмотря на то, что русскимъ высшимъ по положенію людямъ казалось почему-то стыднымъ драться дубиной, а хотѣлось по всѣмъ правиламъ стать въ позицію en quarte или en tierce, сдѣлать искусное выпаденіе въ prime и т. д.,—дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупой простотой, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе.

И благо тому народу, который, не какъ французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаетъ ее

великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью.

II.

Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу. Такого рода дѣйствія всегда проявляются въ войнѣ, принимающей народный характеръ. Дѣйствія эти состоятъ въ томъ, что вмѣсто того, чтобы становиться толпой противъ толпы, люди расходятся врозь, нападаютъ поодиночкѣ и тотчасъ же бѣгутъ, когда на нихъ нападаютъ большими силами, а потомъ опять нападаютъ, когда представляется случай. Это дѣлали гверильясы въ Испаніи; это дѣлали горцы на Кавказѣ; это дѣлали русскіе въ 1812-мъ году.

Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ такого рода война не только не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и признанному за непогрѣшимое тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска съ тѣмъ, чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе противника.

Партизанская война (всегда успѣшная, какъ показываетъ исторія) прямо противоположна этому правилу.

Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ численностью. Военная наука говоритъ, что чѣмъ больше войска, тѣмъ больше силы. Les gros bataillons ont toujours raison.

Говоря это, военная наука подобна той механикѣ, которая, основываясь на разсмотрѣніи силъ только по отношенію къ ихъ массамъ, сказала бы, что силы равны или не равны между собою потому, что равны или не равны ихъ массы.

Сила (количество движенія) есть произведеніе изъ массы на скорость.

Въ военномъ дѣлѣ сила войскъ есть такое произведеніе изъ массы на что-то такое, на какое-то неизвѣстное x.

Военная наука, видя въ исторіи безчисленное количество примѣровъ того, что масса войскъ не совпадаетъ съ силой, что

малые отряды побѣждаютъ большіе, смутно признаетъ существованіе этого неизвѣстнаго множителя и старается отыскать его то въ геометрическомъ построеніи, то въ вооруженіи, то — самое обыкновенное — въ геніальности полководцевъ. Но подставленіе всѣхъ этихъ значеній множителя не доставляетъ результатовъ, согласныхъ съ историческими фактами.

А между тѣмъ, стоитъ только отрѣшиться отъ установившагося, въ угоду героямъ, ложнаго взгляда на дѣйствительность распоряженій высшихъ властей во время войны для того, чтобы отыскать этотъ неизвѣстный x.

X этотъ есть духъ войска, т.-е. большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасностямъ всѣхъ людей, составляющихъ войско, совершенно независимо отъ того, дерутся ли люди подъ командой геніевъ или не-геніевъ, въ трехъ или двухъ линіяхъ, дубинами или ружьями, стрѣляющими 30 разъ въ минуту. Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя и въ наивыгоднѣйшія условія для драки.

Духъ войска есть множитель на массу, дающій произведеніе силы. Опредѣлить и выразить значеніе духа войска, этого неизвѣстнаго множителя, есть задача науки.

Задача эта возможна только тогда, когда мы перестанемъ произвольно подставлять, вмѣсто значенія всего неизвѣстнаго x, тѣ условія, при которыхъ проявляется сила, какъ-то: распоряженія полководца, вооруженіе и т. д., принимая ихъ за значеніе множителя, а признаемъ это неизвѣстное во всей его цѣльности, т.-е. какъ большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасности. Тогда только, выражая уравненіями извѣстные историческіе факты, изъ сравненія относительнаго значенія этого неизвѣстнаго, можно надѣяться на опредѣленіе самого неизвѣстнаго.

Десять человѣкъ, батальоновъ или дивизій, сражаясь съ пятнадцатью человѣками, батальонами или дивизіями, побѣдили, т.-е. убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка и сами потеряли четыре; стало-быть, уничтожились съ одной стороны четыре, съ другой стороны — пятнадцать. Слѣдовательно, четыре были равны пятнадцати, и, слѣдовательно, $4x=15y$. Слѣдовательно, $x:y=15:4$. Уравненіе это не даетъ значенія неизвѣстнаго, но оно даетъ отношеніе между двумя неизвѣстными. И изъ подведенія подъ таковыя уравненія историческихъ различно взятыхъ единицъ (сраженій, кампаній, періодовъ войнъ) получатся ряды чиселъ, въ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы.

Тактическое правило о томъ, что надо дѣйствовать массами при наступленіи и разрозненно при отступленіи, безсознательно подтверждаетъ только ту истину, что сила войска зависитъ отъ его духа. Для того, чтобы вести людей подъ ядра, нужно больше дисциплины, достигаемой только движеніемъ въ массахъ, чѣмъ для того, чтобы отбиваться отъ нападающихъ. Но правило это, при которомъ упускается изъ виду духъ войска, безпрестанно оказывается невѣрнымъ и въ особенности поразительно противорѣчитъ дѣйствительности тамъ, гдѣ является сильный подъемъ или упадокъ духа войска—во всѣхъ народныхъ войнахъ.

Французы, отступая въ 1812-мъ году, хотя и должны бы защищаться отдѣльно по тактикѣ, жмутся въ кучу, потому что духъ войска упалъ такъ, что только масса сдерживаетъ войско вмѣстѣ. Русскіе, напротивъ, по тактикѣ должны бы были нападать массой, на дѣлѣ же раздробляются, потому что духъ поднятъ такъ, что отдѣльныя лица бьютъ безъ приказанія французовъ и не нуждаются въ принужденіи для того, чтобы подвергать себя трудамъ и опасностямъ.

III.

Такъ называемая партизанская война началась со вступленія непріятеля въ Смоленскъ.

Прежде, чѣмъ партизанская война была офиціально принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи—отсталые, мародеры, фуражиры—были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этихъ людей такъ же безсознательно, какъ безсознательно собаки загрызаютъ забѣглую бѣшеную собаку. Денисъ Давыдовъ своимъ русскимъ чутьемъ первый понялъ значеніе той страшной дубины, которая, не спрашивая правилъ военнаго искусства, уничтожала французовъ, и ему принадлежитъ слава перваго шага для узаконенія этого пріема войны.

24-го числа августа былъ учрежденъ первый партизанскій отрядъ Давыдова, и вслѣдъ за его отрядомъ стали учреждаться другіе. Чѣмъ дальше подвигалась кампанія, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ отрядовъ.

Партизаны уничтожали великую армію по частямъ. Они подбирали тѣ отпадавшіе листья, которые сами собой сыпались съ изсохшаго дерева—французскаго войска, и иногда трясли это дерево. Въ октябрѣ, въ то время, какъ французы бѣжали къ Смоленску, этихъ партій различныхъ величинъ и характеровъ были сотни. Были партіи, перенимавшія всѣ пріемы арміи, съ

пѣхотой, артиллеріей, штабами, съ удобствами жизни; были однѣ казачьи, кавалерійскія; были мелкія, сборныя, пѣшія и конныя; были мужицкія и помѣщичьи, никому неизвѣстныя. Былъ дьячокъ начальникомъ партіи, взявшій въ мѣсяцъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ; была старостиха Василиса, побившая сотни французовъ.

Послѣднія числа октября было время самаго разгара партизанской войны. Тотъ первый періодъ этой войны, во время которой партизаны сами удивлялись своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами и, не разсѣдлывая и почти не слѣзая съ лошадей, прятались по лѣсамъ, ожидая всякую минуту погони, уже прошелъ. Теперь уже война эта опредѣлилась, всѣмъ стало ясно, что можно было предпринять съ французами и чего нельзя было предпринимать. Теперь уже только тѣ начальники отрядовъ, которые съ штабами, по правиламъ, ходили вдали отъ французовъ, считали еще многое невозможнымъ. Мелкіе же партизаны, давно уже начавшіе свое дѣло и близко высматривавшіе французовъ, считали возможнымъ то, о чемъ не смѣли и думать начальники большихъ отрядовъ. Казаки же и мужики, лазившіе между французами, считали, что теперь уже все было возможно.

22-го октября Денисовъ, бывшій однимъ изъ партизановъ, находился съ своей партіей въ самомъ разгарѣ партизанской страсти. Съ утра онъ съ своей партіей былъ на ходу. Онъ цѣлый день по лѣсамъ, примыкавшимъ къ большой дорогѣ, слѣдилъ за большимъ французскимъ транспортомъ кавалерійскихъ вещей и русскихъ плѣнныхъ, отдѣлившимся отъ другихъ войскъ и подъ сильнымъ прикрытіемъ, какъ это было извѣстно отъ лазутчиковъ и плѣнныхъ, направлявшимся къ Смоленску. Про этотъ транспортъ было извѣстно не только Денисову и Долохову (тоже партизану съ небольшой партіей), ходившему близко отъ Денисова, но и начальникамъ большихъ отрядовъ съ штабами; всѣ знали про этотъ транспортъ и, какъ говорилъ Денисовъ, точили на него зубы. Два изъ этихъ большихъ отрядныхъ начальниковъ — одинъ полякъ, другой нѣмецъ — почти въ одно и то же время прислали Денисову приглашеніе присоединиться, каждый къ своему отряду, съ тѣмъ, чтобы напасть на транспортъ.

— Нѣтъ, бг'атъ, я самъ съ усамъ,—сказалъ Денисовъ, прочтя эти бумаги, и написалъ нѣмцу, что, несмотря на душевное желаніе, которое онъ имѣлъ, служить подъ начальствомъ столь доблестнаго и знаменитаго генерала, онъ долженъ лишить себя этого счастья, потому что уже поступилъ подъ начальство генерала поляка. Генералу же поляку онъ написалъ то же самое, увѣдомляя его, что онъ уже поступилъ подъ начальство нѣмца.

Распорядившись такимъ образомъ, Денисовъ намѣревался, безъ донесенія о томъ высшимъ начальникамъ, вмѣстѣ съ Доловымъ атаковать и взять этотъ транспортъ своими небольшими силами. Транспортъ шелъ 22-го октября отъ деревни Микулиной къ деревнѣ Шамшевой. Съ лѣвой стороны дороги отъ Микулина къ Шамшеву шли большіе лѣса, мѣстами подходившіе къ самой дорогѣ, мѣстами отдалявшіеся отъ дороги на версту и больше. По этимъ-то лѣсамъ цѣлый день, то углубляясь въ середину ихъ, то выѣзжая на опушку, ѣхалъ съ партіей Денисовъ, не выпуская изъ виду двигавшихся французовъ. Съ утра недалеко отъ Микулина, тамъ, гдѣ лѣсъ близко подходилъ къ дорогѣ, казаки изъ партіи Денисова захватили двѣ ставшія въ грязи французскія фуры съ кавалерійскими сѣдлами и увезли ихъ въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ и до самаго вечера партія, не нападая, слѣдила за движеніемъ французовъ. Надо было, не испугавъ ихъ, дать спокойно дойти до Шамшева и тогда, соединившись съ Долоховымъ, который долженъ былъ къ вечеру пріѣхать на совѣщаніе къ караулкѣ въ лѣсу (въ верстѣ отъ Шамшева), на разсвѣтѣ пасть съ двухъ сторонъ, какъ снѣгъ на голову, и побить и забрать всѣхъ разомъ.

Позади, въ двухъ верстахъ отъ Микулина, тамъ, гдѣ лѣсъ подходилъ къ самой дорогѣ, было оставлено шесть казаковъ, которые должны были донести сейчасъ же, какъ только покажутся новыя колонны французовъ.

Впереди Шамшева точно такъ же Долоховъ долженъ былъ изслѣдовать дорогу, чтобы знать, на какомъ разстояніи есть еще другія французскія войска. При транспортѣ предполагалось 1.500 человѣкъ. У Денисова было 200 человѣкъ, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какія именно были эти войска; и для этой цѣли Денисову нужно было взять *языка* (т.-е. человѣка изъ непріятельской колонны). Въ утреннее нападеніе на фуры дѣло сдѣлалось съ такою поспѣшностью, что бывшихъ при фурахъ французовъ всѣхъ перебили и захватили живымъ только мальчишку-барабанщика, который былъ отсталый и ничего не могъ сказать положительно о томъ, какія были войска въ колоннѣ.

Нападать другой разъ Денисовъ считалъ опаснымъ, чтобы не встревожить всю колонну, и потому онъ послалъ впередъ въ Шамшево бывшаго при его партіи мужика Тихона Щербатова захватить, ежели можно, хоть одного изъ бывшихъ тамъ французскихъ передовыхъ квартиргеровъ.

IV.

Былъ осенній теплый, дождливый день. Небо и горизонтъ были одного и того же цвѣта мутной воды. То падалъ какъ будто туманъ, то вдругъ припускалъ косой, крупный дождь.

На породистой, худой, съ подтянутыми боками лошади, въ буркѣ и папахѣ, съ которыхъ струилась вода, ѣхалъ Денисовъ. Онъ такъ же, какъ и лошадь, косившая голову и поджимавшая уши, морщился отъ косого дождя и озабоченно присматривался впередъ. Исхудавшее и обросшее густой, короткой черной бородой лицо его казалось сердито.

Рядомъ съ Денисовымъ, также въ буркѣ и папахѣ, на сытомъ, крупномъ донцѣ ѣхалъ казачій есаулъ—сотрудникъ Денисова.

Есаулъ Ловайскій третій, также въ буркѣ и папахѣ, былъ длинный, плоскій, какъ доска, бѣлолицый, бѣлокурый человѣкъ съ узкими, свѣтлыми глазками и спокойно-самодовольнымъ выраженіемъ и въ лицѣ и въ посадкѣ. Хотя и нельзя было сказать, въ чемъ состояла особенность лошади и сѣдока, но при первомъ взглядѣ на есаула и Денисова видно было, что Денисову и мокро и неловко, что Денисовъ — человѣкъ, который сѣлъ на лошадь; тогда какъ, глядя на есаула, видно было, что ему такъ же удобно и покойно, какъ и всегда, и что онъ не человѣкъ, который сѣлъ на лошадь, а человѣкъ вмѣстѣ съ лошадью одно, увеличенное двойною силою, существо.

Немного впереди ихъ шелъ насквозь промокшій мужичокъ-проводникъ, въ сѣромъ кафтанѣ и бѣломъ колпакѣ.

Немного сзади на худой, тонкой киркизской лошаденкѣ, съ огромнымъ хвостомъ и гривой и съ продранными въ кровь губами, ѣхалъ молодой офицеръ въ синей французской шинели.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ гусаръ, везя за собой на крупѣ лошади мальчика въ французскомъ оборванномъ мундирѣ и синемъ колпакѣ. Мальчикъ держался красными отъ холода руками за гусара, пошевеливалъ, стараясь согрѣть ихъ, свои босыя ноги и, поднявъ брови, удивленно оглядывался вокругъ себя. Это былъ взятый утромъ французскій барабанщикъ.

Сзади по три, по четыре по узкой, раскинувшейся и изъѣзженной лѣсной дорогѣ тянулись гусары, потомъ казаки, кто въ буркѣ, кто во французской шинели, кто въ попонѣ, накинутой на голову. Лошади, и рыжія и гнѣдыя, всѣ казались вороными отъ струившагося съ нихъ дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими отъ смокшихся гривъ. Отъ лошадей поднимался паръ. И одежды, и сѣдла, и поводья—все было мокро, склизко

и раскисло, такъ же, какъ и земля и спавшіе листья, которыми была уложена дорога. Люди сидѣли нахохлившись, стараясь не шевелиться, чтобы отогрѣвать ту воду, которая пролилась до тѣла, и не пропускать новую, холодную, подтекавшую подъ сидѣнья, колѣни и за шеи. Въ серединѣ вытянувшихся казаковъ двѣ фуры на французскихъ и подпряженныхъ въ сѣдлахъ казачьихъ лошадяхъ громыхали по пнямъ и сучьямъ и бурчали по наполненнымъ водою колеямъ дороги.

Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дорогѣ, потянулась въ сторону и толкнула его колѣнкой о дерево.

— Э, чог'тъ! — злобно вскрикнулъ Денисовъ и, оскаливъ зубы, плетью раза три ударилъ лошадь, забрызгавъ себя и товарищей грязью.

Денисовъ былъ не въ духѣ: и отъ дождя, и отъ голода (съ утра никто ничего не ѣлъ), и, главное, оттого, что отъ Долохова до сихъ поръ не было извѣстій и посланный взять языка не возвращался.

«Едва ли выйдетъ другой такой случай, какъ нынче, напасть на транспортъ. Одному нападать слишкомъ рискованно, а отложить до другого дня — изъ - подъ носа захватитъ добычу ктонибудь изъ большихъ партизановъ», думалъ Денисовъ, безпрестанно взглядывая впередъ, думая увидать ожидаемаго посланнаго отъ Долохова.

Выѣхавъ на просѣку, по которой видно было далеко направо, Денисовъ остановился.

— Ѣдетъ кто-то,—сказалъ онъ.

Есаулъ посмотрѣлъ по направленію, указываемому Денисовымъ.

— Ѣдутъ двое—офицеръ и казакъ. Только не *предположительно*, чтобы былъ самъ подполковникъ,—сказалъ есаулъ, любившій употреблять неизвѣстныя казакамъ слова.

Ѣхавшіе, спустившись подъ гору, скрылись изъ вида и черезъ нѣсколько минутъ опять показались. Впереди усталымъ галопомъ, погоняя нагайкой, ѣхалъ офицеръ — растрепанный, насквозь промокшій и съ взбившимися выше колѣнъ панталонами. За нимъ, стоя на стременахъ, рысилъ казакъ. Офицеръ этотъ, очень молоденькій мальчикъ, съ широкимъ румянымъ лицомъ и быстрыми, веселыми глазами, подскакалъ къ Денисову и подалъ ему промокшій конвертъ.

— Отъ генерала,—сказалъ офицеръ:—извините, что не совсѣмъ сухо...

Денисовъ, нахмурившись, взялъ конвертъ и сталъ распечатывать.

— Вотъ говорили все, что опасно, опасно,—сказалъ офицеръ, обращаясь къ есаулу въ то время, какъ Денисовъ читалъ поданный ему конвертъ.—Впрочемъ, мы съ Комаровымъ,—онъ указалъ на казака,—приготовились. У насъ по два писто... А это что жъ?—спросилъ онъ, увидавъ французскаго барабанщика.—Плѣнный? Вы уже въ сраженіи были? Можно съ нимъ поговорить?

— Г'остовъ! Петя!—крикнулъ въ это время Денисовъ, пробѣжавъ поданный ему конвертъ.—Да какъ же ты не сказалъ, кто ты? — и Денисовъ съ улыбкой, обернувшись, протянулъ руку офицеру.

Офицеръ этотъ былъ Петя Ростовъ.

Во всю дорогу Петя приготавливался къ тому, какъ онъ, какъ слѣдуетъ большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будетъ держать себя съ Денисовымъ. Но какъ только Денисовъ улыбнулся ему, Петя тотчасъ же просіялъ, покраснѣлъ отъ радости и забылъ приготовленную офиціальность: началъ разсказывать о томъ, какъ онъ проѣхалъ мимо французовъ и какъ онъ радъ, что ему дано такое порученіе, и что онъ былъ уже въ сраженіи подъ Вязьмой, и что тамъ отличился одинъ гусаръ.

— Ну, я г'адъ тебя видѣть,—перебилъ его Денисовъ, и лицо его приняло опять озабоченное выраженіе.

— Михаилъ Ѳеоклитычъ,—обратился онъ къ есаулу. — Вѣдь это опять отъ нѣмца. Онъ пг'и немъ состоитъ.

И Денисовъ разсказалъ есаулу, что содержаніе бумаги, привезенной сейчасъ, состояло въ повторенномъ требованіи отъ генерала - нѣмца присоединиться для нападенія на транспортъ.

— Ежели мы его завтг'а не возьмемъ, онъ у насъ изъ-подъ носа выг'ветъ, — заключилъ онъ.

Въ то время, какъ Денисовъ говорилъ съ есауломъ, Петя, сконфуженный холоднымъ тономъ Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положеніе его панталонъ, такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, подъ шинелью поправлялъ взбившіяся панталоны, стараясь имѣть видъ какъ можно воинственнѣе.

— Будетъ какое приказаніе отъ вашего высокоблагородія?—сказалъ онъ Денисову, приставляя руку къ козырьку и опять возвращаясь къ игрѣ въ адъютанта и генерала, къ которой онъ приготовился,—или долженъ я оставаться при вашемъ высокоблагородіи?

— Пг'иказанія?..—задумчиво сказалъ Денисовъ.—Да ты можешь ли остаться до завтг'ашняго дня?

— Ахъ, пожалуйста... Можно мнѣ при васъ остаться? — вскрикнулъ Петя.

— Да какъ тебѣ именно велѣно отъ генег'ала—сейчасъ вег'нуться?—спросилъ Денисовъ.

Петя покраснѣлъ.

— Да онъ ничего не велѣлъ; я думаю, можно?—сказалъ онъ вопросительно.

— Ну, ладно,—сказалъ Денисовъ.

И, обратившись къ своимъ подчиненнымъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы партія шла къ назначенному у караулки въ лѣсу мѣсту отдыха и чтобы офицеръ на киргизской лошади (офицеръ этотъ исполнялъ должность адъютанта) ѣхалъ отыскивать Долохова, узнать, гдѣ онъ и придетъ ли онъ вечеромъ. Самъ же Денисовъ съ есауломъ и Петей намѣревался подъѣхать къ опушкѣ лѣса, выходившей къ Шамшеву, съ тѣмъ, чтобы взглянуть на то мѣсто расположенія французовъ, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападеніе.

— Ну, бог'ода, — обратился онъ къ мужику-проводнику, — веди къ Шамшеву.

Денисовъ, Петя и есаулъ, сопутствуемые нѣсколькими казаками и гусаромъ, который везъ плѣннаго, поѣхали влѣво, черезъ оврагъ, къ опушкѣ лѣса.

V.

Дождикъ прошелъ, только падалъ туманъ и капли воды съ вѣтокъ деревьевъ. Денисовъ, есаулъ и Петя молча ѣхали за мужикомъ въ колпакѣ, который, легко и беззвучно ступая своими вывернутыми въ лаптяхъ ногами по кореньямъ и мокрымъ листьямъ, велъ ихъ къ опушкѣ лѣса.

Выйдя на изволокъ, мужикъ пріостановился, оглядѣлся и направился къ рѣдѣвшей стѣнѣ деревьевъ. У большого дуба, еще не скинувшаго листа, онъ остановился и таинственно поманилъ къ себѣ рукой.

Денисовъ и Петя подъѣхали къ нему. Съ того мѣста, на которомъ остановился мужикъ, были видны французы. Сейчасъ за лѣсомъ шло внизъ полубугромъ яровое поле. Вправо, черезъ крутой оврагъ, виднѣлась небольшая деревушка и барскій домикъ съ разваленными крышами. Въ этой деревушкѣ и въ барскомъ домѣ, и по всему бугру, въ саду, у колодцевъ и пруда и по всей дорогѣ въ гору отъ моста къ деревнѣ не болѣе какъ въ 200-хъ саженяхъ разстоянія виднѣлись въ колеблющемся туманѣ толпы народа. Слышны были явственно ихъ нерусскіе

крики на выдиравшихся въ гору лошадей въ повозкахъ и призывы другъ другу.

— Плѣннаго дайте сюда,—негромко сказалъ Денисовъ, не спуская глазъ съ французовъ.

Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ мальчика и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Денисову. Денисовъ, указывая на французовъ, спрашивалъ, какія и какія это были войска. Мальчикъ, засунувъ свои озябшія руки въ карманы и поднявъ брови, испуганно смотрѣлъ на Денисова и, несмотря на видимое желаніе сказать все, что онъ зналъ, путался въ своихъ отвѣтахъ и только подтверждалъ то, что спрашивалъ Денисовъ. Денисовъ, нахмурившись, отвернулся отъ него и обратился къ есаулу, сообщая ему свои соображенія.

Петя, быстрыми движеніями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на есаула, то на французовъ въ деревнѣ и на дорогѣ, стараясь не пропустить чего-нибудь важнаго.

— Пг'идетъ, не пг'идетъ Долоховъ, надо бг'ать!.. А?—сказалъ Денисовъ, весело блеснувъ глазами.

— Мѣсто удобное,—сказалъ есаулъ.

— Пѣхоту низомъ пошлемъ—болотами,—продолжалъ Денисовъ:—они подлѣзутъ къ саду; вы заѣдете съ казаками оттуда,—Денисовъ указалъ на лѣсъ за деревней,—а я отсюда съ своими гусаг'ами. И по выстг'ѣлу...

— Лощиной нельзя будетъ—трясина,—сказалъ есаулъ.— Коней увязишь, надо объѣзжать полѣвѣе...

Въ то время, какъ они вполголоса говорили такимъ образомъ, внизу, въ лощинѣ отъ пруда, щелкнулъ одинъ выстрѣлъ, забѣлѣлся дымокъ, другой, и послышался дружный, какъ будто веселый крикъ сотенъ голосовъ французовъ, бывшихъ на полугорѣ. Въ первую минуту и Денисовъ и есаулъ подались назадъ. Они были такъ близко, что имъ показалось, что они были причиной этихъ выстрѣловъ и криковъ. Но выстрѣлы и крики не относились къ нимъ. Низомъ, по болотамъ, бѣжалъ человѣкъ въ чемъ-то красномъ. Очевидно, по немъ стрѣляли и на него кричали французы.

— Вѣдь это Тихонъ нашъ,—сказалъ есаулъ.

— Онъ! онъ и есть!

— Эка шельма! — сказалъ Денисовъ.

— Уйдетъ! — щуря глаза, сказалъ есаулъ.

Человѣкъ, котораго они называли Тихономъ, подбѣжавъ къ рѣчкѣ, бултыхнулся въ нее такъ, что брызги полетѣли, и, скрывшись на мгновеніе, весь черный отъ воды, выбрался на четве-

ренькахъ и побѣжалъ дальше. Французы, бѣжавшіе за нимъ, остановились.

— Ну, ловокъ,—сказалъ есаулъ.

— Экая бестія!—съ тѣмъ же выраженіемъ досады проговорилъ Денисовъ.—И что онъ дѣлалъ до сихъ поръ?

— Это кто?—спросилъ Петя.

— Это нашъ пластунъ. Я его посылалъ языка достать.

— Ахъ, да,—сказалъ Петя съ перваго слова Денисова, кивая головой, какъ будто онъ все понялъ, хотя онъ рѣшительно не понялъ ни одного слова.

Тихонъ Щербатый былъ одинъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ партіи. Онъ былъ мужикъ изъ Покровскаго подъ Гжатью. Когда при началѣ своихъ дѣйствій Денисовъ пришелъ въ Покровское и, какъ всегда, призвавъ старосту, спросилъ о томъ, что имъ извѣстно про французовъ, староста отвѣчалъ, какъ отвѣчали всѣ старосты, какъ бы защищаясь, что они ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Но когда Денисовъ объяснилъ имъ, что его цѣль—бить французовъ, и когда онъ спросилъ, не забредали ли къ нимъ французы, то староста сказалъ, что *міродеры* бывали точно, но что у нихъ въ деревнѣ только одинъ Тишка Щербатый занимался этими дѣлами. Денисовъ велѣлъ позвать къ себѣ Тихона и, похваливъ его за его дѣятельность, сказалъ при старостѣ нѣсколько словъ о той вѣрности царю и отечеству и ненависти къ французамъ, которую должны блюсти сыны отечества.

— Мы французамъ худого не дѣлаемъ, — сказалъ Тихонъ, видимо оробѣвъ при этихъ словахъ Денисова.—Мы только такъ, значитъ, по охотѣ баловались съ ребятами. *Міродеровъ* точно десятка два побили, а то мы худого не дѣлали...

На другой день, когда Денисовъ, совершенно забывъ про этого мужика, вышелъ изъ Покровскаго, ему доложили, что Тихонъ присталъ къ партіи и просился, чтобы его при ней оставили. Денисовъ велѣлъ оставить его.

Тихонъ, сначала исправлявшій черную работу раскладки костровъ, доставленія воды, обдиранія лошадей и т. п., скоро оказалъ большую охоту и способность къ партизанской войнѣ. Онъ по ночамъ уходилъ на добычу и всякій разъ приносилъ съ собой платье и оружіе французское, а когда ему приказывали, то приводилъ и плѣнныхъ. Денисовъ отставилъ Тихона отъ работъ, сталъ брать его съ собой въ разъѣзды и зачислилъ въ казаки.

Тихонъ не любилъ ѣздить верхомъ и всегда ходилъ пѣшкомъ, никогда не отставая отъ кавалеріи. Оружіе его составляли мушкетонъ, который онъ носилъ больше для смѣха, пика и топоръ, которымъ онъ владѣлъ, какъ волкъ владѣетъ зубами, одинаково легко выбирая ими блохъ изъ шерсти и перекусывая толстыя кости. Тихонъ одинаково вѣрно со всего размаха раскалывалъ топоромъ бревна и, взявъ топоръ за обухъ, выстрагивалъ имъ тонкіе колышки и вырѣзывалъ ложки. Въ партіи Денисова Тихонъ занималъ свое особенное, исключительное мѣсто. Когда надо было сдѣлать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечомъ въ грязи повозку, за хвостъ вытащить изъ болота лошадь, ободрать ее, залѣзть въ самую середину французовъ, пройти въ день по 50 верстъ, — всѣ указывали, посмѣиваясь, на Тихона.

— Что ему, чорту, дѣлается, меринина здоровенный,—говорили про него.

Одинъ разъ французъ, котораго бралъ Тихонъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и попалъ ему въ мякоть спины. Рана эта, отъ которой Тихонъ лѣчился только водкой, внутренно и наружно, была предметомъ самыхъ веселыхъ шутокъ во всемъ отрядѣ, и шутокъ, которымъ охотно поддавался Тихонъ.

— Что, братъ, не будешь? Али скрючило?—смѣялись ему казаки.

Тихонъ, нарочно скорчившись и дѣлая рожи, притворяясь, что онъ сердится, самыми смѣшными ругательствами бранилъ французовъ. Случай этотъ имѣлъ на Тихона только то вліяніе, что послѣ своей раны онъ рѣдко приводилъ плѣнныхъ.

Тихонъ былъ самый полезный и храбрый человѣкъ въ партіи. Никто больше его не открылъ случаевъ нападенія, никто больше его не побралъ и не побилъ французовъ; и вслѣдствіе этого онъ былъ шутъ всѣхъ казаковъ, гусаръ и самъ охотно поддавался этому чину. Теперь Тихонъ былъ посланъ Денисовымъ, въ ночь еще, въ Шамшево для того, чтобы взять языка. Но или потому, что онъ не удовлетворился однимъ французомъ, или потому, что онъ проспалъ ночь, онъ днемъ залѣзъ въ кусты, въ самую середину французовъ и, какъ видѣлъ съ горы Денисовъ, былъ открытъ ими.

VI.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ есауломъ о завтрашнемъ нападеніи, которое теперь, глядя на близость французовъ, Денисовъ, казалось, окончательно рѣшилъ, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ.

— Ну, бг'атъ, тепег'ъ поѣдемъ, обсушимся,—сказалъ онъ Петѣ.

Подъѣзжая къ лѣсной караулкѣ, Денисовъ остановился, вглядываясь въ лѣсъ. По лѣсу, между деревьевъ, большими легкими шагами шелъ на длинныхъ ногахъ, съ длинными мотающимися руками, человѣкъ въ курткѣ, лаптяхъ и казанской шляпѣ, съ ружьемъ черезъ плечо и топоромъ за поясомъ. Увидавъ Денисова, человѣкъ этотъ поспѣшно швырнулъ что-то въ кусты и, снявъ съ отвисшими полями мокрую шляпу, подошелъ къ начальнику. Это былъ Тихонъ. Изрытое оспой и морщинами лицо его съ маленькими узкими глазами сіяло самодовольнымъ весельемъ. Онъ высоко поднялъ голову и, какъ будто удерживаясь отъ смѣха, уставился на Денисова.

— Ну, гдѣ пг'опадалъ? — сказалъ Денисовъ.

— Гдѣ пропадалъ? За французами ходилъ, — смѣло и поспѣшно отвѣчалъ Тихонъ хриплымъ, но пѣвучимъ басомъ.

— Зачѣмъ же ты днемъ полѣзъ? Скотина. Ну что жъ, не взялъ?..

— Взять-то взялъ, — сказалъ Тихонъ.

— Гдѣ жъ онъ?

— Да я его взялъ сперва-наперво на зорькѣ еще, — продолжалъ Тихонъ, переставляя пошире плоскія вывернутыя въ лаптяхъ ноги, — да и свелъ въ лѣсъ. Вижу — не ладенъ. Думаю, дай схожу, другого поаккуратнѣе какого возьму.

— Ишь, шельма, такъ и есть,—сказалъ Денисовъ есаулу.— Зачѣмъ же ты этого не пг'ивелъ?

— Да что жъ его водить-то, — сердито и поспѣшно перебилъ Тихонъ, — не гожающій. Развѣ я не знаю, какихъ вамъ надо?

— Эка бестія!.. Ну?..

— Пошелъ за другимъ, — продолжалъ Тихонъ, — подполозъ я такимъ манеромъ въ лѣсъ, да и легъ.—Тихонъ неожиданно и гибко легъ на брюхо, представляя въ лицахъ, какъ онъ это сдѣлалъ.—Одинъ и навернись,—продолжалъ онъ.—Я его такимъ манеромъ и сграбь. (Тихонъ быстро, легко вскочилъ.) Пойдемъ, говорю, къ полковнику. Какъ загалдитъ. А ихъ тутъ четверо. Бросились на меня съ шпажками. Я на нихъ такимъ манеромъ топоромъ: что вы, молъ, Христосъ съ вами, — вскрикнулъ Тихонъ, размахнувъ руками и, грозно хмурясь, выставляя грудь.

— То-то мы съ горы видѣли, какъ ты стречка задавалъ черезъ лужи-то, — сказалъ есаулъ, суживая свои блестящіе глаза.

Петѣ очень хотѣлось смѣяться, но онъ видѣлъ, что всѣ удерживались отъ смѣха. Онъ быстро переводилъ глаза съ лица Тихона на лицо есаула и Денисова, не понимая того, что̀ все это значило.

— Ты дуг'ака-то не пг'едставляй,—сказалъ Денисовъ, сердито покашливая.—Зачѣмъ пег'ваго не пг'ивелъ?

Тихонъ сталъ чесать одной рукой спину, другой голову; вдругъ вся рожа его растянулась въ сіяющую глупую улыбку, открывшую недостатокъ зуба (за что онъ и прозванъ Щербатый). Денисовъ улыбнулся, и Петя залился веселымъ смѣхомъ, къ которому присоединился и самъ Тихонъ.

— Да что, совсѣмъ несправный, — сказалъ Тихонъ.—Одежонка плохонькая на немъ, куда же его водить-то. Да и грубіянъ, ваше благородіе. «Какъ же», говоритъ, «я самъ анаральскій сынъ; не пойду», говоритъ.

— Эка скотина!—сказалъ Денисовъ.—Мнѣ г'аспг'осить надо...

— Да я его спрашивалъ,—сказалъ Тихонъ.—Онъ говоритъ: «плохо *знакомъ*». Нашихъ, говоритъ, и много, да все плохіе, только, говоритъ, одна названія. Ахнете, говоритъ, хорошенько, всѣхъ заберете,—заключилъ Тихонъ, весело и рѣшительно взглянувъ въ глаза Денисова.

— Вотъ я те всыплю сотню гог'ячихъ, ты и будешь дуг'ака-то ког'чить,—сказалъ Денисовъ строго.

— Да что же серчать-то,—сказалъ Тихонъ,—что жъ, я не видалъ французовъ вашихъ? Вотъ дай позатемняетъ, я тебѣ, какихъ хошь, хоть троихъ приведу.

— Ну, поѣдемъ,—сказалъ Денисовъ, и до самой караулки онъ ѣхалъ, сердито нахмурившись и молча.

Тихонъ зашелъ сзади, и Петя слышалъ, какъ смѣялись съ нимъ и надъ нимъ казаки о какихъ-то сапогахъ, которые онъ бросилъ въ кустъ.

Когда прошелъ тотъ, овладѣвшій имъ, смѣхъ при словахъ и улыбкѣ Тихона, и Петя понялъ на мгновеніе, что Тихонъ этотъ убилъ человѣка, ему сдѣлалось неловко. Онъ оглянулся на плѣннаго барабанщика, и что-то кольнуло его въ сердце. Но эта неловкость продолжалась только одно мгновеніе. Онъ почувствовалъ необходимость повыше поднять голову, подбодриться и разспросить есаула съ значительнымъ видомъ о завтрашнемъ предпріятіи съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ того общества, въ которомъ онъ находился.

Посланный офицеръ встрѣтилъ Денисова на дорогѣ съ извѣстіемъ, что Долоховъ самъ сейчасъ пріѣдетъ и что съ его стороны все благополучно.

Денисовъ вдругъ повеселѣлъ и подозвалъ къ себѣ Петю.

— Ну г'азскажи ты мнѣ пг'о себя, — сказалъ онъ.

VII.

Петя при выѣздѣ изъ Москвы, оставивъ своихъ родныхъ, присоединился къ своему полку и скоро послѣ этого былъ взятъ ординарцемъ къ генералу, командовавшему большимъ отрядомъ. Со времени своего производства въ офицеры и въ особенности съ поступленія въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ участвовалъ въ Вяземскомъ сраженіи, Петя находился въ постоянно счастливо-возбужденномъ состояніи радости на то, что онъ большой, и въ постоянно восторженной поспѣшности не пропустить какого-нибудь случая настоящаго геройства. Онъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и испыталъ въ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему все казалось, что тамъ, гдѣ его нѣтъ, тамъ-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И онъ торопился поспѣть туда, гдѣ его теперь не было.

Когда 21-го октября его генералъ выразилъ желаніе послать кого-нибудь въ отрядъ Денисова, Петя такъ жалостно просилъ, чтобы послать его, что генералъ не могъ отказать. Но, отправляя его, генералъ, поминая безумный поступокъ Пети въ Вяземскомъ сраженіи, гдѣ Петя вмѣсто того, чтобы ѣхать дорогой туда, куда онъ былъ посланъ, поскакалъ въ цѣпь подъ огонь французовъ и выстрѣлилъ тамъ два раза изъ своего пистолета,—отправляя его, генералъ именно запретилъ Петѣ участвовать въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ Денисова. Отъ этого-то Петя покраснѣлъ и смѣшался, когда Денисовъ спросилъ, можно ли ему остаться. До выѣзда на опушку лѣса Петя считалъ, что ему надобно, строго исполняя свой долгъ, сейчасъ же вернуться. Но когда онъ увидалъ французовъ, увидалъ Тихона, узналъ, что въ ночь непремѣнно атакуютъ, онъ, съ быстротою переходовъ молодыхъ людей отъ одного взгляда къ другому, рѣшилъ самъ съ собой, что генералъ его, котораго онъ до сихъ поръ очень уважалъ, — дрянь, нѣмецъ, что Денисовъ герой и есаулъ герой и что Тихонъ герой, и что ему было бы стыдно уѣхать отъ нихъ въ трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисовъ съ Петей и есауломъ подъѣхали къ караулкѣ. Въ полутьмѣ виднѣлись лошади въ сѣдлахъ, казаки, гусары, прилаживавшіе шалашики на полянѣ и (чтобы

не видѣли дыма (французы) разводившіе краснѣвшій огонь въ лѣсномъ оврагѣ. Въ сѣняхъ маленькой избушки казакъ, засучивъ рукава, рубилъ баранину. Въ самой избѣ были три офицера изъ партіи Денисова, устраивавшіе столъ изъ двери. Петя снялъ, отдавъ сушить, свое мокрое платье и тотчасъ же принялся содѣйствовать офицерамъ въ устройствѣ обѣденнаго стола.

Черезъ десять минутъ былъ готовъ столъ, покрытый салфеткой. На столѣ была водка, ромъ въ фляжкѣ, бѣлый хлѣбъ и жареная баранина съ солью.

Сидя вмѣстѣ съ офицерами за столомъ и разрывая руками, по которымъ текло сало, жирную, душистую баранину, Петя находился въ восторженномъ дѣтскомъ состояніи нѣжной любви ко всѣмъ людямъ и вслѣдствіе того увѣренности въ такой же любви къ себѣ другихъ людей.

— Такъ что же вы думаете, Василій Ѳедоровичъ, — обратился онъ къ Денисову, — ничего, что я съ вами останусь на денекъ?—И, не дожидаясь отвѣта, онъ самъ отвѣчалъ себѣ:— Вѣдь мнѣ велѣно узнать, ну вотъ я и узнаю... Только вы меня пустите въ самую... въ главную... Мнѣ не нужно наградъ... А мнѣ хочется...

Петя стиснулъ зубы и оглянулся, подергивая кверху поднятой головой и размахивая рукой.

— Въ самую главную... — повторилъ Денисовъ улыбаясь.

— Только ужъ, пожалуйста, мнѣ дайте команду совсѣмъ; чтобы я командовалъ,—продолжалъ Петя,—ну, что вамъ стоитъ? Ахъ, вамъ ножикъ? — обратился онъ къ офицеру, хотѣвшему отрѣзать баранины.

И онъ подалъ свой складной ножикъ. Офицеръ похвалилъ ножикъ.

— Возьмите, пожалуйста, себѣ. У меня много такихъ...— покраснѣвъ, сказалъ Петя. — Батюшки! Я и забылъ совсѣмъ, — вдругъ вскрикнулъ онъ. — У меня изюмъ; чудесный, знаете, такой, безъ косточекъ. У насъ маркитантъ новый, и такія прекрасныя вещи. Я купилъ десять фунтовъ. Я привыкъ что-нибудь сладкое. Хотите?.. — И Петя побѣжалъ въ сѣни къ своему казаку, принесъ торбы, въ которыхъ было фунтовъ пять изюму.— Кушайте, господа, кушайте.

— А то не нужно ли вамъ кофейникъ?—обратился онъ къ есаулу. — Я у нашего маркитанта купилъ чудесный! У него прекрасныя вещи. И онъ честный очень. Это главное. Я вамъ пришлю непремѣнно. А можетъ-быть, еще у васъ вышли, обились кремни,—вѣдь это бываетъ. Я взялъ съ собой, у меня вотъ

тутъ... (онъ показалъ на торбы) сто кремней. Я очень дешево купилъ. Возьмите, пожалуйста, сколько нужно, а то и всѣ...

И вдругъ испугавшись, не заврался ли онъ, Петя остановился и покраснѣлъ.

Онъ сталъ вспоминать, не сдѣлалъ ли онъ еще какихъ-нибудь глупостей. И, перебирая воспоминанія нынѣшняго дня, воспоминаніе о французѣ-барабанщикѣ представилось ему. «Намъ-то отлично, а ему каково? Куда его дѣли? Покормили ли его? Не обидѣли ли?» подумалъ онъ. Но, замѣтивъ, что онъ заврался о кремняхъ, онъ теперь боялся.

«Спросить бы можно?» думалъ онъ, «да скажутъ: самъ мальчикъ и мальчика пожалѣлъ. Я имъ покажу завтра, какой я мальчикъ! Стыдно будетъ, если я спрошу?» думалъ Петя. «Ну, да все равно!» и тотчасъ же, покраснѣвъ и испуганно глядя на офицеровъ, не будетъ ли въ ихъ лицахъ насмѣшки, онъ сказалъ:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли въ плѣнъ? дать ему чего-нибудь поѣсть... можетъ...

— Да, жалкій мальчишка, — сказалъ Денисовъ, видимо не найдя ничего стыднаго въ этомъ напоминаніи. — Позвать его сюда. Vincent Bosse его зовутъ. Позвать его.

— Я позову, — сказалъ Петя.

— Позови, позови. Жалкій мальчишка, — повторилъ Денисовъ.

Петя стоялъ у двери, когда Денисовъ сказалъ это. Петя пролѣзъ между офицерами и близко подошелъ къ Денисову.

— Позвольте васъ поцѣловать, голубчикъ,—сказалъ онъ.— Ахъ, какъ отлично! какъ отлично!

И, поцѣловавъ Денисова, онъ побѣжалъ на дворъ.

— Bosse! Vincent!—прокричалъ Петя, остановясь у двери.

— Вамъ кого, сударь, надо?—сказалъ голосъ изъ темноты.

Петя отвѣчалъ, что того мальчика француза, котораго взяли нынче.

— А! Весенняго? — сказалъ казакъ.

Имя его Vincent уже передѣлали казаки въ Весенняго, а мужики и солдаты — въ Висеню. Въ обѣихъ передѣлкахъ это напоминаніе о веснѣ сходилось съ представленіемъ о молоденькомъ мальчикѣ.

— Онъ тамъ у костра грѣлся. Эй, Висеня! Висеня! Весенній!—послышались въ темнотѣ передающіеся голоса и смѣхъ.— А мальчонокъ шустрый, — сказалъ гусаръ, стоявшій подлѣ Пети.—Мы его покормили давеча. Страсть, голодный былъ!

Въ темнотѣ послышались шаги, и, шлепая босыми ногами по грязи, барабанщикъ подошелъ къ двери.

— Ah, c'est vous! — сказалъ Петя. — Voulez-vous manger? N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal, — прибавилъ онъ, робко и ласково дотрогиваясь до его руки. — Entrez, entrez [1]).

— Merci, monsieur, — отвѣчалъ барабанщикъ дрожащимъ, почти дѣтскимъ голосомъ и сталъ обтирать о порогъ свои грязныя ноги.

Петѣ многое хотѣлось сказать барабанщику, но онъ не смѣлъ. Онъ, переминаясь, стоялъ подлѣ него въ сѣняхъ. Потомъ въ темнотѣ взялъ его за руку и пожалъ ее.

— Entrez, entrez, — повторилъ онъ только нѣжнымъ шопотомъ.

«Ахъ, что бы мнѣ ему сдѣлать!» проговорилъ самъ съ собой Петя и, отворивъ дверь, пропустилъ мимо себя мальчика.

Когда барабанщикъ вошелъ въ избушку, Петя сѣлъ подальше отъ него, считая для себя унизительнымъ обращать на него вниманіе. Онъ только ощупывалъ въ карманѣ деньги и былъ въ сомнѣніи, не стыдно ли будетъ дать ихъ барабанщику.

VIII.

Отъ барабанщика, которому, по приказанію Денисова, дали водки, баранины и котораго Денисовъ велѣлъ одѣть въ русскій кафтанъ съ тѣмъ, чтобы, не отсылая съ плѣнными, оставить его при партіи, вниманіе Пети было отвлечено пріѣздомъ Долохова. Петя въ арміи слышалъ много разсказовъ про необычайныя храбрость и жестокость Долохова съ французами, и потому съ тѣхъ поръ, какъ Долоховъ вошелъ въ избу, Петя, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него и все больше подбадривался, подергивая поднятой головой, съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ даже и такого общества, какъ Долоховъ.

Наружность Долохова странно поразила Петю своей простотой.

Денисовъ одѣвался въ чекмень, носилъ бороду и на груди образъ Николая чудотворца и въ манерѣ говорить, во всѣхъ пріемахъ высказывалъ особенность своего положенія. Долоховъ же, напротивъ, прежде, въ Москвѣ, носившій персидскій ко-

---

[1]) Ахъ, это вы! хотите ѣсть? Не бойтесь, вамъ ничего худого не сдѣлаютъ. Входите, входите.

стюмъ, теперь имѣлъ видъ самаго чопорнаго гвардейскаго офицера. Лицо его было чисто выбрито, одѣтъ онъ былъ въ гвардейскій ваточный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ и въ прямо надѣтой простой фуражкѣ. Онъ снялъ въ углу мокрую бурку и, подойдя къ Денисову, не здороваясь ни съ кѣмъ, тотчасъ же сталъ разспрашивать о дѣлѣ. Денисовъ разсказывалъ ему про замыслы, которые имѣли на ихъ транспортъ большіе отряды, и про присылку Пети, и про то, какъ онъ отвѣчалъ обоимъ генераламъ. Потомъ Денисовъ разсказалъ про все, что онъ зналъ о положеніи французскаго отряда.

— Это такъ. Но надо знать, какія и сколько войскъ, — сказалъ Долоховъ: — надо будетъ съѣздить. Не зная вѣрно, сколько ихъ, пускаться въ дѣло нельзя. Я люблю аккуратно дѣло дѣлать. Вотъ, не хочетъ ли кто изъ господъ съѣздить со мной въ ихъ лагерь. У меня и мундиръ съ собой.

— Я, я... я поѣду съ вами! — вскрикнулъ Петя.

— Совсѣмъ тебѣ не нужно ѣздить,—сказалъ Денисовъ, обращаясь къ Долохову,—а ужъ его я ни за что не пущу.

— Вотъ прекрасно!—вскрикнулъ Петя,—отчего же мнѣ не ѣхать?..

— Да оттого, что не зачѣмъ.

— Ну ужъ вы меня извините, потому что... потому что... я поѣду, вотъ и все. Вы возьмете меня? — обратился онъ къ Долохову.

— Отчего жъ?.. — разсѣянно отвѣчалъ Долоховъ, вглядываясь въ лицо французскаго барабанщика. — Давно у тебя молодчикъ этотъ? — спросилъ онъ у Денисова.

— Нынче взяли, да ничего не знаетъ. Я оставилъ его пг'и себѣ.

— Ну, а остальныхъ ты куда дѣваешь? — сказалъ Долоховъ.

— Какъ куда? Отсылаю подъ г'асписку! — вдругъ покраснѣвъ, вскрикнулъ Денисовъ. — И смѣло скажу, что на моей совѣсти нѣтъ ни одного человѣка. Г'азвѣ тебѣ тг'удно отослать 30 ли, 300 ли человѣкъ подъ конвоемъ въ гог'одъ, чѣмъ маг'ать, я пг'ямо скажу, честь солдата.

— Вотъ молоденькому графчику въ 16 лѣтъ говорить эти любезности прилично, — съ холодной усмѣшкой сказалъ Долоховъ, — а тебѣ-то ужъ это оставить пора.

— Что жъ, я ничего не говорю; я только говорю, что я непремѣнно поѣду съ вами, — робко сказалъ Петя.

— А намъ съ тобой пора, братъ, бросить эти любезности, — продолжалъ Долоховъ, какъ будто онъ находилъ особенное удо-

вольствіе говорить объ этомъ предметѣ, раздражавшемъ Денисова. — Ну, этого ты зачѣмъ взялъ къ себѣ? — сказалъ онъ, покачивая головой. — Затѣмъ, что тебѣ его жалко? Вѣдь мы знаемъ эти твои расписки. Ты пошлешь ихъ сто человѣкъ, а придутъ 30. Помрутъ съ голоду или побьютъ. Такъ не все ли равно ихъ и не брать?

Есаулъ, щуря свѣтлые глаза, одобрительно кивалъ головой.

— Это все г'авно, тутъ г'азсуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говог'ишь, помг'утъ. Ну, хог'ошо. Только бы не отъ меня.

Долоховъ засмѣялся.

— Кто же имъ не велѣлъ меня двадцать разъ поймать? А вѣдь поймаютъ — меня и тебя съ твоимъ рыцарствомъ, все равно, на осинку. (Онъ помолчалъ.) Однако надо дѣло дѣлать. Послать моего казака съ вьюкомъ. У меня два французскихъ мундира. Что жъ, ѣдемъ со мной? — спросилъ онъ у Пети.

— Я? Да, да, непремѣнно, — покраснѣвъ почти до слезъ, вскрикнулъ Петя, взглядывая на Денисова.

Опять въ то время, какъ Долоховъ заспорилъ съ Денисовымъ о томъ, что надо дѣлать съ плѣнными, Петя почувствовалъ неловкость и торопливость; но опять не успѣлъ понять хорошенько того, о чемъ они говорили. «Ежели такъ думаютъ большіе, извѣстные, стало-быть, такъ надо, стало-быть, это хорошо», думалъ онъ. «А главное — надо, чтобы Денисовъ не смѣлъ думать, что я послушаюсь его, что онъ можетъ мной командовать. Непремѣнно поѣду съ Долоховымъ во французскій лагерь. Онъ можетъ, и я могу!»

На всѣ убѣжденія Денисова не ѣздить Петя отвѣчалъ, что онъ тоже привыкъ все дѣлать аккуратно, а не наобумъ Лазаря, и что онъ объ опасности себѣ никогда не думаетъ.

— Потому что — согласитесь сами — если не знать вѣрно, сколько тамъ... отъ этого зависитъ жизнь, можетъ-быть, сотенъ, а тутъ мы одни; и потомъ мнѣ очень этого хочется, и непременно, непремѣнно поѣду; вы ужъ меня не удержите, — говорилъ онъ, — только хуже будетъ...

IX.

Одѣвшись во французскіе шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь, и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ велѣлъ сопро-

вождавшимъ его казакамъ дожидаться тутъ и поѣхалъ крупною рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Если попадемся, я живымъ не отдамся, — у меня пистолетъ, — прошепталъ Петя.

— Не говори по-русски,—быстрымъ шопотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ «qui vive?» [1]) и звонъ ружья.

Кровь бросилась въ лицо Пети, и онъ схватился за пистолетъ.

— Lanciers du 6-me [2]), — проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади.

Черная фигура часового стояла на мосту.

— Mot d'ordre [3]).

Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Dites donc, le colonel Gérard est ici? [4]) — сказалъ онъ.

— Mot d'ordre [3]), — не отвѣчая, сказалъ часовой, загораживая дорогу.

— Quand un officier fait sa ronde, les sentinelles ne demandent pas le mot d'ordre...—крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часового.—Je vous demande, si le colonel est ici? [5])

И, не дожидаясь отвѣта отъ посторонившагося часового, Долоховъ шагомъ поѣхалъ въ гору.

Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходящаго черезъ дорогу, Долоховъ остановилъ этого человѣка и спросилъ, гдѣ командиръ и офицеры. Человѣкъ этотъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, солдатъ, остановился, близко подошелъ къ лошади Долохова, дотрогиваясь до нея рукою, и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ, съ правой стороны, на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что-то, и солдатъ въ колпакѣ и синей

---

[1]) Кто идетъ?

[2]) Уланы 6-го полка.

[3]) Пароль.

[4]) Скажите, здѣсь ли полковникъ Жераръ?

[5]) Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спрашиваютъ пароль. Я спрашиваю, тутъ ли полковникъ?

шинели, стоя на колѣняхъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

— Oh, c'est un dur à cuire [1]),—говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

— Il les fera marcher les lapins [2]),—со смѣхомъ сказалъ другой.

Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру съ своими лошадьми.

— Bonjour, messieurs! [3])—громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

Офицеры зашевелились въ тѣни костра, и одинъ высокій офицеръ съ длинной шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

— C'est vous, Clément?—сказалъ онъ.—D'où, diable... [4])—но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку, и, слегка нахмурившись, какъ съ незнакомымъ, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая его, чѣмъ онъ можетъ служить.

Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ, и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о 6-мъ полку. Никто ничего не зналъ; и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Si vous comptez sur la soupe du soir, vous venez trop tard [5]),—сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ-за костра.

Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше.

Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ, и на корточкахъ присѣлъ у костра рядомъ съ офицеромъ съ длинной шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ, какого онъ былъ полка. Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

---

[1]) Охъ, этотъ жёстокъ, не проваришь.
[2]) Онъ заставитъ ходить кроликовъ. (Французская поговорка.)
[3]) Здравствуйте, господа.
[4]) Это вы, Клеманъ? Откуда, чортъ...
[5]) Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали.

— Les brigands sont partout [1]), — отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ, какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки, вѣроятно, не смѣютъ нападать, прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

«Ну, теперь онъ уѣдетъ», всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ разспрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

— La vilaine affaire de trainer ces cadavres après soi. Vaudrait mieux fusiller cette canaille [2]), — и громко засмѣялся такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ невольно отступилъ на шагъ отъ костра.

Никто не отвѣтилъ ни слова на смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не видно было (онъ лежалъ, укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«Подадутъ или нѣтъ лошадей?» думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

Лошадей подали.

— Bonjour, messieurs, — сказалъ Долоховъ.

Петя хотѣлъ сказать bonsoir и не могъ договорить слова. Офицеры что-то шопотомъ говорили между собой. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ подлѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобы увидать, бѣгутъ или не бѣгутъ за ними французы.

Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился, прислушиваясь. «Слышишь?» сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту, Петя съ Долоховымъ проѣхали часового, который, ни слова не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту, и выѣхали въ лощину, гдѣ дожидались казаки.

---

[1]) Эти разбойники вездѣ.

[2]) Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше бы разстрѣлять эту сволочь.

— Ну, теперь прощай. Скажи Денисову, что на зарѣ, по первому выстрѣлу,—сказалъ Долоховъ и хотѣлъ ѣхать, но Петя схватился за него рукой.

— Нѣтъ! — вскрикнулъ онъ, — вы такой герой. Ахъ, какъ хорошо! какъ отлично! Какъ я васъ люблю.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ Долоховъ.

Но Петя не отпускалъ его, и въ темнотѣ Долоховъ разсмотрѣлъ, что Петя нагибался къ нему. Онъ хотѣлъ поцѣловаться. Долоховъ поцѣловалъ его, засмѣялся и, повернувъ лошадь, скрылся въ темнотѣ.

X.

Вернувшись къ караулкѣ, Петя засталъ Денисова въ сѣняхъ. Денисовъ въ волненіи, безпокойствѣ и досадѣ на себя, что отпустилъ Петю, ожидалъ его.

— Слава Богу!—крикнулъ онъ.—Ну, слава Богу!—повторялъ онъ, слушая восторженный разсказъ Пети. — И чогтъ тебя возьми, изъ-за тебя не спалъ! — проговорилъ Денисовъ. — Ну, слава Богу, теперь ложись спать. Еще вздгемнемъ до утга.

— Да... нѣтъ,—сказалъ Петя.—Мнѣ еще не хочется спать. Да и я себя знаю: ежели засну, такъ ужъ кончено. И потомъ, я привыкъ не спать передъ сраженіемъ.

Петя посидѣлъ нѣсколько времени въ избѣ, радостно вспоминая подробности своей поѣздки и живо представляя себѣ то, что будетъ завтра. Потомъ, замѣтивъ, что Денисовъ заснулъ, онъ всталъ и пошелъ на дворъ.

На дворѣ еще было совсѣмъ темно. Дождикъ прошелъ, но капли еще падали съ деревьевъ. Вблизи отъ караулки виднѣлись черныя фигуры казачьихъ шалашей и связанныхъ вмѣстѣ лошадей. За избушкой чернѣлись двѣ фуры, у которыхъ стояли лошади, и въ овргаѣ краснѣлся догоравшій огонь. Казаки и гусары не всѣ спали: кое-гдѣ слышались, вмѣстѣ съ звукомъ падающихъ капель и близкимъ звукомъ жеванія лошадей, негромкіе, какъ бы шепчущіеся голоса.

Петя вышелъ изъ сѣней, оглядѣлся въ темнотѣ и подошелъ къ фурамъ. Подъ фурами храпѣлъ кто-то, и вокругъ нихъ стояли, жуя овесъ, осѣдланныя лошади. Въ темнотѣ Петя узналъ свою лошадь, которую онъ называлъ Карабахомъ, хотя она была малороссійская лошадь, и подошелъ къ ней.

— Ну, Карабахъ, завтра послужимъ, — сказалъ онъ, нюхая ея ноздри и цѣлуя ее.

— Что, баринъ, не спите? — сказалъ казакъ, сидѣвшій подъ фурой.

— Нѣтъ; а... Лихачовъ, кажется, тебя звать? Вѣдь я сейчасъ только пріѣхалъ. Мы ѣздили къ французамъ.

И Петя подробно разсказалъ казаку не только свою поѣздку, но и то, почему онъ ѣздилъ и почему онъ считаетъ, что лучше рисковать своею жизнью, чѣмъ дѣлать наобумъ Лазаря.

— Что же, соснули бы, — сказалъ казакъ.

— Нѣтъ, я привыкъ,—отвѣчалъ Петя.—А что у васъ кремни въ пистолетахъ не обились? Я привезъ съ собой. Не нужно ли? Ты возьми.

Казакъ повысунулся изъ-подъ фуры, чтобы поближе разсмотрѣть Петю.

— Оттого, что я привыкъ все дѣлать аккуратно,—сказалъ Петя.—Иные такъ, кое-какъ, не приготовятся, потомъ жалѣютъ. Я такъ не люблю.

— Это точно, — сказалъ казакъ.

— Да еще вотъ что, пожалуйста, голубчикъ, наточи мнѣ саблю; затупи... (Но Петя боялся солгать: она никогда оттточена не была.) Можно это сдѣлать?

— Отчего жъ, можно.

Лихачовъ всталъ, порылся во вьюкахъ, и Петя скоро услыхалъ воинственный звукъ стали и бруска. Онъ взлѣзъ на фуру и сѣлъ на край ея. Казакъ подъ фурой точилъ саблю.

— А что же, спятъ молодцы? — сказалъ Петя.

— Кто спитъ, а кто такъ вотъ.

— Ну, а мальчикъ что?

— Весеннiй-то? Онъ тамъ въ сѣнцахъ завалился. Со страху спится. Ужъ радъ-то былъ.

Долго послѣ этого Петя молчалъ, прислушиваясь къ звукамъ. Въ темнотѣ послышались шаги и показалась черная фигура.

— Что точишь? — спросилъ человѣкъ, подходя къ фурѣ.

— А вотъ барину наточить саблю.

— Хорошее дѣло, — сказалъ человѣкъ, который показался Петѣ гусаромъ. — У васъ что ли чашка осталась?

— А вонъ у колеса.

Гусаръ взялъ чашку.

— Небось, скоро свѣтъ,—проговорилъ онъ зѣвая и прошелъ куда-то.

Петя долженъ бы былъ знать, что онъ въ лѣсу, въ партіи Денисова, въ верстѣ отъ дороги; что онъ сидитъ въ фурѣ, отбитой у французовъ, около которой привязаны лошади; что подъ нимъ сидитъ казакъ Лихачовъ и натачиваетъ ему саблю; что большое черное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налѣво—догоравшій костеръ; что человѣкъ, прихо-

дившій за чашкой,—гусаръ, который хотѣлъ пить; но онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать этого. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ которомъ ничего не было похожаго на дѣйствительность. Большое черное пятно, можетъ-быть, точно была караулка, а можетъ-быть, была пещера, которая вела въ самую глубь земли. Красное пятно, можетъ-быть, былъ огонь, а можетъ-быть, глазъ огромнаго чудовища. Можетъ-быть, онъ точно сидитъ теперь на фурѣ, а очень можетъ быть, что онъ сидитъ не на фурѣ, а на страшно высокой башнѣ, съ которой ежели упасть, то летѣть бы до земли цѣлый день, цѣлый мѣсяцъ—все летѣть, и никогда не долетишь. Можетъ-быть, что подъ фурой сидитъ просто казакъ Лихачовъ, а очень можетъ быть, что это—самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человѣкъ на свѣтѣ, котораго никто не знаетъ. Можетъ-быть, это точно проходилъ гусаръ за водой и пошелъ въ лощину, а можетъ-быть, онъ—только что исчезъ изъ виду—и совсѣмъ исчезъ, и его не было.

Что бы ни увидалъ теперь Петя, ничто бы не удивило его. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ которомъ все было возможно.

Онъ поглядѣлъ на небо. И небо было такое же волшебное, какъ и земля. На небѣ расчищало, надъ вершинами деревъ быстро бѣжали облака, какъ будто открывая звѣзды. Иногда казалось, что на небѣ расчищало, и показывалось черное, чистое небо. Иногда казалось, что эти черныя пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается надъ головой; иногда небо спускалось совсѣмъ, такъ что рукой можно было достать его.

Петя сталъ закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шелъ тихій говоръ. Лошади заржали и подрались. Храпѣлъ кто-то.

«Ожигъ, жигъ, ожигъ, жигъ...» свистѣла натачиваемая сабля, и вдругъ Петя услыхалъ стройный хоръ музыки, игравшей какой-то неизвѣстный, торжественно-сладкій гимнъ. Петя былъ музыкаленъ такъ же, какъ и Наташа, и больше Николая; но онъ никогда не учился музыкѣ, не думалъ о музыкѣ; и потому мотивы, неожиданно приходившіе ему въ голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнѣе и слышнѣе. Напѣвъ разрастался, переходилъ изъ одного инструмента въ другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое фуга. Каждый инструментъ, то похожій на скрипку, то на трубы—но

лучше и чище, чѣмъ скрипки и трубы — каждый инструментъ игралъ свое и, не доигравъ еще мотива, сливался съ другимъ, начинавшимъ почти то же, и съ третьимъ, и съ четвертымъ, и всѣ они сливались въ одно и опять разбѣгались, и опять сливались то въ торжественно-церковное, то въ ярко-блестящее и побѣдное.

«Ахъ да, вѣдь это я во снѣ», качнувшись напередъ, сказалъ себѣ Петя. «Это у меня въ ушахъ. А можетъ-быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй, моя музыка! Ну!..»

Онъ закрылъ глаза. И съ разныхъ сторонъ, какъ будто издалека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбѣгаться, сливаться, и опять все соединилось въ тотъ же сладкій и торжественный гимнъ. «Ахъ, это прелесть что такое! Сколько хочу и какъ хочу», сказалъ себѣ Петя. Онъ попробовалъ руководить этимъ огромнымъ хоромъ инструментовъ.

«Ну, тише, тише, замирайте теперь». И звуки слушались его. «Ну, теперь полнѣе, веселѣе. Еще, еще радостнѣе». И изъ неизвѣстной глубины поднимались усиливающіеся, торжественные звуки. «Ну, голоса, приставайте!» приказалъ Петя. И сначала издалека послышались голоса мужскіе, потомъ женскіе. Голоса росли въ равномѣрномъ торжественномъ усиліи. Петѣ страшно и радостно было внимать ихъ необычайной красотѣ.

Съ торжественнымъ побѣднымъ маршемъ сливалась пѣсня, и капли капали, и «вжигъ, жигъ, жигъ...» свистѣла сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя въ него.

Петя не зналъ, какъ долго это продолжалось: онъ наслаждался, все время удивлялся своему наслажденію и жалѣлъ, что некому сообщить его. Его разбудилъ ласковый голосъ Лихачова.

— Готова, ваше благородіе; на-двое хранцуза распластаете.

Петя очнулся.

— Ужъ свѣтаетъ; право, свѣтаетъ! — вскрикнулъ онъ.

Невидныя прежде лошади стали видны до хвостовъ, и сквозь оголенныя вѣтки виднѣлся водянистый свѣтъ. Петя встряхнулся, вскочилъ, досталъ изъ кармана цѣлковый и далъ Лихачову; махнувъ, попробовалъ шашку и положилъ ее въ ножны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подпруги.

— Вотъ и командиръ, — сказалъ Лихачовъ.

Изъ караулки вышелъ Денисовъ и, окликнувъ Петю, приказалъ собираться.

XI.

Быстро въ полутьмѣ разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командамъ. Денисовъ стоялъ у караулки, отдавая послѣднія приказанія. Пѣхота партіи, шлепая сотней ногъ, прошла впередъ по дорогѣ и быстро скрылась между деревьевъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. Есаулъ что-то приказывалъ казакамъ. Петя держалъ свою лошадь въ поводу, съ нетерпѣніемъ ожидая приказанія садиться. Обмытое холодной водой лицо его, въ особенности глаза горѣли огнемъ, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ, и во всемъ тѣлѣ что-то быстро и равномѣрно дрожало.

— Ну, готово у васъ все?—сказалъ Денисовъ. — Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисовъ разсердился на казака за то, что подпруги были слабы, и, разбранивъ его, сѣлъ. Петя взялся за стремя. Лошадь, по привычкѣ, хотѣла куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочилъ въ сѣдло и, оглядываясь на тронувшихся сзади въ темнотѣ гусаръ, подъѣхалъ къ Денисову.

— Василій Ѳедоровичъ, вы мнѣ поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради Бога... — сказалъ онъ.

Денисовъ, казалось, забылъ про существованіе Пети. Онъ оглянулся на него.

— Объ одномъ тебя пг'ошу, — сказалъ онъ строго: — слушаться меня и никуда не соваться.

Во все время переѣзда Денисовъ ни слова не говорилъ больше съ Петей и ѣхалъ молча. Когда подъѣхали къ опушкѣ лѣса, въ полѣ замѣтно уже стало свѣтлѣть. Денисовъ поговорилъ что-то шопотомъ съ есауломъ, и казаки стали проѣзжать мимо Пети и Денисова. Когда они всѣ проѣхали, Денисовъ тронулъ свою лошадь и поѣхалъ подъ гору. Садясь на зады и скользя, лошади спускались съ своими сѣдоками въ лощину. Петя ѣхалъ рядомъ съ Денисовымъ. Дрожь во всемъ его тѣлѣ все усиливалась. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, только туманъ скрывалъ отдаленные предметы. Съѣхавъ внизъ и оглянувшись назадъ, Денисовъ кивнулъ головой казаку, стоявшему подлѣ него.

— Сигналъ! — проговорилъ онъ.

Казакъ поднялъ руку, раздался выстрѣлъ. И въ то же мгновеніе послышался топотъ впереди поскакавшихъ лошадей, крики съ разныхъ сторонъ и еще выстрѣлы.

Въ то же мгновеніе, какъ раздались первые звуки топота и крика, Петя, ударивъ свою лошадь и выпустивъ поводья, не

слушая Денисова, кричавшаго на него, поскакалъ впередъ. Петѣ показалось, что вдругъ совершенно, какъ середь дня, ярко разсвѣло въ ту минуту, какъ послышался выстрѣлъ. Онъ подскакалъ къ мосту. Впереди по дорогѣ скакали казаки. На мосту онъ столкнулся съ отставшимъ казакомъ и поскакалъ дальше. Впереди какіе-то люди — должно-быть, это были французы — бѣжали съ правой стороны дороги на лѣвую. Одинъ упалъ въ грязь подъ ногами Петиной лошади.

У одной избы столпились казаки, что-то дѣлая. Изъ середины толпы послышался страшный крикъ. Петя подскакалъ къ этой толпѣ, и первое, что онъ увидалъ, было блѣдное, съ трясущейся нижней челюстью, лицо француза, державшагося за древко направленной на него пики.

— Ура!.. Ребята... наши... — прокричалъ Петя и, давъ поводья разгорячившейся лошади, поскакалъ впередъ по улицѣ.

Впереди слышны были выстрѣлы. Казаки, гусары и русскіе оборванные плѣнные, бѣжавшіе съ обѣихъ сторонъ дороги, всѣ громко и нескладно кричали что-то. Молодцеватый, безъ шапки, съ краснымъ нахмуреннымъ лицомъ, французъ въ синей шинели отбивался штыкомъ отъ гусаръ. Когда Петя подскакалъ, французъ уже упалъ. «Опять опоздалъ», мелькнуло въ головѣ Пети, и онъ поскакалъ туда, откуда слышались частые выстрѣлы. Выстрѣлы раздавались на дворѣ того барскаго дома, на которомъ онъ былъ вчера ночью съ Долоховымъ. Французы засѣли тамъ за плетнемъ въ густомъ, заросшемъ кустами, саду и стрѣляли по казакамъ, столпившимся у воротъ. Подъѣзжая къ воротамъ, Петя въ пороховомъ дыму увидалъ Долохова, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицомъ, кричавшаго что-то людямъ. «Въ объѣздъ! Пѣхоту подождать!» кричалъ онъ въ то время, какъ Петя подъѣхалъ къ нему.

— Подождать?.. Урааа!.. — закричалъ Петя и, немедля ни одной минуты, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда слышались выстрѣлы и гдѣ гуще былъ пороховой дымъ.

Послышался залпъ, провизжали пустыя и во что-то шлепнувшія пули. Казаки и Долоховъ вскакали вслѣдъ за Петей въ ворота дома. Французы, въ колеблющемся густомъ дымѣ, одни— бросали оружіе и выбѣгали изъ кустовъ навстрѣчу казакамъ, другіе—бѣжали подъ гору къ пруду. Петя скакалъ па своей лошади вдоль по барскому двору и, вмѣсто того, чтобы держать поводья, странно и быстро махалъ обѣими руками и все дальше и дальше сбивался съ сѣдла на одну сторону. Лошадь, набѣжавъ на тлѣвшій въ утреннемъ свѣтѣ костеръ, уперлась, и Петя тяжело упалъ на мокрую землю. Казаки видѣли, какъ

быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши съ старшимъ французскимъ офицеромъ, который вышелъ къ нему изъ-за дома съ платкомъ на шпагѣ и объявилъ, что они сдаются, Долоховъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ неподвижно, съ раскинутыми руками, лежавшему Петѣ.

— Готовъ,—сказалъ онъ, нахмурившись, и пошелъ въ ворота навстрѣчу ѣхавшему къ нему Денисову.

— Убитъ?!—вскрикнулъ Денисовъ, увидавъ еще издалека то знакомое ему, несомнѣнно безжизненное положеніе, въ которомъ лежало тѣло Пети.

— Готовъ,—повторилъ Долоховъ, какъ будто выговариваніе этого слова доставляло ему удовольствіе, и быстро пошелъ къ плѣннымъ, которыхъ окружили спѣшившіеся казаки.—Брать не будемъ! — крикнулъ онъ Денисову.

Денисовъ не отвѣчалъ; онъ подъѣхалъ къ Петѣ, слѣзъ съ лошади и дрожащими руками повернулъ къ себѣ запачканное кровью и грязью, уже поблѣднѣвшее лицо Пети.

«Я привыкъ что-нибудь сладкое. Отличный изюмъ, берите весь», вспомнилось ему. И казаки съ удивленіемъ оглянулись на звуки, похожіе на собачій лай, съ которыми Денисовъ быстро отвернулся, подошелъ къ плетню и схватился за него.

Въ числѣ отбитыхъ Денисовымъ и Долоховымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безуховъ.

XII.

О той партіи плѣнныхъ, въ которой былъ Пьеръ, во время всего своего движенія отъ Москвы, не было отъ французскаго начальства никакого новаго распоряженія. Партія эта 22-го октября находилась уже не съ тѣми войсками и обозами, съ которыми она вышла изъ Москвы. Половина обоза съ сухарями, который шелъ за ними первые переходы, была отбита казаками, другая половина уѣхала впередъ; пѣшихъ кавалеристовъ, которые шли впереди, не было ни одного больше; они всѣ исчезли. Артиллерія, которая первые переходы виднѣлась впереди, замѣнилась теперь огромными обозами маршала Жюно, конвоируемыми вестфальцами. Сзади плѣнныхъ ѣхалъ обозъ кавалерійскихъ вещей.

Отъ Вязьмы французскія войска, прежде шедшія тремя колоннами, шли теперь одной кучей. Тѣ признаки безпорядка, которые замѣтилъ Пьеръ на первомъ привалѣ изъ Москвы, теперь дошли до послѣдней степени.

Дорога, по которой они шли, съ обѣихъ сторонъ была уложена мертвыми лошадьми; оборванные люди, отсталые отъ разныхъ командъ, безпрестанно перемѣняясь, то присоединялись, то опять отставали отъ шедшей колонны.

Нѣсколько разъ во время похода бывали фальшивыя тревоги, и солдаты конвоя поднимали ружья, стрѣляли и бѣжали стремглавъ, давя другъ друга, но потомъ опять собирались и бранили другъ друга за напрасный страхъ.

Эти три сборища, шедшія вмѣстѣ—кавалерійское депо, депо плѣнныхъ и обозъ Жюно — все еще составляли что-то отдѣльное и цѣльное, хотя и то, и другое, и третье быстро таяло.

Въ депо, въ которомъ было 120 повозокъ сначала, теперь оставалось не больше 60-ти; остальныя были отбиты или брошены. Изъ обоза Жюно тоже было оставлено и отбито нѣсколько повозокъ. Три повозки были разграблены набѣжавшими отсталыми солдатами изъ корпуса Даву. Изъ разговоровъ нѣмцевъ Пьеръ слышалъ, что къ этому обозу ставили караулъ больше, чѣмъ къ плѣннымъ, и что одинъ изъ ихъ товарищей, солдатъ, нѣмецъ, былъ разстрѣлянъ по приказанію самого маршала за то, что у солдата нашли серебряную ложку, принадлежавшую маршалу.

Больше же всего изъ этихъ трехъ сборищъ растаяло депо плѣнныхъ. Изъ 330-ти человѣкъ, вышедшихъ изъ Москвы, теперь оставалось меньше ста. Плѣнные еще болѣе, чѣмъ сѣдла кавалерійскаго депо и чѣмъ обозъ Жюно, тяготили конвоирующихъ солдатъ. Сѣдла и ложки Жюно, они понимали, что могли на что-нибудь пригодиться, но для чего было голоднымъ и холоднымъ солдатамъ стоять на караулѣ и стеречь такихъ же холодныхъ и голодныхъ русскихъ, которые мерзли и отставали дорогой, которыхъ велѣно было пристрѣливать,—это было не только непонятно, но и противно. И конвойные, какъ бы боясь въ томъ горестномъ положеніи, въ которомъ они сами находились, не отдаться бывшему въ нихъ чувству жалости къ плѣннымъ и тѣмъ ухудшить свое положеніе, особенно мрачно и строго обращались съ ними.

Въ Дорогобужѣ въ то время, какъ, заперевъ плѣнныхъ въ конюшню, конвойные солдаты ушли грабить свои же магазины, нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ солдатъ подкопались подъ стѣну и убѣжали, но были захвачены французами и разстрѣляны.

Прежній, введенный при выходѣ изъ Москвы, порядокъ, чтобы плѣнные офицеры шли отдѣльно отъ солдатъ, уже давно былъ уничтоженъ; всѣ тѣ, которые могли идти, шли вмѣстѣ, и Пьеръ съ третьяго перехода уже опять соединился съ Кара-

таевымъ и лиловой кривоногой собакой, которая избрала себѣ хозяиномъ Каратаева.

Съ Каратаевымъ на третій день выхода изъ Москвы сдѣлалась та лихорадка, отъ которой онъ лежалъ въ московскомъ госпиталѣ, и по мѣрѣ того, какъ Каратаевъ ослабѣвалъ, Пьеръ отдалялся отъ него. Пьеръ не зналъ отчего, но съ тѣхъ поръ, какъ Каратаевъ сталъ слабѣть, Пьеръ долженъ былъ дѣлать усиліе надъ собой, чтобы подойти къ нему. И, подходя къ нему и слушая тѣ тихіе стоны, съ которыми Каратаевъ обыкновенно на привалахъ ложился, и чувствуя усилившійся теперь запахъ, который издавалъ отъ себя Каратаевъ, Пьеръ отходилъ отъ него подальше и не думалъ о немъ.

Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка; но теперь, въ эти послѣднія три недѣли похода, онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину — онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ онъ былъ бы несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что, когда онъ бывало надѣвалъ свои бальные узкіе башмаки, онъ точно такъ же страдалъ, какъ и теперь, когда онъ шелъ уже босой совсѣмъ (обувь его давно растрепалась), ногами, покрытыми болячками. Онъ узналъ, что когда онъ, какъ ему казалось, по собственной своей волѣ, женился на своей женѣ, онъ былъ не болѣе свободенъ, чѣмъ теперь, когда его запирали на ночь въ конюшню. Изъ всего того, что потомъ и онъ называлъ страданіемъ, но котораго тогда онъ почти не чувствовалъ, главное были босыя, стертыя, заструпѣлыя ноги. (Лошадиное мясо было вкусно и питательно; селитряный букетъ пороха, употребляемаго вмѣсто соли, былъ даже пріятенъ; холода большого не было, и днемъ на ходу всегда бывало жарко, а ночью были костры; вши, ѣвшія его, согрѣвали его тѣло.) Одно было тяжело въ первое время— это ноги.

Во второй день перехода, осмотрѣвъ у костра свои болячки, Пьеръ думалъ невозможнымъ ступить на нихъ; но когда всѣ поднялись, онъ пошелъ, прихрамывая, и потомъ, когда разогрѣлся, пошелъ безъ боли, хотя къ вечеру страшнѣе еще было смотрѣть на ноги. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ и думалъ о другомъ.

Теперь только Пьеръ понялъ всю силу жизненности человѣка и спасительную силу перемѣщенія вниманія, вложенную въ человѣка, подобную тому спасительному клапану въ паровикахъ, который выпускаетъ лишній паръ, какъ только плотность его превышаетъ извѣстную норму.

Онъ не видалъ и не слыхалъ, какъ пристрѣливали отсталыхъ плѣнныхъ, хотя болѣе сотни изъ нихъ уже погибли такимъ образомъ. Онъ не думалъ о Каратаевѣ, который слабѣлъ съ каждымъ днемъ и, очевидно, скоро долженъ былъ подвергнуться той же участи. Еще менѣе Пьеръ думалъ о себѣ. Чѣмъ труднѣе становилось его положеніе, чѣмъ страшнѣе была будущность, тѣмъ независимѣе отъ того положенія, въ которомъ онъ находился, приходили ему радостныя и успокоительныя мысли, воспоминанія и представленія.

XIII.

22-го числа въ полдень Пьеръ шелъ въ гору по грязной скользкой дорогѣ, глядя на свои ноги и на неровности пути. Изрѣдка онъ взглядывалъ на знакомую толпу, окружающую его, и опять на свои ноги. И то и другое было одинаково свое и знакомое ему. Лиловый кривоногій Сѣрый весело бѣжалъ стороной дороги, изрѣдка, въ доказательство своей ловкости и довольства, поджимая заднюю лапу и прыгая на трехъ и потомъ опять на всѣхъ четырехъ, бросаясь съ лаемъ на вороньевъ, которые сидѣли на падали. Сѣрый былъ веселѣе и глаже, чѣмъ въ Москвѣ. Со всѣхъ сторонъ лежало мясо различныхъ животныхъ—отъ человѣческаго до лошадинаго — въ различныхъ степеняхъ разложенія, и волковъ не подпускали шедшіе люди, такъ что Сѣрый могъ наѣдаться сколько угодно.

Дождикъ шелъ съ утра, и казалось, что вотъ-вотъ онъ пройдетъ и на небѣ расчиститъ, какъ вслѣдъ за непродолжительной остановкой припускалъ дождикъ еще сильнѣе. Напитанная дождемъ дорога уже не принимала въ себя воды, и ручьи текли по колеямъ.

Пьеръ шелъ, оглядываясь по сторонамъ, считая шаги по три, и загибалъ на пальцахъ. Обращаясь къ дождю, онъ внутренно приговаривалъ: «ну-ка, ну-ка еще, еще наддай».

Ему казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ; но далеко и глубоко гдѣ-то что-то важное и утѣшительное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлеченіе изъ вчерашняго его разговора съ Каратаевымъ.

Вчера на ночномъ привалѣ, озябнувъ у потухшаго огня, Пьеръ всталъ и перешелъ къ ближайшему, лучше горящему костру. У костра, къ которому онъ подошелъ, сидѣлъ Платонъ, укрывшись, какъ ризой, съ головой шинелью, и разсказывалъ солдатамъ своимъ спорымъ, пріятнымъ, но слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ знакомую Пьеру исторію. Было уже за полночь. Это было то время, въ которое Каратаевъ обыкновенно оживалъ отъ лихорадочнаго припадка и бывалъ особенно оживленъ. Подойдя къ костру и услыхавъ слабый, болѣзненный голосъ Платона и увидавъ его ярко освѣщенное огнемъ жалкое лицо, Пьера что-то непріятно кольнуло въ сердце. Онъ испугался своей жалости къ этому человѣку и хотѣлъ уйти, но другого костра не было, и Пьеръ, стараясь не глядѣть на Платона, подсѣлъ къ костру.

— Что, какъ твое здоровье? — спросилъ онъ.

— Что здоровье? На болѣзнь плакаться — Богъ смерти не дастъ, — сказалъ Каратаевъ и тотчасъ же возвратился къ начатому разсказу.

— И вотъ, братецъ ты мой,—продолжалъ Платонъ съ улыбкой на худомъ, блѣдномъ лицѣ и съ особеннымъ радостнымъ блескомъ въ глазахъ. — Вотъ, братецъ ты мой...

Пьеръ зналъ эту исторію давно, Каратаевъ разъ шесть ему одному разсказывалъ эту исторію и всегда съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ. Но какъ ни хорошо зналъ Пьеръ эту исторію, онъ теперь прислушался къ ней, какъ къ чему-то новому, и тотъ тихій восторгъ, который, разсказывая, видимо испытывалъ Каратаевъ, сообщился и Пьеру. Исторія эта была о старомъ купцѣ, благообразно и богобоязненно жившемъ съ семьей и поѣхавшемъ однажды съ товарищемъ, богатымъ купцомъ, къ Макарью.

Остановившись на постояломъ дворѣ, оба купца заснули, и на другой день товарищъ купца былъ найденъ зарѣзаннымъ и ограбленнымъ. Окровавленный ножъ найденъ былъ подъ подушкой стараго купца. Купца судили, наказали кнутомъ и, выдернувъ ноздри — «какъ слѣдуетъ, по порядку», говорилъ Каратаевъ, — сослали въ каторгу.

— «И вотъ, братецъ ты мой (на этомъ мѣстѣ Пьеръ засталъ разсказъ Каратаева), проходитъ тому дѣлу годовъ десять или больше того. Живетъ старичокъ на каторгѣ. Какъ слѣдоваетъ покоряется, худого не дѣлаетъ. Только у Бога смерти

проситъ. Хорошо... И соберись они, ночнымъ дѣломъ, каторжные-то, такъ же вотъ, какъ мы съ тобой; и старичокъ съ ними. И зашелъ разговоръ, кто за что страдаетъ, въ чемъ Богу виноватъ. Стали сказывать: тотъ душу загубилъ, тотъ двѣ, тотъ поджегъ, тотъ бѣглый, такъ ни за что. Стали старичка спрашивать: «ты за что, молъ, дѣдушка, страдаешь?» — «Я, братцы мои миленькіе, говоритъ, за свои да за людскіе грѣхи страдаю. А я ни душъ не губилъ, ни чужого не бралъ, акромя что нищую братію одѣлялъ. Я, братцы мои миленькіе, купецъ; и богатство большое имѣлъ». Такъ и такъ, говоритъ. И разсказалъ имъ, значитъ, какъ все дѣло было по порядку. «Я, говоритъ, о себѣ не тужу. Меня, значитъ, Богъ сыскалъ. Одно (говоритъ), мнѣ свою старуху и дѣтокъ жаль». И такъ-то заплакалъ старичокъ. Случись въ ихъ компаніи тотъ самый человѣкъ, значитъ, что купца убилъ. «Гдѣ, говоритъ, дѣдушка, было? Когда, въ какомъ мѣсяцѣ?» все разспросилъ. Заболѣло у него сердце. Подходитъ такимъ манеромъ къ старичку — хлопъ въ ноги. «За меня ты, говоритъ, старичокъ, пропадаешь. Правда истинная; безвинно-напрасно, говоритъ, ребятушки, человѣкъ этотъ мучится. Я, говоритъ, то самое дѣло сдѣлалъ и ножъ тебѣ подъ голова сонному подложилъ. Прости, говоритъ, дѣдушка, меня ты ради Христа».

Каратаевъ замолчалъ, радостно улыбаясь, глядя на огонь, и поправилъ полѣнья.

«Старичокъ и говоритъ: «Богъ, молъ, тебя проститъ, а мы всѣ, говоритъ, Богу грѣшны. Я за свои грѣхи страдаю», самъ заплакалъ горючьми слезьми. «Что же думаешь, соколикъ», все свѣтлѣе и свѣтлѣе, сіяя восторженной улыбкой, говорилъ Каратаевъ, какъ будто въ томъ, что онъ имѣлъ теперь разсказать, заключалась главная прелесть и все значеніе разсказа, «что же думаешь, соколикъ: объявился этотъ убійца самый по начальству. «Я, говоритъ, шесть душъ загубилъ (большой злодѣй былъ), но всего мнѣ жальче старичка этого. Пускай же онъ на меня не плачется». Объявился: списали, послали бумагу, какъ слѣдоваетъ. Мѣсто дальнее, пока судъ да дѣло, пока всѣ бумаги списали, какъ должно, по начальствамъ, значитъ. До царя доходило. Пока что, пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награжденья, сколько тамъ присудили. Пришла бумага, стали старичка разыскивать: «Гдѣ такой старичокъ безвинно-напрасно страдалъ? Отъ царя бумага вышла!» Стали искать». Нижняя челюсть Каратаева дрогнула. «А его ужъ Богъ простилъ—померъ. Такъ-то, соколикъ», закончилъ Каратаевъ и долго, молча улыбаясь, смотрѣлъ передъ собой.

Не самый разсказъ этотъ, но таинственный смыслъ его, та восторженная радость, которая сіяла въ лицѣ Каратаева при этомъ разсказѣ, таинственное значеніе этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера.

XIV.

«A vos places!» [1]) вдругъ закричалъ голосъ. Между плѣнными и конвойными произошло радостное смятеніе и ожиданіе чего-то счастливаго и торжественнаго. Со всѣхъ сторонъ послышались крики команды, и съ лѣвой стороны рысью, объѣзжая плѣнныхъ, показались кавалеристы, хорошо одѣтые, на хорошихъ лошадяхъ. На всѣхъ лицахъ было выраженіе напряженности, которая бываетъ у людей при близости высшихъ властей. Плѣнные сбились въ кучу, ихъ столкнули съ дороги; конвойные построились.

— L'Empereur! l'Empereur! Le maréchal! Le duc! [2])

И только что проѣхали сытые конвойные, какъ прогремѣла карета цугомъ на сѣрыхъ лошадяхъ. Пьеръ мелькомъ увидалъ спокойное, красивое, толстое и бѣлое лицо человѣка въ треугольной шляпѣ. Это былъ одинъ изъ маршаловъ. Взглядъ маршала обратился на крупную, замѣтную фигуру Пьера, и въ томъ выраженіи, съ которымъ маршалъ этотъ нахмурился и отвернулъ лицо, Пьеру показалось состраданіе и желаніе скрыть его.

Генералъ, который велъ депо, съ краснымъ испуганнымъ лицомъ, погоняя свою худую лошадь, скакалъ за каретой. Нѣсколько офицеровъ сошлось вмѣстѣ, солдаты окружили ихъ. У всѣхъ были взволнованно-напряженныя лица.

— Qu'est-ce qu'il a dit? Qu'est-ce qu'il a dit?.. [3]) — слышалъ Пьеръ.

Во время проѣзда маршала плѣнные сбились въ кучу, и Пьеръ увидалъ Каратаева, котораго онъ не видалъ еще въ нынѣшнее утро. Каратаевъ въ своей шинелькѣ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности.

Каратаевъ смотрѣлъ на Пьера своими добрыми круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывалъ его къ себѣ, хотѣлъ сказать что-то. Но Пьеру слишкомъ страшно

---

[1]) По мѣстамъ!

[2]) Императоръ! Маршалъ! Герцогъ!

[3]) Что онъ сказалъ? Что онъ сказалъ?

было за себя. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто не видалъ его взгляда, и поспѣшно отошелъ.

Когда плѣнные опять тронулись, Пьеръ оглянулся назадъ. Каратаевъ сидѣлъ на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили надъ нимъ. Пьеръ не оглядывался больше. Онъ шелъ, прихрамывая, въ гору.

Сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ, послышался выстрѣлъ. Пьеръ слышалъ явственно этотъ выстрѣлъ, но въ то же мгновеніе, какъ онъ услыхалъ его, Пьеръ вспомнилъ, что онъ не кончилъ еще начатое передъ проѣздомъ маршала вычисленіе о томъ, сколько переходовъ оставалось до Смоленска. И онъ сталъ считать. Два французскіе солдата, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ снятое дымящееся ружье, пробѣжали мимо Пьера. Они оба были блѣдны, и въ выраженіи ихъ лицъ— одинъ изъ нихъ робко взглянулъ на Пьера—было что-то, похожее на то, что онъ видѣлъ въ молодомъ солдатѣ на казни. Пьеръ посмотрѣлъ на солдата и вспомнилъ о томъ, какъ этотъ солдатъ третьяго дня сжегъ, высушивая на кострѣ, свою рубаху, и какъ смѣялись надъ нимъ.

Собака завыла сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ. «Экая дура, о чемъ она воетъ?» подумалъ Пьеръ.

Солдаты-товарищи, шедшіе рядомъ съ Пьеромъ, не оглядывались такъ же, какъ и онъ, на то мѣсто, съ котораго послышался выстрѣлъ и потомъ вой собаки; но строгое выраженіе лежало на всѣхъ лицахъ.

XV.

Депо, и плѣнные, и обозъ маршала остановились въ деревнѣ Шамшевѣ. Все сбилось въ кучу у костровъ. Пьеръ подошелъ къ костру, поѣлъ жаренаго лошадинаго мяса, легъ спиной къ огню и тотчасъ же заснулъ. Онъ спалъ опять тѣмъ же сномъ, какимъ онъ спалъ въ Можайскѣ послѣ Бородина.

Опять событія дѣйствительности соединялись съ сновидѣніями, и опять кто-то, самъ ли онъ или кто другой, говорилъ ему мысли и даже тѣ же мысли, которыя ему говорились въ Можайскѣ.

— Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ. Все перемѣщается, движется, и это движеніе есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь — любить Бога. Труднѣе и блаженнѣе всего — любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій.

«Каратаевъ!» вспомнилось Пьеру.

И вдругъ Пьеру представился, какъ живой, давно забытый кроткій старичокъ учитель, который въ Швейцаріи преподавалъ

Пьеру географію. «Постой», сказалъ старичокъ, и онъ показалъ Пьеру глобусъ. Глобусъ этотъ былъ живой, колеблющійся шаръ, не имѣющій размѣровъ. Вся поверхность шара состояла изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. И капли эти всѣ двигались, перемѣщались и то сливались изъ нѣсколькихъ въ одну, то изъ одной раздѣлялись на многія. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другія, стремясь къ тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались съ нею.

— Вотъ жизнь,—сказалъ старичокъ учитель.

«Какъ это просто и ясно», подумалъ Пьеръ. «Какъ я могъ не знать этого прежде».

— Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится расшириться, чтобы въ наибольшихъ размѣрахъ отражать Его. И растетъ, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять всплываетъ. Вотъ онъ Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ. Vous avez compris, mon enfant,— сказалъ учитель.

— Vous avez compris, sacré nom![1]) —закричалъ голосъ, и Пьеръ проснулся.

Онъ приподнялся и сѣлъ. У костра, присѣвъ на корточкахъ, сидѣлъ французъ, только что оттолкнувшій русскаго солдата, и жарилъ надѣтое на шомполъ мясо. Жилистыя, засученныя, обросшія волосами, красныя руки, съ короткими пальцами, ловко поворачивали шомполъ. Коричневое мрачное лицо, съ насупленными бровями, ясно виднѣлось въ свѣтѣ угольевъ.

— Ça lui est bien égal,—проворчалъ онъ, быстро обращаясь къ солдату, стоявшему за нимъ. —Brigand. Va! [2])

И солдатъ, вертя шомполъ, мрачно взглянулъ на Пьера. Пьеръ отвернулся, вглядываясь въ тѣни. Одинъ русскій солдатъ, плѣнный, тотъ, котораго оттолкнулъ французъ, сидѣлъ у костра и трепалъ по чемъ-то рукой. Вглядѣвшись ближе, Пьеръ узналъ лиловую собачонку, которая, виляя хвостомъ, сидѣла подлѣ солдата.

— А, пришла?—сказалъ Пьеръ.—А, Пла...—началъ онъ и не договорилъ.

Въ его воображеніи вдругъ, одновременно, связываясь между собой, возникло воспоминаніе о взглядѣ, которымъ смотрѣлъ на него Платонъ, сидя подъ деревомъ, о выстрѣлѣ, слышанномъ на томъ мѣстѣ, о воѣ собаки, о преступныхъ лицахъ двухъ

---

[1]) Вы поняли, мое дитя.— Вы поняли, чортъ возьми.

[2]) Ему все равно, разбойникъ! Право!

французовъ, пробѣжавшихъ мимо его, о снятомъ дымящемся ружьѣ, объ отсутствіи Каратаева на этомъ привалѣ, и онъ готовъ уже былъ понять, что Каратаевъ убитъ; но въ то же самое мгновеніе въ его душѣ, взявшись Богъ знаетъ откуда, возникло воспоминаніе о вечерѣ, проведенномъ имъ съ красавицей-полькой лѣтомъ на балконѣ своего кіевскаго дома. И все-таки, не связавъ воспоминаній нынѣшняго дня и не сдѣлавъ о нихъ вывода, Пьеръ закрылъ глаза, и картина лѣтней природы смѣшалась съ воспоминаніемъ о купаньи, о жидкомъ колеблющемся шарѣ, и онъ опустился куда-то въ воду такъ, что вода сошлась надъ его головой.

Передъ восходомъ солнца его разбудили громкіе, частые выстрѣлы и крики. Мимо Пьера пробѣжали французы.

— Les cosaques [1]), — прокричалъ одинъ изъ нихъ, и черезъ минуту толпа русскихъ лицъ окружила Пьера.

Долго не могъ понять Пьеръ того, что съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики! — плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ.

Гусары и казаки окружали плѣнныхъ и торопливо предлагали кто платья, кто сапоги, кто хлѣба. Пьеръ рыдалъ, сидя посреди нихъ, и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и плача цѣловалъ его.

Долоховъ стоялъ у воротъ разваленнаго дома, пропуская мимо себя толпу обезоруженныхъ французовъ. Французы, взволнованные всѣмъ происшедшимъ, громко говорили между собой; но, проходя мимо Долохова, который слегка хлесталъ себя по сапогамъ нагайкой и глядѣлъ на нихъ своимъ холоднымъ стекляннымъ, ничего добраго не обѣщающимъ взглядомъ, говоръ ихъ замолкалъ. Съ другой стороны стоялъ казакъ Долохова и считалъ плѣнныхъ, отмѣчая сотни чертой мѣла на воротахъ.

— Сколько?—спросилъ Долоховъ у казака, считавшаго плѣнныхъ.

— На вторую сотню, — отвѣчалъ казакъ.

— Filez, filez [2]), — приговаривалъ Долоховъ, выучившись этому выраженію у французовъ, и, встрѣчаясь глазами съ проходившими плѣнными, взглядъ его вспыхивалъ жестокимъ блескомъ.

---

[1]) Казаки!

[2]) Проходите, проходите...

Денисовъ съ мрачнымъ лицомъ, снявъ папаху, шелъ позади казаковъ, несшихъ къ вырытой въ саду ямѣ тѣло Пети Ростова.

XVI.

Съ 28-го октября, когда начались морозы, бѣгство французовъ получило только болѣе трагическій характеръ замерзающихъ и изжаривающихся на смерть у костровъ людей и продолжающихъ въ шубахъ и колясках ѣхать съ награбленнымъ добромъ императора, королей и герцоговъ; но въ сущности своей процессъ бѣгства и разложеніе французской арміи нисколько не измѣнился.

Отъ Москвы до Вязьмы изъ 73-тысячной французской арміи, не считая гвардію (которая во всю войну ничего не дѣлала, кромѣ грабежа), изъ 73-тысячной арміи осталось 36 тысячъ (изъ этого числа не болѣе пяти тысячъ выбыло въ сраженіяхъ). Вотъ первый членъ прогрессіи, которымъ математически вѣрно опредѣляются послѣдующіе. Французская армія въ той же пропорціи таяла и уничтожалась отъ Москвы до Вязьмы, отъ Вязьмы до Смоленска, отъ Смоленска до Березины, отъ Березины до Вильны, независимо отъ большей или меньшей степени холода, преслѣдованія, загражденія пути и всѣхъ другихъ условій, взятыхъ отдѣльно. Послѣ Вязьмы войска французскія, вмѣсто трехъ колоннъ, сбились въ одну кучу и такъ шли до конца. Бертье писалъ своему государю (извѣстно, какъ отдаленно отъ истины позволяютъ себѣ начальники описывать положеніе арміи), онъ писалъ:

«Je crois devoir faire connaître à Votre Majesté l'état de ses troupes dans les différents corps d'armée que j'ai été à même d'observer depuis deux ou trois jours dans différents passages. Elles sont presque débandées. Le nombre des soldats qui suivent les drapeaux est en proportion du quart au plus dans presque tous les régiments; les autres marchent isolément dans différentes directions et pour leur compte, dans l'espérance de trouver des subsistances et pour se débarrasser de la discipline. En général ils regardent Smolensk comme le point, où ils doivent se refaire. Ces derniers jours on a remarqué que beaucoup de soldats jettent leurs cartouches et leurs armes. Dans cet état de choses, l'intérêt du service de Votre Majesté exige, quelles que soient ses vues ultérieures, qu'on rallie l'armée à Smolensk en commençant à la débarasser des non-combattans, tels que hommes démontés, et des bagages inutiles et du matériel de l'artillerie, qui n'est plus en proportion avec les forces actuelles. En outre les jours de repos,

des subsistances sont nécessaires aux soldats qui sont exténués par la faim et la fatigue; beaucoup sont morts ces derniers jours sur la route et dans les bivacs. Cet état de choses va toujours en augmentant et donne lieu de craindre, que si l'on n'y prête un prompt remède, on ne soit plus maître des troupes dans un combat. Le 9 Novembre, à 30 verstes de Smolensk» [1]).

Ввалившись въ Смоленскъ, представлявшійся имъ обѣтованной землей, французы убивали другъ друга за провіантъ, ограбили свои же магазины и, когда было все разграблено, побѣжали дальше.

Всѣ шли, сами не зная, куда и зачѣмъ они идутъ. Еще менѣе другихъ зналъ это геній Наполеона, такъ какъ никто ему не приказывалъ. Но все-таки онъ и его окружающіе соблюдали свои давнишнія привычки: писались приказы, письма, рапорты, ordre du jour [2]); называли другъ друга: «Sire, Mon Cousin, Prince d'Ekmuhl, roi de Naples» [3]) и т. д. Но приказы и рапорты были только на бумагѣ; ничто по нимъ не исполнялось, потому что не могло исполняться, и, несмотря на именованіе другъ друга величествами, высочествами и двоюродными братьями, всѣ они чувствовали, что они жалкіе и гадкіе люди, надѣлавшіе много зла, за которое теперь приходилось расплачиваться. И, несмотря на то, что они притворялись, будто заботятся объ арміи, они думали только каждый о себѣ и о томъ, какъ бы поскорѣе уйти и спастись.

---

[1]) Считаю долгомъ донести вашему величеству о состояніи различныхъ корпусовъ, осмотрѣнныхъ мною въ различныхъ переходахъ эти послѣдніе три дня. Они почти въ разбродѣ. Едва четвертая часть солдатъ остается при знаменахъ своего полка, прочіе идутъ сами по себѣ по разнымъ направленіямъ, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ дисциплины. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣются отдохнуть. Въ послѣдніе дни замѣчено было, что много солдатъ побросали патроны и ружья. При такомъ состояніи дѣлъ, какія бы ни были ваши дальнѣйшія намѣренія, во имя успѣшной службы, вашему величеству требуется собрать корпуса въ Смоленскѣ и отдѣлить отъ нихъ негодныхъ въ строю, какъ-то: спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ войскъ. Необходимо продовольствіе и нѣсколько дней покоя; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; въ эти послѣдніе дни многіе умерли на дорогѣ и на бивакахъ. Такое бѣдственное положеніе безпрестанно усиливается и заставляетъ опасаться, что если не будутъ приняты мѣры для предотвращенія зла, мы скоро не будемъ въ состояніи управлять войскомъ во время сраженія. 9 ноября, въ 30-ти верстахъ отъ Смоленска.

[2]) Расписаніе дня.

[3]) Ваше величество, братъ мой, принцъ Экмюльскій, король Неаполитанскій.

XVII.

Дѣйствія русскаго и французскаго войскъ во время обратной кампаніи отъ Москвы и до Нѣмана подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ завязываютъ глаза и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобы увѣдомить о себѣ ловящаго. Сначала тотъ, кого ловятъ, звонитъ, не боясь непріятеля, но, когда ему приходится плохо, онъ, стараясь неслышно идти, убѣгаетъ отъ своего врага и часто, думая убѣжать, идетъ прямо къ нему въ руки.

Сначала Наполеоновскія войска еще давали о себѣ знать— это было въ первый періодъ движенія по Калужской дорогѣ— но потомъ, выбравшись на Смоленскую дорогу, они побѣжали, прижимая рукой язычокъ колокольчика, и часто, думая, что они уходятъ, набѣгали прямо на русскихъ.

При быстротѣ бѣга французовъ и за ними русскихъ и, вслѣдствіе того, изнуренія лошадей, главное средство приблизительнаго узнаванія положенія, въ которомъ находится непріятель,— разъѣзды кавалеріи,—не существовало. Кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ и быстрыхъ перемѣнъ положеній обѣихъ армій, свѣдѣнія, какія и были, не могли поспѣвать во-время Если второго числа приходило извѣстіе о томъ, что армія непріятеля была тамъ-то перваго числа, то третьяго числа, когда можно было предпринять что-нибудь, уже армія эта сдѣлала два перехода и находилась совсѣмъ въ другомъ положеніи.

Одна армія бѣжала, другая догоняла. Отъ Смоленска французамъ предстояло много различныхъ дорогъ; и казалось бы, тутъ, простоявъ четыре дня, французы могли бы узнать, гдѣ непріятель, сообразить что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое. Но послѣ четырехдневной остановки толпы ихъ опять побѣжали не вправо, не влѣво, но, безъ всякихъ маневровъ и соображеній, по старой, худшей дорогѣ, на Красное и Оршу — по пробитому слѣду.

Ожидая врага сзади, а не спереди, французы бѣжали, растянувшись и раздѣлившись другъ отъ друга на 24 часа разстоянія. Впереди всѣхъ бѣжалъ императоръ, потомъ короли, потомъ герцоги. Русская армія, думая, что Наполеонъ возьметъ вправо за Днѣпръ, что было одно разумно, подалась тоже вправо и вышла на большую дорогу къ Красному. И тутъ, какъ въ игрѣ въ жмурки, французы наткнулись на нашъ авангардъ. Неожиданно увидавъ врага, французы смѣшались, пріостановились отъ неожиданности испуга, но потомъ опять побѣжали, бросая своихъ сзади слѣдовавшихъ товарищей. Тутъ, какъ сквозь строй

русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части французовъ — сначала вице-короля, потомъ Даву, потомъ Нея. Всѣ они побросали другъ друга, побросали всѣ свои тяжести, артиллерію, половину народа и убѣгали, только по ночамъ справа полукругами обходя русскихъ.

Ней, шедшій послѣднимъ (потому что, несмотря на несчастное ихъ положеніе или именно вслѣдствіе его, имъ хотѣлось побить тотъ полъ, который ушибъ ихъ, и онъ занялся взрываніемъ никому не мѣшавшихъ стѣнъ Смоленска),—шедшій послѣднимъ Ней, съ своимъ 10-тысячнымъ корпусомъ, прибѣжалъ въ Оршу къ Наполеону только съ тысячью человѣкъ, побросавъ и всѣхъ людей и всѣ пушки и ночью, украдучись, пробравшись лѣсомъ черезъ Днѣпръ.

Отъ Орши побѣжали дальше по дорогѣ къ Вильно, точно такъ же играя въ жмурки съ преслѣдующей арміей. На Березинѣ опять замѣшались, многіе потонули, многіе сдались, но тѣ, которые перебрались черезъ рѣку, побѣжали дальше. Главный начальникъ ихъ надѣлъ шубу и, сѣвъ въ сани, поскакалъ одинъ, оставивъ своихъ товарищей. Кто могъ — уѣхалъ тоже, кто не могъ — сдался или умеръ.

XVIII.

Казалось бы, въ этой-то кампаніи бѣгства французовъ, когда они дѣлали все то, что только можно было, чтобы погубить себя, когда ни въ одномъ движеніи этой толпы, начиная отъ поворота на Калужскую дорогу и до бѣгства начальника отъ арміи, не было ни малѣйшаго смысла, — казалось бы, въ этотъ періодъ кампаніи невозможно уже историкамъ, приписывающимъ дѣйствія массъ волѣ одного человѣка, описывать это отступленіе въ ихъ смыслѣ. Но нѣтъ. Горы книгъ написаны историками объ этой кампаніи, и вездѣ описаны распоряженія Наполеона и глубокомысленные его планы — маневры, руководившіе войскомъ, и геніальныя распоряженія его маршаловъ.

Отступленіе отъ Мало-Ярославца тогда, когда ему даютъ дорогу въ обильный край и когда ему открыта та параллельная дорога, по которой потомъ преслѣдовалъ его Кутузовъ,—ненужное отступленіе по разоренной дорогѣ объясняется намъ по разнымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. По такимъ же глубокомысленнымъ соображеніямъ описывается его отступленіе отъ Смоленска на Оршу. Потомъ описывается его геройство при Красномъ, гдѣ онъ будто бы готовится принять сраженіе и самъ командовать, и ходитъ съ березовой палкой и говоритъ:

— J'ai assez fait l'empereur, il est temps de faire le général [1]),— и, несмотря на то, тотчасъ же послѣ этого бѣжитъ дальше, оставляя на произволъ судьбы разрозненныя части арміи, находящіяся сзади.

Потомъ описываютъ намъ величіе души маршаловъ, въ особенности Нея, — величіе души, состоящее въ томъ, что онъ ночью пробрался лѣсомъ въ обходъ черезъ Днѣпръ и безъ знаменъ и артиллеріи и безъ девяти десятыхъ войска прибѣжалъ въ Оршу.

И, наконецъ, послѣдній отъѣздъ великаго императора отъ геройской арміи представляется намъ историками какъ что-то великое и геніальное. Даже этотъ послѣдній поступокъ бѣгства, на языкѣ человѣческомъ называемый послѣднею степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенокъ,—и этотъ поступокъ на языкѣ историковъ получаетъ оправданіе.

Тогда, какъ уже невозможно дальше растянуть столь эластичныя нити историческихъ разсужденій, когда дѣйствіе уже явно противно тому, чтó все человѣчество называетъ добромъ и даже справедливостью, является у историковъ спасительное понятіе о величіи. Величіе какъ будто исключаетъ возможность мѣры хорошаго и дурного. Для великаго нѣтъ дурного. Нѣтъ ужаса, который бы могъ быть поставленъ въ вину тому, кто великъ.

«C'est grand!» [2]),—говорятъ историки, и тогда уже нѣтъ ни хорошаго, ни дурного, а есть «grand» и «не grand». Grand— хорошо, не grand — дурно. Grand есть свойство, по ихъ понятіямъ, какихъ-то особенныхъ животныхъ, называемыхъ ими героями. И Наполеонъ, убираясь въ теплой шубѣ домой отъ гибнущихъ не только товарищей, но (по его мнѣнію) людей, имъ приведенныхъ сюда, чувствуетъ que c'est grand, и душа его покойна.

«Du sublime (онъ что-то sublime видитъ въ себѣ) au ridicule il n'y a qu'un pas» [3]), говоритъ онъ. И весь міръ 50 лѣтъ повторяетъ: «Sublime! Grand! Napoléon le Grand! Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas!» [4]).

И никому въ голову не придетъ, что признаніе величія, не измѣримаго мѣрой хорошаго и дурного, есть только признаніе своей ничтожности и неизмѣримой малости.

---

[1]) Довольно уже я былъ императоромъ, теперь время быть генераломъ.

[2]) Это величественно!

[3]) Отъ величественнаго до смѣшного только одинъ шагъ.

[4]) Величественное! Великое! Наполеонъ Великій. Отъ величественнаго до смѣшного только шагъ.

Для насъ, съ данной намъ Христомъ мѣрой хорошаго и дурного, нѣтъ неизмѣримаго. И нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды.

XIX.

Кто изъ русскихъ людей, читая описанія послѣдняго періода кампаніи 1812 года, не испытывалъ тяжелаго чувства досады, неудовлетворенности и неясности? Кто не задавалъ себѣ вопросовъ: какъ не забрали, не уничтожили всѣхъ французовъ, когда всѣ три арміи окружали ихъ въ превосходящемъ числѣ; когда разстроенные французы, голодая и замерзая, сдавались толпами, и когда (какъ намъ разсказываетъ исторія) цѣль русскихъ состояла именно въ томъ, чтобы остановить, отрѣзать и забрать въ плѣнъ всѣхъ французовъ?

Какимъ образомъ то русское войско, которое, слабѣе числомъ французовъ, дало Бородинское сраженіе, какимъ образомъ это войско, съ трехъ сторонъ окружавшее французовъ и имѣвшее цѣлью ихъ забрать, не достигло своей цѣли? Неужели такое громадное преимущество передъ нами имѣютъ французы, что мы съ превосходными силами, окруживъ, не могли побить ихъ? Какимъ образомъ это могло случиться?

Исторія (та, которая называется этимъ словомъ), отвѣчая на эти вопросы, говоритъ, что это случилось оттого, что Кутузовъ и Тормасовъ, и Чичаговъ, и тотъ-то, и тотъ-то не сдѣлали такихъ-то и такихъ-то маневровъ.

Но отчего они не сдѣлали всѣхъ этихъ маневровъ? Отчего, ежели они были виноваты въ томъ, что не достигнута была предназначавшаяся цѣль, — отчего ихъ не судили и не казнили? Но даже ежели и допустить, что виною *неудачи* русскихъ были Кутузовъ и Чичаговъ и т. п., нельзя понять все-таки, почему и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились русскія войска подъ Краснымъ и подъ Березиной (въ обоихъ случаяхъ русскіе были въ превосходныхъ силахъ), почему не взято въ плѣнъ французское войско съ маршалами, королями и императорами, когда въ этомъ состояла цѣль русскихъ?

Объясненіе этого страннаго явленія тѣмъ (какъ то дѣлаютъ русскіе военные историки), что Кутузовъ помѣшалъ нападенію, неосновательно потому, что мы знаемъ, что воля Кутузова не могла удержать войска отъ нападенія подъ Вязьмой и подъ Тарутинымъ.

Почему то русское войско, которое съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ надъ непріятелемъ во всей

его силѣ,—подъ Краснымъ и подъ Березиной, въ превосходныхъ силахъ, было побѣждено разстроенными толпами французовъ?

Если цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать и взять въ плѣнъ Наполеона и маршаловъ, и цѣль эта не только не была достигнута, а всѣ попытки къ достиженію этой цѣли всякій разъ были разрушены самымъ постыднымъ образомъ, то послѣдній періодъ кампаніи совершенно справедливо представляется французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется русскими историками побѣдоноснымъ.

Русскіе военные историки настолько, насколько для нихъ обязательна логика, невольно приходятъ къ этому заключенію и, несмотря на лирическія воззванія о мужествѣ и преданности и т. д., должны невольно признаться, что отступленіе французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова.

Но, оставивъ совершенно въ сторонѣ народное самолюбіе, чувствуется, что заключеніе это само въ себѣ заключаетъ противорѣчіе, такъ какъ рядъ побѣдъ французовъ привелъ ихъ къ совершенному уничтоженію, а рядъ пораженій русскихъ привелъ ихъ къ полному уничтоженію врага и очищенію своего отечества.

Источникъ этого противорѣчія лежитъ въ томъ, что историками, изучающими событія по письмамъ государей и генераловъ, по реляціямъ, рапортамъ, планамъ и т. п., предположена ложная, никогда не существовавшая цѣль послѣдняго періода войны 1812 года, — цѣль, будто бы состоявшая въ томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ маршалами и арміей.

Цѣли этой никогда не было и не могло быть, потому что она не имѣла смысла и достиженіе ея было совершенно невозможно.

Цѣль эта не имѣла никакого смысла, во-первыхъ, потому, что разстроенная армія Наполеона со всей возможной быстротой бѣжала изъ Россіи, т.-е. исполняла то самое, что могъ желать всякій русскій. Для чего же было дѣлать различныя операціи надъ французами, которые бѣжали такъ быстро, какъ только они могли?

Во-вторыхъ, безсмысленно было становиться на дорогѣ людей, всю свою энергію направившихъ на бѣгство.

Въ-третьихъ, безсмысленно было терять свои войска для уничтоженія французскихъ армій, уничтожавшихся безъ внѣшнихъ причинъ въ такой прогрессіи, что безъ всякаго загораживанія пути онѣ не могли перевести черезъ границу больше

того, что онѣ перевели въ декабрѣ мѣсяцѣ, т.-е. одну сотую всего войска.

Въ-четвертыхъ, безсмысленно было желаніе взять въ плѣнъ императора, королей, герцоговъ, — людей, плѣнъ которыхъ въ высшей степени затруднилъ бы дѣйствія русскихъ, какъ то признавали самые искусные дипломаты того времени (J. Maistre и другіе). Еще безсмысленнѣе было желаніе взять корпуса французовъ, когда свои войска растаяли наполовину до Краснаго, а къ корпусамъ плѣнныхъ надо было отдѣлять дивизіи конвоя, и когда свои солдаты не всегда получали полный провіантъ и забранные уже плѣнные мерли съ голода.

Весь глубокомысленный планъ о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміей, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину. Одно, что можно бы было сказать въ оправданіе огородника, было бы то, что онъ очень разсердился. Но это нельзя было даже сказать про составителей проекта, потому что не они пострадали отъ потоптанныхъ грядъ.

Но, кромѣ того, что отрѣзываніе Наполеона съ арміей было безсмысленно, оно было невозможно.

Невозможно это было, во-первыхъ, потому, что такъ какъ изъ опыта видно, что движеніе колоннъ на пяти верстахъ въ одномъ сраженіи никогда не совпадаетъ съ планами, то вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ сошлись во-время въ назначенное мѣсто, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности; какъ то и думалъ Кутузовъ, еще при полученіи плана сказавшій, что диверсіи на большія разстоянія не приносятъ желаемыхъ результатовъ.

Во-вторыхъ, невозможно было потому, что для того, чтобы парализовать ту силу инерціи, съ которой двигалось назадъ войско Наполеона, надо было имѣть безъ сравненія бо̀льшія войска, чѣмъ тѣ, которыя имѣли русскіе.

Въ-третьихъ, невозможно это было потому, что военное слово «отрѣзать» не имѣетъ никакого смысла. Отрѣзать можно кусокъ хлѣба, но не армію. Отрѣзать армію—перегородить ей дорогу—никакъ нельзя, ибо мѣста кругомъ всегда много, гдѣ можно обойти, и есть ночь, во время которой ничего не видно, въ чемъ могли бы убѣдиться военные ученые хоть изъ примѣровъ Краснаго или Березины. Взять же въ плѣнъ никакъ нельзя безъ того, чтобы тотъ, кого берутъ въ плѣнъ, на это не согласился, какъ нельзя поймать ласточку, хотя и можно взять ее, когда она сядетъ на руку. Взять въ плѣнъ можно того, кто сдается,

какъ нѣмцы, по правиламъ стратегіи и тактики. Но французскія войска совершенно справедливо не находили этого удобнымъ, такъ какъ одинаковая голодная и холодная смерть ожидала ихъ на бѣгствѣ и въ плѣну.

Въ-четвертыхъ же и главное, это было невозможно потому, что никогда съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не было войны при тѣхъ страшныхъ условіяхъ, при которыхъ она происходила въ 1812 году, и русскія войска въ преслѣдованіи французовъ напрягли всѣ свои силы и не могли сдѣлать бо́льшаго, не уничтожившись сами.

Въ движеніи русской арміи отъ Тарутина до Краснаго выбыло пятьдесятъ тысячъ больными и отсталыми, т.-е. число, равное населенію большого губернскаго города. Половина людей выбыла изъ арміи безъ сраженій.

И объ этомъ-то періодѣ кампаніи, когда войска безъ сапогъ и шубъ, съ неполнымъ провіантомъ, безъ водки, по мѣсяцамъ ночуютъ въ снѣгу и при 15-ти градусахъ мороза; когда дня только 7 и 8 часовъ, а остальное ночь, во время которой не можетъ быть вліянія дисциплины; когда не такъ, какъ въ сраженіи, на нѣсколько часовъ только люди вводятся въ область смерти, гдѣ уже нѣтъ дисциплины, а когда люди по мѣсяцамъ живутъ, всякую минуту борясь со смертью отъ голода и холода; когда въ мѣсяцъ погибаетъ половина арміи,—объ этомъ-то періодѣ кампаніи намъ разсказываютъ историки, какъ Милорадовичъ долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ передвинуться туда-то (передвинуться выше колѣна въ снѣгу), и какъ тотъ опрокинулъ и отрѣзалъ, и т. д., и т. д.

Русскіе, умиравшіе наполовину, сдѣлали все, что̀ можно сдѣлать и должно было сдѣлать для достиженія достойной народа цѣли, и не виноваты въ томъ, что другіе русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что̀ было невозможно.

Все это странное, непонятное теперь противорѣчіе факта съ описаніемъ исторіи происходитъ только отъ того, что историки, писавшіе объ этомъ событіи, писали исторію прекрасныхъ чувствъ и словъ разныхъ генераловъ, а не исторію событій.

Для нихъ кажутся очень занимательны слова Милорадовича, награды, которыя получилъ тотъ и этотъ генералъ, и ихъ предположенія; а вопросъ о тѣхъ 50.000, которыя остались по госпиталямъ и могиламъ, даже не интересуетъ ихъ, потому что не подлежитъ ихъ изученію.

А между тѣмъ стоитъ только отвернуться отъ изученія рапортовъ и генеральныхъ плановъ и вникнуть въ движеніе тѣхъ сотенъ тысячъ людей, принимавшихъ прямое, непосредственное участіе въ событіи,—и всѣ, казавшіеся прежде неразрѣшимыми, вопросы вдругъ съ необыкновенною легкостью и простотой получаютъ несомнѣнное разрѣшеніе.

Цѣль отрѣзыванія Наполеона съ арміей никогда не существовала, кромѣ какъ въ воображеніи десятка людей. Она не могла существовать, потому что она была безсмысленна и достиженіе ея было невозможно.

Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась, во-первыхъ, сама собою, такъ какъ французы бѣжали, и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе; во-вторыхъ, цѣль эта достигалась дѣйствіями народной войны, уничтожавшей французовъ, и, въ-третьихъ, тѣмъ, что большая русская армія шла слѣдомъ за французами, готовая употребить силу въ случаѣ остановки движенія французовъ.

Русская армія должна была дѣйствовать, какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное—держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Когда человѣкъ видитъ умирающее животное, ужасъ охватываетъ его: то, что есть онъ самъ—сущность его—въ его глазахъ очевидно уничтожается, перестаетъ быть. Но когда умирающее есть человѣкъ и человѣкъ любимый—ощущаемый, тогда, кромѣ ужаса передъ уничтоженіемъ жизни, чувствуется разрывъ и духовная рана, которая такъ же, какъ и рана физическая, иногда убиваетъ, иногда залѣчивается, но всегда болитъ и боится внѣшняго раздражающаго прикосновенія.

Послѣ смерти князя Андрея Наташа и княжна Марья одинаково чувствовали это. Онѣ, нравственно согнувшись и зажмурившись отъ грознаго, нависшаго надъ ними облака смерти, не смѣли взглянуть въ лицо жизни. Онѣ осторожно берегли свои открытыя раны отъ оскорбительныхъ, болѣзненныхъ прикосновеній. Все—быстро проѣхавшій экипажъ по улицѣ, напоминаніе объ обѣдѣ, вопросъ дѣвушки о платьѣ, которое надо приготовить, еще хуже—слово неискренняго, слабаго участія, болѣзненно раздражало рану, казалось оскорбленіемъ и нарушало ту необходимую тишину, въ которой онѣ обѣ старались прислушиваться къ незамолкшему еще въ ихъ воображеніи страшному, строгому хору и мѣшало вглядываться въ тѣ таинственныя безконечныя дали, которыя на мгновеніе открылись передъ ними.

Только вдвоемъ имъ было не оскорбительно и не больно. Онѣ мало говорили между собой. Ежели онѣ говорили, то о самыхъ незначительныхъ предметахъ. И та и другая одинаково избѣгали упоминанія о чемъ-нибудь, имѣющемъ отношеніе къ будущему.

Признавать возможность будущаго казалось имъ оскорбленіемъ его памяти. Еще осторожнѣе онѣ обходили въ своихъ разговорахъ все то, что могло имѣть отношеніе къ умершему. Имъ

казалось, что то, что онѣ прожили и перечувствовали, не могло быть выражено словами. Имъ казалось, что всякое упоминаніе словами о подробностяхъ его жизни нарушало величіе и святыню совершившагося въ ихъ глазахъ таинства.

Безпрестанныя воздержанія рѣчи, постоянное старательное обхожденіе всего того, что могло навести на слово о немъ,— эти остановки съ разныхъ сторонъ на границѣ того, чего нельзя было говорить, еще чище и яснѣе выставляли передъ ихъ воображеніемъ то, что онѣ чувствовали.

Но чистая полная печаль такъ же невозможна, какъ чистая и полная радость. Княжна Марья, по своему положенію одной независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, первая была вызвана жизнью изъ того міра печали, въ которомъ она жила первыя двѣ недѣли. Она получила письма отъ родныхъ, на которыя надо было отвѣчать; комната, въ которую помѣстили Николушку, была сыра, и онъ сталъ кашлять; Алпатычъ пріѣхалъ въ Ярославль съ отчетами о дѣлахъ и съ предложеніями и совѣтами переѣхать въ Москву въ воздвиженскій домъ, который остался цѣлъ и требовалъ только небольшихъ починокъ. Жизнь не останавливалась, и надо было жить. Какъ ни тяжело было княжнѣ Марьѣ выйти изъ того міра уединеннаго созерцанія, въ которомъ она жила до сихъ поръ, какъ ни жалко и какъ будто совѣстно было покинуть Наташу одну,— заботы жизни требовали ея участія, и она невольно отдалась имъ. Она повѣряла счеты съ Алпатычемъ, совѣтовалась съ Десалемъ о племянникѣ и дѣлала распоряженія и приготовленія для своего переѣзда въ Москву.

Наташа оставалась одна, и съ тѣхъ поръ, какъ княжна Марья стала заниматься приготовленіями къ отъѣзду, избѣгала и ея.

Княжна Марья предложила графинѣ отпустить съ собой Наташу въ Москву, и мать и отецъ радостно согласились на это предложеніе, съ каждымъ днемъ замѣчая упадокъ физическихъ силъ дочери и полагая для нея полезнымъ и перемѣну мѣста и помощь московскихъ врачей.

— Я никуда не поѣду,—отвѣчала Наташа, когда ей сдѣлали это предложеніе, — только, пожалуйста, оставьте меня, — сказала она и выбѣжала изъ комнаты, съ трудомъ удерживая слезы не столько горя, сколько досады и озлобленія.

Послѣ того, какъ она почувствовала себя покинутой княжной Марьей и одинокой въ своемъ горѣ, Наташа большую часть времени одна въ своей комнатѣ сидѣла съ ногами въ углу дивана и, что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими,

напряженными пальцами, упорнымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на то, на чемъ останавливались глаза. Уединеніе это изнуряло, мучило ее; но оно было для нея необходимо. Какъ только кто-нибудь входилъ къ ней, она быстро вставала, измѣняла положеніе и выраженіе взгляда и бралась за книгу или шитье, очевидно съ нетерпѣніемъ ожидая ухода того, кто помѣшалъ ей.

Ей все казалось, что она вотъ-вотъ сейчасъ пойметъ, проникнетъ то, на что̀ съ страшнымъ, непосильнымъ ей вопросомъ устремленъ былъ ея душевный взглядъ.

Въ концѣ декабря, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ небрежно связанной пучкомъ косой, худая и блѣдная, Наташа сидѣла съ ногами въ углу дивана, напряженно комкая и распуская концы пояса, и смотрѣла на уголъ двери.

Она смотрѣла туда, куда ушелъ онъ, на ту сторону жизни. И та сторона жизни, о которой она прежде никогда не думала, которая прежде ей казалась такою далекою, невѣроятною, теперь была ей ближе и роднѣе, понятнѣе, чѣмъ эта сторона жизни, въ которой все было или пустота и разрушеніе, или страданіе и оскорбленіе.

Она смотрѣла туда, гдѣ она знала, что былъ онъ; но она не могла его видѣть иначе, какъ такимъ, какимъ онъ былъ здѣсь. Она видѣла его опять такимъ же, какимъ онъ былъ въ Мытищахъ, у Троицы, въ Ярославлѣ.

Она видѣла его лицо, слышала его голосъ и повторяла его слова и свои слова, сказанныя ему, и иногда придумывала за себя и за него новыя слова, которыя тогда могли бы быть сказаны.

Вотъ онъ лежитъ на креслѣ въ своей бархатной шубкѣ, облокотивъ голову на худую, блѣдную руку. Грудь его страшно низка и плечи подняты. Губы твердо сжаты, глаза блестятъ, и на блѣдномъ лбу вспрыгиваетъ и исчезаетъ морщина. Одна нога его чуть замѣтно быстро дрожитъ. Наташа знаетъ, что онъ борется съ мучительною болью. Что такое эта боль? Зачѣмъ боль? Что онъ чувствуетъ? Какъ у него болитъ? думаетъ Наташа. Онъ замѣтилъ ея вниманіе, поднялъ глаза и, не улыбаясь, сталъ говорить.

«Одно ужасно», сказалъ онъ: «это связать себя навѣки съ страдающимъ человѣкомъ. Это вѣчное мученье». И онъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Наташа, какъ и всегда, отвѣтила тогда прежде, чѣмъ успѣла подумать о томъ, что

она отвѣчаетъ; она сказала: «это не можетъ такъ продолжаться, этого не будетъ, вы будете здоровы — совсѣмъ».

Она теперь сначала видѣла его и переживала теперь все то, что она чувствовала тогда. Она вспомнила продолжительный, грустный, строгій взглядъ его при этихъ словахъ и поняла значеніе упрека и отчаянія этого продолжительнаго взгляда.

«Я согласилась», говорила себѣ теперь Наташа, «что было бы ужасно, если бы онъ остался всегда страдающимъ. Я сказала это тогда такъ только, потому что для него это было бы ужасно, а онъ понялъ это иначе. Онъ подумалъ, что это для меня ужасно бы было. Онъ тогда еще хотѣлъ жить—боялся смерти. И я такъ грубо, глупо сказала ему. Я не думала этого. Я думала совсѣмъ другое. Если бы я сказала то, что думала, я бы сказала: пускай бы онъ умиралъ, все время умиралъ бы передъ моими глазами, я была бы счастлива въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь. Теперь... ничего, никого нѣтъ. Зналъ ли онъ это? Нѣтъ. Не зналъ и никогда не узнаетъ. И теперь никогда, никогда уже нельзя поправить этого». И опять онъ говорилъ ей тѣ же слова, но теперь въ воображеніи своемъ Наташа отвѣчала ему иначе. Она останавливала его и говорила: «ужасно для васъ, но не для меня. Вы знаете, что мнѣ безъ васъ нѣтъ ничего въ жизни, и страдать съ вами для меня лучшее счастье». И онъ бралъ ея руку и жалъ ее такъ, какъ онъ жалъ ее въ тотъ страшный вечеръ, за четыре дня передъ смертью. И въ воображеніи своемъ она говорила ему еще другія нѣжныя, любовныя рѣчи, которыя она могла бы сказать тогда, которыя она говорила теперь. «Я люблю тебя!.. Тебя... люблю, люблю...» говорила она, судорожно сжимая руки, стискивая зубы съ ожесточеннымъ усиліемъ.

И сладкое горе охватывало ее, и слезы уже выступали на глаза, но вдругъ она спрашивала себя: кому она говоритъ это? Гдѣ онъ, и кто онъ теперь? И опять все застилалось сухимъ, жесткимъ недоумѣніемъ, и опять, напряженно сдвинувъ брови, она вглядывалась туда, гдѣ онъ былъ. И вотъ-вотъ ей казалось, она проникаетъ тайну... Но въ ту минуту, какъ ей уже открывалось, казалось, непонятное, громкій стукъ ручки замка двери болѣзненно поразилъ ей слухъ. Быстро и неосторожно, съ испуганнымъ, незанятымъ ею выраженіемъ лица, въ комнату вошла горничная Дуняша.

— Пожалуйте къ папашѣ, скорѣе,—сказала Дуняша съ особеннымъ и оживленнымъ выраженіемъ.—Несчастье, о Петрѣ Ильичѣ... письмо, — всхлипнувъ, проговорила она.

II.

Кромѣ общаго чувства отчужденія отъ всѣхъ людей, Наташа въ это время испытывала особенное чувство отчужденія отъ лицъ своей семьи. Всѣ свои: отецъ, мать, Соня, были такъ ей близки, привычны, такъ будничны, что всѣ ихъ слова, чувства казались ей оскорбленіемъ того міра, въ которомъ она жила послѣднее время, и она не только была равнодушна, но враждебно смотрѣла на нихъ. Она слышала слова Дуняши о Петрѣ Ильичѣ, о несчастьи, но не поняла ихъ.

«Какое тамъ у нихъ несчастье, какое можетъ быть несчастье. У нихъ все свое, старое, привычное и покойное», мысленно сказала Наташа.

Когда она вошла въ залу, отецъ быстро выходилъ изъ комнаты графини. Лицо его было сморщено и мокро отъ слезъ. Онъ, видимо, выбѣжалъ изъ той комнаты, чтобы дать волю давившимъ его рыданіямъ. Увидавъ Наташу, онъ отчаянно взмахнулъ руками и разразился болѣзненно-судорожными всхлипываніями, исказившими его круглое, мягкое лицо.

— Пе... Петя... Поди, поди, она... зоветъ...—И онъ, рыдая какъ дитя, быстро сѣменя ослабѣвшими ногами, подошелъ къ стулу и упалъ почти на него, закрывъ лицо руками.

Вдругъ какъ электрическій токъ пробѣжалъ по всему существу Наташи. Что-то страшно больно ударило ее въ сердце. Она почувствовала страшную боль; ей показалось, что что-то отрывается въ ней и что она умираетъ. Но вслѣдъ за болью она почувствовала мгновенно освобожденіе отъ запрета жизни, лежавшаго на ней. Увидавъ отца и услыхавъ изъ-за двери страшный, грубый крикъ матери, она мгновенно забыла себя и свое горе.

Она подбѣжала къ отцу, но онъ, безсильно махая рукой, указывалъ на дверь матери. Княжна Марья, блѣдная, съ дрожащей нижней челюстью, вышла изъ двери и взяла Наташу за руку, говоря ей что-то. Наташа не видѣла, не слышала ее. Она быстрыми шагами вошла въ дверь, остановилась на мгновеніе, какъ бы въ борьбѣ съ самой собой, и подбѣжала къ матери.

Графиня лежала на креслѣ, странно-неловко вытягиваясь, и билась головой объ стѣну. Соня и дѣвушки держали ее за руки.

— Наташу, Наташу!.. — кричала графиня.—Неправда, неправда... Онъ лжетъ... Наташу!—кричала она, отталкивая отъ

себя окружавшихъ. — Подите прочь всѣ, неправда! Убили!.. ха, ха, ха!.. неправда!

Наташа стала колѣномъ на кресло, нагнулась надъ матерью, обняла ее, съ неожиданной силой подняла, повернула къ себѣ ея лицо и прижалась къ ней.

— Маменька!.. голубчикъ!.. Я тутъ, другъ мой. Маменька... — шептала она ей, не замолкая ни на секунду.

Она не выпускала матери, нѣжно боролась съ ней, требовала подушки, воды, разстегивала и разрывала платье на матери.

— Другъ мой, голубушка... Маменька - душенька, — не переставая шептала она, цѣлуя ея голову, руки, лицо и чувствуя, какъ неудержимо, ручьями, щекоча ей носъ и щеки, текли ея слезы.

Графиня сжала руку дочери, закрыла глаза и затихла на мгновеніе. Вдругъ она съ непривычной быстротой поднялась, безсмысленно оглянулась и, увидавъ Наташу, стала изъ всѣхъ силъ сжимать ея голову. Потомъ она повернула къ себѣ ея морщившееся отъ боли лицо и долго вглядывалась въ него.

— Наташа, ты меня любишь, — сказала она тихимъ, довѣрчивымъ шопотомъ. — Наташа, ты не обманешь меня? Ты мнѣ скажешь всю правду?

Наташа смотрѣла на нее съ налитыми слезами въ глазахъ, и въ лицѣ ея была только мольба о прощеніи и любви.

— Другъ мой, маменька, — повторяла она, напрягая всѣ силы своей любви на то, чтобы какъ-нибудь снять съ нея на себя излишекъ давившаго ее горя.

И опять, въ безсильной борьбѣ съ дѣйствительностью, мать, отказываясь вѣрить въ то, что она могла жить, когда былъ убитъ цвѣтущій жизнью ея любимый мальчикъ, спасалась отъ дѣйствительности въ мірѣ безумія.

Наташа не помнила, какъ прошелъ этотъ день, ночь, слѣдующій день и слѣдующая ночь. Она не спала и не отходила отъ матери. Любовь Наташи, упорная, терпѣливая, не какъ объясненіе, не какъ утѣшеніе, а какъ призывъ къ жизни, всякую секунду какъ будто со всѣхъ сторонъ обнимала графиню.

На третью ночь графиня затихла на нѣсколько минутъ, и Наташа закрыла глаза, облокотивъ голову на ручку кресла. Кровать скрипнула, Наташа открыла глаза. Графиня сидѣла на кровати и тихо говорила.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ. Ты усталъ, хочешь чаю? (Наташа подошла къ ней.) Ты похорошѣлъ и возмужалъ,—продолжала графиня, взявъ дочь за руку.

— Маменька, что вы говорите!..

— Наташа, его нѣтъ, нѣтъ больше.

И, обнявъ дочь, въ первый разъ графиня начала плакать.

III.

Княжна Марья отложила свой отъѣздъ. Соня, графъ старались замѣнить Наташу, но не могли. Они видѣли, что она одна могла удерживать мать отъ безумнаго отчаянія. Три недѣли Наташа безвыходно жила при матери, спала на креслѣ въ ея комнатѣ, поила, кормила ее и, не переставая, говорила съ ней, говорила, потому что одинъ нѣжный, ласкающій голосъ ея успокаивалъ графиню.

Душевная рана матери не могла залѣчиться. Смерть Пети оторвала половину ея жизни. Черезъ мѣсяцъ послѣ извѣстія о смерти Пети, заставшаго ее свѣжей и бодрой 50-лѣтней женщиной, она вышла изъ своей комнаты полумертвой и не принимающей участія въ жизни — старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана вызвала Наташу къ жизни.

Душевная рана, происходящая отъ разрыва духовнаго тѣла, точно такъ же, какъ и рана физическая, какъ ни странно это кажется, послѣ того, какъ глубокая рана зажила и кажется сошедшейся своими краями, рана душевная, какъ и физическая, заживаетъ только изнутри выпирающей силой жизни.

Такъ же зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни — любовь — еще жива въ ней. Проснулась любовь — и проснулась жизнь.

Послѣдніе дни князя Андрея связали Наташу съ княжной Марьей. Новое несчастье еще болѣе сблизило ихъ. Княжна Марья отложила свой отъѣздъ и послѣднія три недѣли, какъ за больнымъ ребенкомъ, ухаживала за Наташей. Послѣднія недѣли, проведенныя Наташей въ комнатѣ матери, надорвали ея физическія силы.

Однажды княжна Марья въ серединѣ дня, замѣтивъ, что Наташа дрожитъ въ лихорадочномъ ознобѣ, увела ее къ себѣ и уложила на своей постели. Наташа легла, но когда княжна Марья, опустивъ сторы, хотѣла выйти, Наташа подозвала ее къ себѣ.

— Мнѣ не хочется спать, Мари; посиди со мной.

— Ты устала — постарайся заснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ. Зачѣмъ ты увела меня? Она спроситъ.

— Ей гораздо лучше. Она нынче такъ хорошо говорила, — сказала княжна Марья.

Наташа лежала въ постели и въ полутьмѣ комнаты разсматривала лицо княжны Марьи.

«Похожа она на него?» думала Наташа. «Да, похожа и не похожа. Но она особенная, чужая, совсѣмъ новая, неизвѣстная. И она любитъ меня. Что у ней на душѣ? Все доброе. Но какъ? Какъ она думаетъ? Какъ она на меня смотритъ? Да, она прекрасная».

— Маша,—сказала она робко, притянувъ къ себѣ ея руку.— Маша, ты не думай, что я дурная. Нѣтъ? Маша, голубушка. Какъ я тебя люблю. Будемъ совсѣмъ, совсѣмъ друзьями.

И Наташа, обнимая, стала цѣловать руки и лицо княжны Марьи. Княжна Марья стыдилась и радовалась этому выраженію чувствъ Наташи.

Съ этого дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нѣжная дружба, которая бываетъ только между женщинами. Онѣ безпрестанно цѣловались, говорили другъ другу нѣжныя слова и бо́льшую часть времени проводили вмѣстѣ. Если одна выходила, то другая была безпокойна и спѣшила присоединиться къ ней. Онѣ вдвоемъ чувствовали большее согласіе между собой, чѣмъ порознь, каждая сама съ собою. Между ними установилось чувство сильнѣйшее, чѣмъ дружба: это было исключительное чувство возможности жизни только въ присутствіи другъ друга.

Иногда онѣ молчали цѣлые часы; иногда, уже лежа въ постеляхъ, онѣ начинали говорить и говорили до утра. Онѣ говорили большею частью о дальнемъ прошедшемъ. Княжна Марья разсказывала про свое дѣтство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтанія; и Наташа, прежде съ спокойнымъ непониманіемъ отворачивавшаяся отъ этой жизни преданности, покорности, отъ поэзіи христіанскаго самоотверженія, теперь, чувствуя себя связанной любовью съ княжной Марьей, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятную ей прежде сторону жизни. Она не думала прилагать къ своей жизни покорность и самоотверженіе, потому что она привыкла искать другихъ радостей, но она поняла и полюбила въ другой эту прежде непонятную ей добродѣтель. Для княжны Марьи, слушавшей разсказы о дѣтствѣ и первой молодости Наташи,

тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вѣра въ жизнь, въ наслажденія жизни.

Онѣ все точно такъ же никогда не говорили про *него* съ тѣмъ, чтобы не нарушить словами, какъ имъ казалось, той высоты чувства, которая была въ нихъ, а это умолчаніе о немъ дѣлало то, что понемногу, не вѣря этому, онѣ забывали его.

Наташа похудѣла, поблѣднѣла и физически такъ стала слаба, что всѣ постоянно говорили о ея здоровьѣ, и ей это пріятно было. Но иногда на нее неожиданно находилъ не только страхъ смерти, но страхъ болѣзни, слабости, потери красоты, и невольно она иногда внимательно разглядывала свою голую руку, удивляясь на ея худобу, или заглядывалась по утрамъ въ зеркало на свое вытянувшееся, жалкое, какъ ей казалось, лицо. Ей казалось, что это такъ должно быть, и вмѣстѣ съ тѣмъ становилось страшно и грустно.

Одинъ разъ она скоро взошла наверхъ и тяжело запыхалась. Тотчасъ же невольно она придумала себѣ дѣло внизу и оттуда взбѣжала опять вверхъ, пробуя силы и наблюдая за собой.

Другой разъ она позвала Дуняшу, и голосъ ея задребезжалъ. Она еще разъ кликнула ее, несмотря на то, что она слышала ея шаги,—кликнула тѣмъ груднымъ голосомъ, которымъ она пѣвала, и прислушалась къ нему.

Она не знала этого, не повѣрила бы, но подъ казавшимся ей непроницаемымъ слоемъ ила, застлавшимъ ея душу, уже пробивались тонкія, нѣжныя молодыя иглы травы, которыя должны были укорениться и такъ застлать своими жизненными побѣгами задавившее ее горе, что его скоро будетъ не видно и не замѣтно. Рана заживала изнутри.

Въ концѣ января княжна Марья уѣхала въ Москву, и графъ настоялъ на томъ, чтобы Наташа ѣхала съ нею, съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ докторами.

IV.

Послѣ столкновенія при Вязьмѣ, гдѣ Кутузовъ не могъ удержать свои войска отъ желанія опрокинуть, отрѣзать и т. д., дальнѣйшее движеніе бѣжавшихъ французовъ и за ними бѣжавшихъ русскихъ до Краснаго происходило безъ сраженій. Бѣгство было такъ быстро, что бѣжавшая за французами русская армія не могла поспѣвать за ними, что лошади въ кавалеріи и артиллеріи становились и что свѣдѣнія о движеніи французовъ были всегда невѣрны.

Люди русскаго войска были такъ измучены этимъ непрерывнымъ движеніемъ, по 40 верстъ въ сутки, что не могли двигаться быстрѣе.

Чтобы понять степень истощенія русской арміи, надо только ясно понять значеніе того факта, что, потерявъ ранеными и убитыми во все время движенія отъ Тарутина не болѣе пяти тысячъ человѣкъ, не потерявъ сотни людей плѣнными, армія русская, вышедшая изъ Тарутина въ числѣ ста тысячъ, пришла къ Красному въ числѣ пятидесяти тысячъ.

Быстрое движеніе русскихъ за французами дѣйствовало на русскую армію точно такъ же разрушительно, какъ и бѣгство французовъ. Разница была только въ томъ, что русская армія двигалась произвольно, безъ угрозы погибели, которая висѣла надъ французской арміей, и въ томъ, что отсталые больные у французовъ оставались въ рукахъ врага, а отсталые русскіе оставались у себя дома. Главная причина уменьшенія арміи Наполеона была быстрота движенія, и несомнѣннымъ доказательствомъ тому служитъ соотвѣтственное уменьшеніе русскихъ войскъ.

Вся дѣятельность Кутузова, какъ это было подъ Тарутинымъ и подъ Вязьмой, была направлена только къ тому, чтобы—насколько то было въ его власти—не останавливать этого гибельнаго для французовъ движенія (какъ хотѣли въ Петербургѣ и въ арміи русскіе генералы), а содѣйствовать ему и облегчить движеніе своихъ войскъ.

Но, кромѣ того, со времени высказавшихся въ войскахъ утомленія и огромной убыли, происходившихъ отъ быстроты движенія, еще другая причина представлялась Кутузову для замедленія движеній войскъ и для выжиданія. Цѣль русскихъ войскъ была — слѣдованіе за французами. Путь французовъ былъ неизвѣстенъ, и потому, чѣмъ ближе слѣдовали наши войска по пятамъ французовъ, тѣмъ больше они проходили разстоянія. Только слѣдуя въ нѣкоторомъ разстояніи, можно было по кратчайшему пути перерѣзывать зигзаги, которые дѣлали французы. Всѣ искусные маневры, которые предлагали генералы, выражались въ передвиженіяхъ войскъ, въ увеличеніи переходовъ, а единственно разумная цѣль состояла въ томъ, чтобы уменьшить эти переходы. И къ этой цѣли, во всю кампанію отъ Москвы до Вильны, была направлена дѣятельность Кутузова— не случайно, не временно, но такъ послѣдовательно, что онъ ни разу не измѣнилъ ей.

Кутузовъ зналъ не умомъ или наукой, а всѣмъ русскимъ существомъ своимъ зналъ и чувствовалъ то, что̀ чувствовалъ

каждый русскій солдатъ: что французы побѣждены, что враги бѣгутъ, и надо выпроводить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, заодно съ солдатами, всю тяжесть этого, неслыханнаго по быстротѣ и времени года, похода.

Но генераламъ, въ особенности не русскимъ, желавшимъ отличиться, удивить кого-то, забрать въ плѣнъ для чего-то какого-нибудь герцога или короля, — генераламъ этимъ казалось теперь, когда всякое сраженіе было и гадко и безсмысленно, имъ казалось, что теперь-то самое время давать сраженія и побѣждать кого-то. Кутузовъ только пожималъ плечами, когда ему, одинъ за другимъ, представляли проекты маневровъ съ тѣми дурно обутыми, безъ полушубковъ, полуголодными солдатами, которые въ одинъ мѣсяцъ, безъ сраженій, растаяли до половины и съ которыми, при наилучшихъ условіяхъ продолжающагося бѣгства, надо было пройти до границы пространство больше того, которое было пройдено.

Въ особенности это стремленіе отличиться и маневрировать, опрокидывать и отрѣзывать, проявлялось тогда, когда русскія войска наталкивались на войска французовъ.

Такъ это случилось подъ Краснымъ, гдѣ думали найти одну изъ трехъ колоннъ французовъ и наткнулись на самого Наполеона съ 16-ю тысячами. Несмотря на всѣ средства, употребленныя Кутузовымъ для того, чтобы избавиться отъ этого пагубнаго столкновенія и чтобы сберечь свои войска, три дня у Краснаго продолжалось добиваніе разбитыхъ сборищъ французовъ измученными людьми русской арміи.

Толь написалъ диспозицію: die erste Colonne marschirt [1]) и т. п. И, какъ всегда, сдѣлалось все не по диспозиціи. Принцъ Евгеній Виртембергскій разстрѣливалъ съ горы мимо бѣгущія толпы французовъ и требовалъ подкрѣпленія, которое не приходило. Французы, по ночамъ обѣгая русскихъ, разсыпались, прятались въ лѣса и пробирались, кто какъ могъ, дальше.

Милорадовичъ, который говорилъ, что онъ знать ничего не хочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ отряда, котораго никогда нельзя было найти, когда его было нужно, «chevalier sans peur et sans reproche» [2]), какъ онъ самъ называлъ себя, и охотникъ до разговоровъ съ французами, посылалъ парламентеровъ, требуя сдачи, терялъ время и дѣлалъ не то, что ему приказывали.

---

[1]) Первая колонна направится туда-то...
[2]) Рыцарь безъ страха и упрека.

— Дарю вамъ, ребята, эту колонну,—говорилъ онъ, подъѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на французовъ.

И кавалеристы на еле двигающихся лошадяхъ, подгоняя ихъ шпорами и саблями, рысцой, послѣ сильныхъ напряженій, подъѣзжали къ подаренной колоннѣ, т.-е. къ толпѣ обмороженныхъ, закоченѣвшихъ и голодныхъ французовъ; и подаренная колонна кидала оружіе и сдавалась, чего ей уже давно хотѣлось.

Подъ Краснымъ взяли 26 тысячъ плѣнныхъ, сотни пушекъ, какую-то палку, которую называли маршальскимъ жезломъ, и спорили о томъ, кто тамъ отличился, и были этимъ довольны; но очень сожалѣли о томъ, что не взяли Наполеона или хоть какого-нибудь героя, маршала, и упрекали въ этомъ другъ друга и въ особенности Кутузова.

Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго закона необходимости; но они считали себя героями и воображали, что то, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло. Они обвиняли Кутузова и говорили, что онъ съ самаго начала кампаніи мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона; что онъ думаетъ только объ удовлетвореніи своихъ страстей и не хотѣлъ выходить изъ Полотняныхъ Заводовъ потому, что ему тамъ было покойно; что онъ подъ Краснымъ остановилъ движеніе потому, что, узнавъ о присутствіи Наполеона, онъ совершенно потерялся; что можно предполагать, что онъ находится въ заговорѣ съ Наполеономъ, что онъ подкупленъ имъ [1]), и т. д., и т. д.

Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили такъ,—потомство и исторія признали Наполеона grand, а Кутузова иностранцы — хитрымъ, развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ; русскіе — чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какой-то куклой, полезной только по своему русскому имени...

V.

Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ. И въ исторіи, написанной недавно по высочайшему повелѣнію, сказано, что Кутузовъ былъ хитрый придворный лжецъ, боявшійся имени Наполеона и своими ошибками подъ Краснымъ и подъ Березиной лишившій русскія войска славы — полной побѣды надъ французами [2]).

---

[1]) Записки Вильсона.

[2]) Исторія 1812 года Богдановича: характеристика Кутузова и разсужденіе о неудовлетворительности результатовъ Красненскихъ сраженій.

Такова судьба не великихъ людей, не grand-homme, которыхъ не признаетъ русскій умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за прозрѣніе высшихъ законовъ.

Для русскихъ историковъ (странно и страшно сказать) Наполеонъ—это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства,—Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга; онъ — grand. Кутузовъ же,—тотъ человѣкъ, который отъ начала и до конца своей дѣятельности въ 1812 году, отъ Бородина и до Вильны, ни разу ни однимъ дѣйствіемъ, ни словомъ не измѣняя себѣ, являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія,—Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и, говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно.

А между тѣмъ трудно себѣ представить историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообразить себѣ цѣль, болѣе достойную и болѣе совпадающую съ волею всего народа. Еще труднѣе найти другой примѣръ въ исторіи, гдѣ бы цѣль, которую поставило себѣ историческое лицо, была такъ совершенно достигнута, какъ та цѣль, къ достиженію которой была направлена вся дѣятельность Кутузова въ 12 году.

Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи. Онъ писалъ письма своимъ дочерямъ и m-me Stahl, читалъ романы, любилъ общество красивыхъ женщинъ, шутилъ съ генералами, офицерами и солдатами и никогда не противорѣчилъ тѣмъ людямъ, которые хотѣли ему что-нибудь доказывать. Когда графъ Растопчинъ на Яузскомъ мосту подскакалъ къ Кутузову съ личными упреками о томъ, кто виноватъ въ погибели Москвы, и сказалъ: «какъ же вы обѣщали не оставлять Москвы, не давъ сраженія?» Кутузовъ отвѣчалъ: «я и не оставлю Москвы безъ сраженія», несмотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда пріѣхавшій къ нему отъ государя Аракчеевъ сказалъ, что надо бы Ермолова назначить начальникомъ артиллеріи, Кутузовъ отвѣчалъ: «да я и самъ только что говорилъ это»,

хотя онъ за минуту говорилъ совсѣмъ другое. Какое дѣло было ему, одному понимавшему тогда весь громадный смыслъ событія, среди безтолковой толпы, окружавшей его, какое ему дѣло было до того, къ себѣ или къ нему отнесетъ графъ Растопчинъ бѣдствіе столицы? Еще менѣе могло занимать его то, кого назначатъ начальникомъ артиллеріи.

Не только въ этихъ случаяхъ, но безпрестанно этотъ старый человѣкъ, дошедшій опытомъ жизни до убѣжденія въ томъ, что мысли и слова, служащія имъ выраженіемъ, не суть двигатели людей, говорилъ слова совершенно безсмысленныя,— первыя, которыя ему приходили въ голову.

Но этотъ самый человѣкъ, такъ пренебрегавшій своими словами, ни разу во всю свою дѣятельность не сказалъ ни одного слова, которое было бы несогласно съ тою единственною цѣлью, къ достиженію которой онъ шелъ во время всей войны. Очевидно, невольно, съ тяжелою увѣренностью, что не поймутъ его, онъ неоднократно въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ высказывалъ свою мысль. Начиная отъ Бородинскаго сраженія, съ котораго начался его разладъ съ окружающими, онъ одинъ говорилъ, что *Бородинское сраженіе есть побѣда,* и повторялъ это и изустно, и въ рапортахъ, и въ донесеніяхъ, до самой своей смерти. Онъ одинъ сказалъ, *что потеря Москвы не есть потеря Россіи.* Онъ въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ отвѣчалъ, *что мира не можетъ быть, потому что такова воля народа;* онъ одинъ во время отступленія французовъ говорилъ, что *всѣ наши маневры не нужны, что все сдѣлается само собою лучше, чѣмъ мы того желаемъ, что непріятелю надо дать золотой мостъ, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сраженія не нужны, что съ чѣмъ-нибудь надо придти на границу, что за десять французовъ онъ не отдастъ одного русскаго.*

И одинъ онъ, этотъ придворный человѣкъ, какъ намъ изображаютъ его, человѣкъ, который лжетъ Аракчееву съ цѣлью угодить государю,—онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, въ Вильнѣ, тѣмъ заслуживая немилость государя, говоритъ, что *дальнѣйшая война за границей вредна и безполезна.*

Но одни слова не доказали бы, что онъ тогда понималъ значеніе событія. Дѣйствія его — всѣ безъ малѣйшаго отступленія — всѣ направлены къ одной и той же троякой цѣли: 1) напрячь всѣ свои силы для столкновенія съ французами, 2) побѣдить ихъ и 3) изгнать изъ Россіи, облегчая, насколько возможно, бѣдствія народа и войска.

Онъ, тотъ медлитель Кутузовъ, котораго девизъ есть терпѣніе и время, врагъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ даетъ Бородинское сраженіе, облекая приготовленія къ нему въ безпримѣрную торжественность. Онъ, тотъ Кутузовъ, который въ Аустерлицкомъ сраженіи прежде начала его говоритъ, что оно будетъ проиграно, въ Бородинѣ, несмотря на увѣренія генераловъ о томъ, что сраженіе проиграно, несмотря на неслыханный примѣръ того, что послѣ выиграннаго сраженія войско должно отступать, онъ одинъ, въ противность всѣмъ, до самой смерти утверждаетъ, что Бородинское сраженіе — побѣда. Онъ одинъ во все время отступленія настаиваетъ на томъ, чтобы не давать сраженій, которыя теперь безполезны, не начинать новой войны и не переходить границъ Россіи.

Теперь понять значеніе событія, если только не прилагать къ дѣятельности массъ цѣлей, которыя были въ головѣ десятка людей, легко, такъ какъ все событіе съ его послѣдствіями лежитъ передъ нами.

Но какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, одинъ въ противность мнѣнія всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему?

Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ совершающихся явленій лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и силѣ его.

Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, изъ въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.

Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.

Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому что у лакея свое понятіе о величіи.

VI.

5-е ноября былъ первый день такъ называемаго Красненскаго сраженія. Передъ вечеромъ, когда уже—послѣ многихъ споровъ и ошибокъ генераловъ, зашедшихъ не туда, куда надо, послѣ разсылокъ адъютантовъ съ противоприказаніями, — когда уже

стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ и сраженія не можетъ быть и не будетъ, Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена въ нынѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нынѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ было взято въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ краснымъ околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутулыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ казался чѣмъ-то озабоченъ и не слышалъ словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которыя представляли особенно жалкій видъ. Бо̀льшая часть французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка французовъ стояла близко у дороги, и два солдата—лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками—разрывали руками кусокъ сырого мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ, который они бросили на проѣзжавшихъ, и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдатъ съ болячками, взглянувъ на Кутузова, тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свое дѣло.

Кутузовъ долго внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздумчиво покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорилъ ему. Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена!—сказалъ Кутузовъ, видимо съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли.

Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и, видимо, неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. (Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова.) — Благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава вовѣки!

Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, — сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ преображенцевъ. — Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура, ребята! — быстрымъ движеніемъ подбородка обратясь къ солдатамъ, проговорилъ онъ.

— Ура-ра-ра! — заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ блескомъ.

— Вотъ что, братцы... — сказалъ онъ, когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводивъ гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они — видите, до чего они дошли, — сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ. — Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ

сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ, м...и..в.г....,—вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову.

И, взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстраивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не сумѣлъ бы передать содержаніе сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты, выраженнаго этимъ, именно этимъ стариковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ,—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ, долго неумолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо находясь въ сильномъ волненіи.

VII.

8-го ноября, въ послѣдній день Красненскихъ сраженій, уже смерклось, когда войска пришли на мѣсто ночлега. Весь день былъ тихій, морозный, съ падающимъ легкимъ, рѣдкимъ снѣгомъ; къ вечеру стало выясняться. Сквозь снѣжинки виднѣлось черно-лиловое звѣздное небо, и морозъ сталъ усиливаться.

Мушкатерскій полкъ, вышедшій изъ Тарутина въ числѣ 3.000, теперь въ числѣ 900 человѣкъ пришелъ однимъ изъ первыхъ на назначенное мѣсто ночлега, въ деревнѣ на большой дорогѣ. Квартиргеры, встрѣтившіе полкъ, объявили, что всѣ избы заняты больными и мертвыми французами, кавалеристами и штабами. Была только одна изба для полкового командира.

Полковой командиръ подъѣхалъ къ своей избѣ. Полкъ прошелъ деревню и у крайнихъ избъ на дорогѣ поставилъ ружья въ козлы.

Какъ огромное, многочисленное животное, полкъ принялся за работу устройства своего логовища и пищи. Одна часть солдатъ разбрелась, по колѣно въ снѣгу, въ березовый лѣсъ, бывшій вправо отъ деревни, и тотчасъ же послышались въ лѣсу стукъ

топоровъ, тесаковъ, трескъ ломающихся сучьевъ и веселые голоса; другая часть возилась около центра полковыхъ повозокъ и лошадей, поставленныхъ въ кучку, доставая котлы, сухари и задавая кормъ лошадямъ; третья часть разсыпалась въ деревнѣ, устраивая помѣщенія штабнымъ, выбирая мертвыя тѣла французовъ, лежавшія по избамъ, и растаскивая доски, сухія дрова и солому съ крышъ для костровъ и плетни для защиты.

Человѣкъ пятнадцать солдатъ за избами, съ края деревни, съ веселымъ крикомъ раскачивали высокій плетень сарая, съ котораго снята уже была крыша.

— Ну, ну, разомъ, налегни! —кричали голоса, и въ темнотѣ ночи раскачивалось съ морознымъ трескомъ огромное запорошенное снѣгомъ полотно плетня. Чаще и чаще трещали нижніе колья, и наконецъ плетень завалился вмѣстѣ съ солдатами, напиравшими на него. Послышался громкій грубо-радостный крикъ и хохотъ.

— Берись по-двое! рочагъ подавай сюда! вотъ такъ-то. Куда лѣзешь-то?

— Ну, разомъ... Да стой, ребята!.. Съ накрика!

Всѣ замолкли, и негромкій бархатно-пріятный голосъ запѣлъ пѣсню. Въ концѣ третьей строфы, въ разъ съ окончаніемъ послѣдняго звука, двадцать голосовъ дружно вскрикнули: «уууу! Идетъ! Разомъ! Навались, дѣтки!..» Но, несмотря на дружныя усилія, плетень мало тронулся, и въ установившемся молчаніи слышалось тяжелое пыхтѣнье.

— Эй вы, шестой роты! Черти, дьяволы! Подсоби... тоже мы пригодимся.

Шестой роты человѣкъ двадцать, шедшіе въ деревню, присоединились къ тащившимъ; и плетень, саженъ въ пять длины и въ сажень ширины, изогнувшись, надавя и рѣжа плечи пыхтѣвшихъ солдатъ, двинулся впередъ по улицѣ деревни.

— Иди, что ли... Падай, эка... Чего сталъ? То-то...

Веселыя, безобразныя ругательства не замолкали.

— Вы чего? — вдругъ послышался начальственный голосъ солдата, набѣжавшаго на несущихъ. — Господа тутъ; въ избѣ самъ анаралъ, а вы, черти, дьяволы, матершинники. Я васъ!— крикнулъ фельдфебель и съ размаха ударилъ въ спину перваго подвернувшагося солдата.—Развѣ тихо нельзя?

Солдаты замолкли. Солдатъ, котораго ударилъ фельдфебель, сталъ покряхтывая обтирать лицо, которое онъ въ кровь разодралъ, наткнувшись на плетень.

— Вишь, чортъ, дерется какъ! Ажъ всю морду раскровянилъ,—сказалъ онъ робкимъ голосомъ, когда отошелъ фельдфебель.

— Али не любишь?—сказалъ смѣющійся голосъ; и, умѣряя звуки голосовъ, солдаты пошли дальше.

Выбравшись за деревню, они опять заговорили такъ же громко, пересыпая разговоръ тѣми же безцѣльными ругательствами.

Въ избѣ, мимо которой проходили солдаты, собралось высшее начальство, и за чаемъ шелъ оживленный разговоръ о прошедшемъ днѣ и предполагаемыхъ маневрахъ будущаго. Предполагалось сдѣлать фланговый маршъ влѣво, отрѣзать вице-короля и захватить его.

Когда солдаты притащили плетень, уже съ разныхъ сторонъ разгорались костры кухонь. Трещали дрова, таялъ снѣгъ, и черныя тѣни солдатъ туда и сюда сновали по всему занятому, притоптанному въ снѣгу, пространству.

Топоры, тесаки работали со всѣхъ сторонъ. Все дѣлалось безъ всякаго приказанія. Тащились дрова про запасъ ночи, пригораживались шалашики начальству, варились котелки, справлялись ружья и амуниція.

Притащенный плетень осьмой ротой поставленъ полукругомъ со стороны сѣвера, подпертъ сошками, и передъ нимъ разложенъ костеръ. Пробили зорю, сдѣлали расчетъ, поужинали и размѣстились на ночь у костровъ—кто чиня обувь, кто куря трубку, кто, донага раздѣтый, выпаривая вшей.

VIII.

Казалось бы, что въ тѣхъ, почти невообразимо тяжелыхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ находились въ то время русскіе солдаты—безъ теплыхъ сапогъ, безъ полушубковъ, безъ крыши надъ головой, въ снѣгу при 18⁰ мороза, безъ полнаго даже количества провіанта, не всегда поспѣвавшаго за арміей,—казалось, солдаты должны бы были представлять самое печальное и унылое зрѣлище.

Напротивъ, никогда, въ самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, войско не представляло болѣе веселаго, оживленнаго зрѣлища. Это происходило отъ того, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать или слабѣть. Все, что было физически и нравственно слабаго, давно уже осталось назади: оставался одинъ цвѣтъ войска—по силѣ духа и тѣла.

Къ осьмой ротѣ, пригородившей плетень, собралось больше всего народа. Два фельдфебеля присѣли къ нимъ, и костеръ ихъ пылалъ ярче другихъ. Они требовали за право сидѣнья подъ плетнемъ приношенія дровъ.

— Эй, Макѣевъ, что жъ ты, ... , запропалъ, или тебя волки съѣли? Неси дровъ-то, — кричалъ одинъ красторожій, рыжій солдатъ, щурившійся и мигавшій отъ дыма, но не отодвигавшійся отъ огня. — Поди хоть ты, ворона, неси дровъ, — обратился этотъ солдатъ къ другому.

Рыжій былъ не унтеръ-офицеръ и не ефрейторъ, но былъ здоровый солдатъ, и потому повелѣвалъ тѣми, которые были слабѣе его. Худенькій, маленькій, съ вострымъ носикомъ солдатъ, котораго назвали вороной, покорно всталъ и пошелъ было исполнять приказаніе; но въ это время въ свѣтъ костра вступила уже тонкая красивая фигура молодого солдата, несшаго беремя дровъ.

— Давай сюда. Во важно-то!

Дрова наломали, надавили, поддули ртами и полами шинелей, и пламя зашипѣло и затрещало. Солдаты, придвинувшись, закурили трубки. Молодой, красивый солдатъ, который притащилъ дрова, подперся руками въ бока и сталъ быстро и ловко топотать озябшими ногами на мѣстѣ.

— Ахъ, маменька, холодная роса, да хороша, да въ мушкатера...—припѣвалъ онъ, какъ будто икая на каждомъ слогѣ пѣсни.

— Эй, подметки отлетятъ!—крикнулъ рыжій, замѣтивъ, что у плясуна болталась подметка.—Экой ядъ плясать.

Плясунъ остановился, оторвалъ болтавшуюся кожу и бросилъ въ огонь.

— И то, братъ,—сказалъ онъ и, сѣвъ, досталъ изъ ранца обрывокъ французскаго синяго сукна и сталъ обвертывать имъ ногу.—Съ пару зашлись,—прибавилъ онъ, вытягивая ноги къ огню.

— Скоро новые отпустятъ. Говорятъ, перебьемъ до конца, тогда всѣмъ по двойному товару.

— А вишь, сукинъ сынъ Петровъ, отсталъ-таки, — сказалъ фельдфебель.

— Я его давно замѣчалъ,—сказалъ другой.

— Да что, солдатенокъ...

— А въ третьей ротѣ, сказывали, за вчерашній день девять человѣкъ не досчитали.

— Да, вотъ суди, какъ ноги зазнобишь, куда пойдешь?

— Э, пустое болтать! — сказалъ фельдфебель.

— Али и тебѣ хочется того же?—сказалъ старый солдатъ, съ упрекомъ обращаясь къ тому, который сказалъ, что ноги зазнобилъ.

— А ты что же думаешь?—вдругъ, приподнявшись изъ-за костра, пискливымъ и дрожащимъ голосомъ заговорилъ востроносенькій солдатъ, котораго называли ворона.—Кто гладокъ, такъ похудаетъ; а худому смерть. Вотъ хоть бы я. Мочи моей нѣтъ,—сказалъ онъ вдругъ рѣшительно, обращаясь къ фельдфебелю:—вели въ госпиталь отослать; ломота одолѣла; а то все одно отстанешь...

— Ну буде, буде,—спокойно сказалъ фельдфебель.

Солдатикъ замолчалъ, и разговоръ продолжался.

— Нынче мало ли французовъ этихъ побрали; а сапогъ, прямо сказать, ни на одномъ настоящихъ нѣтъ,—такъ, одна названье,—началъ одинъ изъ солдатъ новый разговоръ.

— Все казаки поразули. Чистили для полковника избу, выносили ихъ. Жалости смотрѣть, ребята,—сказалъ плясунъ.—Разборочали ихъ; такъ живой одинъ, вѣришь ли, лопочетъ что-то, по-своему.

— А чистый народъ, ребята,—сказалъ первый.—Бѣлый, вотъ какъ береза бѣлый; и бравые есть, скажи, благородные.

— А ты думаешь какъ? У него отъ всѣхъ званій набраны.

— А ничего не знаютъ по-нашему, — съ улыбкой недоумѣнія сказалъ плясунъ.—Я ему говорю: «чьей короны?» а онъ свое лопочетъ. Чудесный народъ!

— Вѣдь то мудрено, братцы мои,—продолжалъ тотъ, который удивлялся ихъ бѣлизнѣ,—сказывали мужики подъ Можайскимъ, какъ стали убирать битыхъ, гдѣ страженья-то была, такъ вѣдь что, говоритъ? Почитай, мѣсяцъ лежали мертвые ихніе-то. Что жъ, говоритъ, лежитъ, говоритъ, ихній-то какъ бумага бѣлый, чистый, ни синь-пороха не пахнетъ.

— Что жъ, отъ холода, что ль?—спросилъ одинъ.

— Эка ты умный! Отъ холода! Жарко вѣдь было. Кабы отъ стужи, такъ и наши бы тоже не протухли. А то, говоритъ, подойдешь къ нашему, весь, говоритъ, прогнилъ въ червяхъ. Такъ, говоритъ, платками обвяжемся, да, отворотя морду, и тащимъ: мочи нѣтъ. А ихній, говоритъ, какъ бумага бѣлый; ни синь-пороха не пахнетъ.

Всѣ помолчали.

— Должно, отъ пищи,—сказалъ фельдфебель,—господскую пищу жрали.

Никто не возражалъ.

— Сказывалъ мужикъ-то этотъ подъ Можайскимъ, гдѣ страженья-то была, ихъ съ десяти деревень согнали, 20 дёнъ возили, не свозили всѣхъ, мертвыхъ-то. Волковъ этихъ что, говоритъ...

— Та страженья была настоящая, — сказавъ старый солдатъ: — только и было, чѣмъ помянуть; а то все, послѣ того... такъ только народу мученье.

— И то, дядюшка, позавчера набѣжали мы. Такъ куда те, до себя не допущаютъ. Живо ружья покидали. На колѣнки. Пардонъ, говоритъ. Такъ только примѣръ одинъ. Сказывали, самого Поліона-то Платовъ два раза бралъ. Слова не знаетъ. Возьметъ, возьметъ, вотъ на те, въ рукахъ,—перекинется птицей, улетитъ, да и улетитъ. И убить тоже нѣтъ положенья.

— Эка врать здоровъ ты, Киселевъ, посмотрю я на тебя.

— Какое врать, правда истинная.

— А кабы на мой обычай, я бы его, изловимши, да въ землю бы закопалъ. Да осиновымъ коломъ. А то что народу загубилъ.

— Все одно конецъ сдѣлаемъ, не будетъ ходить, — зѣвая, сказалъ старый солдатъ.

Разговоръ замолкъ, солдаты стали укладываться.

— Вишь звѣзды-то, страсть, такъ и говорятъ! Скажи, бабы холсты разложили, — сказалъ солдатъ, любуясь на млечный путь.

— Это, ребята, къ урожайному году.

— Дровецъ-то еще надо будетъ.

— Спину погрѣешь, а брюха замерзла. Вотъ чуда.

— О, Господи!

— Что толкаешься-то — про тебя одного огонь, что ли? Вишь... развалился.

Изъ-за устанавливающагося молчанія послышался храпъ нѣкоторыхъ заснувшихъ; остальные поворачивались и грѣлись, изрѣдка переговариваясь. Отъ дальняго, шаговъ за сто, костра послышался дружный, веселый хохотъ.

— Вишь, грохочетъ въ пятой ротѣ,—сказалъ одинъ солдатъ. — И народу что — страсть!

Одинъ солдатъ поднялся и пошелъ къ пятой ротѣ.

— То-то смѣху, — сказалъ онъ, возвращаясь. — Два хранцуза пристали. Одинъ мерзлый вовсе, а другой такой куражный, бяда! Пѣсни играетъ.

— О-о? пойти посмотрѣть...

Нѣсколько солдатъ направились къ пятой ротѣ.

IX.

Пятая рота стояла подлѣ самаго лѣса. Огромный костеръ ярко горѣлъ посреди снѣга, освѣщая отягченныя инеемъ вѣтви деревьевъ.

Въ серединѣ ночи солдаты пятой роты услыхали въ лѣсу шаги по снѣгу и хряскъ сучьевъ.

— Ребята, вѣдмедь, — сказалъ одинъ солдатъ.

Всѣ подняли головы, прислушались, и изъ лѣса въ яркій свѣтъ костра выступили двѣ держащіяся другъ за друга человѣческія, странно одѣтыя, фигуры.

Это были два прятавшіеся въ лѣсу француза. Хрипло говоря что-то на непонятномъ солдатамъ языкѣ, они подошли къ костру. Одинъ былъ повыше ростомъ въ офицерской шляпѣ и казался совсѣмъ ослабѣвшимъ. Подойдя къ костру, онъ хотѣлъ сѣсть, но упалъ на землю. Другой, маленькій, коренастый, обвязанный платкомъ по щекамъ солдатъ, былъ сильнѣе. Онъ поднялъ своего товарища и, указывая на свой ротъ, говорилъ что-то. Солдаты окружили французовъ, подстелили больному шинель и обоимъ принесли каши и водки.

Ослабѣвшій французскій офицеръ былъ Рамбаль; повязанный платкомъ былъ его денщикъ Морель.

Когда Морель выпилъ водки и доѣлъ котелокъ каши, онъ вдругъ болѣзненно развеселился и началъ, не переставая, говорить что-то непонимавшимъ его солдатамъ. Рамбаль отказывался отъ ѣды и молча лежалъ на локтѣ у костра, безсмысленными красными глазами глядя на русскихъ солдатъ. Изрѣдка онъ издавалъ протяжный стонъ и опять замолкалъ. Морель, показывая на плечи, внушалъ солдатамъ, что это былъ офицеръ и что его надо отогрѣть. Офицеръ русскій, подошедшій къ костру, послалъ спросить у полковника, не возьметъ ли онъ къ себѣ отогрѣть французскаго офицера; и когда вернулись и сказали, что полковникъ велѣлъ привести офицера, Рамбалю передали, чтобы онъ шелъ. Онъ всталъ и хотѣлъ идти, но пошатнулся и упалъ бы, если бы подлѣ стоящій солдатъ не поддержалъ его.

— Что? Не будешь? — насмѣшливо подмигнувъ, сказалъ одинъ солдатъ, обращаясь къ Рамбалю.

— Э, туракъ! Что врешь нескладно. То-то мужикъ; право, мужикъ, — послышались съ разныхъ сторонъ упреки пошутившему солдату.

Рамбаля окружили, подняли двое на руки, перехватившись ими, и понесли въ избу. Рамбаль обнялъ шеи солдатъ и, когда его понесли, жалобно заговорилъ:

— Oh mes braves; oh mes bons, mes bons amis! Voilà des hommes! oh mes braves, mes bons amis! [1]) — и, какъ ребенокъ, головой склонился на плечо одному солдату.

Между тѣмъ Морель сидѣлъ на лучшемъ мѣстѣ, окруженный солдатами.

Морель, маленькій, коренастый французъ, съ воспаленными, слезившимися глазами, обвязанный по-бабьи платкомъ сверхъ фуражки, былъ одѣтъ въ женскую шубёнку. Онъ, видимо захмелѣвъ, обнявши рукой солдата, сидѣвшаго подлѣ него, пѣлъ хриплымъ, прерывающимся голосомъ французскую пѣсню. Солдаты держались за бока, глядя на него.

— Ну-ка, ну-ка, научи, какъ? Я живо перейму. Какъ?...— говорилъ шутникъ-пѣсенникъ, котораго обнималъ Морель.

— Vive Henri quatre. Vive ce roi vaillant!—пропѣлъ Морель, подмигивая глазомъ. — Ce diable à quatre... [2]).

— Виварика! Вифъ серувару! сидябляка...—повторилъ солдатъ, взмахнувъ рукой и дѣйствительно уловивъ напѣвъ.

— Вишь ловко! Го-го-го-го-го!..—поднялся съ разныхъ сторонъ грубый, радостный хохотъ.

Морель, сморщившись, смѣялся тоже.

— Ну, валяй еще, еще!

Qui eut le triple talent,
De boire, de battre
Et d'être un vert galant... [3]).

— А вѣдь тоже складно. Ну, ну, Залетаевъ!..

— Кю...—съ усиліемъ выговорилъ Залетаевъ.—Кью-ю-ю...— вытянулъ онъ, старательно оттопыривъ губы,—летриптала де бу де ба и детравагала, — пропѣлъ онъ.

— Ай, важно! Вотъ такъ хранцузъ! ой... го-го-го-го. Что жъ, еще ѣсть хочешь?

— Дай ему каши-то; вѣдь не скоро наѣстся съ голоду-то.

Опять ему дали каши; и Морель, посмѣиваясь, принялся за третій котелокъ. Радостныя улыбки стояли на всѣхъ лицахъ молодыхъ солдатъ, смотрѣвшихъ на Мореля. Старые солдаты, считавшіе неприличнымъ заниматься такими пустяками, лежали съ

---

[1]) О молодцы! О мои добрые, добрые друзья. Вотъ люди! О мои храбрые, добрые друзья.

[2]) Да здравствуетъ Генрихъ IV! Да здравствуетъ сей храбрый король! и т. д. (французская пѣсня).

[3]) Имѣвшій тройную способность:
Пить, драться
И быть любезникомъ.

другой стороны костра, но изрѣдка, приподнимаясь на локтѣ, съ улыбкой взглядывали на Мореля.

— Тоже люди, — сказалъ одинъ изъ нихъ, уворачиваясь въ шинель. —— И полынь на своемъ кореню растетъ.

— Оо! Господи, Господи! Какъ звѣздно, страсть! Къ морозу...

И все затихло. Звѣзды, какъ будто зная, что теперь никто не увидитъ ихъ, разыгрались въ черномъ небѣ. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, онѣ хлопотливо о чемъ-то радостномъ, но таинственномъ перешептывались между собой.

X.

Войска французскія равномѣрно таяли въ математически-правильной прогрессіи. И тотъ переходъ черезъ Березину, про который такъ много было писано, была только одна изъ промежуточныхъ ступеней уничтоженія французской арміи, а вовсе не рѣшительный эпизодъ кампаніи. Ежели про Березину такъ много писали и пишутъ, то со стороны французовъ это произошло только потому, что на Березинскомъ прорванномъ мосту бѣдствія, претерпѣваемыя французской арміей, прежде равномѣрныя, здѣсь вдругъ сгруппировались въ одинъ моментъ—въ одно трагическое зрѣлище, которое у всѣхъ осталось въ памяти. Со стороны же русскихъ такъ много говорили и писали про Березину только потому, что вдали отъ театра войны, въ Петербургѣ, былъ составленъ планъ (Пфулемъ же) поимки въ стратегическую западню Наполеона на рѣкѣ Березинѣ. Всѣ увѣрились, что все будетъ на дѣлѣ точно такъ, какъ въ планѣ, и потому настаивали на томъ, что именно Березинская переправа погубила французовъ. Въ сущности же результаты Березинской переправы были гораздо менѣе гибельны для французовъ потерей орудій и плѣнныхъ, чѣмъ Красное, какъ то показываютъ цифры.

Единственное значеніе Березинской переправы заключается въ томъ, что эта переправа очевидно и несомнѣнно доказала ложность всѣхъ плановъ отрѣзыванья и справедливость единственно возможнаго, требуемаго и Кутузовымъ и всѣми войсками (массой) образа дѣйствій — только слѣдованія за непріятелемъ. Толпа французовъ бѣжала съ постоянно усиливающейся силой быстроты, со всей энергіей, направленной на достиженіе цѣли. Она бѣжала, какъ раненый звѣрь, и нельзя ей было стать на дорогѣ. Это доказало не столько устройство переправы, сколько движеніе на мостахъ. Когда мосты были прорваны, безоружные солдаты, московскіе жители, женщины съ дѣтьми, бывшія въ

обозѣ французовъ, все—подъ вліяніемъ силы инерціи — не сдавалось, а бѣжало впередъ, въ лодки, въ мерзлую воду.

Стремленіе это было разумно. Положеніе и бѣгущихъ и преслѣдующихъ было одинаково дурно. Оставаясь со своими, каждый въ бѣдствіи надѣялся на помощь товарища, на опредѣленное, занимаемое имъ мѣсто между своими. Отдавшись же русскимъ, онъ былъ въ томъ же положеніи бѣдствія, но становился на низшую ступень въ раздѣлѣ удовлетворенія потребностей жизни. Французамъ не нужно было имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что половина плѣнныхъ, съ которыми не знали, что дѣлать, несмотря на все желаніе русскихъ спасти ихъ, гибла отъ холода и голода; они чувствовали, что это не могло быть иначе. Самые жалостливые русскіе начальники и, охотники до французовъ, французы въ русской службѣ не могли ничего сдѣлать для плѣнныхъ. Французовъ губило бѣдствіе, въ которомъ находилось русское войско. Нельзя было отнять хлѣбъ и платье у голодныхъ, нужныхъ солдатъ, чтобы отдать не вреднымъ, не ненавидимымъ, не виноватымъ, но просто ненужнымъ французамъ. Нѣкоторые и дѣлали это; но это было только исключеніе.

Назади была вѣрная погибель; впереди была надежда. Корабли были сожжены; не было другого спасенія, кромѣ совокупнаго бѣгства; и на это совокупное бѣгство были устремлены всѣ силы французовъ.

Чѣмъ дальше бѣжали французы, чѣмъ жалче были ихъ остатки, въ особенности послѣ Березины, на которую, вслѣдствіе петербургскаго плана, возлагались особенныя надежды, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти русскихъ начальниковъ, обвинявшихъ другъ друга и въ особенности Кутузова. Полагая, что неудача березинскаго петербургскаго плана будетъ отнесена къ нему, недовольство имъ, презрѣніе къ нему и подтруниваніе надъ нимъ выражались сильнѣе и сильнѣе. Подтруниваніе и презрѣніе, само собой разумѣется, выражалось въ почтительной формѣ, въ той формѣ, въ которой Кутузовъ не могъ и спросить, въ чемъ и за что его обвиняютъ. Съ нимъ не говорили серьезно, докладывая ему и спрашивая его разрѣшенія, дѣлали видъ исполненія печальнаго обряда, а за спиной его подмигивали и на каждомъ шагу старались его обманывать.

Всѣми этими людьми, именно потому, что они не могли понимать его, было признано, что со старикомъ говорить нечего; что онъ никогда не пойметъ всего глубокомыслія ихъ плановъ; что онъ будетъ отвѣчать свои фразы (имъ казалось, что это только фразы) о золотомъ мостѣ, о томъ, что за границу нельзя придти съ толпой бродягъ, и т. п. Это все они уже слышали отъ

него. И все, что онъ говорилъ: напримѣръ, то, что надо подождать провіантъ, что люди безъ сапогъ, — все это было такъ просто; а все, что они предлагали, было такъ сложно и умно, что очевидно было для нихъ, что онъ былъ глупъ и старъ, а они были не властные, геніальные полководцы.

Въ особенности послѣ соединенія армій блестящаго адмирала и героя Петербурга Витгенштейна это настроеніе и штабная сплетня дошли до высшихъ предѣловъ. Кутузовъ видѣлъ это и, вздыхая, пожималъ только плечами. Только одинъ разъ послѣ Березины онъ разсердился и написалъ Бенигсену, доносившему отдѣльно государю, слѣдующее письмо:

«По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте, ваше высокопревосходительство, съ полученія сего, отправиться въ Калугу, гдѣ и ожидайте дальнѣйшаго повелѣнія и назначенія отъ Его Императорскаго Величества».

Но вслѣдъ за отсылкой Бенигсена къ арміи пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, дѣлавшій начало кампаніи и удаленный изъ арміи Кутузовымъ. Теперь великій князь, пріѣхавъ къ арміи, сообщилъ Кутузову о неудовольствіи государя императора за слабые успѣхи нашихъ войскъ и за медленность движенія. Государь императоръ самъ на-дняхъ намѣревался прибыть къ арміи.

Старый человѣкъ, столь же опытный въ придворномъ дѣлѣ, какъ и въ военномъ, тотъ Кутузовъ, который въ августѣ того же года былъ выбранъ главнокомандующимъ противъ воли государя, тотъ, который удалилъ наслѣдника и великаго князя изъ арміи, тотъ, который своею властью, въ противность волѣ государя, предписалъ оставленіе Москвы,—этотъ Кутузовъ теперь тотчасъ же понялъ, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него ужъ нѣтъ больше. И не по однимъ придворнымъ отношеніямъ онъ понялъ это. Съ одной стороны, онъ видѣлъ, что военное дѣло, то, въ которомъ онъ игралъ свою роль, кончено, и чувствовалъ, что его призваніе исполнено. Съ другой стороны, онъ въ то же самое время сталъ чувствовать физическую усталость въ своемъ старомъ тѣлѣ и необходимость физическаго отдыха.

XI.

29-го ноября Кутузовъ въѣхалъ въ Вильну — въ свою добрую Вильну, какъ онъ говорилъ. Два раза въ свою службу Кутузовъ былъ въ Вильнѣ губернаторомъ. Въ богатой, уцѣлѣвшей Вильнѣ, кромѣ удобствъ жизни, которыхъ такъ давно уже онъ

былъ лишенъ, Кутузовъ нашелъ старыхъ друзей и воспоминанія. И онъ, вдругъ отвернувшись отъ всѣхъ военныхъ и государственныхъ заботъ, погрузился въ ровную, привычную жизнь настолько, насколько ему давали покоя страсти, кипѣвшія вокругъ него, какъ будто все, что совершалось теперь и имѣло совершиться въ историческомъ мірѣ, нисколько его не касалось.

Чичаговъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ отрѣзывателей и опрокидывателей; Чичаговъ, который хотѣлъ сначала сдѣлать диверсію въ Грецію, а потомъ въ Варшаву, но никакъ не хотѣлъ идти туда, куда ему было велѣно; Чичаговъ, извѣстный своею смѣлостью рѣчи съ государемъ; Чичаговъ, считавшій Кутузова собою облагодѣтельствованнымъ, потому что, когда онъ былъ посланъ въ 11-мъ году для заключенія мира съ Турціей, помимо Кутузова, онъ, убѣдившись, что миръ уже заключенъ, призналъ передъ государемъ, что заслуга заключенія мира принадлежитъ Кутузову, — этотъ-то Чичаговъ первый встрѣтилъ Кутузова въ Вильнѣ у за̀мка, въ которомъ долженъ былъ остановиться Кутузовъ. Чичаговъ въ флотскомъ вицмундирѣ, съ кортикомъ, держа фуражку подъ мышкой, подалъ Кутузову строевой рапортъ и ключи отъ города. То презрительно-почтительное отношеніе молодежи къ выжившему изъ ума старику выражалось въ высшей степени во всемъ обращеніи Чичагова, знавшаго уже обвиненія, взводимыя на Кутузова.

Разговаривая съ Чичаговымъ, Кутузовъ между прочимъ сказалъ ему, что отбитые у него въ Борисовѣ экипажи съ посудою цѣлы и будутъ возвращены ему.

— C'est pour me dire que je n'ai pas sur quoi manger... Je puis au contraire vous fournir de tout dans le cas même oú vous voudriez donner des dîners [1]), — вспыхнувъ проговорилъ Чичаговъ, каждымъ словомъ своимъ желавшій доказать свою правоту и потому предполагавшій, что и Кутузовъ былъ озабоченъ этимъ самымъ.

Кутузовъ улыбнулся своей тонкой, проницательной улыбкой и, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «ce n'est que pour vous dire ce que je vous dis» [2]).

Въ Вильнѣ Кутузовъ, въ противность волѣ государя, остановилъ бо̀льшую часть войскъ. Кутузовъ, какъ говорили его приближенные, необыкновенно опустился и физически ослабѣлъ въ это свое пребываніе въ Вильнѣ. Онъ неохотно занимался

---

[1]) Вы хотите мнѣ сказать, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, могу вамъ служить всѣмъ, даже если бы вы захотѣли давать обѣды.

[2]) Я хочу сказать то, что говорю, не болѣе.

дѣлами по арміи, предоставлялъ все своимъ генераламъ и, ожидая государя, предавался разсѣянной жизни.

Выѣхавъ съ своей свитой—графомъ Толстымъ; княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ и другими — 7 декабря изъ Петербурга, государь 11-го декабря пріѣхалъ въ Вильну и въ дорожныхъ саняхъ прямо подъѣхалъ къ зàмку. У зàмка, несмотря на сильный морозъ, стояло человѣкъ сто генераловъ и штабныхъ офицеровъ въ полной парадной формѣ и почетный караулъ Семеновскаго полка.

Курьеръ, подскакавшій къ зàмку на потной тройкѣ впереди государя, прокричалъ: «ѣдетъ!» Коновницынъ бросился въ сѣни доложить Кутузову, дожидавшемуся въ маленькой швейцарской комнаткѣ.

Черезъ минуту толстая большая фигура старика, въ полной парадной формѣ, со всѣми регаліями, покрывавшими грудь, и подтянутымъ шарфомъ брюхомъ, перекачиваясь, вышла на крыльцо. Кутузовъ надѣлъ шляпу по фронту, взялъ въ руки перчатки и бочкомъ, съ трудомъ переступая внизъ ступеней, сошелъ съ нихъ и взялъ въ руку приготовленный для подачи государю рапортъ.

Бѣготня, шопотъ, еще отчаянно пролетѣвшая тройка, — и всѣ глаза устремились на подскакивающія сани, въ которыхъ уже видны были фигуры государя и Волконскаго.

Все это по 50-тилѣтней привычкѣ физически тревожно подѣйствовало на стараго генерала; онъ озабоченно-торопливо ощупалъ себя, поправилъ шляпу и вразъ, въ ту минуту, какъ государь, выйдя изъ саней, поднялъ къ нему глаза, подбодрившись и вытянувшись, подалъ рапортъ и сталъ говорить своимъ мѣрнымъ, заискивающимъ голосомъ.

Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова съ головы до ногъ, на мгновеніе нахмурился, но тотчасъ же, преодолѣвъ себя, подошелъ и, разставивъ руки, обнялъ стараго генерала. Опять, по старому привычному впечатлѣнію и по отношенію къ задушевной мысли его, объятіе это, какъ и обыкновенно, подѣйствовало на Кутузова: онъ всхлипнулъ.

Государь поздоровался съ офицерами, съ Семеновскимъ карауломъ и, пожавъ еще разъ за руку старика, пошелъ съ нимъ въ зàмокъ.

Оставшись наединѣ съ фельдмаршаломъ, государь высказалъ ему свое неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о

будущемъ походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни возраженій, ни замѣчаній. То самое покорное и безсмысленное выраженіе, съ которымъ онъ семь лѣтъ тому назадъ выслушивалъ приказанія государя на Аустерлицкомъ полѣ, установилось теперь на его лицѣ.

Когда Кутузовъ вышелъ изъ кабинета и своей тяжелой, ныряющей походкой, опустивъ голову, пошелъ по залѣ, чей-то голосъ остановилъ его.

— Ваша свѣтлость, — сказалъ кто-то.

Кутузовъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ въ глаза графу Толстому, который, съ какой-то маленькой вещицей на серебряномъ блюдѣ, стоялъ передъ нимъ. Кутузовъ, казалось, не понималъ, чего отъ него хотѣли.

Вдругъ онъ какъ будто вспомнилъ; чуть замѣтная улыбка мелькнула на его пухломъ лицѣ, и онъ, низко, почтительно наклонившись, взялъ предметъ, лежавшій на блюдѣ. Это былъ Георгій 1-й степени.

XII.

На другой день были у фельдмаршала обѣдъ и балъ, которые государь удостоилъ своимъ присутствіемъ. Кутузову пожалованъ Георгій 1-й степени; государь оказывалъ ему высочайшія почести; но неудовольствіе государя противъ фельдмаршала было извѣстно каждому. Соблюдалось приличіе, и государь показывалъ первый примѣръ этого; но всѣ знали, что старикъ виноватъ и никуда не годится. Когда на балѣ Кутузовъ, по старой Екатерининской привычкѣ, при входѣ государя въ бальную залу велѣлъ къ ногамъ его повергнуть взятыя знамена, государь непріятно поморщился и проговорилъ слова, въ которыхъ нѣкоторые слышали: «старый комедіантъ».

Неудовольствіе государя противъ Кутузова усилилось въ Вильнѣ въ особенности потому, что Кутузовъ, очевидно, не хотѣлъ или не могъ понимать значеніе предстоящей кампаніи.

Когда на другой день утромъ государь сказалъ собравшимся у него офицерамъ: «вы спасли не одну Россію, — вы спасли Европу», всѣ уже тогда поняли, что война не кончена.

Одинъ Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ свое мнѣніе о томъ, что новая война не можетъ улучшить положеніе и увеличить славу Россіи, а только можетъ ухудшить ея положеніе и уменьшить ту высшую степень славы, на которой, по его мнѣнію, теперь стояла Россія. Онъ старался

доказать государю невозможность набранія новыхъ войскъ; говорилъ о тяжеломъ положеніи населеній, о возможности неудачъ и т. п.

При такомъ настроеніи фельдмаршалъ естественно представлялся только помѣхой и тормозомъ предстоящей войны.

Для избѣжанія столкновеній со старикомъ самъ собою нашелся выходъ, состоящій въ томъ, чтобы, какъ въ Аустерлицѣ и какъ въ началѣ кампаніи при Барклаѣ, вынуть изъ-подъ главнокомандующаго, не тревожа его, не объявляя ему о томъ, ту почву власти, на которой онъ стоялъ, и перенести ее къ самому государю.

Съ этою цѣлью понемногу переформировался штабъ, и вся существенная сила штаба Кутузова была уничтожена и перенесена къ государю. Толь, Коновницынъ, Ермоловъ получили другія назначенія. Всѣ громко говорили, что фельдмаршалъ сталъ очень слабъ и разстроенъ здоровьемъ.

Ему надо было быть слабымъ здоровьемъ для того, чтобы передать свое мѣсто тому, кто заступалъ его. И дѣйствительно, здоровье его было слабо.

Какъ естественно, и просто, и постепенно явился Кутузовъ изъ Турціи въ казенную палату Петербурга собирать ополченіе и потомъ въ армію, именно тогда, когда онъ былъ необходимъ, точно такъ же естественно, постепенно и просто теперь, когда роль Кутузова была сыграна, на мѣсто его явился новый, требовавшійся дѣятель.

Война 1812-го года, кромѣ своего дорогого русскому сердцу народнаго значенія, должна была имѣть другое—европейское.

Движенію народовъ съ запада на востокъ должно было послѣдовать движеніе народовъ съ востока на западъ, и для этой новой войны нуженъ былъ новый дѣятель, имѣющій другіе, чѣмъ Кутузовъ, свойства, взгляды, движимый другими побужденіями.

Александръ Первый для движенія народовъ съ востока на западъ и для возстановленія границъ народовъ былъ такъ же необходимъ, какъ необходимъ былъ Кутузовъ для спасенія и славы Россіи.

Кутузовъ не понималъ того, что значило: Европа, равновѣсіе, Наполеонъ. Онъ не могъ понимать этого. Представителю русскаго народа послѣ того, какъ врагъ былъ уничтоженъ, Россія освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человѣку, какъ русскому, дѣлать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кромѣ смерти. И онъ умеръ.

XIII.

Пьеръ, какъ это бо̀льшею частью бываетъ, почувствовалъ всю тяжесть физическихъ лишеній и напряженій, испытанныхъ въ плѣну, только тогда, когда эти напряженія и лишенія кончились. Послѣ своего освобожденія изъ плѣна онъ пріѣхалъ въ Орелъ и на третій день своего пріѣзда, въ то время, какъ онъ собрался въ Кіевъ, заболѣлъ и пролежалъ въ Орлѣ три мѣсяца; съ нимъ сдѣлалась, какъ говорили доктора, желчная горячка. Несмотря на то, что доктора лѣчили его, пускали кровь и давали пить лѣкарства, онъ все-таки выздоровѣлъ.

Все, что̀ было съ Пьеромъ со времени освобожденія и до болѣзни, не оставило въ немъ почти никакого впечатлѣнія. Онъ помнилъ только сѣрую, мрачную, то дождливую, то снѣжную погоду, внутреннюю физическую тоску, боль въ ногахъ, въ боку; помнилъ общее впечатлѣніе несчастій, страданій людей; помнилъ тревожившее его любопытство офицеровъ, генераловъ, разспрашивавшихъ его; свои хлопоты о томъ, чтобы найти экипажъ и лошадей, и, главное, помнилъ свою неспособность мысли и чувства въ то время. Въ день своего освобожденія онъ видѣлъ трупъ Пети Ростова. Въ тотъ же день онъ узналъ, что князь Андрей былъ живъ болѣе мѣсяца послѣ Бородинскаго сраженія и только недавно умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же день Денисовъ, сообщившій эту новость Пьеру, между разговоромъ упомянулъ о смерти Эленъ, предполагая, что Пьеру это уже давно извѣстно. Все это Пьеру казалось тогда только странно. Онъ чувствовалъ, что не можетъ понять значенія всѣхъ этихъ извѣстій. Онъ тогда торопился только поскорѣе уѣхать изъ этихъ мѣстъ, гдѣ люди убивали другъ друга, въ какое-нибудь тихое убѣжище и тамъ опомниться, отдохнуть и обдумать все то странное и новое, что онъ узналъ за это время. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Орелъ, онъ заболѣлъ. Проснувшись отъ своей болѣзни, Пьеръ увидалъ вокругъ себя своихъ двухъ людей, пріѣхавшихъ изъ Москвы, — Терентія и Ваську, и старшую княжну, которая, живя въ Ельцѣ, въ имѣніи Пьера, и, узнавъ о его освобожденіи и болѣзни, пріѣхала къ нему, чтобы ходить за нимъ.

Во время своего выздоровленія Пьеръ только понемногу отвыкалъ отъ сдѣлавшихся привычными ему впечатлѣній послѣднихъ мѣсяцевъ и привыкалъ къ тому, что его никто никуда не погонитъ завтра, что теплую постель его никто не отниметъ и что у него навѣрное будетъ обѣдъ, и чай, и ужинъ. Но во снѣ онъ еще долго видѣлъ себя все въ тѣхъ же условіяхъ плѣна.

Такъ же понемногу Пьеръ понималъ тѣ новости, которыя онъ узналъ послѣ своего выхода изъ плѣна: смерть князя Андрея, смерть жены, уничтоженіе французовъ.

Радостное чувство свободы—той полной, неотъемлемой, присущей человѣку свободы, сознаніе которой онъ въ первый разъ испыталъ на первомъ привалѣ, при выходѣ изъ Москвы—наполняло душу Пьера во время его выздоровленія. Онъ удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая отъ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, теперь какъ будто съ излишкомъ, съ роскошью обставлялась и внѣшней свободой. Онъ былъ одинъ въ чужомъ городѣ, безъ знакомыхъ. Никто отъ него ничего не требовалъ; никуда его не посылали. Все, что ему хотѣлось, было у него; вѣчно мучившей его прежде мысли о женѣ больше не было, такъ какъ и ея уже не было.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ славно! — говорилъ онъ себѣ, когда ему подвигали чисто накрытый столъ съ душистымъ бульономъ, или когда онъ на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены и французовъ нѣтъ больше. — Ахъ, какъ хорошо, какъ славно!

И по старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросъ: «Ну, а потомъ что? что я буду дѣлать?» И тотчасъ же онъ отвѣчалъ себѣ: «Ничего. Буду жить. Ахъ, какъ славно!»

То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье.

Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру, — не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога. И вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что́ ему давно ужъ говорила нянюшка: что Богъ—вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ туда куда-то, поверхъ

головъ окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой.

Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то, и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное. Онъ вооружался умственной зрительной трубой и смотрѣлъ въ даль, туда, гдѣ это мелкое, житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ оттого только, что оно было неясно видимо. Такимъ ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философія, филантропія. Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своею слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безсмысленное. Теперь же онъ выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ, и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ. Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки страшный вопросъ: зачѣмъ? теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ — зачѣмъ? — въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка.

XIV.

Пьеръ почти не измѣнился въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ. На видъ онъ былъ точно такимъ же, какимъ онъ былъ прежде. Такъ же, какъ и прежде, онъ былъ разсѣянъ и казался занятымъ не тѣмъ, что̀ было передъ глазами, а чѣмъ-то своимъ, особеннымъ. Разница между прежнимъ и теперешнимъ его состояніемъ состояла въ томъ, что прежде, когда онъ забывалъ то, что̀ было передъ нимъ, то, что̀ ему говорили, онъ, страдальчески сморщивши лобъ, какъ будто пытался и не могъ разглядѣть чего-то, далеко отстоящаго отъ него. Теперь онъ также забывалъ то, что ему говорили, и то, что было передъ нимъ; но теперь съ чуть замѣтной, какъ будто насмѣшливой, улыбкой онъ всматривался въ то самое, что было передъ нимъ, вслушивался въ то, что ему говорили, хотя, очевидно, видѣлъ и слышалъ что-то совсѣмъ другое. Прежде онъ казался хотя и добрымъ человѣкомъ, но несчастнымъ; и потому невольно люди

отдалялись отъ него. Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта, и въ глазахъ его свѣтилось участіе къ людямъ, вопросъ: довольны ли они такъ же, какъ и онъ? И людямъ пріятно было въ его присутствіи.

Прежде онъ много говорилъ, горячился, когда говорилъ, и мало слушалъ; теперь онъ рѣдко увлекался разговоромъ и умѣлъ слушать такъ, что люди охотно высказывали ему свои самыя задушевныя тайны.

Княжна, никогда не любившая Пьера и питавшая къ нему особенно враждебное чувство съ тѣхъ поръ, какъ послѣ смерти стараго графа она чувствовала себя обязанной Пьеру, къ досадѣ и удивленію своему, послѣ короткаго пребыванія въ Орлѣ, куда она пріѣхала съ намѣреніемъ доказать Пьеру, что, несмотря на его неблагодарность, она считаетъ долгомъ ходить за нимъ,—княжна скоро почувствовала, что она его любитъ. Пьеръ ничѣмъ не заискивалъ расположенія княжны. Онъ только съ любопытствомъ разсматривалъ ее. Прежде княжна чувствовала, что въ его взглядѣ на нее были равнодушіе и насмѣшка, и она, какъ и передъ другими людьми, сжималась передъ нимъ и выставляла только свою боевую сторону жизни; теперь, напротивъ, она чувствовала, что онъ какъ будто докапывался до самыхъ задушевныхъ сторонъ ея жизни; и она сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ благодарностью выказывала ему затаенныя добрыя стороны своего характера.

Самый хитрый человѣкъ не могъ бы искуснѣе вкрасться въ довѣріе княжны, вызывая ея воспоминанія лучшаго времени молодости и выказывая къ нимъ сочувствіе. А между тѣмъ вся хитрость Пьера состояла только въ томъ, что онъ искалъ своего удовольствія, вызывая въ озлобленной, сухой и по-своему гордой княжнѣ человѣческія чувства.

— Да, онъ очень, очень добрый человѣкъ, когда находится подъ вліяніемъ не дурныхъ людей, а такихъ людей, какъ я,— говорила себѣ княжна.

Перемѣна, происшедшая въ Пьерѣ, была замѣчена по-своему и его слугами—Терентіемъ и Васькой. Они находили, что онъ много попростѣлъ. Терентій часто, раздѣвъ барина, съ сапогами и платьемъ въ рукѣ, пожелавъ покойной ночи, медлилъ уходить, ожидая, не вступитъ ли баринъ въ разговоръ. И большею частью Пьеръ останавливалъ Терентія, замѣчая, что ему хочется поговорить.

— Ну, такъ скажи мнѣ... да какъ же вы доставали себѣ ѣду? — спрашивалъ онъ.

И Терентій начиналъ разсказъ о московскомъ разореніи, о покойномъ графѣ и долго стоялъ съ платьемъ, разсказывая, а иногда слушая разсказы Пьера, и съ пріятнымъ сознаніемъ близости къ себѣ барина и дружелюбія къ нему уходилъ въ переднюю.

Докторъ, лѣчившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, несмотря на то, что, по обязанности докторовъ, считалъ своимъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая минута котораго драгоцѣнна для страждущаго человѣчества, засиживался часами у Пьера, разсказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ нравами больныхъ вообще и въ особенности дамъ.

— Да, вотъ съ такимъ человѣкомъ поговорить пріятно; не то, что у насъ въ провинціи, — говорилъ онъ.

Въ Орлѣ жило нѣсколько плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, и докторъ привелъ одного изъ нихъ, молодого итальянскаго офицера.

Офицеръ этотъ сталъ ходить къ Пьеру, и княжна смѣялась надъ тѣми нѣжными чувствами, которыя выражалъ итальянецъ къ Пьеру.

Итальянецъ видимо былъ счастливъ только тогда, когда онъ могъ приходить къ Пьеру и разговаривать и разсказывать ему про свое прошедшее, про свою домашнюю жизнь, про свою любовь и изливать ему свое негодованіе на французовъ и въ особенности на Наполеона.

— Ежели всѣ русскіе хоть немного похожи на васъ,—говорилъ онъ Пьеру,—c'est un sacrilège que de faire la guerre à un peuple comme le vôtre[1]). Вы, пострадавшіе столько отъ французовъ, вы даже злобы не имѣете противъ нихъ.

И страстную любовь итальянца Пьеръ теперь заслужилъ только тѣмъ, что онъ вызывалъ въ немъ лучшія стороны его души и любовался ими.

Послѣднее время пребыванія Пьера въ Орлѣ къ нему пріѣхалъ его старый знакомый масонъ—графъ Вилларскій,—тотъ самый, который вводилъ его въ ложу въ 1807 году. Вилларскій былъ женатъ на богатой русской, имѣвшей большія имѣнія въ Орловской губерніи, и занималъ въ городѣ временное мѣсто по продовольственной части.

Узнавъ, что Безуховъ въ Орлѣ, Вилларскій, хотя и никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ, пріѣхалъ къ нему съ тѣми заявленіями дружбы и близости, которыя выражаютъ обыкно-

---

[1]) Это кощунство воевать съ такимъ народомъ, какъ вы.

венно другъ другу люди, встрѣчаясь въ пустынѣ. Вилларскій скучалъ въ Орлѣ и былъ счастливъ, встрѣтивъ человѣка одного съ собой круга и съ одинаковыми, какъ онъ полагалъ, интересами.

Но, къ удивленію своему, Вилларскій замѣтилъ скоро, что Пьеръ очень отсталъ отъ настоящей жизни и впалъ, какъ онъ самъ съ собою опредѣлялъ Пьера, въ апатію и эгоизмъ.

— Vous vous encroutez, mon cher [1]),—говорилъ онъ ему.

Несмотря на то, Вилларскому было теперь пріятнѣе съ Пьеромъ, чѣмъ прежде, и онъ каждый день бывалъ у него. Пьеру же, глядя на Вилларскаго и слушая его теперь, странно и невѣроятно было думать, что онъ самъ очень недавно былъ такой же.

Вилларскій былъ женатый, семейный человѣкъ, занятый и дѣлами имѣнія жены, и службой, и семьей. Онъ считалъ, что всѣ эти занятія суть помѣха въ жизни и что всѣ они презрѣнны, потому что имѣютъ цѣлью личное благо его и семьи. Военныя, административныя, политическія, масонскія соображенія постоянно поглощали его вниманіе. И Пьеръ, не стараясь измѣнить его взглядъ, не осуждая его, съ своей, теперь постоянно тихой, радостной насмѣшкой, любовался на это странное, столь знакомое ему явленіе.

Въ отношеніяхъ своихъ съ Вилларскимъ, съ княжной, съ докторомъ, со всѣми людьми, съ которыми онъ встрѣчался теперь, въ Пьерѣ была новая черта, заслуживавшая ему расположеніе всѣхъ людей: это—признаніе возможности каждаго человѣка думать, чувствовать и смотрѣть на вещи по-своему; признаніе невозможности словами разубѣдить человѣка. Эта законная особенность каждаго человѣка, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участія и интереса, которые онъ принималъ въ людяхъ. Различіе, иногда совершенное противорѣчіе взглядовъ людей съ своею жизнью и между собою радовало Пьера и вызывало въ немъ насмѣшливую и кроткую улыбку.

Въ практическихъ дѣлахъ Пьеръ неожиданно теперь почувствовалъ, что у него былъ центръ тяжести, котораго не было прежде. Прежде каждый денежный вопросъ, въ особенности просьбы о деньгахъ, которымъ онъ, какъ очень богатый человѣкъ, подвергался очень часто, приводили его въ безвыходныя волненія и недоумѣнія. «Дать или не дать?» спрашивалъ онъ себя. «У меня есть, а ему нужно. Но другому еще нужнѣе.

---

[1]) Вы запускаетесь, мой милый.

Кому нужнѣе? А можетъ-быть, оба обманщики?» И изъ всѣхъ этихъ предположеній онъ прежде не находилъ никакого выхода и давалъ всѣмъ, пока было что̀ давать. Точно въ такомъ же недоумѣніи онъ находился прежде при каждомъ вопросѣ, касающемся его состоянія, когда одинъ говорилъ, что надо поступить какъ, а другой — иначе.

Теперь, къ удивленію своему, онъ нашелъ, что во всѣхъ этихъ вопросахъ не было болѣе сомнѣній и недоумѣній. Въ немъ теперь явился судья, по какимъ-то неизвѣстнымъ ему самому законамъ рѣшавшій, что̀ было нужно и чего не нужно дѣлать.

Онъ былъ такъ же, какъ прежде, равнодушенъ къ денежнымъ дѣламъ; но теперь онъ несомнѣнно зналъ, что̀ должно сдѣлать и чего не должно. Первымъ приложеніемъ этого новаго судьи была для него просьба плѣннаго французскаго полковника, пришедшаго къ нему, много разсказывавшаго о своихъ подвигахъ и подъ конецъ заявившаго почти требованіе о томъ, чтобы Пьеръ далъ ему 4.000 франковъ для отсылки женѣ и дѣтямъ. Пьеръ безъ малѣйшаго труда и напряженія отказалъ ему, удивляясь впослѣдствіи, какъ было просто и легко то, что прежде казалось неразрѣшимо труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же, отказывая полковнику, онъ рѣшилъ, что необходимо употребить хитрость для того, чтобы, уѣзжая изъ Орла, заставить итальянскаго офицера взять денегъ, въ которыхъ онъ видимо нуждался. Новымъ доказательствомъ для Пьера его утвердившагося взгляда на практическія дѣла было его рѣшеніе вопроса о долгахъ жены и о возобновленіи или невозобновленіи московскихъ домовъ и дачъ.

Въ Орелъ пріѣзжалъ къ нему главный управляющій, и съ нимъ Пьеръ сдѣлалъ общій счетъ своихъ измѣнившихся доходовъ. Пожаръ Москвы стоилъ Пьеру, по учету главноуправляющаго, около двухъ милліоновъ.

Главноуправляющій, въ утѣшеніе этихъ потерь, представилъ Пьеру расчетъ о томъ, что, несмотря на эти потери, доходы его не только не уменьшатся, но увеличатся, если онъ откажется отъ уплаты долговъ, оставшихся послѣ графини, къ чему онъ не можетъ быть обязанъ, и если онъ не будетъ возобновлять московскихъ домовъ и подмосковной, которые стоили ежегодно 80 тысячъ и ничего не приносили.

— Да, да, это правда,—сказалъ Пьеръ, весело улыбаясь.— Да, да, мнѣ ничего этого не нужно. Я отъ разоренія сталъ гораздо богаче.

Но въ январѣ пріѣхалъ Савельичъ изъ Москвы, разсказалъ про положеніе Москвы, про смѣту, которую ему сдѣлалъ архитекторъ для возобновленія дома и подмосковной, говоря про это, какъ про дѣло рѣшенное. Въ это же время Пьеръ получилъ письма отъ князя Василія и другихъ знакомыхъ изъ Петербурга. Въ письмахъ говорилось о долгахъ жены. И Пьеръ рѣшилъ, что столь понравившійся ему планъ управляющаго былъ невѣренъ и что ему надо ѣхать въ Петербургъ покончить дѣла жены и строиться въ Москвѣ. Зачѣмъ было это надо, онъ не зналъ, но онъ зналъ несомнѣнно, что это надо. Доходы его вслѣдствіе этого рѣшенія уменьшались на три четверти. Но это было надо; онъ это чувствовалъ.

Вилларскій ѣхалъ въ Москву, и они условились ѣхать вмѣстѣ.

Пьеръ испытывалъ во все время своего выздоровленія въ Орлѣ чувство радости, свободы, жизни; но когда онъ во время своего путешествія очутился на вольномъ свѣтѣ, увидалъ сотни новыхъ лицъ, чувство это еще болѣе усилилось. Онъ все время путешествія испытывалъ радость школьника на вакаціи. Всѣ лица: ямщикъ, смотритель, мужики на дорогѣ или въ деревнѣ, — всѣ имѣли для него новый смыслъ. Присутствіе и замѣчанія Вилларскаго, постоянно жаловавшагося на бѣдность, отсталость отъ Европы, невѣжество Россіи, только возвышали радость Пьера. Тамъ, гдѣ Вилларскій видѣлъ мертвенность, Пьеръ видѣлъ необычайно могучую силу жизненности, ту силу, которая въ снѣгу на этомъ пространствѣ поддерживала жизнь этого цѣлаго, особеннаго и единаго народа. Онъ не противорѣчилъ Вилларскому и, какъ будто соглашаясь съ нимъ такъ какъ притворное согласіе было кратчайшее средство обойти разсужденія, изъ которыхъ ничего не могло выйти), радостно улыбался, слушая его.

XV.

Такъ же, какъ трудно объяснить, для чего, куда спѣшатъ муравьи изъ раскиданной кучки, одни прочь изъ кучки, таща соринки, яйца и мертвыя тѣла, другіе — назадъ въ кучку; для чего они сталкиваются, догоняютъ другъ друга, дерутся,—такъ же трудно было бы объяснить причины, заставлявшія русскихъ людей послѣ выхода французовъ толпиться въ томъ мѣстѣ, которое прежде называлось Москвою. Но такъ же, какъ, глядя на разсыпанныхъ вокругъ разоренной кучки муравьевъ, несмотря на полное уничтоженіе кучки, видно, по цѣпкости, энергіи, по безчисленности копошащихся насѣкомыхъ, что разорено все,

кромѣ чего-то неразрушимаго, невещественнаго, составляющаго всю силу кучки,—такъ же и Москва въ октябрѣ мѣсяцѣ, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святыни, ни богатствъ, ни домовъ, была тою же Москвою, какою была въ августѣ. Все было разрушено, кромѣ чего-то невещественнаго, но могущественнаго и неразрушимаго.

Побужденія людей, стремящихся со всѣхъ сторонъ въ Москву послѣ ея очищенія отъ врага, были самыя разнообразныя, личныя и въ первое время большею частью — дикія, животныя. Одно только побужденіе было общее всѣмъ — это стремленіе туда, въ то мѣсто, которое прежде называлось Москвой, для приложенія тамъ своей дѣятельности.

Черезъ недѣлю въ Москвѣ уже было 15 тысячъ жителей, черезъ двѣ было 25 тысячъ и т. д. Все возвышаясь и возвышаясь, число это къ осени 1813 г. дошло до цифры, превосходящей населеніе 12-го года.

Первые русскіе люди, которые вступили въ Москву, были казаки отряда Винценгероде, мужики изъ сосѣднихъ деревень и бѣжавшіе изъ Москвы и скрывавшіеся въ ея окрестностяхъ жители. Вступившіе въ разоренную Москву русскіе, заставъ ее разграбленною, стали тоже грабить. Они продолжали то, что дѣлали французы. Обозы мужиковъ пріѣзжали въ Москву съ тѣмъ, чтобы увозить по деревнямъ все, что было брошено по разореннымъ московскимъ домамъ и улицамъ. Казаки увозили, что̀ могли, въ свои ставки; хозяева домовъ забирали все то, что они находили въ другихъ домахъ, и переносили къ себѣ подъ предлогомъ, что это была ихъ собственность.

Но за первыми грабителями пріѣзжали другіе, третьи, и грабежъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ увеличенія грабителей, становился труднѣе и труднѣе и принималъ болѣе опредѣленныя формы.

Французы застали Москву хотя и пустою, но со всѣми формами органически правильно жившаго города, съ его различными отправленіями торговли, ремеслъ, роскоши, государственнаго управленія, религіи. Формы эти были безжизненны, но онѣ еще существовали. Были ряды, лавки, магазины, лабазы, базары,—большинство съ товарами; были фабрики, ремесленныя заведенія; были дворцы, богатые дома, наполненные предметами роскоши; были больницы, остроги, присутственныя мѣста, церкви, соборы. Чѣмъ долѣе оставались французы, тѣмъ болѣе уничтожались эти формы городской жизни, и подъ конецъ все слилось въ одно нераздѣльное, безжизненное поле грабежа.

Грабежъ французовъ, чѣмъ больше онъ продолжался, тѣмъ больше разрушалъ богатства Москвы и силы грабителей. Грабежъ русскихъ, съ котораго началось занятіе русскими столицы, чѣмъ дольше онъ продолжался, чѣмъ больше было въ немъ участниковъ, тѣмъ быстрѣе возстановлялъ онъ богатство Москвы и правильную жизнь города.

Кромѣ грабителей, народъ самый разнообразный, влекомый кто любопытствомъ, кто долгомъ службы, кто расчетомъ,—домовладѣльцы, духовенство, высшіе и низшіе чиновники, торговцы, ремесленники, мужики, — съ разныхъ сторонъ, какъ кровь къ сердцу, приливалъ къ Москвѣ.

Черезъ недѣлю уже мужики, пріѣзжавшіе съ пустыми подводами для того, чтобы увозить вещи, были останавливаемы начальствомъ и принуждаемы къ тому, чтобы вывозить мертвыя тѣла изъ города. Другіе мужики, прослышавъ про неудачу товарищей, пріѣзжали въ городъ съ хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, сбивая цѣну другъ другу до цѣны ниже прежней. Артели плотниковъ, надѣясь на дорогіе заработки, каждый день входили въ Москву, и со всѣхъ сторонъ рубились новые и чинились старые, погорѣлые дома. Купцы въ балаганахъ открывали торговлю. Харчевни, постоялые дворы устраивались въ обгорѣлыхъ домахъ. Духовенство возобновило службы во многихъ непогорѣвшихъ церквахъ. Жертвователи приносили разграбленныя церковныя вещи. Чиновники прилаживали свои столы съ сукномъ и шкафы съ бумагами въ маленькихъ комнатахъ. Высшее начальство и полиція распоряжались раздачею оставшагося послѣ французовъ добра. Хозяева тѣхъ домовъ, въ которыхъ было много оставлено свезенныхъ изъ другихъ домовъ вещей, жаловались на несправедливость своза всѣхъ вещей въ Грановитую палату; другіе настаивали на томъ, что французы изъ разныхъ домовъ свезли вещи въ одно мѣсто, и оттого несправедливо отдавать хозяину дома тѣ вещи, которыя у него найдены. Бранили полицію; подкупали ее; писали вдесятеро смѣты на погорѣвшія казенныя вещи; требовали вспомоществованій. Графъ Растопчинъ писалъ свои прокламаціи.

XVI.

Въ концѣ января Пьеръ пріѣхалъ въ Москву и помѣстился въ уцѣлѣвшемъ флигелѣ. Онъ съѣздилъ къ графу Растопчину, къ нѣкоторымъ знакомымъ, вернувшимся въ Москву, и собирался на третій день ѣхать въ Петербургъ. Всѣ торжествовали побѣду; все кипѣло жизнью въ разоренной и оживающей

столицѣ. Пьеру всѣ были рады; всѣ желали видѣть его и всѣ разспрашивали его про то, что онъ видѣлъ. Пьеръ чувствовалъ себя особенно дружелюбно расположеннымъ ко всѣмъ людямъ, которыхъ онъ встрѣчалъ; но невольно теперь онъ держалъ себя со всѣми людьми настороже, такъ, чтобы не связать себя чѣмъ-нибудь. Онъ на всѣ вопросы, которые ему дѣлали, — важные или самые ничтожные, — спрашивали ли у него: гдѣ онъ будетъ жить? будетъ ли онъ строиться? когда онъ ѣдетъ въ Петербургъ и возьмется ли свезти ящичекъ? онъ отвѣчалъ: да, можетъ-быть, я думаю, и т. д.

О Ростовыхъ онъ слышалъ, что они въ Костромѣ, и мысль о Наташѣ рѣдко приходила ему. Ежели она и приходила, то только какъ пріятное воспоминаніе давно прошедшаго. Онъ чувствовалъ себя не только свободнымъ отъ житейскихъ условій, но и отъ этого чувства, которое онъ, какъ ему казалось, умышленно напустилъ на себя.

На третій день своего пріѣзда въ Москву онъ узналъ отъ Друбецкихъ, что княжна Марья въ Москвѣ. Смерть, страданія, послѣдніе дни князя Андрея часто занимали Пьера и теперь, съ новою живостью, пришли ему въ голову. Узнавъ за обѣдомъ, что княжна Марья въ Москвѣ и живетъ въ своемъ несгорѣвшемъ домѣ на Воздвиженкѣ, онъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ ней.

Дорогой къ княжнѣ Марьѣ Пьеръ не переставая думалъ о князѣ Андреѣ, о своей дружбѣ съ нимъ, о различныхъ съ нимъ встрѣчахъ и въ особенности о послѣдней въ Бородинѣ.

«Неужели онъ умеръ въ томъ злобномъ настроеніи, въ которомъ онъ былъ тогда? Неужели не открылось ему передъ смертью объясненіе жизни?» думалъ Пьеръ. Онъ вспомнилъ о Каратаевѣ, о его смерти, и невольно сталъ сравнивать этихъ двухъ людей, столь различныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь похожихъ по любви, которую онъ имѣлъ къ обоимъ, и по тому, что оба жили и оба умерли.

Въ самомъ серьезномъ расположеніи духа Пьеръ подъѣхалъ къ дому стараго князя. Домъ этотъ уцѣлѣлъ. Въ немъ видны были слѣды разрушенія, но характеръ дома былъ тотъ же. Встрѣтившій Пьера старый официантъ съ строгимъ лицомъ, какъ будто желая дать почувствовать гостю, что отсутствіе князя не нарушаетъ порядка дома, сказалъ, что княжна изволила пройти въ свои комнаты и принимаетъ по воскресеньямъ.

— Доложи; можетъ-быть, примутъ, — сказалъ Пьеръ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ официантъ, — пожалуйте въ портретную.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Пьеру вышли офиціантъ и Десаль. Десаль отъ имени княжны передалъ Пьеру, что она очень рада видѣть его и проситъ, если онъ извинитъ ее за безцеремонность, взойти наверхъ, въ ея комнаты.

Въ невысокой комнаткѣ, освѣщенной одной свѣчой, сидѣла княжна и еще кто-то съ ней, въ черномъ платьѣ. Пьеръ помнилъ, что при княжнѣ всегда были компаньонки, но кто такія и какія онѣ, эти компаньонки, Пьеръ не зналъ и не помнилъ. «Это одна изъ компаньонокъ», подумалъ онъ, взглянувъ на даму въ черномъ платьѣ.

Княжна быстро встала ему навстрѣчу и протянула руку.

— Да,—сказала она, всматриваясь въ его измѣнившееся лицо, послѣ того, какъ онъ поцѣловалъ ея руку,—вотъ какъ мы съ вами встрѣчаемся. Онъ и послѣднее время часто говорилъ про васъ,—сказала она, переводя свои глаза съ Пьера на компаньонку съ застѣнчивостью, которая на мгновеніе поразила Пьера.

— Я такъ была рада, узнавъ о вашемъ спасеніи. Это было единственное радостное извѣстіе, которое мы получили съ давняго времени.

Опять еще безпокойнѣе княжна оглянулась на компаньонку и хотѣла что-то сказать; но Пьеръ перебилъ ее.

— Вы можете себѣ представить, что я ничего не зналъ про него, — сказалъ онъ. — Я считалъ его убитымъ. Все, что я узналъ, я узналъ отъ другихъ, черезъ третьи руки. Я знаю только, что онъ попалъ къ Ростовымъ... Какая судьба!

Пьеръ говорилъ быстро, оживленно. Онъ взглянулъ разъ на лицо компаньонки, увидавъ внимательно ласковый взглядъ, устремленный на него, и, какъ это часто бываетъ во время разговора, онъ почему-то почувствовалъ, что эта компаньонка въ черномъ платьѣ — милое, доброе, славное существо, которое не помѣшаетъ его задушевному разговору съ княжной Марьей.

Но когда онъ сказалъ послѣднія слова о Ростовыхъ, замѣшательство въ лицѣ княжны Марьи выразилось еще сильнѣе. Она опять перебѣжала глазами съ лица Пьера на лицо дамы въ черномъ платьѣ и сказала:

— Вы не узнаете развѣ?

Пьеръ взглянулъ еще разъ на блѣдное, тонкое, съ черными глазами и страннымъ ртомъ лицо компаньонки. Что-то родное, давно забытое и больше чѣмъ милое смотрѣло на него изъ этихъ внимательныхъ глазъ.

«Но нѣтъ, не можетъ быть», думалъ онъ. «Это строгое, худое и блѣдное, постарѣвшее лицо! Это не можетъ быть она. Это только воспоминаніе того». Но въ это время княжна Марья сказала: «Наташа». И лицо съ внимательными глазами съ трудомъ, съ усиліемъ, какъ отворяется заржавѣвшая дверь, улыбнулось, и изъ этой растворенной двери вдругъ пахнуло и обдало Пьера тѣмъ давно забытымъ счастьемъ, о которомъ, въ особенности теперь, онъ не думалъ. Пахнуло, охватило и поглотило его всего. Когда она улыбнулась, уже не могло быть сомнѣній: это была Наташа, и онъ любилъ ее.

Въ первую же минуту Пьеръ невольно и ей, и княжнѣ Марьѣ, и, главное, самому себѣ сказалъ неизвѣстную ему самому тайну. Онъ покраснѣлъ радостно и страдальчески-болѣзненно. Онъ хотѣлъ скрыть свое волненіе. Но чѣмъ больше онъ хотѣлъ скрыть его, тѣмъ яснѣе, — яснѣе, чѣмъ самыми опредѣленными словами, — онъ себѣ, и ей, и княжнѣ Марьѣ говорилъ, что онъ любитъ ее.

«Нѣтъ, это такъ, отъ неожиданности», подумалъ Пьеръ. Но только что онъ хотѣлъ продолжать начатый разговоръ съ княжной Марьей, онъ опять взглянулъ на Наташу, и еще сильнѣйшая краска покрыла его лицо, и еще сильнѣйшее волненіе радости и страха охватило его душу. Онъ запутался въ словахъ и остановился на серединѣ рѣчи.

Пьеръ не замѣтилъ Наташи, потому что онъ никакъ не ожидалъ видѣть ее тутъ, но онъ не узналъ ея потому, что происшедшая въ ней съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ ея, перемѣна была огромна. Она похудѣла и поблѣднѣла. Но не это дѣлало ее неузнаваемой: ее нельзя было узнать въ первую минуту, какъ онъ вошелъ, потому, что на этомъ лицѣ, въ глазахъ котораго прежде всегда свѣтилась затаенная улыбка радости жизни, теперь, когда онъ вошелъ и въ первый разъ взглянулъ на нее, не было и тѣни улыбки; были одни глаза — внимательные, добрые и печально-вопросительные.

Смущеніе Пьера не отразилось на Наташѣ смущеніемъ, но только удовольствіемъ, чуть замѣтно освѣтившимъ все ея лицо.

XVII.

— Она пріѣхала гостить ко мнѣ, — сказала княжна Марья. — Графъ и графиня будутъ на-дняхъ. Графиня въ ужасномъ положеніи. Но Наташѣ самой нужно было видѣть доктора. Ее насильно отослали со мной.

— Да, есть ли семья безъ своего горя?—сказалъ Пьеръ, обращаясь къ Наташѣ.—Вы знаете, что это было въ тотъ самый день, какъ насъ освободили. Я видѣлъ его. Какой былъ прелестный мальчикъ!

Наташа смотрѣла на него, и въ отвѣтъ на его слова только больше открылись и засвѣтились ея глаза.

— Что можно сказать или подумать въ утѣшеніе?—сказалъ Пьеръ.—Ничего. Зачѣмъ было умирать такому славному, полному жизни мальчику?

— Да, въ наше время трудно жить бы было безъ вѣры...—сказала княжна Марья.

— Да, да. Вотъ это истинная правда,—поспѣшно перебилъ Пьеръ.

— Отчего?—спросила Наташа, внимательно глядя въ глаза Пьеру.

— Какъ отчего?—сказала княжна Марья.—Одна мысль о томъ, что ждетъ тамъ...

Наташа, не дослушавъ княжны Марьи, опять вопросительно поглядѣла на Пьера.

— И оттого,—продолжалъ Пьеръ,—что только тотъ человѣкъ, который вѣритъ въ то, что есть Богъ, управляющій нами, можетъ перенести такую потерю, какъ ея и... ваша,—сказалъ Пьеръ.

Наташа раскрыла уже ротъ, желая сказать что-то, но вдругъ остановилась. Пьеръ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и обратился къ княжнѣ Марьѣ съ вопросомъ о послѣднихъ дняхъ жизни своего друга.

Смущеніе Пьера теперь почти исчезло; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что исчезла вся его прежняя свобода. Онъ чувствовалъ, что надъ каждымъ его словомъ, дѣйствіемъ теперь есть судья, судъ, который дороже ему суда всѣхъ людей въ мірѣ. Онъ говорилъ теперь и вмѣстѣ съ своими словами соображалъ то впечатлѣніе, которое производили его слова на Наташу. Онъ не говорилъ нарочно того, что бы могло понравиться ей; но что бы онъ ни говорилъ, онъ съ ея точки зрѣнія судилъ себя.

Княжна Марья неохотно, какъ это всегда бываетъ, начала разсказывать про то положеніе, въ которомъ она застала князя Андрея. Но вопросы Пьера, его оживленно безпокойный взглядъ, дрожащее отъ волненія лицо понемногу заставили ее вдаться въ подробности, которыя она боялась для самой себя возобновлять въ воображеніи.

— Да, да, такъ, такъ...—говорилъ Пьеръ, нагнувшись впередъ всѣмъ тѣломъ надъ княжной Марьей и жадно вслушиваясь въ ея разсказъ.—Да, да; такъ онъ успокоился? смягчился? Онъ такъ всѣми силами души всегда искалъ одного: быть вполнѣ хорошимъ, что онъ не могъ бояться смерти. Недостатки, которые были въ немъ — если они были — происходили не отъ него. Такъ онъ смягчился? — говорилъ Пьеръ. — Какое счастье, что онъ свидѣлся съ вами, — сказалъ онъ Наташѣ, вдругъ обращаясь къ ней и глядя на нее полными слезъ глазами.

Лицо Наташи вздрогнуло. Она нахмурилась и на мгновеніе опустила глаза. Съ минуту она колебалась: говорить или не говорить.

— Да, это было счастье, — сказала она тихимъ груднымъ голосомъ, — для меня навѣрное это было счастье. — Она помолчала. — И онъ... онъ... онъ говорилъ, что онъ желалъ этого въ ту минуту, какъ я пришла къ нему..

Голосъ Наташи оборвался. Она покраснѣла, сжала руки на колѣнкахъ и вдругъ, видимо сдѣлавъ усиліе надъ собой, подняла голову и быстро начала говорить.

— Мы ничего не знали, когда ѣхали изъ Москвы. Я не смѣла спросить про него. И вдругъ Соня сказала мнѣ, что онъ съ нами. Я ничего не думала, не могла представить себѣ, въ какомъ онъ положеніи; мнѣ только надо было видѣть его, быть съ нимъ, — говорила она, дрожа и задыхаясь.

И, не давая перебивать себя, она разсказала то, что она еще никогда никому не разсказывала: все то, что она пережила въ тѣ три недѣли ихъ путешествія и жизни въ Ярославлѣ.

Пьеръ слушалъ ее съ раскрытымъ ртомъ и не спуская съ нея своихъ глазъ, полныхъ слезами. Слушая ее, онъ не думалъ ни о князѣ Андреѣ, ни о смерти, ни о томъ, что она разсказывала. Онъ слушалъ ее и только жалѣлъ ее за то страданіе, которое она испытывала теперь, разсказывая.

Княжна, сморщившись отъ желанія удержать слезы, сидѣла подлѣ Наташи и слушала въ первый разъ исторію этихъ послѣднихъ дней любви своего брата и Наташи.

Этотъ мучительный и радостный разсказъ, видимо, былъ необходимъ для Наташи.

Она говорила, перемѣшивая ничтожнѣйшія подробности съ задушевными тайнами, и, казалось, никогда не могла кончить. Нѣсколько разъ она повторяла то же самое.

За дверью послышался голосъ Десаля, спрашивавшаго, можно ли Николушкѣ войти проститься.

— Да вотъ и все, все...—сказала Наташа.

Она быстро встала въ то время, какъ входилъ Николушка, и почти побѣжала къ двери, стукнулась головой о дверь, прикрытую портьерой, и со стономъ не то боли, не то печали вырвалась изъ комнаты.

Пьеръ посмотрѣлъ на дверь, въ которую она вышла, и не понималъ, отчего онъ вдругъ одинъ остался во всемъ мірѣ.

Княжна Марья вызвала его изъ разсѣянности, обративъ его вниманіе на племянника, который вошелъ въ комнату.

Лицо Николушки, похожее на отца, въ минуту душевнаго размягченія, въ которомъ Пьеръ теперь находился, такъ на него подѣйствовало, что онъ, поцѣловавъ Николушку, поспѣшно всталъ и, доставъ платокъ, отошелъ къ окну. Онъ хотѣлъ проститься съ княжной Марьей, но она удержала его.

— Нѣтъ, мы съ Наташей не спимъ иногда до третьяго часа; пожалуйста, посидите. Я велю дать ужинать. Подите внизъ, мы сейчасъ придемъ.

Прежде, чѣмъ Пьеръ вышелъ, княжна сказала ему:
— Это въ первый разъ она такъ говорила о немъ.

XVIII.

Пьера провели въ освѣщенную большую столовую; черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, и княжна съ Наташей вошли въ комнату. Наташа была спокойна, хотя строгое, безъ улыбки, выраженіе теперь опять установилось на ея лицѣ. Княжна Марья, Наташа и Пьеръ одинаково испытывали то чувство неловкости, которое слѣдуетъ обыкновенно за оконченнымъ серьезнымъ и душевнымъ разговоромъ. Продолжать прежній разговоръ невозможно, говорить о пустякахъ совѣстно, а молчать непріятно, потому что хочется говорить, а этимъ молчаніемъ какъ будто притворяешься. Они молча подошли къ столу. Офиціанты отодвинули и придвинули стулья. Пьеръ развернулъ холодную салфетку и, рѣшившись прервать молчаніе, взглянулъ на Наташу и княжну Марью. Обѣ, очевидно, въ то же время рѣшились на то же: у обѣихъ въ глазахъ свѣтилось довольство жизнью и признаніе того, что, кромѣ горя, есть и радости.

— Вы пьете водку, графъ?—сказала княжна Марья, и эти слова вдругъ разогнали тѣни прошедшаго.—Разскажите же про себя,—сказала княжна Марья,—про васъ разсказываютъ такія невѣроятныя чудеса.

— Да,—съ своей, теперь привычной, улыбкой кроткой насмѣшки отвѣчалъ Пьеръ. — Мнѣ самому даже разсказываютъ такія чудеса, какихъ я и во снѣ не видѣлъ. Марья Абрамовна приглашала меня къ себѣ и все разсказывала мнѣ, что со мной случилось или должно было случиться. Степанъ Степанычъ тоже научилъ меня, какъ мнѣ надо разсказывать. Вообще я замѣтилъ, что быть интереснымъ человѣкомъ очень покойно (я теперь интересный человѣкъ): меня зовутъ и мнѣ разсказываютъ.

Наташа улыбнулась и хотѣла что-то сказать.

— Намъ разсказывали,—перебила ее княжна Марья,—что вы въ Москвѣ потеряли два милліона. Правда это?

— А я сталъ втрое богаче, — сказалъ Пьеръ.

Пьеръ, несмотря на то, что долги жены и необходимость построекъ измѣнили его дѣла, продолжалъ разсказывать, что онъ сталъ втрое богаче.

— Что̀ я выигралъ несомнѣнно,—сказалъ онъ,—такъ это свободу...—началъ онъ было серьезно; но раздумалъ продолжать, замѣтивъ, что̀ это былъ слишкомъ эгоистическій предметъ разговора.

— А вы строитесь?

— Да, Савельичъ велитъ.

— Скажите, вы не знали еще о кончинѣ графини, когда остались въ Москвѣ—сказала княжна Марья и тотчасъ же покраснѣла, замѣтивъ, что, дѣлая этотъ вопросъ вслѣдъ за его словами о томъ, что онъ свободенъ, она приписываетъ его словамъ такое значеніе, котораго они, можетъ быть, не имѣли.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Пьеръ, не найдя, очевидно, неловкимъ то толкованіе, которое дала княжна Марья его упоминанію о своей свободѣ.—Я узналъ это въ Орлѣ, и вы не можете себѣ вообразить, какъ меня это поразило. Мы не были примѣрные супруги,—сказалъ онъ быстро, взглянувъ на Наташу и замѣтивъ въ лицѣ ея любопытство о томъ, какъ онъ отзовется о своей женѣ. — Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человѣка ссорятся, всегда оба виноваты. И своя вина дѣлается вдругъ страшно тяжела передъ человѣкомъ, котораго уже нѣтъ больше. И потомъ, такая смерть... безъ друзей, безъ утѣшенія. Мнѣ очень, очень жаль ее, — кончилъ онъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ радостное одобреніе на лицѣ Наташи.

— Да, вотъ вы опять холостякъ и женихъ, — сказала княжна Марья.

Пьеръ вдругъ багрово покраснѣлъ и долго старался не смотрѣть на Наташу. Когда онъ рѣшился взглянуть на нее,

лицо ея было холодно, строго и даже презрительно, какъ ему показалось.

— Но вы точно видѣли и говорили съ Наполеономъ, какъ намъ разсказывали? — сказала княжна Марья.

Пьеръ засмѣялся.

— Ни разу, никогда. Всегда всѣмъ кажется, что быть въ плѣну — значитъ быть въ гостяхъ у Наполеона. Я не только не видалъ его, но и не слыхалъ о немъ. Я былъ въ гораздо худшемъ обществѣ.

Ужинъ кончался, и Пьеръ, сначала отказывавшійся отъ разсказа о своемъ плѣнѣ, понемногу вовлекся въ этотъ разсказъ.

— Но вѣдь правда, что вы остались, чтобъ убить Наполеона?—спросила его Наташа, слегка улыбаясь.—Я тогда догадалась, когда мы васъ встрѣтили у Сухаревой башни; помните?

Пьеръ признался, что это была правда, и съ этого вопроса понемногу, руководимый вопросами княжны Марьи и въ особенности Наташи, вовлекся въ подробный разсказъ о своихъ похожденіяхъ.

Сначала онъ разсказывалъ съ тѣмъ насмѣшливымъ, кроткимъ взглядомъ, который онъ имѣлъ теперь на людей и въ особенности на самого себя; но потомъ, когда онъ дошелъ до разсказа объ ужасахъ и страданіяхъ, которые онъ видѣлъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся и сталъ говорить со сдержаннымъ волненіемъ человѣка, въ воспоминаніи переживающаго сильныя впечатлѣнія.

Княжна Марья съ кроткой улыбкой смотрѣла то на Пьера, то на Наташу. Она во всемъ этомъ разсказѣ видѣла только Пьера и его доброту. Наташа, облокотившись на руку, съ постоянно измѣняющимся вмѣстѣ съ разсказомъ выраженіемъ лица, слѣдила, ни на минуту не отрываясь, за Пьеромъ, видимо переживая съ нимъ вмѣстѣ то, что онъ разсказывалъ. Не только ея взглядъ, но восклицанія и короткіе вопросы, которые она дѣлала, показывали Пьеру, что изъ того, что онъ разсказывалъ, она понимала именно то, что онъ хотѣлъ передать. Видно было, что она понимала не только то, что онъ разсказывалъ, но и то, что онъ хотѣлъ бы, но не могъ выразить словами. Про эпизодъ свой съ ребенкомъ и женщиной, за защиту которыхъ онъ былъ взятъ, Пьеръ разсказалъ такимъ образомъ: «Это было ужасное зрѣлище, дѣти брошены, нѣкоторыя въ огнѣ... При мнѣ вытащили ребенка... Женщины, съ которыхъ стаскивали вещи, вырывали серьги...» Пьеръ покраснѣлъ и замялся.

— Тутъ пріѣхалъ разъѣздъ и всѣхъ тѣхъ, которые не грабили, всѣхъ мужчинъ забрали. И меня.

— Вы, вѣрно, не все разсказываете; вы, вѣрно, сдѣлали что-нибудь...—сказала Наташа и помолчала,—хорошее.

Пьеръ продолжалъ разсказывать дальше. Когда онъ разсказывалъ про казнь, онъ хотѣлъ обойти страшныя подробности; но Наташа требовала, чтобы онъ ничего не пропускалъ.

Пьеръ началъ было разсказывать про Каратаева (онъ уже всталъ изъ-за стола и ходилъ, Наташа слѣдила за нимъ глазами) и остановился.

— Нѣтъ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка—дурачка.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите,—сказала Наташа.—Онъ гдѣ же?

— Его убили, почти при мнѣ.

И Пьеръ сталъ разсказывать послѣднее время ихъ отступленія, болѣзнь Каратаева (голосъ его дрожалъ безпрестанно) и его смерть.

Пьеръ разсказывалъ свои похожденія такъ, какъ онъ никогда еще не вспоминалъ ихъ. Онъ видѣлъ теперь какъ будто новое значеніе во всемъ томъ, что онъ пережилъ. Теперь, когда онъ разсказывалъ все это Наташѣ, онъ испытывалъ то рѣдкое наслажденіе, которое даютъ женщины, слушая мужчину,—не *умныя* женщины, которыя, слушая, стараются или запомнить, что имъ говорятъ, для того, чтобы обогатить свой умъ и, при случаѣ, пересказать то же или, при случаѣ, приладить разсказываемое къ своему и сообщить поскорѣе свои умныя рѣчи, выработанныя въ своемъ маленькомъ умственномъ хозяйствѣ; а то наслажденіе, которое даютъ настоящія женщины, одаренныя способностью выбиранія и всасыванія въ себя всего лучшаго, что только есть въ проявленіяхъ мужчины. Наташа, сама не зная этого, была вся вниманіе: она не упускала ни слова, ни колебанія голоса, ни взгляда, ни вздрагиванія мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще невысказанное слово и прямо вносила въ свое раскрытое сердце, угадывая тайный смыслъ всей душевной работы Пьера.

Княжна Марья понимала разсказъ, сочувствовала ему, но она теперь видѣла другое, что поглощало все ея вниманіе: она видѣла возможность любви и счастья между Наташей и Пьеромъ. И въ первый разъ пришедшая ей эта мысль наполняла ея душу радостью.

Было три часа ночи. Офиціанты, съ грустными, строгими лицами, приходили перемѣнять свѣчи, но никто не замѣчалъ ихъ.

Пьеръ кончилъ свой разсказъ. Наташа блестящими, оживленными глазами продолжала упорно и внимательно глядѣть на Пьера, какъ будто желая понять еще то остальное, что онъ не высказалъ, можетъ-быть. Пьеръ въ стыдливомъ и счастливомъ смущенiи изрѣдка взглядывалъ на нее и придумывалъ, что сказать теперь, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ. Княжна Марья молчала. Никому въ голову не приходило, что три часа ночи и что пора спать.

— Говорятъ: несчастья, страданiя, — сказалъ Пьеръ. — Да ежели бы сейчасъ, сiю минуту мнѣ сказали: хочешь оставаться, чѣмъ ты былъ до плѣна, или съ начала пережить все это, — ради Бога, еще разъ плѣнъ и лошадиное мясо. Мы думаемъ, что, какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало; а тутъ только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много. Это я вамъ говорю, — сказалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ.

— Да, да, — сказала она, отвѣчая на совсѣмъ другое, — и я ничего бы не желала, какъ только пережить все сначала.

Пьеръ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Да, и больше ничего! — подтвердила Наташа.

— Неправда, неправда, — закричалъ Пьеръ. — Я не виноватъ, что я живъ и хочу жить; и вы тоже.

Вдругъ Наташа опустила голову на руки и заплакала.

— Что ты, Наташа? — сказала княжна Марья.

— Ничего, ничего. — Она улыбнулась сквозь слезы Пьеру. — Прощайте, пора спать.

Пьеръ всталъ и простился.

Княжна Марья и Наташа, какъ и всегда, сошлись въ спальнѣ. Онѣ поговорили о томъ, что разсказывалъ Пьеръ. Княжна Марья не говорила своего мнѣнiя о Пьерѣ. Наташа тоже не говорила о немъ.

— Ну, прощай, Мари, — сказала Наташа. — Знаешь, я часто боюсь, что мы не говоримъ о немъ (князѣ Андреѣ), какъ будто мы боимся унизить наше чувство, и забываемъ.

Княжна Марья тяжело вздохнула и этимъ вздохомъ признала справедливость словъ Наташи; но словами она не согласилась съ ней.

— Развѣ можно забыть? — сказала она.

— Мнѣ такъ хорошо было нынче разсказать все; и тяжело, и больно, и хорошо. Очень хорошо, — сказала Наташа. — Я увѣрена, что онъ точно любилъ его. Отъ этого я разсказала ему... Ничего, что я разсказала ему? — вдругъ, покраснѣвъ, спросила она.

— Пьеру? О нѣтъ! Какой онъ прекрасный,—сказала княжна Марья.

— Знаешь, Мари,—вдругъ сказала Наташа, съ шаловливой улыбкой, которой давно не видала княжна Марья на ея лицѣ.— Онъ сдѣлался какой-то чистый, гладкій, свѣжій, точно изъ бани; ты понимаешь?—морально изъ бани. Правда?

— Да,—сказала княжна Марья.—Онъ много выигралъ.

— И сюртучокъ коротенькій и стриженые волосы; точно, ну точно изъ бани... папа, бывало...

— Я понимаю, что *онъ* (князь Андрей) никого такъ не любилъ, какъ его,—сказала княжна Марья.

— Да, и онъ особенный отъ него. Говорятъ, что дружны мужчины, когда совсѣмъ особенные. Должно-быть, это правда. Правда, онъ совсѣмъ на него не похожъ, ничѣмъ?

— Да, и чудесный.

— Ну, прощай,—отвѣчала Наташа.

И та же шаловливая улыбка, какъ бы забывшись, долго оставалась на ея лицѣ.

XIX.

Пьеръ долго не могъ заснуть въ этотъ день; онъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, то нахмурившись, вдумываясь во что-то трудное, то вдругъ пожимая плечами и вздрагивая, то счастливо улыбаясь.

Онъ думалъ о князѣ Андреѣ, о Наташѣ, о ихъ любви; и то ревновалъ ее къ прошедшему, то упрекалъ, то прощалъ себя за это. Было уже шесть часовъ утра, а онъ все ходилъ по комнатѣ.

— Ну, что жъ дѣлать; ужъ если нельзя безъ этого? Что жъ дѣлать?!Значитъ, такъ надо,—сказалъ онъ себѣ и, поспѣшно раздѣвшись, легъ въ постель, счастливый и взволнованный, но безъ сомнѣній и нерѣшительностей.

«Надо, какъ ни странно, какъ ни невозможно это счастье, надо сдѣлать все для того, чтобы быть съ ней мужемъ и женой», сказалъ онъ себѣ.

Пьеръ еще за нѣсколько дней передъ этимъ назначилъ въ пятницу день своего отъѣзда въ Петербургъ. Когда онъ проснулся въ четвергъ, Савельичъ пришелъ къ нему за приказаніями объ укладкѣ вещей въ дорогу.

«Какъ въ Петербургъ? Что такое Петербургъ? Кто въ Петербургѣ?» невольно, хотя и про себя, спросилъ онъ. «Да, что-то такое давно, еще прежде, чѣмъ это случилось, я зачѣмъ-то со-

бирался въ Петербургъ», вспомнилъ онъ. «Отчего же? я и поѣду, можетъ-быть. Какой онъ добрый, внимательный, какъ все помнитъ!» подумалъ онъ, глядя на старое лицо Савельича. «И какая улыбка пріятная!» подумалъ онъ.

— Что жъ, все не хочешь на волю, Савельичъ?—спросилъ Пьеръ.

— Зачѣмъ мнѣ, ваше сіятельство, воля? При покойномъ графѣ, царство небесное, жили и при васъ обиды не видали.

— Ну, а дѣти?

— И дѣти проживутъ, ваше сіятельство; за такими господами жить можно.

— Ну, а наслѣдники мои?—сказалъ Пьеръ.—Вдругъ я женюсь... Вѣдь можетъ случиться,—прибавилъ онъ съ невольной улыбкой.

— И осмѣливаюсь доложить: хорошее дѣло, ваше сіятельство.

«Какъ, онъ думаетъ, это легко», подумалъ Пьеръ. «Онъ не знаетъ, какъ это страшно, какъ опасно. Слишкомъ рано или слишкомъ поздно... Страшно!»

— Какъ же изволите приказать? Завтра изволите ѣхать?—спросилъ Савельичъ.

— Нѣтъ; я немножко отложу. Я тогда скажу. Ты меня извини за хлопоты,—сказалъ Пьеръ и, глядя на улыбку Савельича, подумалъ: «Какъ странно однако, что онъ не знаетъ, что теперь нѣтъ никакого Петербурга и что прежде всего надо, чтобы рѣшилось то. Впрочемъ, онъ, вѣрно, знаетъ, но только притворяется. Поговорить съ нимъ? Какъ онъ думаетъ?» подумалъ Пьеръ. «Нѣтъ, послѣ когда-нибудь».

За завтракомъ Пьеръ сообщилъ княжнѣ, что онъ былъ вчера у княжны Марьи и засталъ тамъ, можете себѣ представить, кого? Наташу Ростову.

Княжна сдѣлала видъ, что она въ этомъ извѣстіи не видитъ ничего болѣе необыкновеннаго, какъ въ томъ, что Пьеръ видѣлъ Анну Семеновну.

— Вы ее знаете?—спросилъ Пьеръ.

— Я видѣла княжну,—отвѣчала она.—Я слышала, что ее сватали за молодого Ростова. Это было бы очень хорошо для Ростовыхъ; говорятъ, они совсѣмъ разорились.

— Нѣтъ, Ростову вы знаете?

— Слышала тогда только про эту исторію. Очень жалко.

«Нѣтъ, она не понимаетъ или притворяется», подумалъ Пьеръ. «Лучше тоже не говорить ей».

Княжна также приготовила провизію на дорогу Пьеру.

«Какъ они добры всѣ», думалъ Пьеръ, «что они теперь, когда ужъ навѣрное имъ это не можетъ быть болѣе интересно, занимаются всѣмъ этимъ. И все для меня; вотъ что удивительно».

Въ этотъ же день къ Пьеру пріѣхалъ полицмейстеръ съ предложеніемъ прислать довѣреннаго въ Грановитую палату для пріема вещей, раздаваемыхъ нынче владѣльцамъ.

«Вотъ и этотъ тоже», думалъ Пьеръ, глядя въ лицо полицмейстера: «какой славный, красивый офицеръ и какъ добръ! *Теперь* занимается такими пустяками. А еще говорятъ, что онъ нечестенъ и пользуется. Какой вздоръ! А впрочемъ, отчего же ему и не пользоваться? Онъ такъ и воспитанъ. И всѣ такъ дѣлаютъ. А такое пріятное, доброе лицо, и улыбается, глядя на меня».

Пьеръ поѣхалъ обѣдать къ княжнѣ Марьѣ.

Проѣзжая по улицамъ между пожарищами домовъ, онъ удивлялся красотѣ этихъ развалинъ. Печныя трубы домовъ, отвалившіяся стѣны, живописно напоминая Рейнъ и Колизей, тянулись, скрывая другъ друга, по обгорѣлымъ кварталамъ. Встрѣчавшіеся извозчики и ѣздоки, плотники, рубившіе срубы, торговки и лавочники, — всѣ съ веселыми, сіяющими лицами взглядывали на Пьера и говорили какъ будто: «а, вотъ онъ! Посмотримъ, что выйдетъ изъ этого».

При входѣ въ домъ княжны Марьи на Пьера нашло сомнѣніе въ справедливости того, что онъ былъ здѣсь вчера, видѣлся съ Наташей и говорилъ съ ней. «Можетъ-быть, это я выдумалъ. Можетъ-быть, я войду и никого не увижу». Но не успѣлъ онъ вступить въ комнату, какъ уже во всемъ существѣ своемъ, по мгновенному лишенію своей свободы, онъ почувствовалъ ея присутствіе. Она была въ томъ же черномъ платьѣ съ мягкими складками и такъ же причесана, какъ и вчера, но она была совсѣмъ другая. Если бы она была такою вчера, когда онъ вошелъ въ комнату, онъ бы не могъ ни на мгновеніе не узнать ея. Она была такою же, какою онъ зналъ ее почти ребенкомъ и потомъ невѣстой князя Андрея. Веселый вопросительный блескъ свѣтился въ ея глазахъ; на лицѣ было ласковое и странно-шаловливое выраженіе.

Пьеръ обѣдалъ и просидѣлъ бы весь вечеръ; но княжна Марья ѣхала ко всенощной, и Пьеръ уѣхалъ съ ними вмѣстѣ.

На другой день Пьеръ пріѣхалъ рано, обѣдалъ и просидѣлъ весь вечеръ. Несмотря на то, что княжна Марья и Наташа были, очевидно, рады гостю; несмотря на то, что весь интересъ жизни Пьера сосредоточивался теперь въ этомъ домѣ, къ вечеру

они все переговорили, и разговоръ переходилъ безпрестанно съ одного ничтожнаго предмета на другой и часто прерывался. Пьеръ засидѣлся въ этотъ вечеръ такъ поздно, что княжна Марья и Наташа переглядывались между собой, очевидно ожидая, скоро ли онъ уйдетъ. Пьеръ видѣлъ это и не могъ уйти. Ему становилось тяжело, неловко, но онъ все сидѣлъ, потому что *не могъ* подняться и уйти.

Княжна Марья, не предвидя этому конца, первая встала и, жалуясь на мигрень, стала прощаться.

— Такъ вы завтра ѣдете въ Петербургъ?—сказала она.

— Нѣтъ, я не ѣду,—съ удивленіемъ и какъ будто обидясь, поспѣшно сказалъ Пьеръ.—Да, нѣтъ, въ Петербургъ? Завтра; только я не прощаюсь. Я заѣду за комиссіями,—сказалъ онъ, стоя передъ княжной Марьей, краснѣя и не уходя.

Наташа подала ему руку и вышла. Княжна Марья, напротивъ, вмѣсто того, чтобы уйти, опустилась въ кресло и своимъ лучистымъ, глубокимъ взглядомъ строго и внимательно посмотрѣла на Пьера. Усталость, которую она, очевидно, выказывала передъ этимъ, теперь совсѣмъ прошла. Она тяжело и продолжительно вздохнула, какъ будто приготавливаясь къ длинному разговору.

Все смущеніе и неловкость Пьера, при удаленіи Наташи, мгновенно исчезли и замѣнились взволнованнымъ оживленіемъ. Онъ быстро придвинулъ кресло близко къ княжнѣ Марьѣ.

— Да, я и хотѣлъ сказать вамъ,—сказалъ онъ, отвѣчая, какъ на слова, на ея взглядъ. — Княжна, помогите мнѣ. Что мнѣ дѣлать? Могу я надѣяться? Княжна, другъ мой, выслушайте меня. Я все знаю. Я знаю, что я не стою ея; я знаю, что теперь невозможно говорить объ этомъ. Но я хочу быть братомъ ей. Нѣтъ, я не этого, не хочу, не могу...

Онъ остановился и потеръ себѣ лицо и глаза руками.

— Ну, вотъ,—продолжалъ онъ, видимо сдѣлавъ усиліе надъ собой, чтобы говорить связно.—Я не знаю, съ какихъ поръ я люблю ее. Но я одну только ее, одну любилъ во всю мою жизнь и люблю такъ, что безъ нея не могу себѣ представить жизни. Просить руки ея теперь я не рѣшаюсь; но мысль о томъ, что, можетъ-быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность... возможность... ужасна. Скажите, могу я надѣяться? Скажите, что мнѣ дѣлать? Милая княжна!—сказалъ онъ, помолчавъ немного и тронувъ ее за руку, такъ какъ она не отвѣчала.

— Я думаю о томъ, что вы мнѣ сказали,—отвѣчала княжна Марья.—Вотъ что я скажу вамъ. Вы правы, что теперь говорить ей о любви...

Княжна остановилась. Она хотѣла сказать: говорить ей о любви теперь невозможно; но она остановилась потому, что она третій день видѣла, по вдругъ перемѣнившейся Наташѣ, что не только Наташа не оскорбилась бы, если бы ей Пьеръ высказалъ свою любовь, но что она одного только этого и желала.

— Говорить ей теперь... нельзя,—все-таки сказала княжна Марья.

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Поручите это мнѣ,—сказала княжна Марья.—Я знаю...

Пьеръ смотрѣлъ въ глаза княжнѣ Марьѣ.

— Ну, ну, — говорилъ онъ.

— Я знаю, что она любитъ... полюбитъ васъ,—поправилась княжна Марья.

Не успѣла она сказать эти слова, какъ Пьеръ вскочилъ и съ испуганнымъ лицомъ схватилъ за руку княжну Марью.

— Отчего вы думаете? Вы думаете, что я могу надѣяться? Вы думаете?!..

— Да, думаю, — улыбаясь сказала княжна Марья. — Напишите родителямъ и поручите мнѣ. Я скажу ей, когда будетъ можно. Я желаю этого. И сердце мое чувствуетъ, что это будетъ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! Какъ я счастливъ! Но это не можетъ быть... Какъ я счастливъ! Нѣтъ, не можетъ быть! — говорилъ Пьеръ, цѣлуя руки княжны Марьи.

— Вы поѣзжайте въ Петербургъ; это лучше. А я напишу вамъ, — сказала она.

— Въ Петербургъ? ѣхать? Да, хорошо, ѣхать. Но завтра я могу пріѣхать къ вамъ?

На другой день Пьеръ пріѣхалъ проститься. Наташа была менѣе оживлена, чѣмъ въ прежніе дни; но въ этотъ день, иногда взглянувъ ей въ глаза, Пьеръ чувствовалъ, что онъ исчезаетъ, что ни его, ни ея нѣтъ больше, а есть одно чувство счастья. «Неужели? Нѣтъ, не можетъ быть», говорилъ онъ себѣ при каждомъ ея взглядѣ, жестѣ, словѣ, наполнявшихъ его душу радостью.

Когда онъ, прощаясь съ нею, взялъ ея тонкую, худую руку, онъ невольно нѣсколько дольше удержалъ ее въ своей.

«Неужели эта рука, это лицо, эти глаза, все это чуждое мнѣ сокровище женской прелести, — неужели это все будетъ

вѣчно мое, привычное, такое же, какимъ я самъ для себя? Нѣтъ, это невозможно!..»

— Прощайте, графъ, — сказала она ему громко. — Я очень буду ждать васъ, — прибавила она шопотомъ.

И эти простыя слова, взглядъ и выраженіе лица, сопровождавшіе ихъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ составляли предметъ неистощимыхъ воспоминаній, объясненій и счастливыхъ мечтаній Пьера. «Я очень буду ждать васъ...» Да, да, какъ она сказала? Да: «я очень буду ждать васъ». Ахъ, какъ я счастливъ! Что жъ это такое, какъ я счастливъ!» говорилъ себѣ Пьеръ.

XX.

Въ душѣ Пьера теперь не происходило ничего подобнаго тому, что происходило въ ней въ подобныхъ же обстоятельствахъ во время его сватовства съ Эленъ.

Онъ не повторялъ, какъ тогда, съ болѣзненнымъ стыдомъ словъ, сказанныхъ имъ, не говорилъ себѣ: «ахъ, зачѣмъ я не сказалъ этого, и зачѣмъ, зачѣмъ я сказалъ тогда «je vous aime»? [1]) Теперь, напротивъ, каждое слово ея, свое онъ повторялъ въ своемъ воображеніи со всѣми подробностями лица, улыбки и ничего не хотѣлъ ни убавить, ни прибавить: хотѣлось только повторять. Сомнѣній въ томъ, хорошо ли или дурно то, что онъ предпринялъ, теперь не было и тѣни. Одно только страшное сомнѣніе иногда приходило ему въ голову. «Не во снѣ ли все это? Не ошиблась ли княжна Марья? Не слишкомъ ли я гордъ и самонадѣянъ? Я вѣрю; а вдругъ, что и должно случиться, княжна Марья скажетъ ей; а она улыбнется и отвѣтитъ: «какъ странно! Онъ вѣрно ошибся. Развѣ онъ не знаетъ, что онъ человѣкъ, просто человѣкъ, а я?.. Я совсѣмъ другое, высшее».

Только это сомнѣніе часто приходило Пьеру. Плановъ онъ тоже не дѣлалъ теперь никакихъ. Ему казалось такъ невѣроятно предстоящее счастье, что стоило этому совершиться, и ужъ дальше ничего не могло быть. Все кончалось.

Радостное, неожиданное сумасшествіе, къ которому Пьеръ считалъ себя неспособнымъ, овладѣло имъ. Весь смыслъ жизни, не для него одного, но для всего міра, казался ему заключающимся только въ его любви и въ возможности ея любви къ нему. Иногда всѣ люди казались ему занятыми только однимъ — его будущимъ счастьемъ. Ему казалось иногда, что

---

[1]) Я васъ люблю.

всѣ они радуются такъ же, какъ и онъ самъ, и только стараются скрыть эту радость, притворяясь занятыми другими интересами. Въ каждомъ словѣ и движеніи онъ видѣлъ намеки на свое счастье. Онъ часто удивлялъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ, своими значительными, выражавшими тайное согласіе, счастливыми взглядами и улыбками. Но когда онъ понималъ, что люди могли не знать про его счастье, онъ отъ всей души жалѣлъ ихъ и испытывалъ желаніе какъ-нибудь объяснить имъ, что все то, чѣмъ они заняты, есть совершенный вздоръ и пустяки, не стóящіе вниманія.

Когда ему предлагали служить или когда обсуждали какія-нибудь общія, государственныя дѣла и войну, предполагая, что отъ такого или такого-то исхода событія зависитъ счастье всѣхъ людей, онъ слушалъ съ кроткой, соболѣзнующей улыбкой и удивлялъ говорившихъ съ нимъ людей своими странными замѣчаніями. Но какъ тѣ люди, которые казались Пьеру понимающими настоящій смыслъ жизни, т.-е. его чувство, такъ и тѣ несчастные, которые, очевидно, не понимали этого, — всѣ люди въ этотъ періодъ времени представлялись ему въ такомъ яркомъ свѣтѣ сіявшаго въ немъ чувства, что безъ малѣйшаго усилія онъ сразу, встрѣчаясь съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, видѣлъ въ немъ все, что было хорошаго и достойнаго любви.

Разсматривая дѣла и бумаги своей покойной жены, онъ къ ея памяти не испытывалъ никакого чувства, кромѣ жалости въ томъ, что она не знала того счастья, которое онъ зналъ теперь. Князь Василій, особенно гордый теперь полученіемъ новаго мѣста и звѣзды, представлялся ему трогательнымъ, добрымъ и жалкимъ старикомъ.

Пьеръ часто потомъ вспоминалъ это время счастливаго безумія. Всѣ сужденія, которыя онъ составилъ себѣ о людяхъ и обстоятельствахъ за этотъ періодъ времени, остались для него навсегда вѣрными. Онъ не только не отрекался впослѣдствіи отъ этихъ взглядовъ на людей и вещи, но, напротивъ, во внутреннихъ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ прибѣгалъ къ тому взгляду, который онъ имѣлъ въ это время безумія, и взглядъ этотъ всегда оказывался вѣренъ.

«Можетъ-быть», думалъ онъ, «я и казался тогда страненъ и смѣшонъ; но я тогда не былъ такъ безуменъ, какъ казалось. Напротивъ, я былъ тогда умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ когда-либо, и понималъ все, что̀ стоитъ понимать въ жизни, потому что... я былъ счастливъ».

Безуміе Пьера состояло въ томъ, что онъ не дожидался, какъ прежде, личныхъ причинъ, которыя онъ называлъ достоинствами людей, для того, чтобы любить ихъ, а любовь переполняла его сердце, и онъ, безпричинно любя людей, находилъ несомнѣнныя причины, за которыя стоило любить ихъ.

XXI.

Съ перваго того вечера, когда Наташа, послѣ отъѣзда Пьера, съ радостно-насмѣшливой улыбкой сказала княжнѣ Марьѣ, что онъ «точно, ну точно изъ бани, и сюртучокъ и стриженый», съ этой минуты что-то скрытое и самой ей неизвѣстное, но непреодолимое проснулось въ душѣ Наташи.

Все: лицо, походка, взглядъ, голосъ,—все вдругъ измѣнилось въ ней. Неожиданныя для нея самой сила жизни, надежды на счастье всплыли наружу и требовали удовлетворенія. Съ перваго вечера Наташа какъ будто забыла все то, что съ ней было. Она съ тѣхъ поръ ни разу не пожаловалась на свое положеніе, ни одного слова не сказала о прошедшемъ и не боялась уже дѣлать веселые планы на будущее. Она мало говорила о Пьерѣ, но когда княжна Марья упоминала о немъ, давно потухшій блескъ зажигался въ ея глазахъ, и губы морщились странной улыбкой.

Перемѣна, происшедшая въ Наташѣ, сначала удивила княжну Марью; но когда она поняла ея значеніе, то перемѣна эта огорчила ее. «Неужели она такъ мало любила брата, что такъ скоро могла забыть его», думала княжна Марья, когда она одна обдумывала происшедшую перемѣну. Но когда она была съ Наташей, то не сердилась на нее и не упрекала ей. Проснувшаяся сила жизни, охватившая Наташу, была, очевидно, такъ неудержима, такъ неожиданна для нея самой, что княжна Марья въ присутствіи Наташи чувствовала, что она не имѣла права упрекать ее даже въ душѣ своей.

Наташа съ такой полнотой и искренностью вся отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело.

Когда, послѣ ночного объясненія съ Пьеромъ, княжна Марья вернулась въ свою комнату, Наташа встрѣтила ее на порогѣ.

— Онъ сказалъ? Да? Онъ сказалъ?—повторила она.

И радостное и вмѣстѣ жалкое, просящее прощенія за свою радость, выраженіе остановилось на лицѣ Наташи.

— Я хотѣла слушать у двери; но я знала, что ты скажешь мнѣ.

Какъ ни понятенъ, какъ ни трогателенъ былъ для княжны Марьи тотъ взглядъ, которымъ смотрѣла на нее Наташа, какъ ни жалко ей было видѣть ея волненіе, но слова Наташи въ первую минуту оскорбили княжну Марью. Она вспомнила о братѣ, о его любви.

«Но что же дѣлать! она не можетъ иначе», подумала княжна Марья.

И съ грустнымъ и нѣсколько строгимъ лицомъ передала она Наташѣ все, что сказалъ ей Пьеръ. Услыхавъ, что онъ собирается въ Петербургъ, Наташа изумилась.

— Въ Петербургъ!—повторила она, какъ бы не понимая. Но, вглядѣвшись въ грустное выраженіе лица княжны Марьи, она догадалась о причинѣ ея грусти и вдругъ заплакала.

— Мари,—сказала она,—научи, что мнѣ дѣлать: я боюсь быть дурной. Что ты скажешь, то я и буду дѣлать; научи меня...

— Ты любишь его?

— Да,—прошептала Наташа.

— О чемъ же ты плачешь? Я счастлива за тебя,—сказала княжна Марья, за эти слезы простивъ уже совершенно радость Наташи.

— Это будетъ не скоро, когда-нибудь. Ты подумай, какое счастье, когда я буду его женой, а ты выйдешь за Nicolas.

— Наташа, я тебя просила не говорить объ этомъ. Будемъ говорить о тебѣ.

Онѣ помолчали.

— Только для чего же въ Петербургъ?—вдругъ сказала Наташа, и сама же поспѣшно отвѣтила себѣ:—Нѣтъ, нѣтъ, это такъ надо... Да, Мари? Такъ надо...

ЭПИЛОГЪ.

ЭПИЛОГЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прошло семь лѣтъ. Взволнованное историческое море Европы улеглось въ свои берега. Оно казалось затихшимъ; но таинственныя силы, двигающія человѣчество (таинственныя потому, что законы, опредѣляющіе ихъ движеніе, неизвѣстны намъ), продолжали свое дѣйствіе.

Несмотря на то, что поверхность историческаго моря казалась неподвижною, такъ же непрерывно, какъ движеніе времени, двигалось человѣчество. Слагались, разлагались различныя группы людскихъ сцѣпленій; подготовлялись причины образованія и разложенія государствъ, перемѣщеній народовъ.

Историческое море, не какъ прежде, направлялось порывами отъ одного берега къ другому: оно бурлило въ глубинѣ. Историческія лица, не какъ прежде, носились волнами отъ одного берега къ другому: теперь они, казалось, кружились на одномъ мѣстѣ. Историческія лица, прежде во главѣ войскъ отражавшія движеніе массъ приказаніями войнъ, походовъ, сраженій, теперь отражали это движеніе политическими и дипломатическими соображеніями, законами, трактатами...

Эту дѣятельность историческихъ лицъ историки называютъ реакціей.

Описывая дѣятельность этихъ историческихъ лицъ, бывшихъ, по ихъ мнѣнію, причиною того, что они называютъ *реакціей*, историки строго осуждаютъ ихъ. Всѣ извѣстные люди того времени, отъ Александра и Наполеона до m-me Staël, Фотія, Шеллинга, Фихте, Шатобріана и проч., проходятъ передъ ихъ строгимъ судомъ и оправдываются или осуждаются, смотря по тому, содѣйствовали ли они *прогрессу* или *реакціи*.

Въ Россіи, по ихъ описанію, въ этотъ періодъ времени тоже происходила реакція, и главнымъ виновникомъ этой реакціи былъ Александръ I, тотъ самый Александръ I, который, по ихъ же описаніямъ, былъ главнымъ виновникомъ либеральныхъ начинаній своего царствованія и спасенія Россіи.

Въ настоящей русской литературѣ, отъ гимназиста до ученаго историка, нѣтъ человѣка, который бы не бросилъ своего камешка въ Александра за неправильные поступки его въ этотъ періодъ царствованія.

«Онъ долженъ былъ поступить такъ-то и такъ-то. Въ такомъ случаѣ онъ поступилъ хорошо, въ такомъ — дурно. Онъ прекрасно велъ себя въ началѣ царствованія и во время 12-го года; но онъ поступилъ дурно, давъ конституцію Польшѣ, сдѣлавъ Священный Союзъ, давъ власть Аракчееву, поощряя Голицына и мистицизмъ, потомъ поощряя Шишкова и Фотія. Онъ сдѣлалъ дурно, занимаясь фронтовою частью арміи; онъ поступилъ дурно, раскассировавъ Семеновскій полкъ», и т. д.

Надо бы исписать десять листовъ для того, чтобы перечислить всѣ тѣ упреки, которые дѣлаютъ ему историки на основаніи того знанія блага человѣчества, которымъ они обладаютъ.

Что значатъ эти упреки?

Тѣ самые поступки, за которые историки одобряютъ Александра I, какъ-то: либеральныя начинанія царствованія, борьба съ Наполеономъ, твердость, выказанная имъ въ 12-мъ году, и походъ 13-го года, не вытекаютъ ли изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ — условій крови, воспитанія, жизни, сдѣлавшихъ личность Александра тѣмъ, чѣмъ она была,—изъ которыхъ вытекаютъ и тѣ поступки, за которые историки порицаютъ его, какъ-то: Священный Союзъ, возстановленіе Польши, реакція 20-хъ годовъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность этихъ упрековъ?

Въ томъ, что такое историческое лицо, какъ Александръ I, лицо, стоявшее на высшей возможной ступени человѣческой власти, какъ бы въ фокусѣ ослѣпляющаго свѣта всѣхъ, сосредоточивающихся на немъ, историческихъ лучей; лицо, подлежавшее тѣмъ сильнѣйшимъ въ мірѣ вліяніямъ интригъ, обмановъ, лести, самообольщенія, которые неразлучны съ властью; лицо, чувствовавшее на себѣ всякую минуту своей жизни отвѣтственность за все совершавшееся въ Европѣ, и лицо не выдуманное, а живое, какъ и каждый человѣкъ, съ своими личными привычками, страстями, стремленіями къ добру, красотѣ, истинѣ, — что это лицо пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не то что не было добродѣтельно (за это историки не упрекаютъ), а

не имѣло тѣхъ воззрѣній на благо человѣчества, которыя имѣетъ теперь профессоръ, смолоду занимающійся наукой, т.-е. читаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку.

Но если даже предположить, что Александръ I 50 лѣтъ тому назадъ ошибался въ своемъ воззрѣніи на то, что есть благо народовъ, невольно должно предположить, что и историкъ, судящій Александра, точно такъ же по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, что̀ есть благо человѣчества. Предположеніе это тѣмъ болѣе естественно и необходимо, что, слѣдя за развитіемъ исторіи, мы видимъ, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ писателемъ измѣняется воззрѣніе на то, что̀ есть благо человѣчества; такъ что то, что казалось благомъ, чрезъ 10 лѣтъ представляется зломъ, и наоборотъ. Мало того, одновременно мы находимъ въ исторіи совершенно противоположные взгляды на то, что было зло и что было благо: одни данную Польшѣ конституцію и Священный Союзъ ставятъ въ заслугу, другіе — въ укоръ Александру.

Про дѣятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можемъ сказать, для чего она полезна и для чего вредна. Если дѣятельность эта кому-нибудь не нравится, то она не нравится ему только вслѣдствіе несовпаденія ея съ ограниченнымъ пониманіемъ его о томъ, что есть благо. Представляется ли мнѣ благомъ сохраненіе въ 12-мъ году дома моего отца въ Москвѣ, или слава русскихъ войскъ, или процвѣтаніе петербургскаго или другихъ университетовъ, или свобода Польши, или могущество Россіи, или равновѣсіе Европы, или извѣстнаго рода европейское просвѣщеніе — прогрессъ, я долженъ признать, что дѣятельность всякаго историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлей, еще другія, болѣе общія и недоступныя мнѣ цѣли.

Но положимъ, что такъ называемая наука имѣетъ возможность примирить всѣ противорѣчія и имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣнное мѣрило хорошаго и дурного.

Положимъ, что Александръ могъ сдѣлать все иначе. Положимъ, что онъ могъ — по предписанію тѣхъ, которые обвиняютъ его, тѣхъ, которые профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества — распорядиться по той программѣ народности, свободы, равенства и прогресса (другой, кажется, нѣтъ), которую бы ему дали теперешніе обвинители. Положимъ, что эта программа была бы возможна и составлена и что Александръ дѣйствовалъ бы по ней. Что же сталось бы тогда

съ дѣятельностью всѣхъ тѣхъ людей, которые противодѣйствовали тогдашнему направленію правительства, — съ дѣятельностью, которая, по мнѣнію историковъ, хороша и полезна? Дѣятельности бы этой не было; жизни бы не было; ничего бы не было.

Если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни.

II.

Если допустить, какъ то дѣлаютъ историки, что великіе люди ведутъ человѣчество къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, состоящихъ или въ величіи Россіи или Франціи, или въ равновѣсіи Европы, или въ разнесеніи идей революціи, или въ общемъ прогрессѣ, или въ чемъ бы то ни было, то невозможно объяснить явленій исторіи безъ понятій о *случаѣ* и о *геніи*.

Если цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всякихъ предшествовавшихъ войнъ и безъ нашествія. Если цѣль — величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи и безъ имперіи. Если цѣль — распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это гораздо лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль — прогрессъ цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи.

Почему же это случилось такъ, а не иначе? Потому что это такъ случилось.

«*Случай* сдѣлалъ положеніе; *геній* воспользовался имъ», говоритъ исторія. Но что такое *случай?* Что такое *геній?*

Слова *случай* и *геній* не обозначаютъ ничего, дѣйствительно существующаго, и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленій. Я не знаю, почему происходитъ такое-то явленіе; думаю, что не могу знать; потому — не хочу знать и говорю: *случай.* Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ, и говорю: *геній.*

Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и становится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу,

и что этотъ, именно этотъ самый баранъ, облитый жиромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей.

Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стоитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что̀ происходитъ съ откармливаемымъ бараномъ. Ежели они и не будутъ знать, для какой цѣли онъ откармливался, то, по крайней мѣрѣ, они будутъ знать, что все, случившееся съ бараномъ, случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды ни въ понятіи *случая,* ни въ понятіи *генія.*

Только отрѣшившись отъ знанія близкой понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль намъ недоступна, мы увидимъ цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны будутъ намъ слова *случай* и *геній.*

Сто̀итъ только признать, что цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна, а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ, сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, и что движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій, намъ не только не нужно будетъ видѣть исключительность и *геніальность* въ характерахъ Наполеона и Александра, но нельзя будетъ представить себѣ эти лица иначе, какъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные; и не только не нужно будетъ объяснять *случайностью* тѣхъ мелкихъ событій, которыя сдѣлали этихъ людей тѣмъ, чѣмъ они были, но будетъ ясно, что всѣ эти мелкія событія были необходимы.

Отрѣшившись отъ знанія конечной цѣли, мы ясно поймемъ, что точно такъ же, какъ ни къ одному растенію нельзя придумать другихъ, болѣе соотвѣтственныхъ ему, цвѣта и сѣмени, чѣмъ тѣ, которые оно производитъ, точно такъ же невозможно придумать другихъ двухъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить.

III.

Основной, существенный смыслъ европейскихъ событій начала нынѣшняго столѣтія есть воинственное движеніе массъ европейскихъ народовъ съ запада на востокъ и потомъ съ востока на западъ. Первымъ зачинщикомъ этого движенія было движеніе съ запада на востокъ. Для того, чтобы народы запада могли совершить то воинственное движеніе до Москвы, которое они совершили, необходимо было: 1) чтобы они сложились въ воинственную группу такой величины, которая была бы въ состояніи вынести столкновеніе съ воинственной группой востока; 2) чтобы они отрѣшились отъ всѣхъ установившихся преданій и привычекъ, и 3) чтобы, совершая свое воинственное движеніе, они имѣли во главѣ своей человѣка, который — и для себя и для нихъ — могъ бы оправдывать имѣющіе совершиться обманы, грабежи и убійства, которые сопутствовали этому движенію.

И начиная съ французской революціи разрушается старая, недостаточно великая группа; уничтожаются старыя привычки и преданія; вырабатывается, шагъ за шагомъ, группа новыхъ размѣровъ, новыя привычки и преданія, и приготовляется тотъ человѣкъ, который долженъ стоять во главѣ будущаго движенія и нести на себѣ всю отвѣтственность имѣющаго совершиться.

Человѣкъ безъ убѣжденій, безъ привычекъ, безъ преданій, безъ имени, даже не французъ, самыми, кажется, странными случайностями продвигается между всѣми волнующими Францію партіями и, не приставая ни къ одной изъ нихъ, выносится на замѣтное мѣсто.

Невѣжество сотоварищей, слабость и ничтожество противниковъ, искренность лжи и блестящая и самоувѣренная ограниченность этого человѣка выдвигаютъ его во главу арміи. Блестящій составъ солдатъ итальянской арміи, нежеланіе драться противниковъ, ребяческая дерзость и самоувѣренность пріобрѣтаютъ ему военную славу. Безчисленное количество такъ называемыхъ случайностей сопутствуетъ ему вездѣ. Немилость, въ которую онъ впадаетъ у правителей французовъ, служитъ ему въ пользу. Попытки его измѣнить предназначенный ему путь не удаются: его не принимаютъ на службу въ Россію, и не удается ему опредѣленіе въ Турцію. Во время войнъ въ Италіи онъ нѣсколько разъ находится на краю гибели и всякій разъ спасается неожиданнымъ образомъ. Русскія войска, тѣ самыя, которыя могутъ разрушить его славу, по разнымъ дипломати-

ческимъ соображеніямъ, не вступаютъ въ Европу до тѣхъ поръ, пока онъ тамъ.

По возвращеніи изъ Италіи онъ находитъ правительство въ Парижѣ въ томъ процессѣ разложенія, въ которомъ люди, попадающіе въ это правительство, неизбѣжно стираются и уничтожаются. И самъ собой для него является выходъ изъ этого опаснаго положенія, состоящій въ безсмысленной, безпричинной экспедиціи въ Африку. Опять тѣ же такъ называемыя случайности сопутствуютъ ему. Неприступная Мальта сдается безъ выстрѣла; самыя неосторожныя распоряженія увѣнчиваются успѣхомъ. Непріятельскій флотъ, который не пропуститъ послѣ ни одной лодки, пропускаетъ цѣлую армію. Въ Африкѣ надъ безоружными почти жителями совершается цѣлый рядъ злодѣяній. И люди, совершающіе злодѣянія эти, и въ особенности ихъ руководитель, увѣряютъ себя, что это прекрасно, что это слава, что это похоже на кесаря и Александра Македонскаго и что это хорошо.

Тотъ идеалъ *славы* и *величія,* состоящій въ томъ, чтобы не только ничего не считать для себя дурнымъ, но гордиться всякимъ своимъ преступленіемъ, приписывая ему непонятное сверхъестественное значеніе, — этотъ идеалъ, долженствующій руководить этимъ человѣкомъ и связанными съ нимъ людьми, на просторѣ вырабатывается въ Африкѣ. Все, что онъ ни дѣлаетъ, удается ему. Чума не пристаетъ къ нему. Жестокость убійства плѣнныхъ не ставится ему въ вину. Ребячески неосторожный, безпричинный и неблагородный отъѣздъ его изъ Африки, отъ товарищей въ бѣдѣ, ставится ему въ заслугу, и опять непріятельскій флотъ два раза упускаетъ его. Въ то время, какъ онъ, уже совершенно одурманенный совершонными имъ счастливыми преступленіями, готовый для своей роли, безъ всякой цѣли пріѣзжаетъ въ Парижъ, то разложеніе республиканскаго правительства, которое могло погубить его годъ тому назадъ, теперь дошло до крайней степени, и присутствіе его, свѣжаго отъ партій человѣка, теперь только можетъ возвысить его.

Онъ не имѣетъ никакого плана; онъ всего боится; но партіи ухватываются за него и требуютъ его участія.

Онъ одинъ, съ своимъ выработаннымъ въ Италіи и Египтѣ идеаломъ славы и величія, съ своимъ безуміемъ самообожанія, съ своею дерзостью преступленій, съ своею искренностью лжи, — онъ одинъ можетъ оправдать то, что имѣетъ совершиться.

Онъ нуженъ для того мѣста, которое ожидаетъ его, и потому, почти независимо отъ его воли и несмотря на его нерѣ-

шительность, на отсутствіе плана, на всѣ ошибки, которыя онъ дѣлаетъ, онъ втягивается въ заговоръ, имѣющій цѣлью овладѣніе властью, и заговоръ увѣнчивается успѣхомъ.

Его вталкиваютъ въ засѣданіе правителей. Испуганный, онъ хочетъ бѣжать, считая себя погибшимъ; притворяется, что падаетъ въ обморокъ; говоритъ безсмысленныя вещи, которыя должны бы погубить его. Но правители Франціи, прежде смѣтливые и гордые, теперь, чувствуя, что роль ихъ сыграна, смущены еще болѣе, чѣмъ онъ, говорятъ не тѣ слова, которыя имъ нужно бы было говорить для того, чтобы удержать власть и погубить его.

Случайность, милліоны *случайностей* даютъ ему власть, и всѣ люди, какъ бы сговорившись, содѣйствуютъ утвержденію этой власти. *Случайности* дѣлаютъ характеры тогдашнихъ правителей Франціи подчиняющимися ему; *случайности* дѣлаютъ характеръ Павла I, признающаго его власть; *случайность* дѣлаетъ противъ него заговоръ, не только не вредящій ему, но утверждающій его власть. *Случайность* посылаетъ ему въ руки Энгіенскаго и нечаянно заставляетъ его убить, тѣмъ самымъ, сильнѣе всѣхъ другихъ средствъ, убѣждая толпу, что онъ имѣетъ право, такъ какъ онъ имѣетъ силу. *Случайность* дѣлаетъ то, что онъ напрягаетъ всѣ силы на экспедицію въ Англію, которая, очевидно, погубила бы его, и никогда не исполняетъ этого намѣренія, а нечаянно нападаетъ на Мака съ австрійцами, которые сдаются безъ сраженія. *Случайность и геніальность* даютъ ему побѣду подъ Аустерлицемъ, и *случайно* всѣ люди, не только французы, но и вся Европа, за исключеніемъ Англіи, которая и не приметъ участія въ имѣющихъ совершиться событіяхъ, всѣ люди, несмотря на прежній ужасъ и отвращеніе къ его преступленіямъ, теперь признаютъ за нимъ его власть, названіе, которое онъ себѣ далъ, и его идеалъ величія и славы, который кажется всѣмъ чѣмъ-то прекраснымъ и разумнымъ.

Какъ бы примѣриваясь и приготовляясь къ предстоящему движенію, силы запада нѣсколько разъ въ 1805-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 9-мъ году стремятся на востокъ, крѣпчая и нарастая. Въ 1811-мъ году группа людей, сложившаяся въ Франціи, сливается въ одну огромную группу съ серединными народами. Вмѣстѣ съ увеличивающейся группой людей дальше развивается сила оправданія человѣка, стоящаго во главѣ движенія. Въ десятилѣтній приготовительный періодъ времени, предшествующій большому движенію, человѣкъ этотъ сводится со всѣми коронованными лицами Европы. Разоблаченные владыки міра не могутъ противопоставить Наполеоновскому идеалу *славы и величія*, не имѣющаго

смысла, никакого разумнаго идеала. Одинъ передъ другимъ они стремятся показать ему свое ничтожество. Король прусскій посылаетъ свою жену заискивать милости великаго человѣка; императоръ Австріи считаетъ за милость то, что человѣкъ этотъ принимаетъ въ свое ложе дочь кесарей; папа, блюститель святыни народовъ, служитъ своей религіей возвышенію великаго человѣка. Не столько самъ Наполеонъ приготовляетъ себя для исполненія своей роли, сколько все окружающее готовитъ его къ принятію на себя всей отвѣтственности того, что совершается и имѣетъ совершиться. Нѣтъ поступка, нѣтъ злодѣянія или мелочного обмана, который бы онъ совершилъ и который тотчасъ же въ устахъ его окружающихъ не отразился бы въ формѣ великаго дѣянія. Лучшій праздникъ, который могутъ придумать для него германцы, это празднованіе Іены и Ауэрштета. Не только онъ великъ, но велики его предки, его братья, его пасынки, зятья. Все совершается для того, чтобы лишить его послѣдней силы разума и приготовить къ его страшной роли. И когда онъ готовъ, готовы и силы.

Нашествіе стремится на востокъ, достигаетъ конечной цѣли— Москвы. Столица взята; русское войско болѣе уничтожено, чѣмъ когда-нибудь были уничтожены непріятельскія войска въ прежнихъ войнахъ отъ Аустерлица до Ваграма. Но вдругъ, вмѣсто тѣхъ *случайностей* и геніальности, которыя такъ послѣдовательно вели его до сихъ поръ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ къ предназначенной цѣли, является безчисленное количество обратныхъ *случайностей*, отъ насморка въ Бородинѣ до морозовъ и искры, зажегшей Москву; и вмѣсто геніальности являются глупость и подлость, не имѣющія примѣровъ.

Нашествіе бѣжитъ, возвращается назадъ, опять бѣжитъ, и всѣ случайности постоянно теперь уже не за, а противъ него.

Совершается противодвиженіе съ востока на западъ съ замѣчательнымъ сходствомъ съ предшествовавшимъ движеніемъ съ запада на востокъ. Тѣ же попытки движенія съ востока на западъ, какъ въ 1805 — 1807 — 1809-мъ годахъ, предшествуютъ большому движенію; то же сцѣпленіе въ группу огромныхъ размѣровъ; то же приставаніе серединныхъ народовъ къ движенію; то же колебаніе въ серединѣ пути и та же быстрота по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Парижъ, крайняя цѣль—достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Самъ Наполеонъ не имѣетъ больше смысла; всѣ дѣйствія его, очевидно, жалки и гадки; но опять совершается необъяснимая случайность: союзники ненавидятъ Наполеона, въ которомъ они видятъ причину своихъ бѣдствій;

лишенный силы и власти, изобличенный въ злодѣйствахъ и коварствахъ, онъ бы долженъ былъ представляться имъ такимъ, какимъ онъ представлялся имъ десять лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ,—разбойникомъ внѣ закона. Но, по какой-то странной случайности, никто не видитъ этого. Роль его еще не кончена. Человѣка, котораго десять лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ считали разбойникомъ внѣ закона, посылаютъ—въ два дня переѣзда отъ Франціи—на островъ, отдаваемый ему во владѣніе, съ гвардіей и милліонами, которые платятъ ему за что-то.

IV.

Движеніе народовъ начинаетъ укладываться въ свои берега. Волны большого движенія отхлынули, и на затихшемъ морѣ образуются круги, по которымъ носятся дипломаты, воображая, что именно они производятъ затишье движенія.

Но затихшее море вдругъ поднимается. Дипломатамъ кажется, что они, ихъ несогласія—причиной этого новаго напора силъ; они ждутъ войны между своими государями; положеніе имъ кажется неразрѣшимымъ. Но волна, подъемъ которой они чувствуютъ, несется не оттуда, откуда они ждутъ ея. Поднимается та же волна, съ той же исходной точки движенія—Парижа. Совершается послѣдній отплескъ движенія съ запада,—отплескъ, который долженъ разрѣшить кажущіяся неразрѣшимыми дипломатическія затрудненія и положить конецъ воинственному движенію этого періода.

Человѣкъ, опустошившій Францію, одинъ, безъ заговора, безъ солдатъ, приходитъ во Францію. Каждый сторожъ можетъ взять его; но, по странной случайности, никто не только не беретъ, но всѣ съ восторгомъ встрѣчаютъ того человѣка, котораго проклинали день тому назадъ и будутъ проклинать черезъ мѣсяцъ.

Человѣкъ этотъ нуженъ еще для оправданія послѣдняго совокупнаго дѣйствія.

Дѣйствіе совершено.

Послѣдняя роль сыграна. Актеру велѣно раздѣться и смыть сурьму и румяна: онъ больше не понадобится.

И проходятъ нѣсколько лѣтъ въ томъ, что этотъ человѣкъ, въ одиночествѣ на своемъ островѣ, играетъ самъ передъ собой жалкую комедію, интригуетъ и лжетъ, оправдывая свои дѣянія, когда оправданіе это уже не нужно, и показываетъ всему міру, что̀ такое было то, что̀ люди принимали за силу, когда невидимая рука водила имъ.

Распорядитель, окончивъ драму и раздѣвъ актера, показалъ его намъ.

— Смотрите, чему вы вѣрили! Вотъ онъ! Видите ли вы теперь, что не онъ, а я двигалъ васъ?

Но, ослѣпленные силой движенія, люди долго не понимали этого.

Еще бо́льшую послѣдовательность и необходимость представляетъ жизнь Александра I, того лица, которое стояло во главѣ противодвиженія съ востока на западъ.

Что нужно для того человѣка, который бы, заслоняя другихъ, стоялъ во главѣ этого движенія съ востока на западъ?

Нужно чувство справедливости, участіе къ дѣламъ Европы, но отдаленное, не затемненное мелочными интересами; нужно преобладаніе высоты нравственной надъ сотоварищами—государями того времени; нужна кроткая и привлекательная личность; нужно личное оскорбленіе противъ Наполеона. И все это есть въ Александрѣ I; все это подготовлено безчисленными такъ называемыми *случайностями* всей его прошедшей жизни: и воспитаніемъ, и либеральными начинаніями, и окружающими совѣтниками, и Аустерлицемъ, и Тильзитомъ, и Эрфуртомъ.

Во время народной войны лицо это бездѣйствуетъ, такъ какъ оно не нужно. Но какъ скоро является необходимость общей европейской войны, лицо это въ данный моментъ является на свое мѣсто и, соединяя европейскіе народы, ведетъ ихъ къ цѣли.

Цѣль достигнута. Послѣ послѣдней войны 1815 года Александръ находится на вершинѣ возможной человѣческой власти. Какъ же онъ употребляетъ ее?

Александръ I—умиротворитель Европы, человѣкъ, съ молодыхъ лѣтъ стремившійся только къ благу своихъ народовъ, первый зачинщикъ либеральныхъ нововведеній въ своемъ отечествѣ, теперь, когда, кажется, онъ владѣетъ наибольшею властью и потому возможностью сдѣлать благо своихъ народовъ, въ то время какъ Наполеонъ въ изгнаніи дѣлаетъ дѣтскіе и лживые планы о томъ, какъ бы онъ осчастливилъ человѣчество, если бы имѣлъ власть,—Александръ I, исполнивъ свое призваніе и почуявъ на себѣ руку Божію, вдругъ признаетъ ничтожность этой мнимой власти, отворачивается отъ нея, передаетъ ее въ руки презираемыхъ имъ и презрѣнныхъ людей и говоритъ только:

— Не намъ, не намъ, а Имени Твоему! Я человѣкъ тоже, какъ и вы; оставьте меня жить, какъ человѣка, и думать о своей душѣ и о Богѣ.

Какъ солнце и каждый атомъ эѳира есть шаръ законченный въ самомъ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго

человѣку по огромности цѣлаго, такъ и каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ.

Пчела, сидѣвшая на цвѣткѣ, ужалила ребенка. И ребенокъ боится пчелъ и говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ въ томъ, чтобы жалить людей. Поэтъ любуется пчелой, впивающейся въ чашечку цвѣтка, и говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ во впиваніи въ себя аромата цвѣтовъ. Пчеловодъ, замѣчая, что пчела собираетъ цвѣточную пыль и приноситъ ее въ улей, говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ въ собираніи меда. Другой пчеловодъ, ближе изучивъ жизнь роя, говоритъ, что пчела собираетъ пыль для выкармливанія молодыхъ пчелъ и выведенія матки, что цѣль ея состоитъ въ продолженіи рода. Ботаникъ замѣчаетъ, что, перелетая съ пылью двудомнаго цвѣтка на пестикъ, пчела оплодотворяетъ его, и ботаникъ въ этомъ видитъ цѣль пчелы. Другой, наблюдая переселеніе растеній, видитъ, что пчела содѣйствуетъ этому переселенію; этотъ новый наблюдатель можетъ сказать, что въ этомъ состоитъ цѣль пчелы. Но конечная цѣль пчелы не исчерпывается ни тою, ни другою, ни третью цѣлью, которыя въ состояніи открыть умъ человѣческій. Чѣмъ выше поднимается умъ человѣческій въ открытіи этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность конечной цѣли.

Человѣку доступно только наблюденіе надъ соотвѣтственностью жизни пчелы съ другими явленіями жизни. То же съ цѣлями историческихъ лицъ и народовъ.

V.

Свадьба Наташи, вышедшей въ 13-мъ году за Безухова, было послѣднее радостное событіе въ старой семьѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же годъ графъ Илья Андреевичъ умеръ, и, какъ это всегда бываетъ, со смертью его распалась прежняя семья.

Событія послѣдняго года: пожаръ Москвы и бѣгство изъ нея, смерть князя Андрея и отчаяніе Наташи, смерть Пети, горе графини,—все это, какъ ударъ за ударомъ, падало на голову стараго графа. Онъ, казалось, не понималъ и чувствовалъ себя не въ силахъ понять значеніе всѣхъ этихъ событій и, нравственно согнувъ свою старую голову, какъ будто ожидалъ и просилъ новыхъ ударовъ, которые бы его покончили. Онъ казался то испуганнымъ и растеряннымъ, то неестественно оживленнымъ и предпріимчивымъ.

Свадьба Наташи на время заняла его своей внѣшней стороной. Онъ заказывалъ обѣды, ужины и, видимо, хотѣлъ казаться

веселымъ; но веселье его не сообщалось, какъ прежде, а, напротивъ, возбуждало состраданіе въ людяхъ, знавшихъ и любившихъ его.

Послѣ отъѣзда Пьера съ женой онъ затихъ и сталъ жаловаться на тоску. Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Съ первыхъ дней его болѣзни, несмотря на утѣшенія докторовъ, онъ понялъ, что ему не вставать. Графиня, не раздѣваясь, двѣ недѣли провела въ креслѣ у его изголовья. Всякій разъ, какъ она давала ему лѣкарства, онъ, всхлипывая, молча цѣловалъ ея руку. Въ послѣдній день онъ, рыдая, просилъ прощенія у жены и заочно у сына за разореніе имѣнія— главную вину, которую онъ за собой чувствовалъ. Причастившись и особоровавшись, онъ тихо умеръ, и на другой день толпа знакомыхъ, пріѣхавшихъ отдать послѣдній долгъ покойнику, наполняла наемную квартиру Ростовыхъ. Всѣ эти знакомые, столько разъ обѣдавшіе и танцовавшіе у него, столько разъ смѣявшіеся надъ нимъ, теперь всѣ съ одинаковымъ чувствомъ внутренняго упрека и умиленія, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, говорили: «Да, тамъ какъ бы то ни было, а прекраснѣйшій былъ человѣкъ. Такихъ людей нынче ужъ не встрѣтишь... А у кого жъ нѣтъ своихъ слабостей?..»

Именно въ то время, когда дѣла графа такъ запутались, что нельзя было себѣ представить, чѣмъ это все кончится, если продолжится еще годъ, онъ неожиданно умеръ.

Николай былъ съ русскими войсками въ Парижѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти отца. Онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и, не дожидаясь ея, взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву. Положеніе денежныхъ дѣлъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти графа совершенно обозначилось, удививъ всѣхъ громадностью суммы разныхъ мелкихъ долговъ, существованія которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Долговъ было вдвое больше, чѣмъ имѣнія.

Родные и друзья совѣтовали Николаю отказаться отъ наслѣдства. Но Николай въ отказѣ отъ наслѣдства видѣлъ выраженіе укора священной для него памяти отца и потому не хотѣлъ слышать объ отказѣ и принялъ наслѣдство съ обязательствомъ уплаты долговъ.

Кредиторы, такъ долго молчавшіе, будучи связаны при жизни графа тѣмъ неопредѣленнымъ, но могучимъ вліяніемъ, которое имѣла на нихъ его распущенная доброта, вдругъ всѣ подали ко взысканію. Явилось, какъ это всегда бываетъ, соревнованіе— кто прежде получитъ,—и тѣ самые люди, которые, какъ Митенька и друг., имѣли безденежные векселя-подарки, явились теперь самыми требовательными кредиторами. Николаю не да-

вали ни срока, ни отдыха; и тѣ, которые, повидимому, жалѣли старика, бывшаго виновникомъ ихъ потери (если были потери), теперь безжалостно накинулись на очевидно невиновнаго передъ ними молодого наслѣдника, добровольно взявшаго на себя уплату.

Ни одинъ изъ предполагаемыхъ Николаемъ оборотовъ не удался; имѣніе съ молотка было продано за полцѣны, а половина долговъ оставалась все-таки не уплаченною. Николай взялъ предложенные ему зятемъ Безуховымъ 30.000 для уплаты той части долговъ, которые онъ признавалъ за денежные, настоящіе долги. А чтобы за остававшіеся долги не быть посаженнымъ въ яму, чѣмъ ему угрожали кредиторы, онъ снова поступилъ на службу.

Ѣхать въ армію, гдѣ онъ былъ на первой вакансіи полкового командира, нельзя было потому, что мать теперь держалась за сына, какъ за послѣднюю приманку жизни; и потому, несмотря на нежеланіе оставаться въ Москвѣ въ кругу людей, знавшихъ его прежде, несмотря на свое отвращеніе къ статской службѣ, онъ взялъ въ Москвѣ мѣсто по статской части и, снявъ любимый имъ мундиръ, поселился съ матерью и Соней на маленькой квартирѣ на Сивцовомъ Вражкѣ.

Наташа и Пьеръ жили въ это время въ Петербургѣ, не имѣя яснаго понятія о положеніи Николая. Николай, занявъ у зятя деньги, старался скрыть отъ него свое бѣдственное положеніе. Положеніе Николая было особенно дурно потому, что съ своими 1200 рублями жалованья онъ не только долженъ былъ содержать себя, Соню и мать, но онъ долженъ былъ содержать мать такъ, чтобы она не замѣчала, что они бѣдны. Графиня не могла понять возможности жизни безъ привычныхъ ей съ дѣтства условій роскоши и безпрестанно, не понимая того, какъ это трудно было для сына, требовала то экипажа, котораго у нихъ не было, чтобы послать за знакомой, то дорогого кушанья для себя и вина для сына, то денегъ, чтобы сдѣлать подарокъ-сюрпризъ Наташѣ, Сонѣ и тому же Николаю.

Соня вела домашнее хозяйство, ухаживала за теткой, читала ей вслухъ, переносила ея капризы и затаенное нерасположеніе и помогала Николаю скрывать отъ старой графини то положеніе нужды, въ которомъ они находились. Николай чувствовалъ себя въ неоплатномъ долгу благодарности передъ Соней за все, что̀ она дѣлала для его матери, восхищался ея терпѣніемъ и преданностью, но старался отдаляться отъ нея.

Онъ въ душѣ своей какъ будто упрекалъ ее за то, что она была слишкомъ совершенна, и за то, что не въ чемъ было упрекнуть ее. Въ ней было все, за что цѣнятъ людей; но было

мало того, что̀ бы заставило его любить ее. И онъ чувствовалъ, что чѣмъ больше онъ цѣнитъ, тѣмъ меньше любитъ ее. Онъ поймалъ ее на словѣ, въ ея письмѣ, которымъ она давала ему свободу, и теперь держалъ себя съ нею такъ, какъ будто все то, что было между ними, уже давнымъ-давно забыто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ повториться.

Положеніе Николая становилось хуже и хуже. Мысль о томъ, чтобы откладывать изъ своего жалованья, оказалась мечтой. Онъ не только не откладывалъ, но, удовлетворяя требованіямъ матери, должалъ по мелочамъ. Выхода изъ его положенія ему не представлялось никакого. Мысль о женитьбѣ на богатой наслѣдницѣ, которую ему предлагали его родственницы, была ему противна. Другой выходъ изъ его положенія—смерть матери никогда не приходила ему въ голову. Онъ ничего не желалъ, ни на что не надѣялся и въ самой глубинѣ души испытывалъ мрачное и строгое наслажденіе въ безропотномъ перенесеніи своего положенія. Онъ старался избѣгать прежнихъ знакомыхъ, съ ихъ соболѣзнованіемъ и предложеніями оскорбительной помощи; избѣгалъ всякаго разсѣянія и развлеченія; даже дома ничѣмъ не занимался, кромѣ раскладыванія картъ съ своею матерью, молчаливыми прогулками по комнатѣ и куреніемъ трубки за трубкой. Онъ какъ будто старательно соблюдалъ въ себѣ то мрачное настроеніе духа, въ которомъ одномъ онъ чувствовалъ себя въ состояніи переносить свое положеніе.

VI.

Въ началѣ зимы княжна Марья пріѣхала въ Москву. Изъ городскихъ слуховъ она узнала о положеніи Ростовыхъ и о томъ, какъ «сынъ жертвовалъ собой для матери» (такъ говорили въ городѣ).

«Я и не ожидала отъ него другого», говорила себѣ княжна Марья, чувствуя радостное подтвержденіе своей любви къ нему. Вспоминая свои дружескія и почти родственныя отношенія ко всему семейству, она считала своею обязанностью ѣхать къ нимъ. Но, вспоминая свои отношенія къ Николаю въ Воронежѣ, она боялась этого. Сдѣлавъ надъ собою большое усиліе, она однако черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ городъ пріѣхала къ Ростовымъ.

Николай первый встрѣтилъ ее, такъ какъ къ графинѣ можно было проходить только черезъ его комнату. При первомъ взглядѣ на нее лицо Николая вмѣсто выраженія радости, которую ожи-

дала увидать на немъ княжна Марья, приняло невиданное прежде княжной выраженіе холодности, сухости и гордости. Николай спросилъ о ея здоровьи, проводилъ къ матери и, посидѣвъ минутъ пять, вышелъ изъ комнаты.

Когда княжна выходила отъ графини, Николай опять встрѣтилъ ее и особенно торжественно и сухо проводилъ до передней. Онъ ни слова не отвѣтилъ на ея замѣчанія о здоровьи графини. «Вамъ какое дѣло? Оставьте меня въ покоѣ», говорилъ его взглядъ.

— И что шляется? Чего ей нужно? Терпѣть не могу этихъ барынь и всѣ эти любезности!—сказалъ онъ вслухъ при Сонѣ, видимо не въ силахъ удерживать свою досаду, послѣ того какъ карета княжны отъѣхала отъ дома.

— Ахъ, какъ можно такъ говорить, Nicolas,—сказала Соня, едва скрывая свою радость.—Она такая добрая, и maman такъ любитъ ее.

Николай ничего не отвѣчалъ и хотѣлъ бы вовсе не говорить больше о княжнѣ. Но со времени ея посѣщенія старая графиня всякій день по нѣскольку разъ заговаривала о ней.

Графиня хвалила ее, требовала, чтобы сынъ съѣздилъ къ ней, выражала желаніе видѣть ее почаще, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда становилась не въ духѣ, когда она о ней говорила.

Николай старался молчать, когда мать говорила о княжнѣ, но молчаніе его раздражало графиню.

— Она очень достойная и прекрасная дѣвушка,—говорила она,—и тебѣ надо къ ней съѣздить. Все-таки ты увидишь кого-нибудь; а то тебѣ скука, я думаю, съ нами.

— Да я нисколько не желаю, маменька.

— То хотѣлъ видѣть, а теперь не желаю. Я тебя, мой милый, право, не понимаю. То тебѣ скучно, то ты вдругъ никого не хочешь видѣть.

— Да я не говорилъ, что мнѣ скучно.

— Какъ же, ты самъ сказалъ, что ты и видѣть ее не желаешь. Она очень достойная дѣвушка и всегда тебѣ нравилась; а теперь вдругъ какіе-то резоны. Все отъ меня скрываютъ.

— Да нисколько, маменька.

— Если бъ я тебя просила сдѣлать что-нибудь непріятное, а то я тебя прошу съѣздить отдать визитъ. Кажется, и учтивость требуетъ... Я тебя просила и теперь больше не вмѣшиваюсь, когда у тебя тайны отъ матери.

— Да я поѣду, если вы хотите.

— Мнѣ все равно; я для тебя желаю.

Николай вздыхалъ, кусая усы, и раскладывалъ карты, стараясь отвлечь вниманіе матери на другой предметъ.

На другой, на третій и на четвертый день повторился тотъ же и тотъ же разговоръ.

Послѣ своего посѣщенія Ростовыхъ и того неожиданнаго, холоднаго пріема, сдѣланнаго ей Николаемъ, княжна Марья призналась себѣ, что она была права, не желая ѣхать первая къ Ростовымъ.

— Я ничего и не ожидала другого,—говорила она себѣ, призывая на помощь свою гордость.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до него, и я только хотѣла видѣть старушку, которая была всегда добра ко мнѣ и которой я многимъ обязана.

Но она не могла успокоиться этими разсужденіями: чувство, похожее на раскаяніе, мучило ее, когда она вспоминала свое посѣщеніе. Несмотря на то, что она твердо рѣшилась не ѣздить больше къ Ростовымъ и забыть все это, она чувствовала себя безпрестанно въ неопредѣленномъ положеніи. И когда она спрашивала себя, что же такое было то, что мучило ее, она должна была признаваться, что это были ея отношенія къ Ростову. Его холодный, учтивый тонъ не вытекалъ изъ его чувства къ ней (она это знала), а тонъ этотъ прикрывалъ что-то. Это что-то ей надо было разъяснить; и до тѣхъ поръ она чувствовала, что не могла быть покойна.

Въ серединѣ зимы она сидѣла въ классной, слѣдя за уроками племянника, когда ей пришли доложить о пріѣздѣ Ростова. Съ твердымъ рѣшеніемъ не выдавать своей тайны и не выказать своего смущенія, она пригласила m-lle Bourienne и съ ней вмѣстѣ вышла въ гостиную.

При первомъ взглядѣ на лицо Николая она увидала, что онъ пріѣхалъ только для того, чтобы исполнить долгъ учтивости, и рѣшилась твердо держаться въ томъ самомъ тонѣ, въ которомъ онъ обратился къ ней.

Они заговорили о здоровьи графини, объ общихъ знакомыхъ, о послѣднихъ новостяхъ войны, и когда прошли тѣ требуемыя приличіемъ 10 минутъ, послѣ которыхъ гость можетъ встать, Николай поднялся, прощаясь.

Княжна съ помощью m-lle Bourienne выдержала разговоръ очень хорошо; но въ самую послѣднюю минуту, въ то время, какъ онъ поднялся, она такъ устала говорить о томъ, до чего ей не было дѣла, и мысль о томъ, за что ей одной такъ мало дано радостей въ жизни, такъ заняла ее, что она въ припадкѣ разсѣянности, устремивъ впередъ себя лучистые глаза, сидѣла неподвижно, не замѣчая, что онъ поднялся.

Николай посмотрѣлъ на нее и, желая сдѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ ея разсѣянности, сказалъ нѣсколько словъ m-lle Bourienne и опять взглянулъ на княжну. Она сидѣла такъ же неподвижно, и на нѣжномъ лицѣ ея выражалось страданіе. Ему вдругъ стало жалко ее и смутно представилось, что, можетъ-быть, онъ былъ причиной той печали, которая выражалась на ея лицѣ. Ему захотѣлось помочь ей, сказать ей что-нибудь пріятное; но онъ не могъ придумать, что бы сказать ей.

— Прощайте, княжна,—сказалъ онъ.

Она опомнилась, вспыхнула и тяжело вздохнула.

— Ахъ, виновата,—сказала она, какъ бы проснувшись.— Вы уже ѣдете, графъ? Ну, прощайте! А подушку графинѣ?

— Постойте, я сейчасъ принесу ее, — сказала m-lle Bourienne и вышла изъ комнаты.

Оба молчали, изрѣдка взглядывая другъ на друга.

— Да, княжна,—сказалъ наконецъ Николай, грустно улыбаясь, — недавно кажется, а сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами въ первый разъ видѣлись въ Богучаровѣ. Какъ мы всѣ казались въ несчастьи, а я бы дорого далъ, чтобы воротить это время... да не воротишь.

Княжна пристально глядѣла ему въ глаза своимъ лучистымъ взглядомъ, когда онъ говорилъ это. Она какъ будто старалась понять тотъ тайный смыслъ его словъ, который бы объяснилъ ей его чувство къ ней.

— Да, да, — сказала она. — Но вамъ нечего жалѣть прошедшаго, графъ. Какъ я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда съ наслажденіемъ будете вспоминать ее, потому что самоотверженіе, которымъ вы живете теперь...

— Я не принимаю вашихъ похвалъ,—перебилъ онъ ее поспѣшно.—Напротивъ, я безпрестанно себя упрекаю... Но это совсѣмъ не интересный и невеселый разговоръ.

И опять взглядъ его принялъ прежнее сухое и холодное выраженіе. Но княжна уже увидала въ немъ опять того же человѣка, котораго она знала и любила, и говорила теперь только съ этимъ человѣкомъ.

— Я думала, что вы позволите мнѣ сказать вамъ это,— сказала она.—Мы такъ сблизились съ вами... и съ вашимъ семействомъ, и я думала, что вы не почтете неумѣстнымъ мое участіе; но я ошиблась,—сказала она. Голосъ ея вдругъ дрогнулъ. — Я не знаю почему, — продолжала она, оправившись,— вы прежде были другой и...

— Есть тысячи причинъ *почему* (онъ сдѣлалъ особое удареніе на слово *почему)*. Благодарю васъ, княжна,—сказалъ онъ тихо. — Иногда тяжело.

«Такъ вотъ отчего! Вотъ отчего!» говорилъ внутренній голосъ въ душѣ княжны Марьи. «Нѣтъ, я не одинъ этотъ веселый, добрый и открытый взглядъ, не одну красивую внѣшность полюбила въ немъ; я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу», говорила она себѣ. «Да, онъ теперь бѣденъ, а я богата... Да, только отъ этого... Да, если бъ этого не было...» И, вспоминая прежнюю его нѣжность и теперь глядя на его доброе и грустное лицо, она вдругъ поняла причину его холодности.

— Почему же, графъ, почему? — вдругъ почти вскрикнула она, невольно подвигаясь къ нему.—Почему, скажите мнѣ. Вы должны сказать. (Онъ молчалъ). Я не знаю, графъ, вашего *почему*, — продолжала она. — Но мнѣ тяжело, мнѣ... Я признаюсь вамъ въ этомъ. Вы за что-то хотите лишить меня прежней дружбы. И мнѣ это больно. (У нея слезы были въ глазахъ и въ голосѣ). У меня такъ мало было счастья въ жизни, что мнѣ тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте.—Она вдругъ заплакала и пошла изъ комнаты.

— Княжна! постойте, ради Бога! — вскрикнулъ онъ, стараясь остановить ее. — Княжна!

Она оглянулась. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли въ глаза другъ другу, и далекое, невозможное вдругъ стало близкимъ, возможнымъ и неизбѣжнымъ.

VII.

Осенью 1813-го года Николай женился на княжнѣ Марьѣ и съ женой, матерью и Соней переѣхалъ на житье въ Лысыя Горы.

Въ четыре года онъ, не продавая имѣнія жены, уплатилъ оставшіеся долги и, получивъ небольшое наслѣдство послѣ умершей кузины, заплатилъ и долгъ Пьеру.

Еще черезъ три года, къ 1820-му году, Николай такъ устроилъ свои денежныя дѣла, что прикупилъ небольшое имѣніе подлѣ Лысыхъ Горъ и велъ переговоры о выкупѣ отцовскаго Отраднаго, что составляло его любимую мечту.

Начавъ хозяйничать по необходимости, онъ скоро такъ пристрастился къ хозяйству, что оно сдѣлалось для него любимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ. Николай былъ хозяинъ простой, не любилъ нововведеній, въ особенности ан-

глійскихъ, которыя входили тогда въ моду, смѣялся надъ теоретическими сочиненіями о хозяйствѣ, не любилъ заводовъ, дорогихъ производствъ, посѣвовъ дорогихъ хлѣбовъ и вообще не занимался отдѣльно ни одною частью хозяйства. У него передъ глазами всегда было только одно *имѣніе*, а не какая-нибудь отдѣльная часть его. Въ имѣніи же главнымъ предметомъ былъ не азотъ и не кислородъ, находящіеся въ почвѣ и въ воздухѣ, не особенный плугъ и наземъ, а то главное орудіе, черезъ посредство котораго дѣйствуетъ и азотъ, и кислородъ, и наземъ, и плугъ, т.-е. работникъ, мужикъ. Когда Николай взялся за хозяйство и сталъ вникать въ различныя его части, мужикъ особенно привлекъ къ себѣ его вниманіе; мужикъ представлялся ему не только орудіемъ, но и цѣлью и судьей. Онъ сначала всматривался въ мужика, стараясь понять, что ему нужно, что онъ считаетъ дурнымъ и хорошимъ, и только притворялся, что распоряжается и приказываетъ, въ сущности же только учился у мужиковъ и пріемамъ, и рѣчамъ, и сужденіямъ о томъ, что хорошо и что дурно. И только тогда, когда понялъ вкусы и стремленія мужика, научился говорить его рѣчью и понимать тайный смыслъ его рѣчи, когда почувствовалъ себя сроднившимся съ нимъ, только тогда сталъ онъ смѣло управлять имъ, т.-е. исполнять по отношенію къ мужикамъ ту самую должность, исполненіе которой отъ него требовалось. И хозяйство Николая приносило самые блестящіе результаты.

Принимая въ управленіе имѣніе, Николай сразу, безъ ошибки, по какому-то дару прозрѣнія, назначалъ бурмистромъ, старостой, выборнымъ тѣхъ самыхъ людей, которые были бы выбраны самими мужиками, если бы они могли выбирать, и начальники его никогда не перемѣнялись. Прежде чѣмъ изслѣдовать химическія свойства навоза, прежде чѣмъ вдаваться въ «*дебетъ* и *кредитъ*» (какъ онъ любилъ насмѣшливо говорить), онъ узнавалъ количество скота у крестьянъ и увеличивалъ это количество всѣми возможными средствами. Семьи крестьянъ онъ поддерживалъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, не позволяя дѣлиться. Лѣнивыхъ, развратныхъ и слабыхъ одинаково преслѣдовалъ и старался изгонять изъ общества.

При посѣвахъ и уборкѣ сѣна и хлѣбовъ онъ совершенно одинаково слѣдилъ за своими и мужицкими полями. И у рѣдкихъ хозяевъ были такъ рано и хорошо посѣяны и убраны поля и такъ много дохода, какъ у Николая.

Съ дворовыми онъ не любилъ имѣть никакого дѣла, называлъ ихъ *дармоѣдами* и, какъ всѣ говорили, распустилъ и избаловалъ ихъ; когда надо было сдѣлать какое-нибудь рас-

поряженіе насчетъ двороваго, въ особенности когда надо было наказывать, онъ бывалъ въ нерѣшительности и совѣтовался со всѣми въ домѣ; только когда возможно было отдать въ солдаты вмѣсто мужика двороваго, онъ дѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія. Во всѣхъ же распоряженіяхъ, касавшихся мужиковъ, онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Всякое распоряженіе его — онъ это зналъ — будетъ одобрено всѣми противъ одного или нѣсколькихъ.

Онъ одинаково не позволялъ себѣ утруждать или казнить человѣка потому только, что ему этого такъ хотѣлось, какъ и облегчать и награждать человѣка потому, что въ этомъ состояло его личное желаніе. Онъ не умѣлъ бы сказать, въ чемъ состояло это мѣрило того, что должно и чего не должно; но мѣрило это въ его душѣ было твердо и непоколебимо.

Онъ часто говаривалъ съ досадой о какой-нибудь неудачѣ или безпорядкѣ: «*съ нашимъ русскимъ народомъ*», и воображалъ себѣ, что онъ терпѣть не можетъ мужика.

Но онъ всѣми силами души любилъ этотъ *нашъ русскій народъ* и его бытъ и потому только понялъ и усвоилъ себѣ тотъ единственный путь и пріемъ хозяйства, которые приносили хорошіе результаты.

Графиня Марья ревновала своего мужа къ этой любви его и жалѣла, что не могла въ ней участвовать; но не могла понять радостей и огорченій, доставляемыхъ ему этимъ отдѣльнымъ, чуждымъ для нея міромъ. Она не могла понять, отчего онъ бывалъ такъ особенно оживленъ и счастливъ, когда, вставъ съ зарею и проведя все утро въ полѣ или на гумнѣ, онъ возвращался къ ея чаю съ посѣва, покоса или уборки. Она не понимала, чѣмъ онъ такъ восхищался, разсказывая съ восторгомъ про богатаго хозяйственнаго мужика Матвѣя Ермишина, который всю ночь съ семьей возилъ снопы, и еще ни у кого ничего не было убрано, а у него уже стояли одонья. Она не понимала, отчего онъ такъ радостно, переходя отъ окна къ балкону, улыбался подъ усами и подмигивалъ, когда на засыхающіе всходы овса выпадалъ теплый частый дождикъ, или отчего, когда въ покосъ или уборку угрожающая туча носилась вѣтромъ, онъ, красный, загорѣлый и въ поту, съ запахомъ полыни и горчавки въ волосахъ, приходя съ гумна, радостно потирая руки, говорилъ: «ну, еще денекъ, и мое и крестьянское все будетъ въ гумнѣ».

Еще менѣе могла она понять, почему онъ, съ его добрымъ сердцемъ, съ его всегдашнею готовностью предупредить ея же-

ланія, приходилъ почти въ отчаяніе, когда она передавала ему просьбы какихъ-нибудь бабъ или мужиковъ, обращавшихся къ ней, чтобы освободить ихъ отъ работъ; почему онъ, добрый Nicolas, упорно отказывалъ ей, сердито прося ее не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Она чувствовала, что у него былъ особый міръ, страстно имъ любимый, съ какими-то законами, которыхъ она не понимала.

Когда она, иногда стараясь понять его, говорила ему о заслугѣ, состоящей въ томъ, что онъ дѣлаетъ добро своимъ подданнымъ, онъ сердился и отвѣчалъ: «вотъ ужъ нисколько: никогда и въ голову мнѣ не приходитъ; и для ихъ блага вотъ чего не сдѣлаю. Все это поэзія и бабьи сказки—все это благо ближняго. Мнѣ нужно, чтобы наши дѣти не пошли по міру; мнѣ надо устроить наше состояніе, пока я живъ; вотъ и все. А для этого нуженъ порядокъ, нужна строгость... Вотъ что!» говорилъ онъ, сжимая свой сангвиническій кулакъ. «И справедливость, разумѣется», прибавлялъ онъ, «потому что если крестьянинъ голъ и голоденъ и лошаденка у него одна, такъ онъ ни на себя, ни на меня не сработаетъ».

И, должно-быть, потому, что Николай не позволялъ себѣ мысли о томъ, что онъ дѣлаетъ что-нибудь для другихъ, для добродѣтели, все, что онъ дѣлалъ, было плодотворно: состояніе его быстро увеличивалось; сосѣдніе мужики приходили просить его, чтобы онъ купилъ ихъ, и долго послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи. «Хозяинъ былъ... Напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну, и потачки не давалъ. Одно слово — хозяинъ!»

VIII.

Одно, что иногда мучило Николая по отношенію къ его хозяйничанью, это была его вспыльчивость въ соединеніи съ его старой гусарской привычкой давать волю рукамъ. Въ первое время онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, но на второй годъ своей женитьбы его взглядъ на такого рода расправы вдругъ измѣнился.

Однажды лѣтомъ изъ Богучарова былъ вызванъ староста, замѣнившій умершаго Дрона, обвиняемый въ разныхъ мошенничествахъ и неисправностяхъ. Николай вышелъ къ нему на крыльцо, и, съ первыхъ отвѣтовъ старосты, въ сѣняхъ послышались крики и удары. Вернувшись къ завтраку домой, Николай подошелъ къ женѣ, сидѣвшей съ низко опущенной надъ

пяльцами головой, и сталъ разсказывать ей, по обыкновенію, все то, что занимало его въ это утро, и между прочимъ и про богучаровскаго старосту. Графиня Марья, краснѣя, блѣднѣя и поджимая губы, сидѣла все такъ же, опустивъ голову, и ничего не отвѣчала на слова мужа.

— Этакій наглый мерзавецъ,—говорилъ онъ, горячась при одномъ воспоминаніи. — Ну, сказалъ бы онъ мнѣ, что былъ пьянъ, не видалъ... Да что съ тобой, Мари? — вдругъ спросилъ онъ.

Графиня Марья подняла голову, хотѣла что-то сказать, но опять поспѣшно потупилась и собрала губы.

— Что ты? Что съ тобой, дружокъ мой?

Некрасивая графиня Марья всегда хорошѣла, когда плакала. Она никогда не плакала отъ боли или досады, но всегда отъ грусти и жалости. И когда она плакала, лучистые глаза ея пріобрѣтали неотразимую прелесть.

Какъ только Николай взялъ ее за руку, она не въ силахъ была удерживаться и заплакала.

— Nicolas, я видѣла... онъ виноватъ, но ты, зачѣмъ ты... Nicolas! — и она закрыла лицо руками.

Николай замолчалъ, багрово покраснѣлъ и, отойдя отъ нея, молча сталъ ходить по комнатѣ. Онъ понялъ, о чемъ она плакала; но вдругъ онъ не могъ въ душѣ своей согласиться съ ней, что то, съ чѣмъ онъ сжился съ дѣтства, что онъ считалъ самымъ обыкновеннымъ, было дурно. «Любезности это, бабьи сказки; или она права?» спрашивалъ онъ самъ себя. Не рѣшивъ самъ съ собой этого вопроса, онъ еще разъ взглянулъ на ея страдающее и любящее лицо и вдругъ понялъ, что она была права, а онъ давно уже виноватъ самъ передъ собой.

— Мари, — сказалъ онъ тихо, подойдя къ ней, — этого больше не будетъ никогда; даю тебѣ слово. Никогда,—повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, какъ мальчикъ, который проситъ прощенія.

Слезы еще чаще полились изъ глазъ графини. Она взяла руку мужа и поцѣловала ее.

— Nicolas, когда ты разбилъ камэ?—чтобы перемѣнить разговоръ, сказала она, разглядывая его руку, на которой былъ перстень съ головой Лаокоона.

— Нынче; все то же. Ахъ, Мари, не напоминай мнѣ объ этомъ.—Онъ опять вспыхнулъ.—Даю тебѣ честное слово, что этого больше не будетъ. И пусть это будетъ мнѣ память навсегда, — сказалъ онъ, указывая на разбитый перстень.

Съ тѣхъ поръ, какъ только при объясненіяхъ со старостами и приказчиками кровь бросалась ему въ лицо и руки начинали сжиматься въ кулаки, Николай вертѣлъ разбитый перстень на пальцѣ и опускалъ глаза передъ человѣкомъ, разсердившимъ его. Однакоже раза два въ годъ онъ забывался и тогда, придя къ женѣ, признавался и опять давалъ обѣщаніе, что уже теперь это было послѣдній разъ.

— Мари, ты вѣрно меня презираешь,—говорилъ онъ ей:— я стою этого.

— Ты уйди, уйди поскорѣе, ежели чувствуешь себя не въ силахъ удержаться,—съ грустью говорила графиня Марья, стараясь утѣшить мужа.

Въ дворянскомъ обществѣ губерніи Николай былъ уважаемъ, но не любимъ. Дворянскіе интересы не занимали его. И за это-то одни считали его гордымъ, другіе—глупымъ человѣкомъ. Все время его лѣтомъ, съ весенняго посѣва и до уборки, проходило въ занятіяхъ по хозяйству. Осенью онъ съ тою же дѣловою серьезностью, съ которою занимался хозяйствомъ, предавался охотѣ, уходя на мѣсяцъ и на два въ отъѣздъ съ своей охотой. Зимой онъ ѣздилъ по другимъ деревнямъ или занимался чтеніемъ. Чтеніе его составляли книги, преимущественно историческія, выписывавшіяся имъ ежегодно на извѣстную сумму. Онъ составлялъ себѣ, какъ говорилъ, серьезную библіотеку и за правило поставлялъ прочитывать всѣ тѣ книги, которыя онъ покупалъ. Онъ съ значительнымъ видомъ сиживалъ въ кабинетѣ за этимъ чтеніемъ, сперва возложеннымъ па себя, какъ обязанность, а потомъ сдѣлавшимся привычнымъ занятіемъ, доставлявшимъ ему особаго рода удовольствіе и сознаніе того, что онъ занятъ серьезнымъ дѣломъ. За исключеніемъ поѣздокъ по дѣламъ, бо́льшую часть времени зимой онъ проводилъ дома, сживаясь съ семьей и входя въ мелкія отношенія между матерью и дѣтьми. Съ женой онъ сходился все ближе и ближе, съ каждымъ днемъ открывая въ ней новыя душевныя сокровища.

Соня со времени женитьбы Николая жила въ его домѣ. Еще передъ своей женитьбой Николай, обвиняя себя и хваля ее, разсказалъ своей женѣ все, что было между нимъ и Соней. Онъ просилъ княжну Марью быть ласковой и доброй съ его кузиной. Графиня Марья чувствовала вполнѣ вину своего мужа; чувствовала и свою вину передъ Соней; думала, что ея состояніе имѣло вліяніе на выборъ Николая, не могла ни въ чемъ упрекнуть Соню, желала любить ее; но не только не любила,

а часто находила противъ нея въ своей душѣ злыя чувства и не могла преодолѣть ихъ.

Однажды она разговорилась съ другомъ своимъ Наташей о Сонѣ и о своей къ ней несправедливости.

— Знаешь что,—сказала Наташа:—вотъ ты много читала евангеліе; тамъ есть одно мѣсто прямо о Сонѣ.

— Что? — съ удивленіемъ спросила графиня Марья.

— «Имущему дастся, а у неимущаго отнимется», помнишь? Она—неимущій; за что? не знаю. Въ ней нѣтъ, можетъ-быть, эгоизма — я не знаю; но у ней отнимется, и все отнялось. Мнѣ ее ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я всегда какъ бы предчувствовала, что этого не будетъ. Она — *пустоцвѣтъ;* знаешь, какъ на клубникѣ? Иногда мнѣ ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствуетъ этого, какъ чувствовали бы мы.

И, несмотря на то, что графиня Марья толковала Наташѣ, что эти слова евангелія надо понимать иначе, — глядя на Соню, она соглашалась съ объясненіемъ, даннымъ Наташей. Дѣйствительно, казалось, что Соня не тяготится своимъ положеніемъ и совершенно помирилась съ своимъ назначеніемъ *пустоцвѣта.* Она дорожила, казалось, не столько людьми, сколько всей семьей. Она, какъ кошка, прижилась не къ людямъ, а къ дому. Она ухаживала за старой графиней, ласкала и баловала дѣтей, всегда была готова оказать тѣ мелкія услуги, на которыя она была способна; но все это принималось невольно съ слишкомъ слабою благодарностью...

Усадьба Лысыхъ Горъ была вновь построена, но уже не на ту ногу, на которой она была при покойномъ князѣ.

Постройки, начатыя во времена нужды, были болѣе чѣмъ просты. Огромный домъ, на старомъ каменномъ фундаментѣ, былъ деревянный, оштукатуренный только снутри. Большой помѣстительный домъ, съ некрашенымъ дощатымъ поломъ, былъ меблированъ самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями изъ своихъ березъ и работы своихъ столяровъ. Домъ былъ помѣстителенъ, съ комнатами для дворни и отдѣленіями для пріѣзжихъ. Родные Ростовыхъ и Болконскихъ иногда съѣзжались гостить въ Лысыя Горы семьями, на своихъ 16-ти лошадяхъ, съ десятками слугъ и жили мѣсяцами. Кромѣ того, четыре раза въ годъ, въ именины и рожденья хозяевъ, съѣзжалось до 100 человѣкъ гостей на одинъ-два дня. Остальное время года шла ненарушимо правильная жизнь съ обычными занятіями, чаями, завтраками, обѣдами, ужинами изъ домашней провизіи.

IX.

Былъ канунъ зимняго Николина дня, 5-е декабря 1820 года. Въ этотъ годъ Наташа съ дѣтьми и мужемъ съ начала осени гостила у брата. Пьеръ былъ въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ по своимъ особеннымъ дѣламъ, какъ онъ говорилъ, на три недѣли, и гдѣ онъ теперь проживалъ уже седьмую. Его ждали каждую минуту.

5-го декабря, кромѣ семейства Безуховыхъ, у Ростовыхъ гостилъ еще старый другъ Николая, отставной генералъ Василій Ѳедоровичъ Денисовъ.

6-го числа, въ день торжества, въ который съѣдутся гости, Николай зналъ, что ему придется снять бешметъ, надѣть сюртукъ, съ узкими носками узкіе сапоги и ѣхать въ новую построенную имъ церковь, а потомъ принимать поздравленія и предлагать закуски и говорить о дворянскихъ выборахъ и урожаѣ; но канунъ дня онъ еще считалъ себя въ правѣ провести обычно. До обѣда Николай повѣрилъ счеты бурмистра изъ рязанской деревни, по имѣнію племянника жены, написалъ два письма по дѣламъ и прошелся на гумно, скотный и конный дворы. Принявъ мѣры противъ ожидаемаго на завтра общаго пьянства по случаю престольнаго праздника, онъ пришелъ къ обѣду и, не успѣвъ съ глазу на глазъ переговорить съ женой, сѣлъ за длинный столъ въ 20 приборовъ, за который собрались всѣ домашніе. За столомъ были мать, жившая при ней старушка Бѣлова, жена, трое дѣтей, гувернантка, гувернеръ, племянникъ съ своимъ гувернеромъ, Соня, Денисовъ, Наташа, ея трое дѣтей, ихъ гувернантка и старичокъ Михаилъ Иванычъ, архитекторъ князя, жившій въ Лысыхъ Горахъ на покоѣ.

Графиня Марья сидѣла на противоположномъ концѣ стола. Какъ только мужъ сѣлъ на свое мѣсто, по тому жесту, съ которымъ онъ, снявъ салфетку, быстро передвинулъ стоявшіе передъ нимъ стаканъ и рюмку, графиня Марья рѣшила, что онъ не въ духѣ, какъ это иногда съ нимъ бываетъ, въ особенности передъ супомъ, и когда онъ прямо съ хозяйства придетъ къ обѣду. Графиня Марья знала очень хорошо это его настроеніе, и когда она сама была въ хорошемъ расположеніи, она спокойно ожидала, пока онъ поѣстъ супу, и тогда уже начинала говорить съ нимъ и заставляла его признаваться, что онъ безъ причины былъ не въ духѣ. Но нынче она совершенно забыла это свое наблюденіе; ей стало больно, что онъ безъ причины на нее сердится, и она почувствовала себя несчастной. Она спросила его, гдѣ онъ былъ. Онъ отвѣчалъ. Она

еще спросила, все ли въ порядкѣ по хозяйству. Онъ непріятно поморщился отъ ея ненатуральнаго тона и поспѣшно отвѣтилъ.

«Такъ я не ошибалась», подумала графиня Марья; «и за что онъ на меня сердится?» Въ тонѣ, которымъ онъ отвѣчалъ ей, графиня Марья слышала недоброжелательство къ себѣ и желаніе прекратить разговоръ. Она чувствовала, что ея слова были неестественны; но она не могла удержаться, чтобы не сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

Разговоръ за обѣдомъ, благодаря Денисову, скоро сдѣлался общимъ и оживленнымъ, и графиня Марья не говорила съ мужемъ. Когда вышли изъ-за стола и пришли благодарить старую графиню, графиня Марья поцѣловала, подставляя свою руку, мужа и спросила, за что онъ на нее сердится.

— У тебя всегда странныя мысли: и не думалъ сердиться,— сказалъ онъ.

Но слово *всегда* отвѣчало графинѣ Марьѣ: «да, сержусь и не хочу сказать».

Николай жилъ съ своей женой такъ хорошо, что даже Соня и старая графиня, желавшія, изъ ревности, несогласія между ними, не могли найти предлога для упрека; но и между ними бывали минуты враждебности. Иногда, именно послѣ самыхъ счастливыхъ періодовъ, на нихъ находило вдругъ чувство отчужденности и враждебности; это чувство являлось чаще всего во времена беременности графини Марьи. Теперь они находились въ этомъ періодѣ.

— Ну, messieurs et mesdames, — сказалъ Николай громко и какъ бы весело (графинѣ Марьѣ казалось, что это нарочно, чтобы ее оскорбить).—Я съ шести часовъ на ногахъ. Завтра ужъ надо страдать, а нынче пойти отдохнуть.

И, не сказавъ больше ничего графинѣ Марьѣ, онъ ушелъ въ маленькую диванную и легъ на диванъ.

«Вотъ это всегда такъ», думала графиня Марья. «Со всѣми говоритъ, только не со мной. Вижу, вижу, что я ему противна. Особенно въ этомъ положеніи». Она посмотрѣла на свой высокій животъ и въ зеркало на свое желто-блѣдное и исхудавшее лицо съ болѣе чѣмъ когда-нибудь большими глазами.

И все ей стало непріятно: и крикъ, и хохотъ Денисова, и разговоръ Наташи, и въ особенности тотъ взглядъ, который на нее поспѣшно бросила Соня.

Соня всегда была первымъ предлогомъ, который избирала графиня Марья для своего раздраженія.

Посидѣвъ съ гостями и не понимая ничего изъ того, что̀ они говорили, она потихоньку вышла и пошла въ дѣтскую.

Дѣти на стульяхъ ѣхали въ Москву и пригласили ее съ собой. Она сѣла, поиграла съ ними, но мысль о мужѣ и о безпричинной досадѣ его, не переставая, мучила ее. Она встала и пошла, съ трудомъ ступая на цыпочки, въ маленькую диванную.

«Можетъ, онъ не спитъ; я объяснюсь съ нимъ», сказала она себѣ. Андрюша, старшій мальчикъ, подражая ей, пошелъ за ней на цыпочкахъ. Графиня Марья не замѣтила его.

— Chère Marie, il dort, je crois; il est si fatigué, — сказала (какъ казалось графинѣ Марьѣ) вездѣ встрѣчавшаяся ей Соня въ большой диванной. — Андрюша не разбудилъ бы его.

Графиня Марья оглянулась, увидала за собой Андрюшу, почувствовала, что Соня права, и именно отъ этого вспыхнула и видимо съ трудомъ удержалась отъ жесткаго слова. Она ничего не сказала и, чтобы не послушаться ея, сдѣлала знакъ рукой, чтобы Андрюша не шумѣлъ, а все-таки шелъ за ней, и подошла къ двери. Соня прошла въ другую дверь. Изъ комнаты, въ которой спалъ Николай, слышалось его ровное, знакомое женѣ до малѣйшихъ оттѣнковъ дыханіе. Она, слыша это дыханіе, видѣла передъ собой его гладкій, красивый лобъ, усы, все лицо, на которое она такъ часто подолгу глядѣла, когда онъ спалъ, въ тишинѣ ночи. Николай вдругъ пошевелился и крякнулъ. И въ то же мгновеніе Андрюша изъ-за двери закричалъ: «Папенька, маменька тутъ стоитъ!» Графиня Марья поблѣднѣла отъ испуга и стала дѣлать знаки сыну. Онъ замолкъ, и съ минуту продолжалось страшное для графини Марьи молчаніе. Она знала, какъ не любилъ Николай, чтобы его будили. Вдругъ за дверью послышалось новое кряхтѣнье, движеніе, и недовольный голосъ Николая сказалъ:

— Ни минуты не дадутъ покоя. Мари, ты? Зачѣмъ ты привела его сюда?

— Я подошла только посмотрѣть, я не видала... извини...

Николай закашлялся и замолкъ. Графиня Марья отошла отъ двери и проводила сына въ дѣтскую. Черезъ пять минутъ маленькая черноглазая 3-хлѣтняя Наташа, любимица отца, узнавъ отъ брата, что папенька спитъ, а маменька въ диванной, незамѣченная матерью, побѣжала къ отцу. Черноглазая дѣвочка смѣло скрипнула дверью, подошла энергическими шажками тупыхъ ножекъ къ дивану и, разсмотрѣвъ положеніе отца, спавшаго къ ней спиною, поднялась на цыпочкахъ и поцѣловала лежавшую подъ головой руку отца. Николай обернулся съ умиленной улыбкой на лицѣ.

— Наташа, Наташа!—слышался изъ двери испуганный шопотъ графини Марьи. — Папенька спать хочетъ.

— Нѣтъ, мама, онъ не хочетъ спать,—съ убѣдительностью отвѣчала маленькая Наташа. — Онъ смѣется.

Николай спустилъ ноги, поднялся и взялъ на руки дочь.

— Взойди, Маша, — сказалъ онъ женѣ.

Графиня Марья вошла въ комнату и сѣла подлѣ мужа.

— Я и не видала, какъ онъ за мной прибѣжалъ, — робко сказала она. — Я такъ.

Николай, держа одной рукой дочь, поглядѣлъ на жену и, замѣтивъ виноватое выраженіе ея лица, другой рукой обнялъ ее и поцѣловалъ въ волосы.

— Можно цѣловать маму? — спросилъ онъ у Наташи.

Наташа застѣнчиво улыбнулась.

— Опять! — съ повелительнымъ жестомъ сказала она, указывая на то мѣсто, куда Николай поцѣловалъ жену.

— Я не знаю, отчего ты думаешь, что я не въ духѣ,—сказалъ Николай, отвѣчая на вопросъ, который, онъ зналъ, былъ въ душѣ его жены.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я бываю несчастна, одинока, когда ты такой. Мнѣ все кажется...

— Мари, полно, глупости. Какъ тебѣ не совѣстно,—сказалъ онъ весело.

— Мнѣ кажется, что ты не можешь любить меня, что я такъ дурна... и всегда... а теперь... въ этомъ по...

— Ахъ, какая ты смѣшная! Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ. Это только Malvina и другихъ любятъ за то, что онѣ красивы; а жену развѣ я люблю? Я не люблю, а такъ, не знаю, какъ тебѣ сказать. Безъ тебя и когда вотъ такъ у насъ какая-то кошка пробѣжитъ, я какъ будто пропалъ и ничего не могу. Ну что, я люблю палецъ свой? Я не люблю, а попробуй, отрѣжь его.

— Нѣтъ, я не такъ; но я понимаю. Такъ ты на меня не сердишься?

— Ужасно сержусь, — сказалъ онъ, улыбаясь, и, вставъ и оправивъ волосы, сталъ ходить по комнатѣ.

— Ты знаешь, Мари, о чемъ я думалъ,—началъ онъ теперь, когда примиреніе было сдѣлано, тотчасъ же начиная думать вслухъ при женѣ.

Онъ не спрашивалъ о томъ, готова ли она слушать его: ему все равно было. Мысль пришла ему, стало-быть — и ей. И онъ разсказалъ ей свое намѣреніе уговорить Пьера остаться съ ними до весны.

Графиня Марья выслушала его, сдѣлала замѣчанія и начала въ свою очередь думать вслухъ свои мысли. Ея мысли были о дѣтяхъ.

— Какъ женщина уже видна теперь,—сказала она по-французски, указывая на маленькую Наташу.—Вы насъ, женщинъ, упрекаете въ нелогичности. Вотъ она—наша логика. Я говорю: папа хочетъ спать, а она говоритъ: нѣтъ, онъ смѣется. И она права, — сказала графиня Марья, счастливо улыбаясь.

— Да, да!

И Николай, взявъ на свою сильную руку дочь, высоко поднялъ ее, посадилъ на плечо, перехвативъ за ножки и сталъ съ ней ходить по комнатѣ. У отца и у дочери были одинаково безсмысленно-счастливыя лица.

— А знаешь, ты можешь быть несправедливъ. Ты слишкомъ любишь эту,—шопотомъ по-французски сказала графиня Марья.

— Да, но что жъ дѣлать?.. Я стараюсь не показать...

Въ это время въ сѣняхъ и передней послышались звуки блока и шаговъ, похожихъ на звуки пріѣзда.

— Кто-то пріѣхалъ.

— Я увѣрена, что Пьеръ. Я пойду узнаю,—сказала графиня Марья и вышла изъ комнаты.

Въ ея отсутствіе Николай позволилъ себѣ галопомъ прокатить дочь вокругъ комнаты. Запыхавшись, онъ быстро скинулъ смѣющуюся дѣвочку и прижалъ ее къ груди. Его прыжки напомнили ему танцы, и онъ, глядя на дѣтское круглое счастливое личико, думалъ о томъ, какою она будетъ, когда онъ начнетъ вывозить ее старичкомъ и, какъ бывало покойникъ отецъ танцовывалъ съ дочерью Данилу Купора, пройдется съ нею мазурку.

— Онъ, онъ, Nicolas, — сказала черезъ нѣсколько минутъ графиня Марья, возвращаясь въ комнату.—Теперь ожила наша Наташа. Надо было видѣть ея восторгъ и какъ ему досталось сейчасъ же за то, что онъ просрочилъ. Ну, пойдемъ скорѣе, пойдемъ! Разстаньтесь же наконецъ, — сказала она, улыбаясь глядя на дѣвочку, жавшуюся къ отцу.

Николай вышелъ, держа дочь за руку. Графиня Марья осталась въ диванной.

«Никогда, никогда не повѣрила бы», прошептала она сама съ собой, «что можно быть такъ счастливой». Лицо ея просіяло улыбкой; но въ то же самое время она вздохнула, и тихая грусть выразилась въ ея глубокомъ взглядѣ. Какъ будто, кромѣ того

счастья, которое она испытывала, было другое, недостижимое въ этой жизни, счастье, о которомъ она невольно вспомнила въ эту минуту.

X.

Наташа вышла замужъ ранней весной 1813 года, и у ней въ 1820 году было уже три дочери и одинъ сынъ, котораго она желала и теперь сама кормила. Она пополнѣла и поширѣла, такъ что трудно было узнать въ этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ея опредѣлились и имѣли выраженіе спокойной мягкости и ясности. Въ ея лицѣ не было, какъ прежде, этого непрестанно горѣвшаго огня оживленія, составлявшаго ея прелесть. Теперь часто видно было одно ея лицо и тѣло, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень рѣдко зажигался въ ней теперь прежній огонь. Это бывало только тогда, когда, какъ теперь, возвращался мужъ, когда выздоравливалъ ребенокъ или когда она съ графиней Марьей вспоминала о князѣ Андреѣ (съ мужемъ она, предполагая, что онъ ревнуетъ ее къ памяти князя Андрея, никогда не говорила о немъ) и, очень рѣдко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее въ пѣніе, которое она совершенно оставила послѣ замужества. И въ тѣ рѣдкія минуты, когда прежній огонь зажигался въ ея развившемся красивомъ тѣлѣ, она бывала еще болѣе привлекательна, чѣмъ прежде.

Со времени своего замужества Наташа жила съ мужемъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ подмосковной деревнѣ и у матери, т.-е. у Николая. Въ обществѣ молодую графиню Безухову видѣли мало, и тѣ, которые видѣли, остались ею недовольны. Она не была ни мила, ни любезна. Наташа не то что любила уединеніе (она не знала, любила ли она или нѣтъ, ей даже казалось, что нѣтъ), но она, нося, рождая и кормя дѣтей и принимая участіе въ каждой минутѣ жизни мужа, не могла удовлетворить этимъ потребностямъ иначе, какъ отказавшись отъ свѣта. Всѣ, знавшіе Наташу до замужества, удивлялись происшедшей въ ней перемѣнѣ, какъ чему-то необыкновенному. Одна старая графиня, материнскимъ чутьемъ понявшая, что всѣ порывы Наташи имѣли началомъ только потребность имѣть семью, имѣть мужа,—какъ она, не столько шутя, сколько взаправду, кричала въ Отрадномъ, — мать удивлялась удивленію людей, не понимавшихъ Наташи, и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будетъ примѣрной женой и матерью.

— Она только до крайности доводитъ свою любовь къ мужу и дѣтямъ,—говорила графиня,—такъ что это даже глупо.

Наташа не слѣдовала тому золотому правилу, проповѣдываемому умными людьми, въ особенности французами, и состоящему въ томъ, что дѣвушка, выходя замужъ, не должна опускаться, не должна бросать свои таланты, должна еще болѣе, чѣмъ въ дѣвушкахъ, заниматься своею внѣшностью, должна прельщать мужа такъ же, какъ она прельщала не-мужа. Наташа, напротивъ, бросила сразу всѣ свои очарованья, изъ которыхъ у ней было одно необычайно сильное — пѣніе. Она оттого и бросила его, что это было сильное очарованіе. Наташа не заботилась ни о своихъ манерахъ, ни о деликатности рѣчей, ни о томъ, чтобы показаться своему мужу въ самыхъ выгодныхъ позахъ, ни о своемъ туалетѣ, ни о томъ, чтобы не стѣснять мужа своею требовательностью. Она дѣлала все противное этимъ правиламъ. Она чувствовала, что тѣ очарованія, которыя инстинктъ ея научалъ употреблять прежде, теперь только были бы смѣшны въ глазахъ ея мужа, которому она съ первой минуты отдалась вся, т.-е. всей душой, не оставивъ ни одного уголка не открытымъ для него. Она чувствовала, что связь ея съ мужемъ держалась не тѣми поэтическими чувствами, которыя привлекали его къ ней, а держалась чѣмъ-то другимъ, неопредѣленнымъ, но твердымъ, какъ связь ея собственной души съ тѣломъ.

Взбивать локоны, надѣвать роброны и пѣть романсы для того, чтобы привлечь къ себѣ своего мужа, показалось бы ей такъ же страннымъ, какъ украшать себя для того, чтобы быть самой собою довольной. Украшать же себя для того, чтобы нравиться другимъ, можетъ-быть, это и было бы пріятно ей,—она не знала,—но было совершенно некогда. Главная же причина, по которой она не занималась ни пѣніемъ, ни туалетомъ, ни обдумываніемъ своихъ словъ, состояла въ томъ, что ей было совершенно некогда заниматься этимъ.

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ способность погружаться весь въ одинъ предметъ, какимъ бы онъ ни казался ничтожнымъ. И извѣстно, что нѣтъ такого ничтожнаго предмета, который бы при сосредоточенномъ вниманіи, обращенномъ на него, не разроссся до безконечности.

Предметъ, въ который погрузилась вполнѣ Наташа, была семья, т.-е. мужъ, котораго надо было держать такъ, чтобы онъ нераздѣльно принадлежалъ ей, дому, и дѣти, которыхъ надо было носить, рожать, кормить и воспитывать.

И чѣмъ больше она вникала не умомъ, а всей душой, всѣмъ существомъ своимъ въ занимавшій ее предметъ, тѣмъ болѣе

предметъ этотъ разрастался подъ ея вниманіемъ и тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе казались ей ея силы, такъ что она ихъ всѣ сосредоточивала на одно и то же и все-таки не успѣвала дѣлать всего того, что ей казалось нужно.

Толки и разсужденія о правахъ женщинъ, объ отношеніяхъ супруговъ, о свободѣ и правахъ ихъ, хотя и не назывались еще, какъ теперь, *вопросами*, были тогда точно такіе же, какъ и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она рѣшительно не понимала ихъ.

Вопросы эти и тогда, какъ и теперь, существовали только для тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ одно удовольствіе, получаемое супругами другъ отъ друга, т.-е. одно начало брака, а не все его значеніе, состоящее въ семьѣ.

Разсужденія эти и теперешніе вопросы, подобные вопросамъ о томъ, какимъ образомъ получить какъ можно болѣе удовольствія отъ обѣда, тогда, какъ и теперь, не существуютъ для людей, для которыхъ цѣль обѣда есть питаніе, и цѣль супружества—семья.

Если цѣль обѣда—питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ, можетъ-быть, большаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ.

Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ-быть, получитъ много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть семьи.

Весь вопросъ, ежели цѣль обѣда есть питаніе, а цѣль брака—семья, разрѣшается только тѣмъ, чтобы не ѣсть больше того, что можетъ переварить желудокъ, и не имѣть больше женъ и мужей, чѣмъ столько, сколько нужно для семьи, т.-е. одной и одного. Наташѣ нуженъ былъ мужъ. Мужъ былъ данъ ей. И мужъ далъ ей семью. И въ другомъ лучшемъ мужѣ она не только не видѣла надобности, но, такъ какъ всѣ силы душевныя ея были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семьѣ, она и не могла себѣ представить и не видѣла никакого интереса въ представленіи о томъ, что бы было, если бъ было другое.

Наташа не любила общества вообще, но она тѣмъ болѣе дорожила обществомъ родныхъ—графини Марьи, брата, матери и Сони. Она дорожила обществомъ тѣхъ людей, къ которымъ она, растрепанная, въ халатѣ, могла выйти большими шагами изъ дѣтской, съ радостнымъ лицомъ, и показать пеленку съ желтымъ вмѣсто зеленаго пятномъ и выслушать утѣшенія о томъ, что теперь ребенку гораздо лучше.

Наташа до такой степени опустилась, что ея костюмы, ея прически, ея невпопадъ сказанныя слова, ея ревность — она ревновала къ Сонѣ, къ гувернанткѣ, ко всякой красивой и некрасивой женщинѣ—были обычнымъ предметомъ шутокъ всѣхъ ея близкихъ. Общее мнѣніе было то, что Пьеръ былъ подъ башмакомъ своей жены, и дѣйствительно это было такъ. Съ самыхъ первыхъ дней ихъ супружества Наташа заявила свои требованія. Пьеръ удивился очень этому совершенно новому для него воззрѣнію жены, состоящему въ томъ, что каждая минута его жизни принадлежитъ ей и семьѣ; Пьеръ удивился требованіямъ своей жены, но былъ польщенъ ими и подчинился имъ.

Подвластность Пьера заключалась въ томъ, что онъ не смѣлъ не только ухаживать, но не смѣлъ съ улыбкой говорить съ другой женщиной, не смѣлъ ѣздить въ клубы на обѣды, *такъ*, для того, чтобы провести время, не смѣлъ расходовать деньги для прихотей, не смѣлъ уѣзжать на долгіе сроки, исключая какъ по дѣламъ, въ число которыхъ жена включала и его занятія науками, въ которыхъ она ничего не понимала, но которымъ она приписывала большую важность. Взамѣнъ этого Пьеръ имѣлъ полное право у себя въ домѣ располагать не только самимъ собой, какъ онъ хотѣлъ, но и всей семьей. Наташа у себя въ домѣ ставила себя на ногу рабы мужа; и весь домъ ходилъ на цыпочкахъ, когда Пьеръ занимался—читалъ или писалъ въ своемъ кабинетѣ. Стоило Пьеру показать какое-нибудь пристрастіе, чтобы то, что онъ любилъ, постоянно исполнялось. Стоило ему выразить желаніе, чтобы Наташа вскакивала и бѣжала исполнять его.

Весь домъ руководился только мнимыми повелѣніями мужа, т.-е. желаніями Пьера, которыя Наташа старалась угадывать. Образъ, мѣсто жизни, знакомства, связи, занятія Наташи, воспитаніе дѣтей — не только все дѣлалось по выраженной волѣ Пьера, но Наташа стремилась угадать то, чтó могло вытекать изъ высказанныхъ въ разговорахъ мыслей Пьера. И она вѣрно угадывала то, въ чемъ состояла сущность желаній Пьера, и, разъ угадавъ ее, она уже твердо держалась разъ избраннаго. Когда Пьеръ самъ уже хотѣлъ измѣнить своему желанію, она боролась противъ него его же оружіемъ.

Такъ, въ тяжелое время, навсегда памятное Пьеру, послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось перемѣнить трехъ кормилицъ и Наташа заболѣла отъ отчаянія, Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которыми онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ.

Съ слѣдующимъ ребенкомъ, несмотря на противодѣйствіе матери, докторовъ и самого мужа, возставшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи, тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама.

Весьма часто, въ минуты раздраженія, случалось, что мужъ съ женой спорили, но долго потомъ послѣ спора Пьеръ, къ радости и удивленію своему, находилъ не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ жены свою ту самую мысль, противъ которой она спорила. И не только онъ находилъ ту же мысль, но онъ находилъ ее очищенною отъ всего того, что было лишняго, вызваннаго увлеченіемъ и споромъ, въ выраженіи мысли Пьера.

Послѣ семи лѣтъ супружества Пьеръ чувствовалъ радостное, твердое сознаніе того, что онъ недурной человѣкъ, и чувствовалъ онъ это потому, что онъ видѣлъ себя отраженнымъ въ своей женѣ. Въ себѣ онъ чувствовалъ все хорошее и дурное смѣшаннымъ и затемнявшимъ одно другое. Но на женѣ его отражалось только то, что было истинно хорошо; все не совсѣмъ хорошее было откинуто. И отраженіе это произошло не путемъ логической мысли, а другимъ таинственнымъ, непосредственнымъ отраженіемъ.

XI.

Два мѣсяца тому назадъ Пьеръ, уже гостя у Ростовыхъ, получилъ письмо отъ князя Ѳедора, призывавшаго его въ Петербургъ для обсужденія важныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ Петербургѣ членовъ одного общества, котораго Пьеръ былъ однимъ изъ главныхъ основателей.

Прочтя это письмо, Наташа, такъ какъ она читала всѣ письма мужа, несмотря на всю тяжесть для нея отсутствія мужа, сама предложила ему ѣхать въ Петербургъ. Всему, что было умственнымъ, отвлеченнымъ дѣломъ мужа, она приписывала, не понимая его, огромную важность и постоянно находилась въ страхѣ быть помѣхой въ этой дѣятельности ея мужа. На робкій вопросительный взглядъ Пьера послѣ прочтенія письма она отвѣчала просьбой, чтобы онъ ѣхалъ, но только опредѣлилъ бы ей вѣрно время возвращенія. И отпускъ былъ данъ на четыре недѣли.

Съ того времени, какъ вышелъ срокъ отпуска Пьера, двѣ недѣли тому назадъ, Наташа находилась въ неперестававшемъ состояніи страха, грусти и раздраженія.

Денисовъ, отставной, недовольный настоящимъ положеніемъ, генералъ, пріѣхавшій въ эти послѣднія двѣ недѣли, съ удивленіемъ и грустью, какъ на непохожій портретъ когда-то любимаго человѣка, смотрѣлъ на Наташу. Унылый, скучающій взглядъ, невпопадъ отвѣты и разговоры о дѣтской — было все, что онъ видѣлъ и слышалъ отъ прежней волшебницы.

Наташа была все это время грустна и раздражена, въ особенности тогда, когда, утѣшая ее, мать, братъ, Соня или графиня Марья старались извинить Пьера и придумать причины его замедленія.

— Все глупости, все пустяки, — говорила Наташа, —всѣ его размышленія, которыя ни къ чему не ведутъ, и всѣ эти дурацкія общества, — говорила она о тѣхъ самыхъ дѣлахъ, въ великую важность которыхъ она твердо вѣрила.

И она уходила въ дѣтскую кормить своего единственнаго мальчика Петю. Никто ничего не могъ ей сказать столько успокаивающаго, разумнаго, сколько это трехмѣсячное маленькое существо, когда оно лежало у ея груди и она чувствовала его движеніе рта и сопѣнье носикомъ. Существо это говорило: «Ты сердишься, ты ревнуешь, ты хотѣла бы ему отмстить, ты боишься, а я вотъ онъ. А я вотъ онъ...» И отвѣчать нечего было. Это было больше, чѣмъ правда.

Наташа въ эти двѣ недѣли безпокойства такъ часто прибѣгала къ ребенку за успокоеніемъ, такъ возилась надъ нимъ, что она перекормила его и онъ заболѣлъ. Она ужасалась его болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей этого-то и нужно было. Ухаживая за нимъ, она легче переносила безпокойство о мужѣ.

Она кормила, когда зашумѣлъ у подъѣзда возокъ Пьера, и няня, знавшая, чѣмъ обрадовать барыню, неслышно, но быстро, съ сіяющимъ лицомъ вошла въ дверь.

— Пріѣхалъ?—быстрымъ шопотомъ спросила Наташа, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить засыпавшаго ребенка.

— Пріѣхали, матушка, — прошептала няня.

Кровь бросилась въ лицо Наташи, и ноги невольно сдѣлали движеніе; но вскочить и бѣжать было нельзя. Ребенокъ опять открылъ глазки, взглянулъ. «Ты тутъ», какъ будто сказалъ онъ и опять лѣниво зачмокалъ губами.

Потихоньку отнявъ грудь, Наташа покачала его, передала нянѣ и пошла быстрыми шагами въ дверь. Но у двери она остановилась, какъ бы почувствовавъ упрекъ совѣсти за то, что, обрадовавшись, слишкомъ скоро оставила ребенка, и оглянулась. Няня, поднявъ локти, переносила ребенка за перильцы кровати.

— Да ужъ идите, идите, матушка, будьте покойны, идите,— улыбаясь, прошептала няня, съ фамильярностью, устанавливающеюся между няней и барыней.

И Наташа легкими шагами побѣжала въ переднюю.

Денисовъ съ трубкой, вышедшій въ залу изъ кабинета, тутъ въ первый разъ узналъ Наташу. Яркій, блестящій, радостный свѣтъ лился потоками изъ ея преобразившагося лица.

— Пріѣхалъ!—проговорила она ему на бѣгу, и Денисовъ почувствовалъ, что онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что пріѣхалъ Пьеръ, котораго онъ очень мало любилъ.

Вбѣжавъ въ переднюю, Наташа увидала высокую фигуру въ шубѣ, разматывающую шарфъ. «Онъ! онъ! Правда. Вотъ онъ», проговорила она сама съ собой и, налетѣвъ на него, обняла, прижала къ себѣ, головой къ груди, и потомъ, отстранивъ, взглянула на заиндевѣвшее, румяное и счастливое лицо Пьера. «Да, это онъ; счастливый, довольный...»

И вдругъ она вспомнила всѣ тѣ муки ожиданія, которыя она перечувствовала въ послѣднія двѣ недѣли: сіяющая на ея лицѣ радость скрылась; она нахмурилась, и потокъ упрековъ и злыхъ словъ излился на Пьера.

— Да, тебѣ хорошо, ты очень радъ, ты веселился... А каково мнѣ? Хоть бы ты дѣтей пожалѣлъ. Я кормлю, у меня молоко испортилось... Петя былъ при смерти. А тебѣ очень весело. Да, тебѣ весело...

Пьеръ зналъ, что онъ не виноватъ, потому что ему нельзя было пріѣхать раньше; зналъ, что этотъ взрывъ съ ея стороны неприличенъ, и зналъ, что черезъ двѣ минуты это пройдетъ; онъ зналъ, главное, что ему самому было весело и радостно. Онъ бы хотѣлъ улыбнуться, но и не посмѣлъ подумать объ этомъ. Онъ сдѣлалъ жалкое, испуганное лицо и согнулся.

— Я не могъ, ей-Богу. Но что Петя?

— Теперь ничего, пойдемъ. Какъ тебѣ не совѣстно. Кабы ты могъ видѣть, какая я безъ тебя, какъ я мучилась...

— Ты здорова?

— Пойдемъ, пойдемъ,—говорила она, не выпуская его руки. И они пошли въ свои комнаты.

Когда Николай съ женой пришли отыскивать Пьера, онъ былъ въ дѣтской и держалъ на своей огромной правой ладони проснувшагося грудного сына и тетёшкалъ его. На широкомъ лицѣ его, съ раскрытымъ беззубымъ ртомъ, остановилась веселая улыбка. Буря уже давно вылилась, и яркое, радостное

солнце сіяло на лицѣ Наташи, умиленно смотрѣвшей на мужа и сына.

— И хорошо все переговорили съ княземъ Ѳедоромъ? — говорила Наташа.

— Да, отлично.

— Видишь, держитъ (голову, разумѣла Наташа). Ну, какъ онъ меня напугалъ... А княжну видѣлъ? Правда, что она влюблена въ этого...

— Да, можешь себѣ представить...

Въ это время вошелъ Николай съ графиней Марьей. Пьеръ, не спуская съ рукъ сына, нагнувшись поцѣловался съ ними и отвѣчалъ на разспросы. Но очевидно, несмотря на многое интересное, чтò нужно было переговорить, ребенокъ въ колпачкѣ, съ качающейся головой, поглощалъ все вниманіе Пьера.

— Какъ милъ! — сказала графиня Марья, глядя на ребенка и играя съ нимъ.—Вотъ этого я не понимаю, Nicolas,—обратилась она къ мужу, — какъ ты не понимаешь прелесть этихъ чудо прелестей.

— Не понимаю, не могу, — сказалъ Николай, холоднымъ взглядомъ глядя на ребенка. — Кусокъ мяса. Пойдемъ, Пьеръ.

— Вѣдь, главное, онъ такой нѣжный отецъ, — сказала графиня Марья, оправдывая своего мужа:—но только, когда уже годъ или этакъ...

— Нѣтъ, Пьеръ отлично ихъ няньчитъ,—сказала Наташа;— онъ говоритъ, что у него рука какъ разъ сдѣлана по задку ребенка. Посмотрите.

— Ну, только не для этого,—вдругъ смѣясь сказалъ Пьеръ, перехватывая ребенка и передавая его нянѣ.

XII.

Какъ въ каждой настоящей семьѣ, въ лысо-горскомъ домѣ жило вмѣстѣ нѣсколько совершенно различныхъ міровъ, которые, каждый удерживая свою особенность и дѣлая уступки одинъ другому, сливались въ одно гармоническое цѣлое. Каждое событіе, случавшееся въ домѣ, было одинаково радостно или печально, важно для всѣхъ этихъ міровъ; но каждый міръ имѣлъ совершенно свои, независимыя отъ другихъ, причины радоваться или печалиться какому-либо событію.

Такъ, пріѣздъ Пьера было радостное, важное событіе, и такимъ оно отразилось на всѣхъ.

Слуги—вѣрнѣйшіе судьи господъ, потому что они судятъ не по разговорамъ и выраженіямъ чувствъ, а по дѣйствіямъ и

образу жизни — были рады прiѣзду Пьера, потому что при немъ, они знали, графъ перестанетъ ходить ежедневно по хозяйству и будетъ веселѣе и добрѣе, и еще потому, что всѣмъ будутъ богатые подарки къ празднику.

Дѣти и гувернантки радовались прiѣзду Безухова, потому что никто такъ не вовлекалъ ихъ въ общую жизнь, какъ Пьеръ. Онъ одинъ умѣлъ на клавикордахъ играть тотъ экосезъ (единственная его пьеса), подъ который можно танцовать, какъ онъ говорилъ, всѣ возможные танцы, и онъ привезъ навѣрное всѣмъ подарки.

Николенька, который былъ теперь 15-лѣтнiй худой, съ вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болѣзненный, умный мальчикъ, радовался потому, что дядя Пьеръ, какъ онъ называлъ его, былъ предметомъ его восхищенiя и страстной любви. Никто не внушалъ Николенькѣ особенной любви къ Пьеру, и онъ только изрѣдка видалъ его. Воспитательница его, графиня Марья, всѣ силы употребляла, чтобы заставить Николеньку любить ея мужа такъ же, какъ она его любила; и Николенька любилъ дядю, но любилъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнiя. Пьера же онъ обожалъ. Онъ не хотѣлъ быть ни гусаромъ, ни георгiевскимъ кавалеромъ, какъ дядя Николай; онъ хотѣлъ быть ученымъ, умнымъ и добрымъ, какъ Пьеръ. Въ присутствiи Пьера на его лицѣ было всегда радостное сiянiе, и онъ краснѣлъ и задыхался, когда Пьеръ обращался къ нему. Онъ не проранивалъ ни одного слова изъ того, что говорилъ Пьеръ, и потомъ съ Десалемъ и самъ съ собой вспоминалъ и соображалъ значенiе каждаго слова Пьера. Прошедшая жизнь Пьера, его несчастья до 12-го года (о которыхъ онъ изъ слышанныхъ словъ составилъ себѣ смутное, поэтическое представленiе), его приключенiя въ Москвѣ, плѣнъ, Платонъ Каратаевъ (о которомъ онъ слыхалъ отъ Пьера), его любовь къ Наташѣ (которую тоже особенною любовью любилъ мальчикъ) и, главное, его дружба къ отцу, котораго не помнилъ Николенька, — все это дѣлало изъ Пьера для него героя и святыню.

Изъ прерывавшихся рѣчей о его отцѣ и Наташѣ; изъ того волненiя, съ которымъ Пьеръ говорилъ о покойномъ; изъ той осторожной, благоговѣйной нѣжности, съ которой Наташа говорила о немъ же, мальчикъ, только что начинавшiй догадываться о любви, составилъ себѣ понятiе о томъ, что отецъ его любилъ Наташу и завѣщалъ ее, умирая, своему другу. Отецъ же этотъ, котораго не помнилъ мальчикъ, представлялся ему божествомъ, котораго нельзя было себѣ вообразить и о которомъ онъ иначе не думалъ, какъ съ замиранiемъ сердца и сле-

зами грусти и восторга. И мальчикъ былъ счастливъ вслѣдствіе пріѣзда Пьера.

Гости были рады Пьеру, какъ человѣку, всегда оживлявшему и сплочавшему всякое общество.

Взрослые домашніе, не говоря о женѣ, были рады другу, при которомъ жилось легче и спокойнѣе.

Старушки были рады и подаркамъ, которые онъ привезетъ, и, главное, тому, что опять оживетъ Наташа.

Пьеръ чувствовалъ эти различныя на себя воззрѣнія различныхъ міровъ и спѣшилъ каждому дать ожидаемое.

Пьеръ, самый разсѣянный, забывчивый человѣкъ, теперь, по списку, составленному женой, купилъ все, не забывъ ни комиссіи матери и брата, ни подарковъ на платье Бѣловой, ни игрушекъ племянникамъ. Ему странно показалось въ первое время своей женитьбы это требованіе жены — исполнить и не забыть всего того, что онъ взялся купить — и поразило серьезное огорченіе ея, когда онъ въ первую свою поѣздку все перезабылъ. Но впослѣдствіи онъ привыкъ къ этому. Зная, что Наташа для себя ничего не поручала, а для другихъ поручала только тогда, когда онъ самъ вызывался, онъ теперь находилъ неожиданное для самого себя дѣтское удовольствіе въ этихъ покупкахъ подарковъ для всего дома и никогда никого не забывалъ. Ежели онъ заслуживалъ упреки отъ Наташи, то только за то, что покупалъ лишнее и слишкомъ дорого. Ко всѣмъ своимъ недостаткамъ, по мнѣнію большинства (неряшливости, опущенности), или качествамъ, по мнѣнію Пьера, Наташа присоединила еще скупость.

Съ того самаго времени, какъ Пьеръ сталъ жить большимъ домомъ, семьей, требующей большихъ расходовъ, онъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что онъ проживалъ вдвое меньше, чѣмъ прежде, и что его разстроенныя послѣднее время, въ особенности долгами первой жены, дѣла стали поправляться. Жить было дешевле потому, что жизнь была связана: той самой дорогой роскоши, состоящей въ такомъ родѣ жизни, что всякую минуту можно измѣнить ее, Пьеръ не имѣлъ уже, да и не желалъ имѣть болѣе. Онъ чувствовалъ, что образъ жизни его опредѣленъ теперь разъ навсегда до смерти, что измѣнить его не въ его власти, и потому этотъ образъ жизни былъ дешевъ.

Пьеръ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ разбиралъ свои покупки.

— Каково! — говорилъ онъ, развертывая, какъ лавочникъ, кусокъ матеріи.

Наташа, держа на колѣняхъ старшую дочь и быстро переводя сіяющіе глаза съ мужа на то, что онъ показывалъ, сидѣла противъ него.

— Это для Бѣловой? Отлично. (Она пощупала доброту.) Это по рублю, вѣрно?

Пьеръ сказалъ цѣну.

— Дорого, — сказала Наташа. — Ну, какъ дѣти рады будутъ и maman, Только напрасно ты мнѣ это купилъ, — прибавила она, не въ силахъ удержать улыбку, любуясь на золотой въ жемчугахъ гребень, которые тогда только стали входить въ моду.

— Меня Адель сбила: купите да купите, — сказалъ Пьеръ.

— Когда же я надѣну? — Наташа вложила его въ косу. — Это Машеньку вывозить; можетъ, тогда опять будутъ носить. Ну, пойдемъ.

И, забравъ подарки, они пошли сначала въ дѣтскую, потомъ къ графинѣ.

Графиня по обычаю сидѣла съ Бѣловой за гранъ-пасьянсомъ, когда Пьеръ и Наташа съ свертками подъ мышками вошли въ гостиную.

Графинѣ было уже за 60 лѣтъ. Она была вся сѣда и носила чепчикъ, обхватывающій все лицо рюшемъ. Лицо ея было сморщено, верхняя губа ушла, и глаза были тусклы.

Послѣ такъ быстро послѣдовавшихъ одна за другой смертей сына и мужа она чувствовала себя нечаянно забытымъ на этомъ свѣтѣ существомъ, не имѣющимъ никакой цѣли и смысла. Она ѣла, пила, спала, бодрствовала, но она не жила. Жизнь не давала ей никакихъ впечатлѣній. Ей ничего не нужно было отъ жизни, кромѣ спокойствія, и спокойствіе это она могла найти только въ смерти. Но пока смерть еще не приходила, ей надо было жить, т.-е. употреблять свои силы жизни. Въ ней въ высшей степени было замѣтно то, что замѣтно въ очень маленькихъ дѣтяхъ и очень старыхъ людяхъ. Въ ея жизни не видно было никакой внѣшней цѣли, а очевидно была только потребность упражнять свои различныя склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д. только потому, что у нея былъ желудокъ, былъ мозгъ, были мускулы, нервы и печень. Все это она дѣлала, не вызываемая ничѣмъ внѣшнимъ, не такъ, какъ дѣлаютъ это люди во всей силѣ жизни, когда изъ-за цѣли, къ которой они стремятся, не замѣтна другая цѣль приложенія своихъ силъ. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими, языкомъ. Она пла-

кала, какъ ребенокъ, потому, что ей надо было просморкаться, и т. д. То, что для людей въ полной силѣ представляется цѣлью, для нея, очевидно, былъ предлогъ.

Такъ поутру, въ особенности ежели наканунѣ она покушала чего-нибудь жирнаго, у ней являлась потребность посердиться, и тогда она выбирала ближайшій предлогъ — глухоту Бѣловой.

Она съ другого конца комнаты начинала говорить ей что-нибудь тихо.

— Нынче, кажется, теплѣе, моя милая, — говорила она шопотомъ.

И когда Бѣлова отвѣчала: «Какъ же, пріѣхали», она сердито ворчала: «Боже мой, какъ глуха и глупа!»

Другой предлогъ былъ нюхательный табакъ, который ей казался то сухъ, то сыръ, то дурно растертъ. Послѣ этихъ раздраженій желчь разливалась у нея въ лицѣ, и горничныя ея знали по вѣрнымъ признакамъ, когда будетъ опять глуха Бѣлова и опять табакъ сдѣлается сыръ, и когда будетъ желтое лицо. Такъ же, какъ ей нужно было поработать желчью, такъ нужно ей было иногда поработать оставшимися способностями — мыслить, и для этого предлогомъ былъ пасьянсъ. Когда нужно было поплакать, тогда предметомъ былъ покойный графъ. Когда нужно было тревожиться, предлогомъ былъ Николай и его здоровье. Когда нужно было язвительно поговорить, тогда предлогомъ была графиня Марья. Когда нужно было дать упражненіе органу голоса, — это было большею частью въ 7-мъ часу, послѣ пищеварительнаго отдыха въ темной комнатѣ, — тогда предлогомъ были разсказы все однѣхъ и тѣхъ же исторій и все однимъ и тѣмъ же слушателямъ.

Это состояніе старушки понималось всѣми домашними, хотя никто никогда не говорилъ объ этомъ, и всѣми употреблялись всевозможныя усилія для удовлетворенія этихъ ея потребностей. Только въ рѣдкомъ взглядѣ грустной полуулыбки, обращенной другъ къ другу между Николаемъ, Пьеромъ, Наташей и графиней Марьей, бывало выражаемо это взаимное пониманіе ея положенія.

Но взгляды эти, кромѣ того, говорили еще другое. Они говорили о томъ, что она сдѣлала уже свое дѣло въ жизни; о томъ, что она не вся въ томъ, что теперь видно въ ней; о томъ, что и всѣ мы будемъ такіе же, и что радостно покоряться ей, сдерживать себя для этого когда-то дорогого, когда-то такого же полнаго, какъ и мы, жизни, теперь жалкаго существа. «Memento mori», говорили эти взгляды.

Только совсѣмъ дурные и глупые люди да маленькія дѣти, изъ всѣхъ домашнихъ, не понимали этого и чуждались ея.

XIII.

Когда Пьеръ съ женой пришли въ гостиную, графиня находилась въ привычномъ состоянiи потребности занять себя умственной работой гранъ-пасьянса и потому, несмотря на то, что она по привычкѣ сказала слова, всегда говоримыя ею по возвращенiи Пьера или сына: «Пора, пора, мой милый; заждались. Ну, слава Богу», и при передачѣ ей подарковъ сказала другiя привычныя слова: «Не дорогъ подарокъ, дружокъ. Спасибо, что меня старуху даришь...» — видимо было, что приходъ Пьера былъ ей непрiятенъ въ эту минуту потому, что отвлекалъ ее отъ недоложеннаго гранъ-пасьянса. Она окончила пасьянсъ и тогда только принялась за подарки. Подарки состояли изъ прекрасной работы футляра для картъ, севрской ярко-синей чашки съ крышкой и съ изображенiями пастушекъ и изъ золотой табакерки съ портретомъ графа, который Пьеръ заказывалъ въ Петербургѣ миніатюристу. (Графиня давно желала этого.) Ей не хотѣлось теперь плакать, и потому она равнодушно посмотрѣла на портретъ и занялась больше футляромъ.

— Благодарствуй, мой другъ; ты утѣшилъ меня, — сказала она, какъ всегда говорила. — Но лучше всего, что самъ себя привезъ. А то это ни на что не похоже; хоть бы ты побранилъ свою жену. Что это? Какъ сумасшедшая безъ тебя. Ничего не видитъ, не помнитъ,—говорила она привычныя слова.—Посмотри, Анна Тимоѳеевна, — прибавила она, — какой сынокъ футляръ намъ привезъ.

Бѣлова хвалила подарки и восхищалась своей матерiей.

Хотя Пьеру, Наташѣ, Николаю, графинѣ Марьѣ и Денисову многое нужно было переговорить такого, что не говриилсь при графинѣ, не потому, чтобы что-нибудь скрывалось отъ нея, но потому, что она такъ отстала отъ многаго, что, начавъ говорить про что-нибудь при ней, надо бы было отвѣчать на ея вопросы, некстати вставляемые, и повторять вновь уже нѣсколько разъ повторенное ей: разсказывать, что тотъ умеръ, тотъ женился, чего она не могла вновь запомнить, — но они по обычаю сидѣли за чаемъ въ гостиной у самовара, и Пьеръ отвѣчалъ на вопросы графини, ей самой ненужные и никого не интересующiе, о томъ, что князь Василiй постарѣлъ и что графиня Марья Алексѣевна велѣла кланяться и помнить, и т. д.

Такой разговоръ, никому не интересный, но необходимый, велся во все время чая. За чай вокругъ круглаго стола у самовара, у котораго сидѣла Соня, собирались всѣ взрослые члены

семейства. Дѣти, гувернеры и гувернантки уже отпили чай, и голоса ихъ слышались въ сосѣдней диванной. За чаемъ всѣ сидѣли на обычныхъ мѣстахъ: Николай садился у печки за маленькимъ столикомъ, къ которому ему подавали чай. Старая, съ совершенно сѣдымъ лицомъ, изъ котораго еще рѣзче выкатывались большіе черные глаза, борзая Милка, дочь первой Милки, лежала на креслѣ подлѣ него. Денисовъ съ посѣдѣвшими наполовину курчавыми волосами, усами и бакенбардами, въ разстегнутомъ генеральскомъ сюртукѣ сидѣлъ подлѣ графини Марьи. Пьеръ сидѣлъ между женой и старой графиней. Онъ разсказывалъ то, что—онъ зналъ—могло интересовать старушку и быть понятымъ ей. Онъ говорилъ о внѣшнихъ общественныхъ событіяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые когда-то составляли кружокъ сверстниковъ старой графини, которые когда-то были дѣйствительнымъ, живымъ отдѣльнымъ кружкомъ, но которые теперь, большею частью разбросанные по міру, такъ же, какъ она, доживали свой вѣкъ, собирая остальные колосья того, что они посѣяли въ жизни. Но они-то, эти сверстники, казались старой графинѣ исключительно серьезнымъ и настоящимъ міромъ. По оживленію Пьера Наташа видѣла, что поѣздка его была интересна, что ему многое хотѣлось разсказать, но онъ не смѣлъ говорить при графинѣ. Денисовъ, не будучи членомъ семьи, поэтому не понимая осторожности Пьера, кромѣ того, какъ недовольный, весьма интересовался тѣмъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, и безпрестанно вызывалъ Пьера на разсказы то о только что случившейся исторіи въ Семеновскомъ полку, то объ Аракчеевѣ, то о библейскомъ обществѣ. Пьеръ иногда увлекался и начиналъ разсказывать, но Николай и Наташа всякій разъ возвращали его къ здоровью князя Ивана и графини Марьи Антоновны.

— Ну, что же, все это безуміе, и Госнегъ и Татаг'инова,— спросилъ Денисовъ, — неужели все пг'одолжается?

— Какъ продолжается?—вскрикнулъ Пьеръ.—Сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Библейское общество — это теперь все правительство!

— Это что же, mon cher ami? — спросила графиня, отпившая свой чай и, видимо, желая найти предлогъ для того, чтобы посердиться послѣ пищи.—Какъ же это ты говоришь — правительство; я это не пойму.

— Да, знаете, maman, — вмѣшался Николай, знавшій, какъ надо было переводить на языкъ матери,—это князь А. Н. Голицынъ устроилъ общество; такъ онъ въ большой силѣ, говорятъ.

— Аракчеевъ и Голицынъ,—неосторожно сказалъ Пьеръ,— это теперь все правительство. И какое! Во всемъ видитъ заговоры, всего боятся.

— Что жъ, князь Александръ Николаевичъ-то чѣмъ же виноватъ? Онъ очень почтенный человѣкъ. Я встрѣчала его тогда у Марьи Антоновны, — обиженно сказала графиня и, еще больше обиженная тѣмъ, что всѣ замолчали, продолжала:—Нынче всѣхъ судить стали. Евангелическое общество, ну что жъ дурного?—и она встала (всѣ встали тоже) и съ строгимъ видомъ поплыла въ диванную къ своему столу.

Среди установившагося грустнаго молчанія изъ сосѣдней комнаты послышались дѣтскіе смѣхъ и голоса. Очевидно, между дѣтьми происходило какое-то радостное волненіе.

— Готово, готово! — послышался изъ-за всѣхъ радостный вопль маленькой Наташи.

Пьеръ переглянулся съ графиней Марьей и Николаемъ (Наташу онъ всегда видѣлъ) и счастливо улыбнулся.

— Вотъ музыка-то чудная! — сказалъ онъ.

— Это Анна Макаровна чулокъ кончила, — сказала графиня Марья.

— О, пойду смотрѣть, — вскакивая, сказалъ Пьеръ. — Ты знаешь, — сказалъ онъ, останавливаясь у двери, — отчего я особенно люблю эту музыку — они мнѣ первые даютъ знать, что все хорошо. Нынче ѣду: чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше страхъ. Какъ вошелъ въ переднюю, слышу, заливается Андрюша о чемъ-то, ну, значитъ, все хорошо...

— Знаю, знаю я это чувство,—подтвердилъ Николай.—Мнѣ идти нельзя, вѣдь чулки — сюрпризъ мнѣ.

Пьеръ вошелъ къ дѣтямъ, и хохотъ и крики еще болѣе усилились.

— Ну, Анна Макаровна,—слышался голосъ Пьера,—вотъ сюда на середину и по командѣ: разъ, два, и—когда скажу три. Ты — сюда становись; тебя — на руки. Ну, разъ, два... —проговорилъ голосъ Пьера; сдѣлалось молчаніе. — Три!

И восторженный стонъ дѣтскихъ голосовъ поднялся въ комнатѣ. «Два, два!» кричали дѣти.

Это были два чулка, которые по одному ей извѣстному секрету Анна Макаровна сразу вязала на спицахъ и которые она всегда торжественно при дѣтяхъ вынимала одинъ изъ другого, когда чулокъ былъ довязанъ.

XIV.

Вскорѣ послѣ этого дѣти пришли прощаться. Дѣти перецѣловались со всѣми, гувернеры и гувернантки раскланялись и вышли. Оставался одинъ Десаль съ своимъ воспитанникомъ. Гувернеръ шопотомъ приглашалъ своего воспитанника идти внизъ.

— Non, m-r Dessales, je demanderai à ma tante de rester [1]), — отвѣчалъ также шопотомъ Николенька Болконскій.

— Ma tante, позвольте мнѣ остаться, — сказалъ Николенька, подходя къ теткѣ.

Лицо его выражало мольбу, волненіе и восторгъ. Графиня Марья поглядѣла на него и обратилась къ Пьеру.

— Когда вы тутъ, онъ оторваться не можетъ, — сказала она ему.

— Je vous le ramènerai tout à l'heure, m-r Dessales; bonsoir [2]), — сказалъ Пьеръ, подавая швейцарцу руку, и, улыбаясь, обратился къ Николенькѣ: — Мы совсѣмъ не видались съ тобой. Мари, какъ онъ похожъ становится, — прибавилъ онъ, обращаясь къ графинѣ Марьѣ.

— На отца? — сказалъ мальчикъ, багрово вспыхнувъ и снизу вверхъ глядя на Пьера восхищенными, блестящими глазами.

Пьеръ кивнулъ ему головой и продолжалъ прерванный дѣтьми разсказъ. Графиня Марья работала на рукахъ по канвѣ; Наташа, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа. Николай и Денисовъ вставали, спрашивали трубки, курили, брали чай у Сони, сидѣвшей уныло и упорно за самоваромъ, и разспрашивали Пьера. Кудрявый болѣзненный мальчикъ, съ своими блестящими глазами, сидѣлъ никѣмъ незамѣчаемый въ уголку, и только, поворачивая кудрявую голову на тонкой шеѣ, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ, въ ту сторону, гдѣ былъ Пьеръ, онъ изрѣдка вздрагивалъ и что-то шепталъ самъ съ собой, видимо испытывая какое-то новое и сильное чувство.

Разговоръ вертѣлся на той современной сплетнѣ изъ высшаго управленія, въ которой большинство людей видитъ обыкновенно самый важный интересъ внутренней политики. Денисовъ, недовольный правительствомъ за свои неудачи по службѣ, съ радостью узнавалъ всѣ глупости, которыя, по его мнѣнію, дѣлались теперь въ Петербургѣ, и въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ дѣлалъ свои замѣчанія на слова Пьера.

---

[1]) Нѣтъ, m-r Десаль, я попрошу тетю остаться.

[2]) Я его сейчасъ приведу, m-r Десаль; прощайте.

— Пг'ежде нѣмцамъ надо было быть, тепег'ь надо плясать съ Татаг'иновой и m-me Кг'юднег'ъ, читать... Экаг'стгаузенъ и бг'атію. Охъ! спустилъ бы опять молодца нашего Бонапаг'та. Онъ бы всю дуг'ь повыбилъ. Ну, на что похоже солдату Шваг'цу дать Семеновскій полкъ? — кричалъ онъ.

Николай, хотя безъ того желанія находить все дурнымъ, которое было у Денисова, считалъ также весьма достойнымъ и важнымъ дѣломъ посудить о правительствѣ и считалъ, что то, что А. назначенъ министромъ того-то, а что Б. генералъ-губернаторомъ туда-то, и что государь сказалъ то-то, а министръ то-то,— что все это дѣла очень значительныя. И онъ считалъ нужнымъ интересоваться этимъ и разспрашивалъ Пьера. За разспросами этихъ двухъ собесѣдниковъ разговоръ не выходилъ изъ этого обычнаго характера сплетни высшихъ правительственныхъ сферъ.

Но Наташа, знавшая всѣ пріемы и мысли своего мужа, видѣла, что Пьеръ давно хотѣлъ и не могъ вывести разговоръ на другую дорогу и высказать свою задушевную мысль, ту самую, для которой онъ и ѣздилъ въ Петербургъ совѣтоваться съ новымъ другомъ своимъ княземъ Ѳедоромъ, и она помогла ему вопросомъ: что же его дѣло съ княземъ Ѳедоромъ?

— О чемъ это? — спросилъ Николай.

— Все о томъ же и о томъ же, — сказалъ Пьеръ, оглядываясь вокругъ себя. — Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что это нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ.

— Что жъ честные люди могутъ сдѣлать? — слегка нахмурившись, сказалъ Николай, — что же можно сдѣлать?

— А вотъ что...

— Пойдемте въ кабинетъ, — сказалъ Николай.

Наташа, уже давно угадывавшая, что ее придутъ звать кормить, услыхала зовъ няни и пошла въ дѣтскую. Графиня Марья пошла съ нею. Мужчины пошли въ кабинетъ, и Николенька Болконскій, не замѣченный дядей, пришелъ туда же и сѣлъ въ тѣни, къ окну, у письменнаго стола.

— Ну, что жъ ты сдѣлаешь? — сказалъ Денисовъ.

— Вѣчно фантазіи, — сказалъ Николай.

— Вотъ что, — началъ Пьеръ, не садясь и то ходя по комнатѣ, то останавливаясь, шепелявя и дѣлая быстрые жесты руками въ то время, какъ онъ говорилъ.—Вотъ что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму (мистицизма Пьеръ никому не прощалъ теперь). Онъ ищетъ только спокойствія, и спокой-

ствіе ему могутъ дать только тѣ люди sans foi ni loi [1]), которые рубятъ и душатъ все съ плеча: Магницкій, Аракчеевъ и tutti quanti... Ты согласенъ, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ только спокойствія, то чѣмъ жесточе бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли? — обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь! — сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселенія, — мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ идти. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ, — говорилъ Пьеръ (какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство, вглядѣвшись въ дѣйствія какого бы то ни было правительства, всегда говорятъ люди). — Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому? — спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете кому, — сказалъ Пьеръ, значительно взглядывая исподлобья: — князю Ѳедору и имъ всѣмъ. Соревновать просвѣщенію и благотворительности — все это хорошо, разумѣется. Цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое.

Въ это время Николай замѣтилъ присутствіе племянника. Лицо его сдѣлалось мрачно; онъ подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Отчего? Оставь его, — сказалъ Пьеръ, взявъ за руку Николая, и продолжалъ: — Этого мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: Mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ въ него и, слушая Пьера, недовольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою же цѣлью дѣятельность? — вскрикнулъ онъ. — И въ какія отношенія станете вы къ правительству?

---

[1]) Безъ вѣры и совѣсти.

— Вотъ въ какія! Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть не тайное, ежели правительство его допуститъ. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачевъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселеніе,—мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да; но тайное общество, слѣдовательно, враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? Развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу (тогда еще не смѣли думать, что Россія спасла Европу), произвелъ что-нибудь вредное? Тугендбундъ — это союзъ добродѣтели; это любовь, взаимная помощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ...

Наташа, въ серединѣ разговора вошедшая въ комнату, радостно смотрѣла на мужа. Она не радовалась тому, что̀ онъ говорилъ. Это даже не интересовало ее, потому что ей казалось, что все это было чрезвычайно просто и что она все это давно знала (ей казалось это потому, что она знала все то, изъ чего это выходило — всю душу Пьера); но она радовалась, глядя на его оживленную, восторженную фигуру.

Еще болѣе радостно-восторженно смотрѣлъ на Пьера забытый всѣми мальчикъ, съ тонкой шеей, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ. Всякое слово Пьера жгло его сердце, и онъ нервнымъ движеніемъ пальцевъ ломалъ, самъ не замѣчая этого, попадавшіеся ему въ руки сургучи и перья на столѣ дяди.

— Совсѣмъ не то, что ты думаешь; а вотъ что такое было нѣмецкій тугендбундъ и тотъ, который я предлагаю.

— Ну, бг'атъ, это колбасникамъ хог'ошо — тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговог'ю, — послышался громкій, рѣшительный голосъ Денисова. — Все скверг'но и мег'зко, я согласенъ; только тугендбундъ я не понимаю; а не нг'авится— такъ *бунтъ;* вотъ это та̀къ. Je suis vot'e homme!

Пьеръ улыбнулся, Наташа засмѣялась, но Николай еще болѣе сдвинулъ брови и сталъ доказывать Пьеру, что никакого переворота не предвидится и что вся опасность, о которой онъ говоритъ, находится только въ его воображеніи. Пьеръ доказывалъ противное, и, такъ какъ его умственныя способности были сильнѣе и изворотливѣе, Николай почувствовалъ себя поставленнымъ втупикъ. Это еще больше разсердило его, такъ какъ

онъ въ душѣ своей не по разсужденію, а по чему-то сильнѣйшему, чѣмъ разсужденіе, зналъ несомнѣнную справедливость своего мнѣнія.

— Я вотъ что тебѣ скажу, — проговорилъ онъ, вставая и нервными движеніями уставляя въ уголъ трубку и, наконецъ, бросивъ ее. — Доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно и что будетъ переворотъ; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга—условное дѣло, и на это я тебѣ скажу: что ты лучшій другъ мой, ты это знаешь; но составь вы тайное общество, начни вы противодѣйствовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долгъ повиноваться ему. И вели мнѣ сейчасъ Аракчеевъ идти на васъ съ эскадрономъ и рубить — ни на секунду не задумаюсь и пойду. А тамъ суди, какъ хочешь.

Послѣ этихъ словъ произошло неловкое молчаніе. Наташа первая заговорила, защищая мужа и нападая на брата. Защита ея была слаба и неловка, но цѣль ея была достигнута. Разговоръ снова возобновился и уже не въ томъ непріятно враждебномъ тонѣ, въ которомъ сказаны были послѣднія слова Николая.

Когда всѣ поднялись къ ужину, Николенька Болконскій подошелъ къ Пьеру, блѣдный, съ блестящими, лучистыми глазами.

— Дядя Пьеръ... вы... нѣтъ... Ежели бы папа былъ живъ... онъ бы согласенъ былъ съ вами? — спросилъ онъ.

Пьеръ вдругъ понялъ, какая особенная, независимая, сложная и сильная работа чувства и мысли должна была происходить въ этомъ мальчикѣ во время разговора, и, вспомнивъ все, что онъ говорилъ, ему стало досадно, что мальчикъ слышалъ его. Однако надо было отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, — сказалъ онъ неохотно и вышелъ изъ кабинета.

Мальчикъ нагнулъ голову и тутъ въ первый разъ какъ будто замѣтилъ, что онъ надѣлалъ на столѣ. Онъ вспыхнулъ и подошелъ къ Николаю.

— Дядя, извини меня, это я сдѣлалъ... нечаянно, — сказалъ онъ, показывая на поломанные сургучи и перья.

Николай сердито вздрогнулъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ онъ, бросая подъ столъ куски сургуча и перья.

И, видимо съ трудомъ удерживая поднятый въ немъ гнѣвъ, онъ отвернулся отъ него.

— Тебѣ тутъ и быть вовсе не слѣдовало, — сказалъ онъ.

XV.

За ужиномъ разговоръ не шелъ болѣе о политикѣ и обществахъ, а, напротивъ, затѣялся самый пріятный для Николая— о воспоминаніяхъ 12-го года, на который вызвалъ Денисовъ и въ которомъ Пьеръ былъ особенно милъ и забавенъ. И родные разошлись въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Когда послѣ ужина Николай, раздѣвшись въ кабинетѣ и отдавъ приказанія заждавшемуся управляющему, пришелъ въ халатѣ въ спальню, онъ засталъ жену еще за письменнымъ сто-столомъ: она что-то писала.

— Что ты пишешь, Мари? — спросилъ Николай.

Графиня Марья покраснѣла. Она боялась, что то, что она писала, не будетъ понято и одобрено мужемъ.

Она бы желала скрыть отъ него то, что она писала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рада была тому, что онъ засталъ ее и что надо сказать ему.

— Это дневникъ, Nicolas,—сказала она, подавая ему синенькую тетрадку, исписанную ея твердымъ, крупнымъ почеркомъ.

— Дневникъ?.. — съ оттѣнкомъ насмѣшливости сказалъ Николай и взялъ въ руки тетрадку.

Было написано по-французски:

«4-го декабря. Нынче Андрюша (старшій сынъ), проснувшись, не хотѣлъ одѣваться, и m-lle Louise прислала за мной. Онъ былъ въ капризѣ и упрямствѣ. Я попробовала угрожать, но онъ только еще больше разсердился. Тогда я взяла на себя, оставила его и стала съ няней поднимать другихъ дѣтей, а ему сказала, что я не люблю его. Онъ долго молчалъ, какъ бы удивляясь; потомъ въ одной рубашкѣ выскочилъ ко мнѣ и разрыдался такъ, что я долго не могла его успокоить. Видно было, что онъ мучился больше всего тѣмъ, что огорчилъ меня; потомъ, когда я вечеромъ дала ему билетецъ, онъ опять жалостно расплакался, цѣлуя меня. Съ нимъ все можно сдѣлать нѣжностью».

— Что такое билетецъ? — спросилъ Николай.

— Я начала давать старшимъ по вечерамъ записочки, какъ они вели себя.

Николай взглянулъ въ лучистые глаза, смотрѣвшіе на него, и продолжалъ перелистывать и читать. Въ дневникѣ записывалось все то изъ дѣтской жизни, что для матери казалось замѣчательнымъ, выражая характеръ дѣтей или наводя на общія мысли о пріемахъ воспитанія. Это были большею частью самыя

ничтожныя мелочи; но онѣ не казались таковыми ни матери, ни отцу, когда онъ теперь въ первый разъ читалъ этотъ дѣтскій дневникъ.

5-го декабря было написано:

«Митя шалилъ за столомъ. Папа не велѣлъ ему давать пирожнаго. Ему не дали; но онъ такъ жалостно и жадно смотрѣлъ на другихъ, пока они ѣли. Я думаю, что наказывать, не давая сласти, только развиваетъ жадность. Сказать Nicolas».

Николай оставилъ книжку и посмотрѣлъ на жену. Лучистые глаза вопросительно (одобрялъ или не одобрялъ онъ дневникъ) смотрѣли на него. Не могло быть сомнѣнія не только въ одобреніи, но въ восхищеніи Николая передъ своею женой.

Можетъ-быть, это не нужно было дѣлать такъ педантически; можетъ-быть, и вовсе не нужно, думалъ Николай; но это неустанное, вѣчное, душевное напряженіе, имѣющее цѣлью только нравственное добро дѣтей, восхищало его. Ежели бы Николай могъ сознавать свое чувство, то онъ нашелъ бы, что главное основаніе его твердой, нѣжной и гордой любви къ женѣ имѣло основаніемъ всегда это чувство удивленія передъ ея душевностью, передъ тѣмъ, почти недоступнымъ Николаю, возвышеннымъ нравственнымъ міромъ, въ которомъ всегда жила его жена.

Онъ гордился тѣмъ, что она такъ умна и хороша, сознавая свое ничтожество передъ нею въ мірѣ духовномъ, и тѣмъ болѣе радовался тому, что она съ своей душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого.

— Очень и очень одобряю, мой другъ, — сказалъ онъ съ значительнымъ видомъ; и, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — А я нынче скверно себя велъ. Тебя не было въ кабинетѣ. Мы заспорили съ Пьеромъ, и я погорячился. Да невозможно. Это такой ребенокъ. Я не знаю, что бы съ нимъ было, ежели бы Наташа не держала его подъ уздцы. Можешь себѣ представить, зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ?.. Они тамъ устроили...

— Да, я знаю, — сказала графиня Марья. — Мнѣ Наташа разсказала.

— Ну, такъ ты знаешь,—горячась при одномъ воспоминаніи о спорѣ, продолжалъ Николай.—Онъ хочетъ меня увѣрить, что обязанность всякаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы идти противъ правительства, тогда какъ присяга и долгъ... Я жалѣю, что тебя не было. А то на меня всѣ напали, и Денисовъ, и Наташа... Наташа уморительна. Вѣдь какъ она его подъ башмакомъ держитъ, а чуть дѣло до разсужденій—у ней своихъ словъ нѣтъ — она такъ его словами и говоритъ, — прибавилъ Николай, поддаваясь тому непреодолимому стремленію,

которое вызываетъ на сужденія о людяхъ самыхъ дорогихъ и близкихъ.

Николай забывалъ, что слово въ слово то же, что онъ говорилъ о Наташѣ, можно было сказать о немъ въ отношеніи его жены.

— Да, я это замѣчала, — сказала графиня Марья.

— Когда я ему сказалъ, что долгъ и присяга выше всего, онъ сталъ доказывать Богъ знаетъ что. Жаль, что тебя не было, что бы ты сказала?

— По-моему, ты совершенно правъ. Я такъ и сказала Наташѣ. Пьеръ говоритъ, что всѣ страдаютъ, мучатся, развращаются и что нашъ долгъ—помочь ближнимъ. Разумѣется, онъ правъ,—говорила графиня Марья,—но онъ забываетъ, что у насъ есть другія обязанности ближе, которыя Самъ Богъ указалъ намъ, и что мы можемъ рисковать собой, но не дѣтьми.

— Ну вотъ, вотъ, это самое я и говорилъ ему,—подхватилъ Николай, которому дѣйствительно казалось, что онъ говорилъ это самое. — А они свое: что любовь къ ближнему и христіанство... И все это при Николенькѣ, который тутъ забрался въ кабинетъ и переломалъ все.

— Ахъ, знаешь ли, Nicolas, Николенька такъ часто меня мучитъ,—сказала графиня Марья.—Это такой необыкновенный мальчикъ. И я боюсь, что я забываю его за своими. У насъ у всѣхъ дѣти, у всѣхъ родня; а у него никого нѣтъ. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями.

— Ну, ужъ, кажется, тебѣ себя упрекать за него нечего. Все, что можетъ сдѣлать самая нѣжная мать для своего сына, ты дѣлала и дѣлаешь для него. И я, разумѣется, радъ этому. Онъ славный, славный мальчикъ. Нынче онъ въ какомъ-то безпамятствѣ слушалъ Пьера. И можешь себѣ представить: мы выходимъ къ ужину, я смотрю — онъ изломалъ вдребезги у меня все на столѣ, и сейчасъ же сказалъ. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ сказалъ неправду. Славный, славный мальчикъ!—повторилъ Николай, которому по душѣ не нравился Николенька, но котораго ему всегда хотѣлось признавать славнымъ.

— Все я не то, что мать, — сказала графиня Марья, — я чувствую, что не то, и меня это мучитъ. Чудесный мальчикъ; но я ужасно боюсь за него. Ему полезно будетъ общество.

— Что жъ, не надолго; нынче лѣтомъ я отвезу его въ Петербургъ, — сказалъ Николай. — Да, Пьеръ всегда былъ и останется мечтателемъ, — продолжалъ онъ, возвращаясь къ разговору въ кабинетѣ, который, видимо, взволновалъ его. — Ну, какое дѣло мнѣ до всего этого тамъ, — что Аракчеевъ нехорошъ

и все, — какое мнѣ до этого дѣло было, когда я женился и у меня долговъ столько, что меня въ яму сажаютъ, и мать, которая этого не можетъ видѣть и понимать. А потомъ — ты, дѣти, дѣла. Развѣ я для своего удовольствія съ утра до вечера по дѣламъ и въ конторѣ. Нѣтъ, я знаю, что я долженъ работать, чтобы успокоить мать, отплатить тебѣ и дѣтей не оставить такими нищими, какимъ я былъ.

Графинѣ Марьѣ хотѣлось сказать ему, что не о единомъ хлѣбѣ сытъ будетъ человѣкъ, что онъ слишкомъ много приписываетъ важности этимъ *дѣламъ;* но она знала, что этого говорить не нужно и безполезно. Она только взяла его руку и поцѣловала. Онъ принялъ этотъ жестъ жены за одобреніе и подтвержденіе своихъ мыслей и, подумавъ нѣсколько времени молча, вслухъ продолжалъ свои мысли.

— Ты знаешь, Мари,—сказалъ онъ,—нынче пріѣхалъ Илья Митрофановичъ (это былъ управляющій дѣлами) изъ тамбовской деревни и разсказываетъ, что за лѣсъ уже даютъ 80 тысячъ.

И Николай съ оживленнымъ лицомъ сталъ разсказывать о возможности въ весьма скоромъ времени выкупить Отрадное. «Еще десять годковъ жизни, и я оставлю дѣтямъ... въ отличномъ положеніи».

Графиня Марья слушала мужа и понимала все, что̀ онъ говорилъ ей. Она знала, что когда онъ такъ думалъ вслухъ, онъ иногда спрашивалъ ее, что̀ онъ сказалъ, и сердился, когда замѣчалъ, что она думала о другомъ. Но она дѣлала для этого большія усилія, потому что ее нисколько не интересовало то, что̀ онъ говорилъ. Она смотрѣла на него и не то что думала о другомъ, а чувствовала о другомъ. Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ этому человѣку, который никогда не пойметъ всего того, что̀ она понимаетъ, и какъ бы отъ этого она еще сильнѣе, съ оттѣнкомъ страстной нѣжности, любила его. Кромѣ этого чувства, поглощавшаго ее всю и мѣшавшаго ей вникать въ подробности плановъ мужа, въ головѣ ея мелькали мысли, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что онъ говорилъ. Она думала о племянникѣ (разсказъ мужа о его волненіи при разговорѣ Пьера сильно поразилъ ее), и различныя черты его нѣжнаго, чувствительнаго характера представлялись ей; и она, думая о племянникѣ, думала и о своихъ дѣтяхъ. Она не сравнивала племянника и своихъ дѣтей, но она сравнивала свое чувство къ нимъ и съ грустью находила, что въ чувствѣ ея къ Николенькѣ чего-то недоставало.

Иногда ей приходила мысль, что различіе это происходитъ отъ возраста; но она чувствовала, что была виновата передъ

нимъ, и въ душѣ своей обѣщала себѣ исправиться и сдѣлать невозможное, т.-е. въ этой жизни любить и своего мужа, и дѣтей, и Николеньку, и всѣхъ ближнихъ такъ, какъ Христосъ любилъ человѣчество. Душа графини Марьи всегда стремилась къ безконечному, вѣчному и совершенному и потому никогда не могла быть покойна. На лицѣ ея выступило строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ. Николай посмотрѣлъ на нее. «Боже мой! что съ нами будетъ, если она умеретъ, какъ это мнѣ кажется, когда у нея такое лицо!» подумалъ онъ, и, ставъ передъ образомъ, онъ сталъ читать вечернія молитвы.

XVI.

Наташа, оставшись съ мужемъ одна, тоже разговаривала такъ, какъ только разговариваютъ жена съ мужемъ, т.-е. съ необыкновенною ясностью и быстротой познавая и сообщая мысли другъ друга, путемъ, противнымъ всѣмъ правиламъ логики, безъ посредства сужденій, умозаключеній и выводовъ, а совершенно особеннымъ способомъ. Наташа до такой степени привыкла говорить съ мужемъ этимъ способомъ, что вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что что-нибудь было неладно между ней и мужемъ, для нея служилъ логическій ходъ мыслей Пьера. Когда онъ начиналъ доказывать, говорить разсудительно и спокойно, и когда она, увлекаясь его примѣромъ, начинала дѣлать то же, она знала, что это непремѣнно поведетъ къ ссорѣ.

Съ того самаго времени, какъ они остались одни, и Наташа съ широко раскрытыми счастливыми глазами подошла къ нему тихо и вдругъ, быстро схвативъ его за голову, прижала ее къ своей груди и сказала: «Теперь весь, весь мой, мой! Не уйдешь!»—съ этого времени начался этотъ разговоръ, противный всѣмъ законамъ логики, противный уже потому, что въ одно и то же время говорилось о совершенно различныхъ предметахъ. Это одновременное обсужденіе многого не только не мѣшало ясности пониманія, но, напротивъ, было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что они вполнѣ понимаютъ другъ друга.

Какъ въ сновидѣніи все бываетъ невѣрно, безсмысленно и противорѣчиво, кромѣ чувства, руководящаго сновидѣніемъ, такъ и въ этомъ общеніи, противномъ всѣмъ законамъ разсудка, послѣдовательны и ясны не рѣчи, а только чувство, которое руководитъ ими.

Наташа разсказывала Пьеру о житьѣ-бытьѣ брата, о томъ, какъ она страдала, а не жила безъ мужа, и о томъ, какъ она

еще больше полюбила Мари, и о томъ, какъ Мари во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея. Говоря это, Наташа признавалась искренно въ томъ, что она видитъ превосходство Мари, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, говоря это, требовала отъ Пьера, чтобы онъ все-таки предпочиталъ ее Мари и всѣмъ другимъ женщинамъ и теперь вновь, особенно послѣ того, какъ онъ видѣлъ много женщинъ въ Петербургѣ, повторилъ бы ей это.

Пьеръ, отвѣчая на слова Наташи, разсказалъ ей, какъ невыносимо было для него въ Петербургѣ бывать на вечерахъ и обѣдахъ съ дамами.

— Я совсѣмъ разучился говорить съ дамами,—сказалъ онъ,—просто скучно. Особенно я такъ былъ занятъ.

Наташа пристально посмотрѣла на него и продолжала:

— Мари — это такая прелесть! — сказала она. — Какъ она умѣетъ понимать дѣтей. Она какъ будто только душу ихъ видитъ. Вчера, напримѣръ, Митенька сталъ капризничать...

— А какъ онъ похожъ на отца, — перебилъ Пьеръ.

Наташа поняла, почему онъ сдѣлалъ это замѣчаніе о сходствѣ Митеньки съ Николаемъ; ему непріятно было воспоминаніе о его спорѣ съ шуриномъ и хотѣлось знать объ этомъ мнѣніе Наташи.

— У Николеньки есть эта слабость, что если что не принято всѣми, онъ ни за что не согласится. А я понимаю, ты именно дорожишь тѣмъ, чтобы ouvrir une carrière [1]),— сказала она, повторяя слова, разъ сказанныя Пьеромъ.

— Нѣтъ, главное то, что для Николая,—сказалъ Пьеръ,— мысли и разсужденія — забава, почти препровожденіе времени. Вотъ онъ собираетъ библіотеку и за правило постановилъ не покупать новую книгу, не прочтя купленную — и Сисмонди, и Руссо, и Монтескье,—съ улыбкой прибавилъ Пьеръ.—Ты вѣдь знаешь, какъ я его...—началъ было онъ смягчать свои слова; но Наташа перебила его, давая чувствовать, что это не нужно.

— Такъ ты говоришь, для него мысли — забава...

— Да, а для меня все остальное — забава. Я все время въ Петербургѣ какъ во снѣ всѣхъ видѣлъ. Когда меня занимаетъ мысль, то все остальное — забава.

— Ахъ, какъ жаль, что я не видала, какъ ты здоровался съ дѣтьми,—сказала Наташа.—Которая больше всѣхъ обрадовалась? Вѣрно, Лиза?

— Да,—сказалъ Пьеръ и продолжалъ то, что занимало его.— Николай говоритъ, мы не должны думать. Да я не могу. Не го-

---

1) Открыть новую область дѣятельности.

воря уже о томъ, что въ Петербургѣ я чувствовалъ это (я тебѣ могу сказать), что безъ меня все это распадалось, каждый тянулъ въ свою сторону. Но мнѣ удалось всѣхъ соединить, и потомъ моя мысль такъ проста и ясна. Вѣдь я не говорю, что мы должны противодѣйствовать тому-то и тому-то. Мы можемъ ошибаться. А я говорю: возьмитесь рука съ рукой тѣ, которые любятъ добро, и пусть будетъ одно знамя — дѣятельная добродѣтель. Князь Сергій славный человѣкъ и уменъ.

Наташа не сомнѣвалась бы въ томъ, что мысль Пьера была великая мысль, но одно смущало ее. Это было то, что онъ былъ ея мужъ. «Неужели такой важный и нужный человѣкъ для общества вмѣстѣ съ тѣмъ мой мужъ. Отчего это такъ случилось?» Ей хотѣлось выразить ему это сомнѣніе. «Кто и кто тѣ люди, которые могли бы рѣшить, дѣйствительно ли онъ такъ умнѣе всѣхъ?» спрашивала она себя и перебирала въ своемъ воображеніи тѣхъ людей, которые были очень уважаемы Пьеромъ. Никого изъ всѣхъ людей, судя по его разсказамъ, онъ такъ не уважалъ, какъ Платона Каратаева.

— Ты знаешь, о чемъ я думаю?—сказала она:—о Платонѣ Каратаевѣ. Какъ онъ? Одобрилъ бы тебя теперь?

Пьеръ нисколько не удивился этому вопросу. Онъ понялъ ходъ мыслей жены.

— Платонъ Каратаевъ?—сказалъ онъ и задумался, видимо искренно стараясь представить себѣ сужденіе Каратаева объ этомъ предметѣ. — Онъ не понялъ бы; а впрочемъ, можетъ-быть, что да.

— Я ужасно люблю тебя! — сказала вдругъ Наташа.— Ужасно, ужасно!

— Нѣтъ, не одобрилъ бы, — сказалъ Пьеръ, подумавъ.— Что̀ онъ одобрилъ бы, это нашу семейную жизнь. Онъ такъ желалъ видѣть во всемъ благообразіе, счастье, спокойствіе, и я съ гордостью бы показалъ ему насъ. Вотъ ты говоришь — разлука. А ты не повѣришь, какое особенное чувство я къ тебѣ имѣю послѣ разлуки...

— Да вотъ еще... — начала было Наташа.

— Нѣтъ, не то. Я никогда не перестаю тебя любить. И больше любить нельзя; а это особенно... Ну да...—онъ не договорилъ, потому что встрѣтившійся взглядъ ихъ договорилъ остальное.

— Какія глупости,—вдругъ сказала Наташа,—медовый мѣсяцъ и что самое счастье въ первое время. Напротивъ, теперь самое лучшее. Ежели бы ты только не уѣзжалъ. Помнишь, какъ мы ссорились. И всегда я была виновата. Всегда я. И о чемъ мы ссорились, я не помню даже.

— Все объ одномъ, — сказалъ Пьеръ улыбаясь, — ровно...

— Не говори, терпѣть не могу, — вскрикнула Наташа, и холодный, злой блескъ засвѣтился въ ея глазахъ.—Ты видѣлъ ее? — прибавила она, помолчавъ.

— Нѣтъ; да и видѣлъ бы, не узналъ.

Они помолчали.

— Ахъ, знаешь? Когда ты въ кабинетѣ говорилъ, я смотрѣла на тебя, — заговорила Наташа, видимо стараясь отогнать набѣжавшее облако. — Ну, двѣ капли воды ты на него похожъ, на мальчика. (Она такъ называла сына.) Ахъ, пора къ нему идти... Пришло... А жалко уходить.

Они замолчали на нѣсколько секундъ. Потомъ вдругъ въ одно и то же время повернулись другъ къ другу и начали что-то говорить. Пьеръ началъ съ самодовольствіемъ и увлеченіемъ; Наташа — съ тихой, счастливой улыбкой. Столкнувшись, они оба остановились, давая другъ другу дорогу.

— Нѣтъ, ты что? говори, говори.

— Нѣтъ, ты скажи; я такъ, глупости,—сказала Наташа.

Пьеръ сказалъ то, что̀ онъ началъ. Это было продолженіе его самодовольныхъ разсужденій о его успѣхѣ въ Петербургѣ. Ему казалось въ эту минуту, что онъ былъ призванъ дать новое направленіе всему русскому обществу и всему міру.

— Я хотѣлъ сказать только, что всѣ мысли, которыя имѣютъ огромныя послѣдствія, всегда просты. Вся моя мысль въ томъ, что ежели люди порочные связаны между собой и составляютъ силу, то людямъ честнымъ надо сдѣлать только то же самое. Вѣдь какъ просто!

— Да.

— А ты что хотѣла сказать?

— Я такъ, глупости.

— Нѣтъ, все-таки.

— Да ничего, пустяки,—сказала Наташа, еще свѣтлѣе просіявъ улыбкой:—я только хотѣла сказать про Петю: нынче няня подходитъ взять его отъ меня, онъ засмѣялся, зажмурился и прижался ко мнѣ; вѣрно, думалъ, что спрятался. Ужасно милъ. Вотъ онъ кричитъ. Ну, прощай! — И она пошла изъ комнаты.

Въ то же время внизу, въ отдѣленіи Николеньки Болконскаго, въ его спальнѣ, какъ всегда, горѣла лампада (мальчикъ боялся темноты, и его не могли отучить отъ этого недостатка). Десаль спалъ высоко на своихъ четырехъ подушкахъ, и его римскій носъ издавалъ равномѣрные звуки храпѣнья. Николенька, только что проснувшись, въ холодномъ поту, съ широко-раскрытыми глазами, сидѣлъ на своей постели и смотрѣлъ

передъ собою. Страшный сонъ разбудилъ его. Онъ видѣлъ во снѣ себя и Пьера въ каскахъ, такихъ, которыя были нарисованы въ изданіи Плутарха. Они съ дядей Пьеромъ шли впереди огромнаго войска. Войско это было составлено изъ бѣлыхъ косыхъ линій, наполнявшихъ воздухъ подобно тѣмъ паутинамъ, которыя летаютъ осенью и которыя Десаль называлъ le fil de la Vierge. Впереди была слава, такая же, какъ и эти нити, но только нѣсколько плотнѣе. Они — онъ и Пьеръ — неслись легко и радостно все ближе и ближе къ цѣли. Вдругъ нити, которыя двигали ихъ, стали ослабѣвать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильичъ остановился передъ ними въ грозной и строгой позѣ.

«Это вы сдѣлали?» сказалъ онъ, указывая на поломанные сургучи и перья. «Я любилъ васъ, но Аракчеевъ велѣлъ мнѣ, и я убью перваго, кто двинется впередъ». Николенька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьеръ былъ отецъ— князь Андрей, и отецъ не имѣлъ образа и формы, но онъ былъ, и, видя его, Николенька почувствовалъ слабость любви: онъ почувствовалъ себя безсильнымъ, безкостнымъ и жидкимъ. Отецъ ласкалъ и жалѣлъ его. Но дядя Николай Ильичъ все ближе и ближе надвигался на нихъ. Ужасъ охватилъ Николеньку, и онъ проснулся.

«Отецъ», думалъ онъ. «Отецъ (несмотря на то, что въ домѣ было два похожихъ портрета, Николенька никогда не воображалъ князя Андрея въ человѣческомъ образѣ), отецъ былъ со мною и ласкалъ меня. Онъ одобрялъ меня, онъ одобрялъ дядю Пьера. Что бы онъ ни говорилъ, я сдѣлаю это. Муцій Сцевола сжегъ свою руку. Но отчего же и у меня въ жизни не будетъ того же? Я знаю, они хотятъ, чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда-нибудь я перестану; и тогда я сдѣлаю. Я только объ одномъ прошу Бога: чтобы было со мною то, что было съ людьми Плутарха, и я сдѣлаю то же. Я сдѣлаю лучше. Всѣ узнаютъ, всѣ полюбятъ, всѣ восхитятся мною». И вдругъ Николенька почувствовалъ рыданія, захватившія его грудь, и заплакалъ.

— Etes-vous indisposé? [1]) — послышался голосъ Десаля.

— Non, — отвѣчалъ Николенька и легъ на подушку.

«Онъ добрый и хорошій, я люблю его», думалъ онъ о Десалѣ. «А дядя Пьеръ? О, какой чудный человѣкъ! А отецъ? Отецъ! Отецъ! Да, я сдѣлаю то, чѣмъ бы даже *онъ* былъ доволенъ...»

---

[1]) Вы нездоровы?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Предметъ исторіи есть жизнь народовъ и человѣчества. Непосредственно уловить и обнять словомъ — описать жизнь не только человѣчества, но одного народа, представляется невозможнымъ.

Всѣ древніе историки употребляли одинъ и тотъ же пріемъ для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали дѣятельность единичныхъ людей, правящихъ народомъ; и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа.

На вопросы о томъ, какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народы по своей волѣ и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали: на первый вопросъ — признаніемъ воли Божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка, и на второй вопросъ—признаніемъ того же Божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли.

Для древнихъ вопросы эти разрѣшались вѣрою въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества.

Новая исторія въ теоріи своей отвергла оба эти положенія.

Казалось бы, что, отвергнувъ вѣрованія древнихъ о подчиненіи людей Божеству и объ опредѣленной цѣли, къ которой ведутся народы, новая исторія должна бы была изучать не проявленія власти, а причины, образующія ее. Но новая исторія не сдѣлала этого. Отвергнувъ въ теоріи воззрѣнія древнихъ, она слѣдуетъ имъ на практикѣ.

Вмѣсто людей, одаренныхъ божественною властью и непосредственно руководимыхъ волею Божества, новая исторія поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообраз-

ныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами. Вмѣсто прежнихъ, угодныхъ Божеству, цѣлей народовъ: іудейскаго, греческаго, римскаго, которыя древнимъ представлялись цѣлями движенія человѣчества, новая исторія поставила свои цѣли — блага французскаго, германскаго, англійскаго и, въ самомъ своемъ высшемъ отвлеченіи, цѣли блага цивилизаціи всего человѣчества, подъ которымъ разумѣются обыкновенно народы, занимающіе маленькій сѣверо-западный уголокъ большого материка.

Новая исторія отвергла вѣрованія древнихъ, не поставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнія, и логика положенія заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей и фатумъ древнихъ, придти другимъ путемъ къ тому же самому: къ признанію того, что 1) народы руководятся единичными людьми, и 2) что существуетъ извѣстная цѣль, къ которой движутся народы и человѣчество.

Во всѣхъ сочиненіяхъ новѣйшихъ историковъ отъ Гибона до Бокля, несмотря на ихъ кажущееся разногласіе и на кажущуюся новизну ихъ воззрѣній, лежатъ въ основѣ эти два старыя неизбѣжныя положенія.

Во-первыхъ, историкъ описываетъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, по его мнѣнію, руководившихъ человѣчествомъ: одинъ считаетъ таковыми однихъ монарховъ, полководцевъ, министровъ; другой, кромѣ монарховъ, — и ораторовъ, ученыхъ, реформаторовъ, философовъ, поэтовъ. Во-вторыхъ, цѣль, къ которой ведется человѣчество, извѣстна историку: для одного цѣль эта есть величіе римскаго, испанскаго, французскаго государствъ, для другого — это свобода, равенство, извѣстнаго рода цивилизація маленькаго уголка міра, называемаго Европою.

Въ 1789-мъ году поднимается броженіе въ Парижѣ; оно растетъ, разливается и выражается движеніемъ народовъ съ запада на востокъ. Нѣсколько разъ движеніе это направляется на востокъ, приходитъ въ столкновеніе съ противодвиженіемъ съ востока на западъ; въ 12-мъ году оно доходитъ до своего крайняго предѣла — Москвы, и, съ замѣчательной симметріей, совершается противодвиженіе съ востока на западъ, точно такъ же, какъ и въ первомъ движеніи, увлекая за собой серединные народы. Обратное движеніе доходитъ до точки исхода движенія на западѣ — до Парижа — и затихаетъ.

Въ этотъ 20-тилѣтній періодъ времени огромное количество полей не паханы, дома сожжены, торговля перемѣняетъ направленіе; милліоны людей бѣднѣютъ, богатѣютъ, переселяются, и

милліоны людей христіанъ, исповѣдующихъ законъ любви ближняго, убиваютъ другъ друга.

Что такое все это значитъ? Отъ чего произошло это? Что заставляло этихъ людей сжигать дома и убивать себѣ подобныхъ? Какія причины этихъ событій? Какая сила заставила этихъ людей поступать такимъ образомъ? — вотъ невольные, простодушные и самые законные вопросы, которые предлагаетъ себѣ человѣчество, натыкаясь на памятники и преданія прошедшаго періода движенія.

За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ здравый смыслъ человѣчества обращается къ наукѣ исторіи, имѣющей цѣлью самопознаніе народовъ и человѣчества.

Ежели бы исторія удержала воззрѣнія древнихъ, она бы сказала: Божество, въ награду или въ наказаніе своему народу, дало Наполеону власть и руководило его волей для достиженія Своихъ божественныхъ цѣлей. И отвѣтъ былъ бы полный и ясный. Можно было вѣровать или не вѣровать въ божественное значеніе Наполеона; для вѣрующаго въ него во всей исторіи этого времени все бы было понятно и не могло бы быть ни одного противорѣчія.

Но новая исторія не можетъ отвѣчать такимъ образомъ. Наука не признаетъ воззрѣнія древнихъ на непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества, и потому она должна дать другіе отвѣты.

Новая исторія, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ: вы хотите знать, что значитъ это движеніе, отъ чего оно произошло, и какая сила произвела эти событія? Слушайте:

«Людовикъ XIV былъ очень гордый и самонадѣянный человѣкъ; у него были такія-то любовницы и такіе-то министры, и онъ дурно управлялъ Франціей. Наслѣдники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Франціей. И у нихъ были такіе-то любимцы и такія-то любовницы. Притомъ нѣкоторые люди писали въ это время книжки. Въ концѣ XVIII столѣтія въ Парижѣ собралось десятка два людей, которые стали говорить о томъ, что всѣ люди равны и свободны. Отъ этого во всей Франціи люди стали рѣзать и топить другъ друга. Люди эти убили короля и еще многихъ. Въ это же время во Франціи былъ геніальный человѣкъ — Наполеонъ. Онъ вездѣ всѣхъ побѣждалъ, т.-е. убивалъ много людей, потому что онъ былъ очень геніаленъ. И онъ поѣхалъ убивать для чего-то африканцевъ, и такъ хорошо ихъ убивалъ и былъ такой хитрый и умный, что, пріѣхавъ во Францію, велѣлъ всѣмъ себѣ повиноваться. И всѣ повиновались ему. Сдѣлав-

шись императоромъ, онъ опять пошелъ убивать народъ въ Италіи, Австріи и Пруссіи. И тамъ много убилъ. Въ Россіи же былъ императоръ Александръ, который рѣшился возстановить порядокъ въ Европѣ и потому воевалъ съ Наполеономъ. Но въ 7-мъ году онъ вдругъ подружился съ нимъ, а въ 11-мъ опять поссорился, и опять они стали убивать много народу. И Наполеонъ привелъ 600 тысячъ человѣкъ въ Россію и завоевалъ Москву; а потомъ онъ вдругъ убѣжалъ изъ Москвы, и тогда императоръ Александръ, съ помощью совѣтовъ Штейна и другихъ, соединилъ Европу для ополченія противъ нарушителя ея спокойствія. Всѣ союзники Наполеона сдѣлались вдругъ его врагами; и это ополченіе пошло противъ собравшаго новыя силы Наполеона. Союзники побѣдили Наполеона; вступили въ Парижъ; заставили Наполеона отречься отъ престола и послали его на островъ Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уваженіе, несмотря на то, что 5 лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ этого всѣ его считали разбойникомъ внѣ закона. А царствовать сталъ Людовикъ XVIII, надъ которымъ до тѣхъ поръ и французы и союзники только смѣялись. Наполеонъ же, проливая слезы передъ старой гвардіей, отрекся отъ престола и поѣхалъ въ изгнаніе. Потомъ искусные государственные люди и дипломаты (въ особенности Талейранъ, успѣвшій сѣсть прежде другого на извѣстное кресло и тѣмъ увеличившій границы Франціи) разговаривали въ Вѣнѣ и этими разговорами дѣлали народы счастливыми или несчастными. Вдругъ дипломаты и монархи чуть было не поссорились, они уже готовы были опять велѣть своимъ войскамъ убивать другъ друга; но въ это время Наполеонъ съ батальономъ пріѣхалъ во Францію, и французы, ненавидѣвшіе его, тотчасъ же всѣ ему покорились. Но союзные монархи за это разсердились и пошли опять воевать съ французами. И геніальнаго Наполеона побѣдили и повезли на островъ Елены, вдругъ признавъ его разбойникомъ. И тамъ изгнанникъ, разлученный съ милыми сердцу и съ любимой имъ Франціей, умиралъ на скалѣ медленною смертью и передалъ свои великія дѣянія потомству. А въ Европѣ произошла реакція, и всѣ государи стали опять обижать свои народы».

Напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка—карикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *вся* исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новаго рода исторій *культуры* того времени.

Странность и комизмъ этихъ отвѣтовъ вытекаютъ изъ того, что новая исторія подобна глухому человѣку, отвѣчающему на вопросы, которыхъ никто ему не дѣлаетъ.

Если цѣль исторіи есть описаніе движенія человѣчества и народовъ, то первый вопросъ, безъ отвѣта на который все остальное непонятно, слѣдующій: какая сила движетъ народами? На этотъ вопросъ новая исторія озабоченно разсказываетъ или то, что Наполеонъ былъ очень геніаленъ, или то, что Людовикъ XIV былъ очень гордъ, или еще то, что такіе-то писатели написали такія-то книжки.

Все это очень можетъ быть, и человѣчество готово на это согласиться; но оно не объ этомъ спрашиваетъ. Все это могло бы быть интересно, если бы мы признавали божественную власть, основанную на самой себѣ и всегда одинаковую, управляющею своими народами черезъ Наполеоновъ, Людовиковъ и писателей; но власти этой мы не признаемъ, и потому прежде, чѣмъ говорить о Наполеонахъ, Людовикахъ и писателяхъ, надо показать существенную связь между этими лицами и движеніемъ народовъ.

Если вмѣсто божественной власти стала другая сила, то надо объяснить, въ чемъ состоитъ эта новая сила, ибо именно въ этой-то силѣ и заключается весь интересъ исторіи.

Исторія какъ будто предполагаетъ, что сила эта сама собой разумѣется и всѣмъ извѣстна. Но, несмотря на все желаніе признать эту новую силу извѣстною, тотъ, кто прочтетъ очень много историческихъ сочиненій, невольно усомнится въ томъ, чтобы новая сила эта, такъ различно понимаемая самими историками, была всѣмъ совершенно извѣстна.

II.

Какая сила движетъ народами?

Частные историки біографическіе и историки отдѣльныхъ народовъ понимаютъ эту силу, какъ власть, присущую героямъ и владыкамъ. По ихъ описаніямъ, событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ или вообще тѣхъ лицъ, которыхъ описываетъ частный историкъ. Отвѣты, даваемые этого рода историками на вопросъ о той силѣ, которая движетъ событіями, удовлетворительны, но только до тѣхъ поръ, пока существуетъ одинъ историкъ по каждому событію. Но какъ скоро историки различныхъ національностей и воззрѣній начинаютъ описывать одно и то же событіе, то отвѣты, ими даваемые, тотчасъ же теряютъ весь смыслъ, ибо сила эта понимается

каждымъ изъ нихъ не только различно, но часто совершенно противоположно. Одинъ историкъ утверждаетъ, что событіе произведено властью Наполеона; другой утверждаетъ, что оно произведено властью Александра; третій — что властью какого-нибудь третьяго лица. Кромѣ того, историки этого рода противорѣчатъ одинъ другому даже и въ объясненіяхъ той силы, на которой основана власть одного и того же лица. Тьеръ, бонапартистъ, говоритъ, что власть Наполеона была основана на его добродѣтели и геніальности; Lanfrey, республиканецъ, говоритъ, что она была основана на его мошенничествѣ и на обманѣ народа. Такъ что историки этого рода, взаимно уничтожая положенія другъ друга, тѣмъ самымъ уничтожаютъ понятіе о силѣ, производящей событія, и не даютъ никакого отвѣта на существенный вопросъ исторіи.

Общіе историки, имѣющіе дѣло со всѣми народами, какъ будто признаютъ несправедливость воззрѣнія частныхъ историковъ на силу, производящую событія. Они не признаютъ этой силы, какъ власть, присущую героямъ и владыкамъ, а признаютъ ее результатомъ разнообразно направленныхъ многихъ силъ. Описывая войну или покореніе народа, общій историкъ отыскиваетъ причину событія не во власти одного лица, но во взаимодѣйствіи другъ на друга многихъ лицъ, связанныхъ съ событіемъ.

По этому воззрѣнію власть историческихъ лицъ, представляясь произведеніемъ многихъ силъ, казалось бы, не можетъ уже быть разсматриваема, какъ сила, сама по себѣ производящая событія. Между тѣмъ общіе историки, на большой части случаевъ, употребляютъ понятіе о власти опять какъ силу, саму въ себѣ производящую событія и относящуюся къ нимъ, какъ причина. По ихъ изложенію, то историческое лицо есть произведеніе своего времени, и власть его есть только произведеніе различныхъ силъ; то власть его есть сила, производящая событія. Гервинусъ, Шлоссеръ, напримѣръ, и другіе то доказываютъ, что Наполеонъ есть произведеніе революціи, идей 1784 года и т. д., то прямо говорятъ, что походъ 12-го года и другія ненравящіяся имъ событія суть только произведенія ложно направленной воли Наполеона и что самыя идеи 1784 года были остановлены въ своемъ развитіи вслѣдствіе произвола Наполеона. Идеи революціи, общее настроеніе произвело власть Наполеона. Власть же Наполеона подавила идеи революціи и общее настроеніе.

Странное противорѣчіе это не случайно. Оно не только встрѣчается на каждомъ шагу, но изъ послѣдовательнаго ряда та-

кихъ противорѣчій составлены всѣ описанія общихъ историковъ. Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что, выступивъ на почву анализа, общіе историки останавливаются на половинѣ дороги.

Для того, чтобы найти составляющія силы, равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной. Это-то условіе никогда не соблюдено общими историками, и потому, чтобы объяснить силу равнодѣйствующую, они необходимо должны допускать—кромѣ недостаточныхъ составляющихъ — еще необъясненную силу, дѣйствующую по составной.

Частный историкъ, описывая походъ ли 13-го года или возстановленіе Бурбоновъ, прямо говоритъ, что событія эти произведены волей Александра. Но общій историкъ Гервинусъ, опровергая это воззрѣніе частнаго историка, стремится показать, что походъ 13-го года и возстановленіе Бурбоновъ, кромѣ воли Александра, имѣли причинами дѣятельность Штейна, Меттерниха, m-me Staël, Талейрана, Фихте, Шатобріана и другихъ. Историкъ, очевидно, разложилъ Александра на составныя: Талейрана, Шатобріана и т. д.; сумма этихъ составныхъ, т.-е. воздѣйствіе другъ на друга Шатобріана, Талейрана, m-me Staël и другихъ, очевидно, не равняется всей равнодѣйствующей, т.-е. тому явленію, что милліоны французовъ покорились Бурбонамъ. Изъ того, что Шатобріанъ, m-me Staël и др. сказали другъ другу такія-то слова, вытекаетъ только ихъ отношеніе между собой, но не покореніе милліоновъ. И потому, чтобы объяснить, какимъ образомъ изъ этого ихъ отношенія вытекло покореніе милліоновъ, т.-е. изъ составныхъ, равныхъ одному А, вытекла равнодѣйствующая, равная тысячѣ А, историкъ необходимо долженъ допустить опять ту же силу власти, которую онъ отрицаетъ, признавая ее результатомъ силъ, т.-е. онъ долженъ допустить необъясненную силу, дѣйствующую по составной. Это самое и дѣлаютъ общіе историки. И вслѣдствіе того не только противорѣчатъ частнымъ историкамъ, но и сами себѣ.

Деревенскіе жители, которые, смотря по тому, хочется ли имъ дождя или вёдра, не имѣя яснаго понятія о причинахъ дождя, говорятъ: вѣтеръ разогналъ тучи, и — вѣтеръ нагналъ тучи. Такъ точно общіе историки: иногда, когда имъ этого хочется, когда это подходитъ къ ихъ теоріи, говорятъ, что власть — результатъ событій; а иногда, когда нужно доказать другое, они говорятъ, что власть производитъ событія.

Третьи историки, называющіеся историками *культуры*, слѣдуя по пути, проложенному общими историками, признающими

иногда писателей и дамъ силами, производящими событія, еще совершенно иначе понимаютъ эту силу. Они видятъ ее въ такъ называемой культурѣ, въ умственной дѣятельности.

Историки культуры совершенно послѣдовательны по отношенію къ своимъ родоначальникамъ — общимъ историкамъ: ибо если историческія событія можно объяснить тѣмъ, что нѣкоторые люди такъ-то и такъ-то относились другъ къ другу, то почему не объяснить ихъ тѣмъ, что такіе-то люди писали такія-то книжки? Эти историки изъ всего огромнаго числа признаковъ, сопровождающихъ всякое живое явленіе, выбираютъ признакъ умственной дѣятельности и говорятъ, что этотъ признакъ есть причина. Но, несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что причина событія лежала въ умственной дѣятельности, только съ большою уступчивостью можно согласиться съ тѣмъ, что между умственною дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но уже ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы умственная дѣятельность руководила дѣятельностью людей; ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія.

Но допустивъ даже, что справедливы всѣ хитросплетенныя разсужденія, которыми наполнены эти исторіи; допустивъ, что народы управляются какой-то неопредѣлимой силой, называемой *идеей,* существенный вопросъ исторіи все-таки или остается безъ отвѣта, или къ прежней власти монарховъ и къ вводимому общими историками вліянію совѣтчиковъ и другихъ лицъ присоединяется еще новая сила *идеи,* связь которой съ массами требуетъ объясненія. Возможно понять, что Наполеонъ имѣлъ власть, и потому совершилось событіе; съ нѣкоторою уступчивостью можно еще понять, что Наполеонъ вмѣстѣ съ другими вліяніями былъ причиной событія; но какимъ образомъ книга Contrat Social сдѣлала то, что французы стали топить другъ друга, не можетъ быть понято безъ объясненія причинной связи этой новой силы съ событіемъ.

Несомнѣнно, существуетъ связь между всѣмъ одновременно живущимъ, и потому есть возможность найти нѣкоторую связь между умственною дѣятельностью людей и ихъ историческимъ движеніемъ точно такъ же, какъ эту связь можно найти между движеніемъ человѣчества и торговлей, ремеслами, садоводствомъ и чѣмъ хотите. Но почему умственная дѣятельность людей представляется историками культуры причиной или выраженіемъ всего историческаго движенія, это понять трудно. Къ такому

заключенію могли привести историковъ только слѣдующія соображенія: 1) что исторія пишется учеными, и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно такъ же, какъ это естественно и пріятно думать купцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не ищутъ исторіи), и 2) что духовная дѣятельность, просвѣщеніе, цивилизація, культура, идея — все это понятія неясныя, неопредѣленныя, подъ знаменемъ которыхъ весьма удобно употреблять слова, имѣющія еще менѣе яснаго значенія и потому легко подставляемыя подъ всякія теоріи.

Но не говоря о внутреннемъ достоинствѣ этого рода исторій (можетъ-быть, онѣ для кого-нибудь или для чего-нибудь и нужны), исторіи культуры, къ которымъ начинаютъ болѣе и болѣе сводиться всѣ общія исторіи, знаменательны тѣмъ, что онѣ, подробно и серьезно разбирая различныя религіозныя, философскія, политическія ученія, какъ причины событій, всякій разъ, какъ имъ только приходится описать дѣйствительное историческое событіе, какъ, напримѣръ, походъ 12-го года, описываютъ его невольно, какъ произведеніе власти, прямо говоря, что походъ этотъ есть произведеніе воли Наполеона. Говоря такимъ образомъ, историки культуры невольно противорѣчатъ самимъ себѣ или доказываютъ, что та новая сила, которую они придумали, не выражаетъ историческихъ событій, а что единственное средство понимать исторію есть та власть, которой они будто бы не признаютъ.

III.

Идетъ паровозъ. Спрашивается: отчего онъ движется? Мужикъ говоритъ: это чортъ движетъ его. Другой говоритъ, что паровозъ идетъ оттого, что въ немъ движутся колеса. Третій утверждаетъ, что причина движенія заключается въ дымѣ, относимомъ вѣтромъ.

Мужикъ неопровержимъ. Для того, чтобы его опровергнуть, надо, чтобы кто-нибудь доказалъ ему, что нѣтъ чорта, или чтобы другой мужикъ объяснилъ, что не чортъ, а нѣмецъ движетъ паровозъ. Только тогда изъ противорѣчій они увидятъ, что они оба не правы. Но тотъ, который говоритъ, что причина есть движеніе колесъ, самъ себя опровергаетъ, ибо если онъ вступилъ на почву анализа, онъ долженъ идти дальше и дальше: онъ долженъ объяснить причину движенія колесъ. И до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ послѣдней причинѣ движенія

паровоза, къ сжатому въ паровикѣ пару, онъ не будетъ имѣть права остановиться въ отыскиваніи причины. Тотъ же, который объяснилъ движеніе паровоза относимымъ назадъ дымомъ, замѣтивъ, что объясненіе о колесахъ не даетъ причины, взялъ первый попавшійся признакъ и, съ своей стороны, выдалъ его за причину.

Единственное понятіе, которое можетъ объяснить движеніе паровоза, есть понятіе силы, равной видимому движенію.

Единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы, равной всему движенію народовъ.

Между тѣмъ, подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя и всѣ *не равныя* видимому движенію силы. Одни видятъ въ немъ силу, непосредственно присущую героямъ, какъ мужикъ — чорта въ паровозѣ; другіе — силу производную изъ другихъ нѣкоторыхъ силъ, какъ движеніе колесъ; третьи—умственное вліяніе, какъ относимый дымъ.

До тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры—а не исторія *всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли. И единственное извѣстное историкамъ такое понятіе есть власть.

Понятіе это есть единственная ручка, посредствомъ которой можно владѣть матеріаломъ исторіи при теперешнемъ ея изложеніи, и тотъ, кто отломилъ бы эту ручку, какъ то сдѣлалъ Бокль, не узнавъ другого пріема обращенія съ историческимъ матеріаломъ, только лишилъ бы себя послѣдней возможности обращаться съ нимъ. Неизбѣжность понятія о власти для объясненія историческихъ явленій лучше всего доказываютъ сами общіе историки и историки культуры, мнимо отрѣшающіеся отъ понятія о власти и неизбѣжно на каждомъ шагу употребляющіе его.

Историческая наука до сихъ поръ, по отношенію къ вопросамъ человѣчества, подобна обращающимся деньгамъ—ассигнаціямъ и законной монетѣ. Біографическія и частныя народныя исторіи подобны ассигнаціямъ. Онѣ могутъ ходить и обращаться, удовлетворяя своему назначенію безъ вреда кому бы то ни было, и даже съ пользой, до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ вопросъ о томъ, чѣмъ онѣ обезпечены. Стòитъ только забыть про вопросъ о томъ, какимъ образомъ воля героевъ производитъ событія, и исторіи Тьеровъ будутъ интересны, поучительны и, кромѣ

того, будутъ имѣть оттѣнокъ поэзіи. Но точно такъ же, какъ сомнѣніе въ дѣйствительной стоимости бумажекъ возникаетъ или изъ того, что такъ какъ ихъ дѣлать легко, то начнутъ ихъ дѣлать много, или изъ того, что захотятъ взять за ихъ золото,—точно такъ же возникаетъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ значеніи исторій этого рода или изъ того, что ихъ является слишкомъ много, или изъ того, что кто-нибудь, въ простотѣ души, спроситъ: какою же силой сдѣлалъ это Наполеонъ? т.-е. захочетъ размѣнять ходячую бумажку на чистое золото дѣйствительнаго понятія.

Общіе же историки и историки культуры подобны людямъ, которые, признавъ неудобство ассигнацій, рѣшили бы вмѣсто бумажки сдѣлать звонкую монету изъ металла, не имѣющаго плотности золота. И монета дѣйствительно вышла бы *звонкая*, но только *звонкая*. Бумажка еще могла обманывать незнающихъ; а монета звонкая, но не цѣнная, не можетъ обмануть никого. Такъ же, какъ золото тогда только золото, когда оно можетъ быть употреблено не для одной мѣны, а и для дѣла, такъ же и общіе историки только тогда будутъ золотомъ, когда они будутъ въ силахъ отвѣтить на существенный вопросъ исторіи: что такое власть? Общіе историки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ противорѣчиво, а историки культуры вовсе отстраняютъ его, отвѣчая на что-то совсѣмъ другое. И какъ жетоны, похожіе на золото, могутъ быть только употребляемы между собраніемъ людей, согласившихся признавать ихъ за золото, и между тѣми, которые не знаютъ свойствъ золота, такъ и общіе историки и историки культуры, не отвѣчая на существенные вопросы человѣчества, для какихъ-то своихъ цѣлей служатъ ходячей монетой университетамъ и толпѣ читателей—охотниковъ до серьезныхъ книжекъ, какъ они это называютъ.

IV.

Отрѣшившись отъ воззрѣнія древнихъ на божественное подчиненіе воли народа одному избранному и на подчиненіе этой воли Божеству, исторія не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ противорѣчія, не выбравъ одного изъ двухъ: или возвратиться къ прежнему вѣрованію въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества, или опредѣленно объяснить значеніе той силы, производящей историческія событія, которая называется властью.

Возвратиться къ первому невозможно: вѣрованіе разрушено; и потому необходимо объяснить значеніе власти.

Наполеонъ приказалъ собрать войска и идти на войну. Представленіе это до такой степени намъ привычно, до такой степени мы сжились съ этимъ взглядомъ, что вопросъ о томъ, почему 600 тысячъ человѣкъ идутъ на войну, когда Наполеонъ сказалъ такія-то слова, кажется намъ безсмысленнымъ. Онъ имѣлъ власть, и потому было исполнено то, что онъ велѣлъ.

Отвѣтъ этотъ совершенно удовлетворителенъ, если мы вѣримъ, что власть дана была ему отъ Бога. Но какъ скоро мы не признаемъ этого, необходимо опредѣлить, что такое эта власть одного человѣка надъ другими.

Власть эта не можетъ быть той непосредственной властью физическаго преобладанія сильнаго существа надъ слабымъ—преобладанія, основаннаго на приложеніи или угрозѣ приложенія физической силы,—какъ власть Геркулеса; она не можетъ быть тоже основана на преобладаніи нравственной силы, какъ то, въ простотѣ душевной, думаютъ нѣкоторые историки, говоря, что историческіе дѣятели суть герои, т.-е. люди, одаренные особенной силой души и ума и называемой геніальностью. Власть эта не можетъ быть основана на преобладаніи нравственной силы, ибо, не говоря о людяхъ-герояхъ, какъ Наполеоны, о нравственныхъ достоинствахъ которыхъ мнѣнія весьма разнорѣчивы, исторія показываетъ намъ, что ни Людовики XI-е, ни Меттернихи, управлявшіе милліонами людей, не имѣли никакихъ особенныхъ свойствъ силы душевной, а, напротивъ, были по бо̀льшей части нравственно слабѣе каждаго изъ милліоновъ людей, которыми они управляли.

Если источникъ власти лежитъ не въ физическихъ и не въ нравственныхъ свойствахъ лица, ею обладающаго, то очевидно, что источникъ этой власти долженъ находиться внѣ лица—въ тѣхъ отношеніяхъ къ массамъ, въ которыхъ находится лицо, обладающее властью.

Такъ точно и понимаетъ власть наука о правѣ, та самая размѣнная касса исторіи, обѣщающая размѣнять историческое пониманіе власти на чистое золото.

Власть есть совокупность воль массъ, перенесенная выраженнымъ или молчаливымъ согласіемъ на избранныхъ массами правителей.

Въ области науки права, составленной изъ разсужденій о томъ, какъ бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было все это устроить, все это очень ясно; но въ приложеніи къ исторіи это опредѣленіе власти требуетъ разъясненій.

Наука права разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, какъ что-то абсолютно существующее. Для исторіи же государство и власть суть только явленія, точно такъ же, какъ для физики нашего времени огонь есть не стихія, а явленіе.

Отъ этого-то основного различія воззрѣнія исторіи и науки права происходитъ то, что наука права можетъ разсказать подробно о томъ, какъ, по ея мнѣнію, надо бы устроить власть и что такое есть власть, неподвижно существующая внѣ времени; но на вопросы историческіе о значеніи видоизмѣняющейся во времени власти она не можетъ отвѣтить ничего.

Если власть есть перенесенная на правителя совокупность воль, то Пугачевъ есть ли представитель воль массъ? Если не есть, то почему Наполеонъ I есть представитель? Почему Наполеонъ III, когда его поймали въ Булони, былъ преступникъ, а потомъ были преступники тѣ, которыхъ онъ поймалъ?

При дворцовыхъ революціяхъ, въ которыхъ участвуютъ иногда два-три человѣка, переносится ли тоже воля массъ на новое лицо? При международныхъ отношеніяхъ переносится ли воля массъ народа на своего завоевателя? Въ 1808 году воля Рейнскаго союза была ли перенесена на Наполеона? Воля массы русскаго народа была ли перенесена на Наполеона во время 1809 года, когда наши войска въ союзѣ съ французами шли воевать противъ Австріи?

На эти вопросы можно отвѣчать трояко:

Или 1) признать, что воля массъ всегда безусловно передается тому или тѣмъ правителямъ, которыхъ они избрали, и что поэтому всякое возникновеніе новой власти, всякая борьба противъ разъ переданной власти должна быть разсматриваема только какъ нарушеніе настоящей власти.

Или 2) признать, что воля массъ переносится на правителей условно подъ опредѣленными и извѣстными условіями, и показать, что всѣ эти стѣсненія, столкновенія и даже уничтоженія власти происходятъ отъ несоблюденія правителями тѣхъ условій, подъ которыми имъ передана власть.

Или 3) признать, что воля массъ переносится на правителей условно, но подъ условіями неизвѣстными, неопредѣленными, и что возникновеніе многихъ властей, борьба ихъ и паденіе происходятъ только отъ большаго или меньшаго исполненія правителями тѣхъ неизвѣстныхъ условій, на которыхъ переносятся воли массъ съ однихъ лицъ на другія.

Такъ трояко и объясняютъ историки отношенія массъ къ правителямъ.

Одни историки, не понимая, въ простотѣ душевной, вопроса о значеніи власти, тѣ самые честные и біографическіе историки, о которыхъ было говорено выше, признаютъ какъ будто то, что совокупность воль массъ переносится на историческія лица безусловно, и потому, описывая какую-нибудь одну власть, эти историки предполагаютъ, что эта самая власть есть одна абсолютная и настоящая, а что всякая другая сила, противодѣйствующая этой настоящей власти, есть не власть, а нарушеніе власти — насиліе.

Теорія ихъ, годная для первобытныхъ и мирныхъ періодовъ исторіи, въ приложеніи къ сложнымъ и бурнымъ періодамъ жизни народовъ, во время которыхъ возникаютъ одновременно и борются между собой различныя власти, имѣетъ то неудобство, что историкъ легитимистъ будетъ доказывать, что конвентъ, директорія и Бонапартъ были только нарушеніе власти, а республиканецъ и бонапартистъ будутъ доказывать: одинъ, что конвентъ, а другой, что имперія была настоящею властью, а что все остальное было нарушеніе власти. Очевидно, что такимъ образомъ, взаимно опровергая другъ друга, объясненія власти этихъ историковъ могутъ годиться для дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Признавая ложность этого взгляда на исторію, другой родъ историковъ говоритъ, что власть основана на условной передачѣ правителямъ совокупности воль массъ и что историческія лица имѣютъ власть только подъ условіемъ исполненія той программы, которую молчаливымъ согласіемъ предписала имъ воля народа. Но въ чемъ состоитъ эта программа, историки эти не говорятъ намъ, или если и говорятъ, то постоянно противорѣчатъ одинъ другому.

Каждому историку, смотря по его взгляду на то, что составляетъ цѣль движенія народа, представляется эта программа въ величіи, богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи гражданъ Франціи или другого государства. Но не говоря уже о противорѣчіи историковъ въ томъ, какая это программа; допустивъ даже, что существуетъ одна общая всѣмъ программа, — историческіе факты почти всегда противорѣчатъ этой теоріи. Если условія, подъ которыми передается власть, состоятъ въ богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи народа, то почему Людовики XIV-е и Іоанны IV-е спокойно доживаютъ свои царствованія, а Людовики XVI-е и Карлы I-е казнятся народами? На этотъ вопросъ историки эти отвѣчаютъ тѣмъ, что дѣятельность Людовика XIV-го, противная программѣ, отразилась на Людовикѣ XVI-мъ. Но почему же она не отразилась на Людовикѣ XIV и XV, почему

именно она должна была отразиться на Людовикѣ XVI? И какой срокъ этого отраженія? На эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣтовъ. Такъ же мало объясняется при этомъ воззрѣніи причина того, что совокупность воль нѣсколько вѣковъ не переносится съ своихъ правителей и ихъ наслѣдниковъ, а потомъ вдругъ, въ продолженіе 50 лѣтъ, переносится на конвентъ, на директорію, на Наполеона, на Александра, на Людовика XVIII, опять на Наполеона, на Карла X, на Людовика-Филиппа, на республиканское правительство, на Наполеона III. При объясненіи этихъ быстро совершающихся перенесеній воль съ одного лица на другое, и въ особенности при международныхъ отношеніяхъ, завоеваніяхъ и союзахъ, историки эти невольно должны признать, что часть этихъ явленій уже не суть правильныя перенесенія воль, а случайности, зависящія то отъ хитрости, то отъ ошибки или коварства, или слабости дипломата или монарха, или руководителя партіи. Такъ что бо̀льшая часть явленій исторіи — междоусобія, революціи, завоеванія, представляются этими историками уже не произведеніями перенесенія свободныхъ воль, а произведеніемъ ложно направленной воли одного или нѣсколькихъ людей, т.-е. опять нарушеніями власти. И потому историческія событія и этого рода историками представляются отступленіями отъ теоріи.

Историки эти подобны тому ботанику, который, примѣтивъ, что нѣкоторыя растенія выходятъ изъ сѣмени въ двухъ доляхъ-листикахъ, настаивалъ бы на томъ, что все, что растетъ, растетъ только, раздвояясь на два листка; и что пальма и грибъ, и даже дубъ, развѣтвляясь въ своемъ полномъ ростѣ и не имѣя болѣе подобія двухъ листиковъ, отступаютъ отъ теоріи.

Третьи историки признаютъ, что воля массъ переносится на историческія лица условно, но что условія эти намъ неизвѣстны. Они говорятъ, что историческія лица имѣютъ власть только потому, что они исполняютъ перенесенную на нихъ волю массъ.

Но въ такомъ случаѣ, если сила, двигающая народами, лежитъ не въ историческихъ лицахъ, а въ самихъ народахъ, то въ чемъ же состоитъ значеніе этихъ историческихъ лицъ?

Историческія лица, говорятъ эти историки, выражаютъ собою волю массъ; дѣятельность историческихъ лицъ служитъ представительницею дѣятельности массъ.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ: вся ли дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ, или только извѣстная сторона ея? Если вся дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ, какъ то и ду-

маютъ нѣкоторые, то біографіи Наполеоновъ, Екатеринъ, со всѣми подробностями придворной сплетни, служатъ выраженіемъ жизни народовъ, что̀ есть очевидная безсмыслица; если же только одна сторона дѣятельности историческаго лица служитъ выраженіемъ жизни народовъ, какъ то и думаютъ другіе мнимо-философы-историки, то для того, чтобы опредѣлить, какая сторона дѣятельности историческаго лица выражаетъ жизнь народа, нужно знать прежде, въ чемъ состоитъ жизнь народа.

Встрѣчаясь съ этимъ затрудненіемъ, историки этого рода придумываютъ самое неясное, неосязаемое и общее отвлеченіе, подъ которое возможно подвести наибольшее число событій, и говорятъ, что въ этомъ отвлеченіи состоитъ цѣль движенія человѣчества. Самыя обыкновенныя, принимаемыя почти всѣми историками общія отвлеченія суть: свобода, равенство, просвѣщеніе, прогрессъ, цивилизація, культура. Поставивъ за цѣль движенія человѣчества какое-нибудь отвлеченіе, историки изучаютъ людей, оставившихъ по себѣ наибольшее число памятниковъ,—царей, министровъ, полководцевъ, сочинителей, реформаторовъ, папъ, журналистовъ, по мѣрѣ того, какъ всѣ эти лица, по ихъ мнѣнію, содѣйствовали или противодѣйствовали извѣстному отвлеченію. Но такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи или цивилизаціи, и такъ какъ связь массъ съ правителями и просвѣтителями человѣчества основана только на произвольномъ предположеніи, что совокупность воль массъ всегда переносится на тѣ лица, которыя намъ замѣтны, то и дѣятельность милліоновъ людей, переселяющихся, сжигающихъ дома, бросающихъ земледѣліе, истребляющихъ другъ друга, никогда не выражается въ описаніи дѣятельности десятка лицъ, не сжигающихъ домовъ, не занимающихся земледѣліемъ, не убивающихъ себѣ подобныхъ.

Исторія на каждомъ шагу доказываетъ это. Броженіе народовъ запада въ концѣ прошлаго вѣка и стремленіе ихъ на востокъ объясняется ли дѣятельностью Людовиковъ XIV-го, XV-го и XVI-го, ихъ любовницъ, министровъ, жизнью Наполеона, Руссо, Дидерота, Бомарше и другихъ?

Движеніе русскаго народа на востокъ въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ больного характера Іоанна IV-го и его переписки съ Курбскимъ?

Движеніе народовъ во время крестовыхъ походовъ объясняется ли жизнью и дѣятельностью Готфридовъ и Людовиковъ и ихъ дамъ? Для насъ осталось непонятнымъ движеніе народовъ съ запада на востокъ, безъ всякой цѣли, безъ предводитель-

ства, съ толпой бродягъ, съ Петромъ Пустынникомъ. И еще болѣе осталось непонятно прекращеніе этого движенія тогда, когда ясно поставлена была историческими дѣятелями разумная, святая цѣль походовъ—освобожденіе Іерусалима. Папы, короли и рыцари побуждали народъ къ освобожденію святой земли; но народъ не шелъ, потому что та неизвѣстная причина, которая побуждала его прежде къ движенію, болѣе не существовала. Исторія Готфридовъ и миннезенгеровъ, очевидно, не можетъ вмѣстить въ себя жизнь народовъ. И исторія Готфридовъ и миннезенгеровъ осталась исторіей Готфридовъ и миннезенгеровъ, а исторія жизни народовъ и ихъ побужденій осталась неизвѣстной.

Еще менѣе объяснитъ намъ жизнь народовъ исторія писателей и реформаторовъ.

Исторія культуры объяснитъ намъ побужденія, условія жизни и мысли писателя или реформатора. Мы узнаемъ, что Лютеръ имѣлъ вспыльчивый характеръ и говорилъ такія-то рѣчи; узнаемъ, что Руссо былъ недовѣрчивъ и писалъ такія-то книжки; но не узнаемъ мы, отчего послѣ реформаціи рѣзались народы и отчего во время французской революціи казнили другъ друга.

Если соединить обѣ эти исторіи вмѣстѣ, какъ то и дѣлаютъ новѣйшіе историки, то это будетъ исторіи монарховъ и писателей, а не исторія жизни народовъ.

V.

Жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей, ибо связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена. Теорія о томъ, что связь эта основана на перенесеніи совокупности воль на историческія лица, есть гипотеза, не подтверждаемая опытомъ исторіи.

Теорія о перенесеніи совокупности воль массъ на историческія лица, можетъ-быть, весьма много объясняетъ въ области науки права и, можетъ-быть, необходима для своихъ цѣлей; но въ приложеніи къ исторіи, какъ только являются революціи, завоеванія, междоусобія, какъ только начинается исторія, теорія эта ничего не объясняетъ.

Теорія эта кажется неопровержимой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ.

Какое бы ни совершилось событіе, кто бы ни сталъ во главѣ событія, теорія всегда можетъ сказать, что такое лицо стало во главѣ событія потому, что совокупность воль была перенесена на него.

Отвѣты, даваемые этой теоріей на историческіе вопросы, подобны отвѣтамъ человѣка, который, глядя на двигающееся стадо и не принимая во вниманіе ни различной доброты пастбища въ разныхъ мѣстахъ поля, ни погони пастуха, судилъ бы о причинахъ того или другого направленія стада по тому, какое животное идетъ впереди стада.

«Стадо идетъ по этому направленію потому, что впереди идущее животное ведетъ его, и совокупность воль всѣхъ остальныхъ животныхъ перенесена на этого правителя стада». Такъ отвѣчаетъ первый разрядъ историковъ, признающихъ безусловную передачу власти.

«Ежели животныя, идущія во главѣ стада, перемѣняются, то это происходитъ отъ того, что совокупность воль всѣхъ животныхъ переносится съ одного правителя на другого, смотря по тому, ведетъ ли это животное по тому направленію, которое избрало все стадо». Такъ отвѣчаютъ историки, признающіе, что совокупность воль массъ переносится на правителей подъ условіями, которыя они считаютъ неизвѣстными. (При такомъ пріемѣ наблюденія весьма часто бываетъ, что наблюдатель, соображаясь съ избраннымъ имъ направленіемъ, считаетъ вожаками тѣхъ, которые по случаю перемѣны направленія массъ не суть уже передовые, а боковые, а иногда задніе.)

«Если безпрестанно перемѣняются стоящія во главѣ животныя и безпрестанно перемѣняются направленія всего стада, то это происходитъ отъ того, что для достиженія того направленія, которое намъ извѣстно, животныя передаютъ свои воли тѣмъ животнымъ, которыя намъ замѣтны; и для того, чтобы изучать движеніе стада, надо наблюдать всѣхъ замѣтныхъ намъ животныхъ, идущихъ со всѣхъ сторонъ стада». Такъ говорятъ историки третьяго разряда, признающіе выраженіями своего времени всѣ историческія лица, отъ монарховъ до журналистовъ.

Теорія перенесенія воль массъ на историческія лица есть только перифраза — только выраженіе другими словами словъ вопроса.

Какая причина историческихъ событій? — Власть. Что есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо. При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть. Т.-е. власть есть слово, значеніе котораго намъ непонятно.

Если бы область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то

объясненіе власти, которое даетъ *наука,* человѣчество пришло бы къ заключенію, что власть есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ. Но для познаванія явленій, кромѣ отвлеченнаго мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мышленія. И опытъ говоритъ, что власть не есть слово, но дѣйствительно существующее явленіе.

Не говоря о томъ, что безъ понятія власти не можетъ обойтись ни одно описаніе совокупной дѣятельности людей, существованіе власти доказывается какъ исторіей, такъ и наблюденіемъ современныхъ событій.

Всегда, когда совершается событіе, является человѣкъ или люди, по волѣ которыхъ событіе представляется совершившимся. Наполеонъ III предписываетъ, и французы идутъ въ Мексику. Прусскій король и Бисмаркъ предписываютъ, и войска идутъ въ Богемію. Наполеонъ I приказываетъ, и войска идутъ въ Россію. Александръ I приказываетъ, и французы покоряются Бурбонамъ. Опытъ показываетъ намъ, что какое бы ни совершилось событіе, оно всегда связано съ волей одного или нѣсколькихъ людей, которые его приказали.

Историки, по старой привычкѣ признанія божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, хотятъ видѣть причину событія въ выраженіи воли лица, облеченнаго властью; но заключеніе это не подтверждается ни разсужденіемъ, ни опытомъ.

Съ одной стороны, разсужденіе показываетъ, что выраженіе воли человѣка — его слова — суть только часть общей дѣятельности, выражающейся въ событіи, какъ, напримѣръ, въ войнѣ или революціи; и потому безъ признанія непонятной, сверхъестественной силы—чуда—нельзя допустить, чтобы слова могли быть непосредственной причиной движенія милліоновъ; съ другой стороны, если даже допустить, что слова могутъ быть причиной событія, то исторія показываетъ, что выраженія воли историческихъ лицъ въ бо̀льшей части случаевъ не производятъ никакого дѣйствія, т.-е. что приказанія ихъ часто не только не исполняются, но что иногда происходитъ даже совершенно обратное тому, что ими приказано.

Не допуская божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, мы не можемъ принимать власть за причину событій.

Власть, съ точки зрѣнія опыта, есть только зависимость, существующая между выраженіемъ воли лица и исполненіемъ этой воли другими людьми.

Для того, чтобы объяснить себѣ условія этой зависимости, мы должны возстановить прежде всего понятіе выраженія воли, относя его къ человѣку, а не къ Божеству.

Ежели Божество отдаетъ приказаніе, выражаетъ свою волю, какъ то намъ показываетъ исторія древнихъ, то выраженіе этой воли не зависитъ отъ времени и ничѣмъ не вызвано, такъ какъ Божество ничѣмъ не связано съ событіемъ. Но, говоря о приказаніяхъ—выраженіи воли людей, дѣйствующихъ во времени и связанныхъ между собой,—мы, для того, чтобы объяснить себѣ связь приказаній съ событіями, должны возстановить: 1) условіе всего совершающагося: непрерывность движенія во времени какъ событій, такъ и приказывающаго лица, и 2) условіе необходимой связи, въ которой находится приказывающее лицо къ тѣмъ людямъ, которые исполняютъ его приказаніе.

VI.

Только выраженіе воли Божества, не зависящее отъ времени, можетъ относиться къ цѣлому ряду событій, имѣющему совершиться черезъ нѣсколько лѣтъ или столѣтій, и только Божество, ничѣмъ не вызванное, по одной своей волѣ, можетъ опредѣлить направленіе движенія человѣчества; человѣкъ же дѣйствуетъ во времени и самъ участвуетъ въ событіи.

Возстановляя первое упущенное условіе—условіе времени,—мы увидимъ, что ни одно приказаніе не можетъ быть исполнено безъ того, чтобы не было предшествовавшаго приказанія, дѣлающаго возможнымъ исполненіе послѣдняго.

Никогда ни одно приказаніе не появляется самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій; но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія.

Когда мы говоримъ, напримѣръ, что Наполеонъ приказалъ войскамъ идти на войну, мы соединяемъ въ одно одновременно выраженное приказаніе рядъ послѣдовательныхъ приказаній, зависѣвшихъ другъ отъ друга. Наполеонъ не могъ приказать походъ на Россію и никогда не приказывалъ его. Онъ приказалъ нынче написать такія-то бумаги въ Вѣну, въ Берлинъ и въ Петербургъ; завтра — такіе-то декреты и приказы по арміи, флоту и интендантству и т. д., и т. д., — милліоны приказаній, изъ которыхъ составился рядъ приказаній, соотвѣтствующихъ ряду событій, приведшихъ французскія войска въ Россію.

Если Наполеонъ во все свое царствованіе отдаетъ приказанія объ экспедиціи въ Англію, ни на одно изъ своихъ предпріятій не тратитъ столько усилій и времени и, несмотря на то, во все свое царствованіе даже ни разу не пытается исполнить своего намѣренія, а дѣлаетъ экспедицію въ Россію, съ которой

онъ, по неоднократно высказываемому убѣжденію, считаетъ выгоднымъ быть въ союзѣ, то это происходитъ отъ того, что первыя приказанія не соотвѣтствовали, а вторыя соотвѣтствовали ряду событій.

Для того, чтобы приказаніе было навѣрное исполнено, надо, чтобы человѣкъ выразилъ такое приказаніе, которое могло бы быть исполнено. Знать же то, что можетъ и что не можетъ быть исполнено, невозможно не только для Наполеоновскаго похода на Россію, гдѣ принимаютъ участіе милліоны, но и для самаго несложнаго событія, ибо для исполненія того и другого всегда могутъ встрѣтиться милліоны препятствій. Всякое исполненное приказаніе есть всегда одно изъ огромнаго количества неисполненныхъ. Всѣ невозможныя приказанія не связываются съ событіемъ и не бываютъ исполнены. Только тѣ, которыя возможны, связываются въ послѣдовательные ряды приказаній, соотвѣтствующіе рядамъ событій, и бываютъ исполнены.

Ложное представленіе наше о томъ, что предшествующее событію приказаніе есть причина событія, происходитъ отъ того, что когда событіе совершилось и тѣ одни изъ тысячи приказаній, которыя связывались съ событіями, исполнились, то мы забываемъ о тѣхъ, которыя не были, потому что не могли быть исполнены. Кромѣ того, главный источникъ заблужденія нашего въ этомъ смыслѣ происходитъ отъ того, что въ историческомъ изложеніи цѣлый рядъ безчисленныхъ, разнообразныхъ, мельчайшихъ событій, какъ, напримѣръ, все то, что привело войска французскія въ Россію, обобщается въ одно событіе по тому результату, который произвелъ этотъ рядъ событій; и, соотвѣтственно этому обобщенію, обобщается и весь рядъ приказаній въ одно выраженіе воли.

Мы говоримъ: Наполеонъ захотѣлъ и сдѣлалъ походъ на Россію. Въ дѣйствительности же мы никогда не найдемъ во всей дѣятельности Наполеона ничего подобнаго выраженію этой воли, а увидимъ ряды приказаній, или выраженій его воли, самымъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ Наполеоновскихъ приказаній составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12-го года не потому, чтобы приказанія эти чѣмъ-нибудь отличались отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію; точно такъ же, какъ въ трафаретѣ нарисуется такая или другая фигура не потому, въ какую сторону и какъ мазать по немъ красками, а потому, что

по фигурѣ, вырѣзанной въ трафаретѣ, во всѣ стороны было мазано краской.

Такъ что, разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною событія, а что между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость.

Для того, чтобы понять, въ чемъ состоитъ эта зависимость, необходимо возстановить другое упущенное условіе всякаго приказанія, исходящаго не отъ Божества, а отъ человѣка, и состоящее въ томъ, что самъ приказывающій человѣкъ участвуетъ въ событіи.

Это-то отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, кому онъ приказываетъ, и есть именно то, что называется властью. Отношеніе это состоитъ въ слѣдующемъ:

Для общей дѣятельности люди складываются всегда въ извѣстныя соединенія, въ которыхъ, несмотря на различіе цѣли, поставленной для совокупнаго дѣйствія, отношеніе между людьми, участвующими въ дѣйствіи, всегда бываетъ одинаковое.

Складываясь въ эти соединенія, люди всегда становятся между собой въ такое отношеніе, что наибольшее количество людей принимаетъ наибольшее прямое участіе и наименьшее количество людей—наименьшее прямое участіе въ томъ совокупномъ дѣйствіи, для котораго они складываются.

Изъ всѣхъ тѣхъ соединеній, въ которыя складываются люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій, одно изъ самыхъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ есть войско.

Всякое войско составляется изъ низшихъ по военному званію членовъ: рядовыхъ, которыхъ всегда самое большое количество; изъ слѣдующихъ по военному званію болѣе высшихъ чиновъ — капраловъ, унтеръ-офицеровъ, которыхъ число меньше перваго; еще высшихъ, число которыхъ еще меньше, и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается въ одномъ лицѣ.

Военное устройство можетъ быть совершенно точно выражено фигурой конуса, въ которомъ основаніе съ самымъ большимъ діаметромъ будутъ составлять рядовые; высшее, меньшее основаніе — высшіе чины арміи и т. д. до вершины конуса, точку которой будетъ составлять полководецъ.

Солдаты, которыхъ наибольшее число, составляютъ низшія точки конуса и его основаніе. Солдатъ самъ непосредственно колетъ, рѣжетъ, жжетъ, грабитъ, и всегда на эти дѣйствія получаетъ приказаніе отъ выше стоящихъ лицъ; самъ же никогда не приказываетъ. Унтеръ - офицеръ (число унтеръ-офицеровъ уже

меньше) рѣже совершаетъ самое дѣйствіе, чѣмъ солдатъ; но уже приказываетъ. Офицеръ еще рѣже совершаетъ самое дѣйствіе и еще чаще приказываетъ. Генералъ уже только приказываетъ идти войскамъ, указывая цѣль, и почти никогда не употребляетъ оружія. Полководецъ уже никогда не можетъ принимать прямого участія въ самомъ дѣйствіи и только дѣлаетъ общія распоряженія о движеніи массъ. То же отношеніе лицъ между собою обозначается во всякомъ соединеніи людей для общей дѣятельности—въ земледѣліи, торговлѣ и во всякомъ управленіи.

Итакъ, не раздѣляя искусственно всѣхъ сливающихся точекъ конуса и чиновъ арміи, или званій и положеній какого бы то ни было управленія или общаго дѣла, отъ низшихъ до высшихъ, обозначается законъ, по которому люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій слагаются всегда между собою въ такомъ отношеніи, что чѣмъ непосредственнѣе люди участвуютъ въ совершеніи дѣйствія, тѣмъ менѣе они могутъ приказывать и тѣмъ ихъ бòльшее число; и что чѣмъ меньше то прямое участіе, которое люди принимаютъ въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ они больше приказываютъ и тѣмъ число ихъ меньше; такимъ образомъ — восходя отъ низшихъ слоевъ до одного, послѣдняго человѣка, принимающаго наименьшее прямое участіе въ событіи и болѣе всѣхъ направляющаго свою дѣятельность на приказываніе.

Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью.

Возстановивъ условія времени, при которыхъ совершаются всѣ событія, мы нашли, что приказаніе исполняется только тогда, когда оно относится къ соотвѣтствующему ряду событій. Возстановляя же необходимое условіе связи между приказывающимъ и исполняющимъ, мы нашли, что, по самому свойству своему, приказывающіе принимаютъ наименьшее участіе въ самомъ событіи и что дѣятельность ихъ исключительно направлена на приказываніе.

VII.

Когда совершается какое-нибудь событіе, люди выражаютъ свои мнѣнія, желанія о событіи, и такъ какъ событіе вытекаетъ изъ совокупнаго дѣйствія многихъ людей, то одно изъ выраженныхъ мнѣній или желаній непремѣнно исполняется, хотя приблизительно. Когда одно изъ выраженныхъ мнѣній исполнено, мнѣніе это связывается съ событіемъ, какъ предшествовавшее ему приказаніе.

Люди тащатъ бревно. Каждый высказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ и куда тащатъ. Люди вытаскиваютъ бревно, и оказывается, что это сдѣлано такъ, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ. Онъ приказалъ. Вотъ приказаніе и власть въ своемъ первобытномъ видѣ: тотъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше обдумывать то, что онъ дѣлалъ, и соображать то, что можетъ выйти изъ общей дѣятельности, и приказывать; тотъ, кто больше приказывалъ, вслѣдствіе своей дѣятельности, словами, очевидно могъ меньше дѣйствовать руками.

При бо̀льшемъ сборищѣ людей, направляющихъ дѣятельность на одну цѣль, еще рѣзче отдѣляется разрядъ людей, которые тѣмъ менѣе принимаютъ прямое участіе въ общей дѣятельности, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ направлена на приказываніе.

Человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ одинъ, всегда носитъ самъ въ себѣ извѣстный рядъ соображеній, руководившихъ, какъ ему кажется, его прошедшею дѣятельностью, служащихъ для него оправданіемъ его настоящей дѣятельности и руководящихъ его въ предположеніи о будущихъ его поступкахъ. Точно то же дѣлаютъ сборища людей, предоставляя тѣмъ, которые не участвуютъ въ дѣйствіи, придумывать соображенія, оправданія и предположенія о ихъ совокупной дѣятельности.

По извѣстнымъ или неизвѣстнымъ намъ причинамъ французы начинаютъ топить и рѣзать другъ друга. И соотвѣтственно событію, ему сопутствуетъ его оправданіе въ выраженныхъ воляхъ людей о томъ, что это необходимо для блага Франціи, для свободы, для равенства. Люди перестаютъ рѣзать другъ друга, и событію этому сопутствуетъ оправданіе необходимости единства власти, отпора Европѣ и т. д. Люди идутъ съ запада на востокъ, убивая себѣ подобныхъ, и событію этому сопутствуютъ слова о славѣ Франціи, низости Англіи и т. д. Исторія показываетъ намъ, что эти оправданія событія не имѣютъ никакого общаго смысла, противорѣчатъ сами себѣ, какъ убійство человѣка—вслѣдствіе признанія его правъ, и убійство милліоновъ въ Россіи — для униженія Англіи. Но оправданія эти въ современномъ смыслѣ имѣютъ необходимое значеніе.

Оправданія эти снимаютъ нравственную отвѣтственность съ людей, производящихъ событія. Временныя цѣли эти подобны щеткамъ, идущимъ для очищенія пути по рельсамъ впереди поѣзда: онѣ очищаютъ путь нравственной отвѣтственности людей. Безъ этихъ оправданій не могъ бы быть объясненъ самый простой вопросъ, представляющійся при разсмотрѣніи каждаго событія: какимъ образомъ милліоны людей совершаютъ совокупныя преступленія, войны, убійства и т. д.?

При настоящихъ, усложненныхъ формахъ государственной и общественной жизни въ Европѣ возможно ли придумать какое бы то ни было событіе, которое бы не было предписано, указано, приказано государями, министрами, парламентами, газетами? Есть ли какое-нибудь совокупное дѣйствіе, которое не нашло бы себѣ оправданія въ государственномъ единствѣ, въ національности, въ равновѣсіи Европы, въ цивилизаціи? Такъ что всякое совершившееся событіе неизбѣжно совпадаетъ съ какимъ-нибудь выраженнымъ желаніемъ и, получая себѣ оправданіе, представляется произведеніемъ воли одного или нѣсколькихъ людей.

Куда бы ни направился движущійся корабль, впереди его всегда будетъ видна струя разсѣкаемыхъ имъ волнъ. Для людей, находящихся на кораблѣ, движеніе этой струи будетъ единственно замѣтное движеніе.

Только слѣдя вблизи, моментъ за моментомъ, за движеніемъ этой струи и сравнивая это движеніе съ движеніемъ корабля, мы убѣдимся, что каждый моментъ движенія струи опредѣляется движеніемъ корабля и что насъ ввело въ заблужденіе то, что мы сами незамѣтно движемся.

То же самое мы увидимъ, слѣдя, моментъ за моментомъ, за движеніемъ историческихъ лицъ (т.-е. возстановляя необходимое условіе всего совершающагося—условіе непрерывности движенія во времени) и не упуская изъ виду необходимой связи историческихъ лицъ съ массами.

Что бы ни совершалось, всегда окажется, что это самое было предвидѣно и приказано. Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенія, бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ корабля.

Разсматривая только тѣ выраженія воли историческихъ лицъ, которыя отнеслись къ событіямъ, какъ приказанія, историки полагали, что событія находятся въ зависимости отъ приказаній. Разсматривая же самыя событія и ту связь съ массами, въ которой находятся историческія лица, мы нашли, что историческія лица и ихъ приказанія находятся въ зависимости отъ событія. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого вывода служитъ то, что сколько бы ни было приказаній, событіе не совершится, если па это нѣтъ другихъ причинъ; но какъ скоро совершится событіе—какое бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя по смыслу и по времени отнесутся къ событію какъ приказанія.

Придя къ этому заключенію, мы можемъ прямо и положительно отвѣтить на тѣ два существенные вопроса исторіи:

1) Что есть власть?

2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

1) Власть есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участіе въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося, совокупнаго дѣйствія.

2) Движеніе народовъ производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, но дѣятельность всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое участіе въ событіи, принимаютъ на себя наименьшую отвѣтственность, и наоборотъ.

Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи—тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность немыслима безъ физической, то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ.

Или другими словами: къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины не приложимо.

Въ послѣднемъ анализѣ мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мышленія приходитъ умъ человѣческій, если не играетъ своимъ предметомъ. Электричество производитъ тепло, тепло производитъ электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

Говоря о взаимодѣйствіи тепла и электричества и объ атомахъ, мы не можемъ сказать, почему это происходитъ, и говоримъ, что это такъ есть, потому, что немыслимо иначе, потому, что такъ должно быть, что это законъ. То же самое относится и до историческихъ явленій. Почему происходитъ война или революція, мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другого дѣйствія люди складываются въ извѣстное соединеніе, въ которомъ они участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому, что немыслимо иначе, что это законъ.

VIII.

Если бы исторія имѣла дѣло до внѣшнихъ явленій, постановленій этого простого и очевиднаго закона было бы достаточно, и мы бы кончили наше разсужденіе. Но законъ исторіи относится до человѣка. Частица матеріи не можетъ сказать намъ, что она вовсе не чувствуетъ потребности притягиванья и от-

талкиванья и что это неправда; человѣкъ же, который есть предметъ исторіи, прямо говоритъ: я свободенъ и потому не подлежу законамъ.

Присутствіе хотя невысказаннаго вопроса о свободѣ воли человѣка чувствуется на каждомъ шагу исторіи.

Всѣ серьезно мыслившіе историки невольно приходили къ этому вопросу. Всѣ противорѣчія, неясности исторіи, тотъ ложный путь, по которому идетъ эта наука, основаны только на неразрѣшенности этого вопроса.

Если воля каждаго человѣка была свободна, т.-е. что каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотѣлось, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случайностей.

Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоновъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, т.-е. такъ, какъ ему захотѣлось, то очевидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, противный законамъ, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества.

Если же есть хоть одинъ законъ, управляющій дѣйствіями людей, то не можетъ быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать этому закону.

Въ этомъ противорѣчіи заключается вопросъ о свободѣ воли, съ древнѣйшихъ временъ занимавшій лучшіе умы человѣчества и съ древнѣйшихъ временъ постановленный во всемъ громадномъ значеніи.

Вопросъ состоитъ въ томъ, что, глядя на человѣка, какъ на предметъ наблюденія, съ какой бы то ни было точки зрѣнія— богословской, исторической, этической, философской, мы находимъ общій законъ необходимости, которому онъ подлежитъ такъ же, какъ и все существующее. Глядя же на него изъ себя, какъ на то, что мы сознаемъ, мы чувствуемъ себя свободными.

Сознаніе это есть совершенно отдѣльный и независимый отъ разума источникъ самопознанія. Черезъ разумъ человѣкъ наблюдаетъ самъ себя; но знаетъ онъ самъ себя только черезъ сознаніе.

Безъ сознанія себя немыслимо и никакое наблюденіе и приложеніе разума.

Для того, чтобы понимать, наблюдать, умозаключать, человѣкъ долженъ прежде сознавать себя живущимъ. Живущимъ человѣкъ знаетъ себя не иначе, какъ хотящимъ, т.-е. сознаетъ свою волю. Волю же свою, составляющую сущность его жизни, человѣкъ сознаетъ и не можетъ сознавать иначе, какъ свободною.

Если, подвергая себя наблюденію, человѣкъ видитъ, что воля его направляется всегда по одному и тому же закону (наблюдаетъ ли онъ необходимость принимать пищу, или дѣятельность мозга, или что бы то ни было), онъ не можетъ понимать это всегда одинаковое направленіе своей воли иначе, какъ ограниченіемъ ея. То, что не было бы свободно, не могло бы быть и ограничено. Воля человѣка представляется ему ограниченною именно потому, что онъ сознаетъ ее не иначе, какъ свободною.

Вы говорите: я несвободенъ. А я поднялъ и опустилъ руку. Всякій понимаетъ, что этотъ нелогическій отвѣтъ есть неопровержимое доказательство свободы.

Отвѣтъ этотъ есть выраженіе сознанія, не подлежащаго разуму.

Если бы сознаніе свободы не было отдѣльнымъ и независимымъ отъ разума источникомъ самопознанія, оно бы подчинялось разсужденію и опыту; но въ дѣйствительности такое подчиненіе никогда не бываетъ и немыслимо.

Рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ каждому человѣку, что онъ, какъ предметъ наблюденія, подлежитъ извѣстнымъ законамъ, и человѣкъ подчиняется имъ и никогда не борется съ разъ узнаннымъ имъ закономъ тяготѣнія или непроницаемости. Но тотъ же рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ ему, что полная свобода, которую онъ сознаетъ въ себѣ, невозможна, что всякое дѣйствіе его зависитъ отъ его организаціи, отъ его характера и дѣйствующихъ на него мотивовъ; но человѣкъ никогда не подчиняется выводамъ этихъ опытовъ и разсужденій.

Узнавъ изъ опыта и разсужденія, что камень падаетъ внизъ, человѣкъ несомнѣнно вѣритъ этому и во всѣхъ случаяхъ ожидаетъ исполненія узнаннаго имъ закона.

Но, узнавъ также несомнѣнно, что воля его подлежитъ законамъ, онъ не вѣритъ и не можетъ вѣрить этому.

Сколько бы разъ опытъ и разсужденіе ни показывали человѣку, что въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ онъ сдѣлаетъ то же самое, что и прежде, онъ, въ тысячный разъ приступая въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ къ дѣйствію, всегда кончавшемуся одинаково, несомнѣнно чувствуетъ себя столь же увѣреннымъ въ томъ, что онъ можетъ поступать, какъ онъ захочетъ, какъ и до опыта. Всякій человѣкъ, дикій и мыслитель, какъ бы неотразимо ему ни доказывали разсужденіе и опытъ то, что невозможно представить себѣ два поступка въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, чувствуетъ, что безъ этого безсмысленнаго представленія (составляющаго сущность свободы) онъ не можетъ себѣ представить жизни. Онъ чувствуетъ, что,

какъ бы это ни было невозможно, это есть, ибо безъ этого представленія свободы онъ не только не понималъ бы жизни, но не могъ бы жить ни одного мгновенія.

Онъ не могъ бы жить потому, что всѣ стремленія людей, всѣ побужденія къ жизни суть только стремленія къ увеличенію свободы. Богатство — бѣдность, слава — неизвѣстность, власть — подвластность, сила—слабость, здоровье—болѣзнь, образованіе—невѣжество, трудъ—досугъ, сытость—голодъ, добродѣтель — порокъ суть только большія или меньшія степени свободы.

Представить себѣ человѣка, не имѣющаго свободы, нельзя иначе, какъ лишеннымъ жизни.

Если понятіе о свободѣ для разума представляется безсмысленнымъ противорѣчіемъ, какъ возможность совершить два поступка въ одинъ и тотъ же моментъ времени, или дѣйствіе безъ причины, то это доказываетъ только то, что сознаніе не подлежитъ разуму.

Это-то непоколебимое, неопровержимое, неподлежащее опыту и разсужденію сознаніе свободы, признаваемое всѣми мыслителями и ощущаемое всѣми людьми безъ исключенія, сознаніе, безъ котораго немыслимо никакое представленіе о человѣкѣ, и составляетъ другую сторону вопроса.

Человѣкъ есть твореніе всемогущаго, всеблагого и всевѣдущаго Бога. Что такое есть грѣхъ, понятіе о которомъ вытекаетъ изъ сознанія свободы человѣка? Вотъ вопросъ богословія.

Дѣйствія людей подлежатъ общимъ неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятіе о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы? Вотъ вопросъ права.

Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ, дѣйствующихъ на него. Что такое есть совѣсть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающихъ изъ сознанія свободы? Вотъ вопросъ этики.

Человѣкъ, въ связи съ общею жизнью человѣчества, представляется подчиненнымъ законамъ, опредѣляющимъ эту жизнь. Но тотъ же человѣкъ независимо отъ этой связи представляется свободнымъ. Какъ должна быть разсматриваема прошедшая жизнь народовъ и человѣчества,—какъ произведеніе свободной или несвободной дѣятельности людей? Вотъ вопросъ исторіи.

Только въ наше самоувѣренное время популяризація знаній, благодаря сильнѣйшему орудію невѣжества—распростране-

нію книгопечатанія, вопросъ о свободѣ воли сведенъ на такую почву, на которой и не можетъ быть самаго вопроса. Въ наше время большинство такъ называемыхъ передовыхъ людей, т.-е. толпа невѣждъ, приняло работы остествоиспытателей, занимающихся одной стороной вопроса, за разрѣшеніе всего вопроса.

Души и свободы нѣтъ, потому что жизнь человѣка выражается мускульными движеніями, а мускульныя движенія обусловливаются нервною дѣятельностью; души и свободы нѣтъ, потому что мы въ неизвѣстный періодъ времени произошли отъ обезьянъ,—говорятъ, пишутъ и печатаютъ они, вовсе и не подозрѣвая того, что тысячелѣтія тому назадъ, всѣми религіями, всѣми мыслителями не только признанъ, но никогда и не былъ отрицаемъ тотъ самый законъ необходимости, который съ такимъ стараніемъ они стремятся доказать теперь физіологіей и сравнительной зоологіей. Они не видятъ того, что роль естественныхъ наукъ въ этомъ вопросѣ состоитъ только въ томъ, чтобы служить орудіемъ для освѣщенія одной стороны его. Ибо то, что, съ точки зрѣнія наблюденія, разумъ и воля суть только отдѣленія (sécrétion) мозга, и то, что человѣкъ, слѣдуя общему закону, могъ развиться изъ низшихъ животныхъ въ неизвѣстный періодъ времени, уясняетъ только съ новой стороны тысячелѣтія тому назадъ признанную всѣми религіями и философскими теоріями истину о томъ, что, съ точки зрѣнія разума, человѣкъ подлежитъ законамъ необходимости, но ни на волосъ не подвигаетъ разрѣшеніе вопроса, имѣющаго другую, противоположную сторону, основанную на сознаніи свободы.

Если люди произошли отъ обезьянъ въ неизвѣстный періодъ времени, то это столь же поняно, какъ и то, что люди произошли отъ горсти земли въ извѣстный періодъ времени (въ первомъ случаѣ x есть время, во второмъ—происхожденіе); и вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединяется сознаніе свободы человѣка съ закономъ необходимости, которому подлежитъ человѣкъ, не можетъ быть разрѣшенъ сравнительной физіологіей и зоологіей, ибо въ лягушкѣ, кроликѣ и обезьянѣ мы можемъ наблюдать только мускульно-нервную дѣятельность, а въ человѣкѣ — мускульно-нервную дѣятельность и сознаніе.

Естествоиспытатели и ихъ поклонники, думающіе разрѣшать вопросъ этотъ, подобны штукатурамъ, которыхъ бы приставили заштукатурить одну сторону стѣны церкви и которые, пользуясь отсутствіемъ главнаго распорядителя работъ, въ порывѣ усердія, замазывали бы своей штукатуркой и окна, и образа, и лѣса, и неутвержденныя еще стѣны и радовались бы на то, какъ съ ихъ штукатурной точки зрѣнія все выходитъ ровно и гладко.

IX.

Разрѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости для исторіи, передъ другими отраслями знанія, въ которыхъ разрѣшался этотъ вопросъ, имѣетъ то преимущество, что для исторіи вопросъ этотъ относится не къ самой сущности воли человѣка, а къ представленію о появленіи этой воли въ прошедшемъ и въ извѣстныхъ условіяхъ.

Исторія по разрѣшенію этого вопроса становится къ другимъ наукамъ въ положеніе науки опытной къ наукамъ умозрительнымъ.

Исторія своимъ предметомъ имѣетъ не самую волю человѣка, а наше представленіе о ней.

И потому для исторіи не существуетъ, какъ для богословія, этики и философіи, неразрѣшимой тайны о соединеніи двухъ противорѣчій свободы и необходимости. Исторія разсматриваетъ представленіе о жизни человѣка, въ которомъ соединеніе этихъ двухъ противорѣчій уже совершилось.

Въ дѣйствительной жизни каждое историческое событіе, каждое дѣйствіе человѣка понимается весьма ясно и опредѣленно, безъ ощущенія малѣйшаго противорѣчія, несмотря на то, что каждое событіе представляется частью свободнымъ, частью необходимымъ.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость и что̀ составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна идти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки. Вмѣсто того, чтобы, опредѣливъ въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и о необходимости, подъ составленныя опредѣленія подводить явленія жизни,—исторія изъ огромнаго количества подлежащихъ ей явленій, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, должна вывести опредѣленіе самихъ понятій о свободѣ и о необходимости.

Какое бы мы ни разсматривали представленіе о дѣятельности многихъ людей или одного человѣка, мы понимаемъ его не иначе, какъ произведеніемъ отчасти свободы человѣка, отчасти законовъ необходимости.

Говоря ли о переселеніи народовъ и набѣгахъ варваровъ, или о распоряженіяхъ Наполеона III, или о поступкѣ человѣка, совершонномъ часъ тому назадъ и состоящемъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ направленій прогулки онъ выбралъ одно,—мы не видимъ ни малѣйшаго противорѣчія. Мѣра свободы и необ-

ходимости, руководившей поступками этихъ людей, ясно опредѣлена для насъ.

Весьма часто представленіе о большей или меньшей свободѣ различно, смотря по различной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ явленіе; но, всегда одинаково, каждое дѣйствіе человѣка представляется намъ не иначе, какъ извѣстнымъ соединеніемъ свободы и необходимости. Въ каждомъ разсматриваемомъ дѣйствіи мы видимъ извѣстную долю свободы и извѣстную долю необходимости. И всегда, чѣмъ болѣе въ какомъ бы то ни было дѣйствіи мы видимъ свободы, тѣмъ менѣе необходимости, и чѣмъ болѣе необходимости, тѣмъ менѣе свободы.

Отношеніе свободы къ необходимости уменьшается и увеличивается, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ; но отношеніе это всегда остается обратно пропорціональнымъ.

Человѣкъ тонущій, хватаясь за другого и потопляя его, или изнуренная кормленіемъ ребенка голодная мать, крадущая пищу, или человѣкъ, пріученный къ дисциплинѣ, по командѣ въ строю убивающій беззащитнаго человѣка, представляются менѣе виновными, т.-е. менѣе свободными и болѣе подлежащими закону необходимости, тому, кто знаетъ тѣ условія, въ которыхъ находились эти люди, и болѣе свободными тому, кто не знаетъ, что тотъ человѣкъ сáмъ тонулъ, что мать была голодна, солдатъ былъ въ строю и т. д. Точно такъ же человѣкъ, 20 лѣтъ тому назадъ совершившій убійство и послѣ того спокойно и безвредно жившій въ обществѣ, представляется менѣе виновнымъ, поступокъ его—болѣе подлежавшимъ закону необходимости для того, кто разсматривалъ его поступокъ по истеченіи 20 лѣтъ, и болѣе свободнымъ тому, кто разсматривалъ тотъ же поступокъ черезъ день послѣ того, какъ онъ былъ совершонъ. И точно такъ же каждый поступокъ человѣка сумасшедшаго, пьянаго или сильно возбужденнаго представляется менѣе свободнымъ и болѣе необходимымъ тому, кто знаетъ душевное состояніе того, кто совершилъ поступокъ, и болѣе свободнымъ и менѣе необходимымъ тому, кто этого не знаетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ увеличивается или уменьшается понятіе о свободѣ и соотвѣтственно тому уменьшается или увеличивается понятіе о необходимости, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ. Такъ что чѣмъ бóльшая представляется необходимость, тѣмъ меньшая представляется свобода. И наоборотъ.

Религія, здравый смыслъ человѣчества, наука прáва и сама исторія одинаково понимаютъ это отношеніе между необходимостью и свободой.

Всѣ безъ исключенія случаи, въ которыхъ увеличивается и уменьшается наше представленіе о свободѣ и о необходимости, имѣютъ только три основанія:

1) отношеніе человѣка, совершившаго поступокъ, къ внѣшнему міру,

2) ко времени и

3) къ причинамъ, произведшимъ поступокъ.

1) Первое основаніе есть: большее или меньшее видимое нами отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ опредѣленномъ мѣстѣ, которое занимаетъ каждый человѣкъ по отношенію ко всему, одновременно съ нимъ существующему. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго очевидно, что тонущій человѣкъ менѣе свободенъ и болѣе подлежитъ необходимости, чѣмъ человѣкъ, стоящій на сушѣ; то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія человѣка, живущаго въ тѣсной связи съ другими людьми въ густо населенной мѣстности, дѣйствія человѣка, связаннаго семьей, службой, предпріятіями, представляются несомнѣнно менѣе свободными и болѣе подлежащими необходимости, чѣмъ дѣйствія человѣка одинокаго и уединеннаго.

Если мы разсматриваемъ человѣка одного, безъ отношенія его ко всему окружающему, то каждое дѣйствіе его представляется намъ свободнымъ. Но если мы видимъ хоть какое-нибудь отношеніе его къ тому, что́ окружаетъ его, если мы видимъ связь его съ чѣмъ бы то ни было: съ человѣкомъ, который говоритъ съ нимъ; съ книгой, которую онъ читаетъ; съ трудомъ, которымъ онъ занятъ; даже съ воздухомъ, который его окружаетъ; съ свѣтомъ даже, который падаетъ на окружающіе его предметы, — мы видимъ, что̀ каждое изъ этихъ условій имѣетъ на него вліяніе и руководитъ хоть одной стороной его дѣятельности. И настолько, насколько мы видимъ этихъ вліяній, настолько уменьшается наше представленіе о его свободѣ и увеличивается представленіе о необходимости, которой онъ подлежитъ.

2) Второе основаніе есть: большее или меньшее видимое временное отношеніе человѣка къ міру; болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ мѣстѣ, которое дѣйствіе человѣка занимаетъ во времени. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго паденіе перваго человѣка, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ происхожденіе рода человѣческаго, представляется, очевидно, менѣе свободнымъ, чѣмъ вступленіе въ бракъ современнаго человѣка. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго жизнь и дѣятельность людей, жившихъ вѣка̀ тому назадъ, и связанная со мною

во времени, не можетъ представляться мнѣ столь свободною, какъ жизнь современная, послѣдствія которой мнѣ еще неизвѣстны.

Постепенность представленія о большей или меньшей свободѣ и необходимости въ этомъ отношеніи зависитъ отъ большаго или меньшаго промежутка времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ.

Если я разсматриваю поступокъ, совершонный мной минуту тому назадъ, при приблизительно тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при которыхъ я нахожусь теперь, мой поступокъ представляется мнѣ несомнѣнно свободнымъ. Но если я обсуживаю поступокъ, совершонный мѣсяцъ тому назадъ, то, находясь въ другихъ условіяхъ, я невольно признаю, что, если бы поступокъ этотъ не былъ совершонъ, многое полезное, пріятное и даже необходимое, вытекшее изъ этого поступка, не имѣло бы мѣста. Если я перенесусь воспоминаніемъ къ поступку еще болѣе отдаленному, за 10 лѣтъ и далѣе, то послѣдствія моего поступка представятся мнѣ еще очевиднѣе; и мнѣ трудно будетъ представить себѣ, что бы было, если бы не было поступка. Чѣмъ дальше назадъ буду переноситься я воспоминаніями или, что то же самое, впередъ сужденіемъ, тѣмъ разсужденіе мое о свободѣ поступка будетъ становиться сомнительнѣе.

Точно ту же прогрессію убѣдительности объ участіи свободной воли на общія дѣла человѣчества мы находимъ и въ исторіи. Совершившееся современное событіе представляется намъ несомнѣнно произведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ людей; но въ событіи болѣе отдаленномъ мы видимъ уже его неизбѣжныя послѣдствія, помимо которыхъ мы ничего другого не можемъ представить. И чѣмъ дальше переносимся мы назадъ въ разсматриваніи событій, тѣмъ менѣе они намъ представляются произвольными.

Австро-прусская война представляется намъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ дѣйствій хитраго Бисмарка и т. п. Наполеоновскія войны хотя уже сомнительно, но еще представляются намъ произведеніями воли героевъ. Но въ крестовыхъ походахъ мы уже видимъ событіе, опредѣленно занимающее свое мѣсто и безъ котораго немыслима новая исторія Европы, хотя точно такъ же для лѣтописцевъ крестовыхъ походовъ событіе это представлялось только произведеніемъ воли нѣкоторыхъ лицъ. Въ переселеніи народовъ никому уже въ наше время не приходитъ въ голову, чтобы отъ произвола Атиллы зависѣло обновить европейскій міръ. Чѣмъ дальше назадъ мы переносимъ въ исторіи предметъ наблюденія, тѣмъ сомнительнѣе становится

свобода людей, производившихъ событія, и тѣмъ очевиднѣе законъ необходимости.

3) Третье основаніе есть: бо́льшая или меньшая доступность для насъ той безконечной связи причинъ, составляющей неизбѣжное требованіе разума, въ которой каждое понимаемое явленіе и потому каждое дѣйствіе человѣка должно имѣть свое опредѣленное мѣсто, какъ слѣдствіе для предыдущихъ и какъ причина для послѣдующихъ.

Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія наши и другихъ людей представляются намъ, съ одной стороны, тѣмъ болѣе свободными и менѣе подлежащими необходимости, чѣмъ болѣе извѣстны намъ тѣ выведенные изъ наблюденія физіологическіе, психологическіе и историческіе законы, которымъ подлежитъ человѣкъ, и чѣмъ вѣрнѣе усмотрѣна нами физіологическая, психологическая или историческая причина дѣйствія; съ другой стороны, чѣмъ проще самое наблюдаемое дѣйствіе и чѣмъ несложнѣе характеромъ и умомъ тотъ человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ.

Когда мы совершенно не понимаемъ причины поступка: въ случаѣ ли злодѣйства, добродѣтели или даже безразличнаго по добру и злу поступка, мы въ такомъ поступкѣ признаемъ наибольшую долю свободы. Въ случаѣ злодѣйства—мы болѣе всего требуемъ за такой поступокъ наказанія; въ случаѣ добродѣтели—болѣе всего цѣнимъ такой поступокъ. Въ безразличномъ случаѣ — признаемъ наибольшую индивидуальность, оригинальность, свободу. Но если хоть одна изъ безчисленныхъ причинъ извѣстна намъ, мы признаемъ уже извѣстную долю необходимости и менѣе требуемъ возмездія за преступленіе, менѣе признаемъ заслуги въ добродѣтельномъ поступкѣ, менѣе свободы въ казавшемся оригинальнымъ поступкѣ. То, что преступникъ былъ воспитанъ въ средѣ злодѣевъ, уже смягчаетъ его вину. Самоотверженіе отца, матери, самоотверженіе съ возможностью награды болѣе понятно, чѣмъ безпричинное самоотверженіе, и потому представляется менѣе заслуживающимъ сочувствія, менѣе свободнымъ. Основатель секты, партіи, изобрѣтатель менѣе удивляютъ насъ, когда мы знаемъ, какъ и чѣмъ была подготовлена его дѣятельность. Если мы имѣемъ большой рядъ опытовъ, если наблюденіе наше постоянно направлено на отысканіе соотношеній въ дѣйствіяхъ людей между причинами и слѣдствіями, то дѣйствія людей представляются намъ тѣмъ болѣе необходимыми и тѣмъ менѣе свободными, чѣмъ вѣрнѣе мы связываемъ послѣдствія съ причинами. Если разсматриваемыя дѣйствія просты и мы для наблюденія имѣли огромное количе-

ство такихъ дѣйствій, то представленіе наше о ихъ необходимости будетъ еще полнѣе. Безчестный поступокъ сына безчестнаго отца; дурное поведеніе женщины, попавшей въ извѣстную среду; возвращеніе къ пьянству пьяницы и т. п. суть поступки, которые тѣмъ менѣе представляются намъ свободными, чѣмъ понятнѣе для насъ причина. Если же самый человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ, стоитъ на самой низкой степени развитія ума,—какъ ребенокъ, сумасшедшій, дурачокъ,—то мы, зная причины дѣйствія и несложность характера и ума, уже видимъ столь большую долю необходимости и столь малую свободу, что, какъ скоро намъ извѣстна причина, долженствующая произвести дѣйствіе, мы можемъ предсказать поступокъ.

Только на этихъ трехъ основаніяхъ строятся существующая во всѣхъ законодательствахъ невмѣняемость преступленій и уменьшающія вину обстоятельства. Вмѣняемость представляется большею или меньшею, смотря по большему или меньшему знанію условій, въ которыхъ находился человѣкъ, поступокъ котораго обсуживается, по большему или меньшему промежутку времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ и по большему или меньшему пониманію причинъ поступка.

X.

Итакъ, представленіе наше о свободѣ и необходимости постепенно уменьшается и увеличивается, смотря по большей или меньшей связи съ внѣшнимъ міромъ, по большему или меньшему отдаленію времени и большей или меньшей зависимости отъ причинъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ явленіе жизни человѣка.

Такъ что, если мы разсматриваемъ такое положеніе человѣка, въ которомъ связь съ внѣшнимъ міромъ наиболѣе извѣстна, періодъ времени сужденія отъ времени совершенія поступка наибольшій и причины поступка наидоступнѣйшія, то мы получаемъ представленіе о наибольшей необходимости и наименьшей свободѣ. Если же мы разсматриваемъ человѣка въ наименьшей зависимости отъ внѣшнихъ условій, если дѣйствіе его совершено въ ближайшій моментъ къ настоящему и причины его дѣйствія намъ недоступны, то мы получимъ представленіе о наименьшей необходимости и наибольшей свободѣ.

Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ бы мы ни измѣняли нашу точку зрѣнія; какъ бы ни уясняли себѣ ту связь, въ которой находится человѣкъ съ внѣшнимъ міромъ, или какъ бы ни недоступна она намъ казалась; какъ бы ни удлиняли или

укорачивали періодъ времени; какъ бы понятны или непостижимы ни были для насъ причины,—мы никогда не можемъ себѣ представить ни полной свободы, ни полной необходимости.

1) Какъ бы мы ни представляли себѣ человѣка исключеннымъ отъ вліяній внѣшняго міра, мы никогда не получимъ понятія о свободѣ въ пространствѣ. Всякое дѣйствіе человѣка неизбѣжно обусловлено и тѣмъ, что̀ окружаетъ его, и самымъ тѣломъ человѣка. Я поднимаю руку и опускаю ее. Дѣйствіе мое кажется мнѣ свободнымъ; но, спрашивая себя, могъ ли я по всѣмъ направленіямъ поднять руку, я вижу, что я поднялъ руку по тому направленію, по которому для этого дѣйствія было менѣе препятствій, находящихся какъ въ тѣлахъ, меня окружающихъ, такъ и въ устройствѣ моего тѣла. Если изъ всѣхъ возможныхъ направленій я выбралъ одно, то я выбралъ его потому, что по этому направленію было меньше препятствій. Для того, чтобы дѣйствіе мое было свободнымъ, необходимо, чтобы оно не встрѣчало себѣ никакихъ препятствій. Для того, чтобы представить себѣ человѣка свободнымъ, мы должны представить его себѣ внѣ пространства, что̀ очевидно невозможно.

2) Какъ бы мы ни приближали время сужденія ко времени поступка, мы никогда не получимъ понятія свободы во времени. Ибо если я разсматриваю поступокъ, совершонный секунду тому назадъ, я все-таки долженъ признать не-свободу поступка, такъ какъ поступокъ закованъ тѣмъ моментомъ времени, въ которомъ онъ совершонъ. Могу ли я поднять руку? Я поднимаю ее; но спрашиваю себя: могъ ли я не поднять руки въ тотъ прошедшій уже моментъ времени? Чтобы убѣдиться въ этомъ, я въ слѣдующій моментъ не поднимаю руки. Но я не поднялъ руки не въ тотъ первый моментъ, когда я спросилъ себя о свободѣ. Прошло время, удержать которое было не въ моей власти, и та рука, которую я тогда поднялъ, и тотъ воздухъ, въ которомъ я тогда сдѣлалъ то движеніе, уже не тотъ воздухъ, который теперь окружаетъ меня, и не та рука, которой я теперь не дѣлаю движеній. Тотъ моментъ, въ который совершилось первое движеніе, невозвратимъ, и въ тотъ моментъ я могъ сдѣлать только одно движеніе, и какое бы я ни сдѣлалъ движеніе, движеніе это могло быть только одно. То, что я въ слѣдующую минуту не поднялъ руки, не доказало того, что я могъ не поднять ея. И такъ какъ движеніе мое могло быть только одно въ одинъ моментъ времени, то оно и не могло быть другое. Для того, чтобы представить его себѣ свободнымъ, надо представить его себѣ въ настоящемъ, въ грани прошедшаго и будущаго, т.-е. внѣ времени, что̀ невозможно.

И 3) какъ бы ни увеличивалась трудность постиженія причины, мы никогда не придемъ къ представленію полной свободы, т.-е. къ отсутствію причины. Какъ бы ни была непостижима для насъ причина выраженія воли въ какомъ бы то ни было своемъ или чужомъ поступкѣ, первое требованіе ума есть предположеніе и отысканіе причины, безъ которой немыслимо никакое явленіе. Я поднимаю руку съ тѣмъ, чтобы совершить поступокъ, независимый отъ всякой причины; но то, что я хочу совершить поступокъ, не имѣющій причины, есть причина моего поступка.

Но даже если бы, представивъ себѣ человѣка, совершенно исключеннаго отъ всѣхъ вліяній, разсматривая только его мгновенный поступокъ настоящаго и не вызванный никакой причиной, мы бы допустили безконечно малый остатокъ необходимости равнымъ нулю, мы бы и тогда не пришли къ понятію о полной свободѣ человѣка, ибо существо, не принимающее на себя вліяній внѣшняго міра, находящееся внѣ времени и не зависящее отъ причинъ, уже не есть человѣкъ.

Точно такъ же мы никогда не можемъ представить себѣ дѣйствіе человѣка безъ участія свободы и подлежащаго только закону необходимости.

1) Какъ бы ни увеличивалось наше знаніе тѣхъ пространственныхъ условій, въ которыхъ находится человѣкъ, знаніе это никогда не можетъ быть полное, такъ какъ число этихъ условій безконечно велико такъ же, какъ безконечно пространство. И потому, какъ скоро опредѣлены не *всѣ* условія вліяній на человѣка, то и нѣтъ полной необходимости, а есть извѣстная доля свободы.

2) Какъ бы мы ни удлиняли періодъ времени отъ того явленія, которое мы разсматриваемъ, до времени сужденія, періодъ этотъ будетъ конеченъ, а время безконечно; а потому и въ этомъ отношеніи никогда не можетъ быть полной необходимости.

3) Какъ бы ни была доступна цѣпь причинъ какого бы то ни было поступка, мы никогда не будемъ знать всей цѣпи, такъ какъ она безконечна, и опять никогда не получимъ полной необходимости.

Но, кромѣ того, если бы даже, допустивъ остатокъ наименьшей свободы равнымъ нулю, мы бы признали въ какомъ-нибудь случаѣ — какъ, напримѣръ, въ умирающемъ человѣкѣ, въ зародышѣ, въ идіотѣ — полное отсутствіе свободы, мы бы тѣмъ самымъ уничтожили самое понятіе о человѣкѣ, которое мы разсматриваемъ, ибо какъ только нѣтъ свободы, нѣтъ и человѣка. И потому представленіе о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы,

такъ же невозможно, какъ и представленіе о вполнѣ свободномъ дѣйствіи человѣка.

Итакъ, для того, чтобы представить себѣ дѣйствіе человѣка, подлежащее одному закону необходимости, мы должны допустить знаніе *безконечнаго* количества пространственныхъ условій *безконечнаго* великаго періода времени и *безконечнаго* ряда причинъ.

Для того, чтобы представить себѣ человѣка совершенно свободнаго, не подлежащаго закону необходимости, мы должны представить его себѣ одного *внѣ пространства*, *внѣ времени* и *внѣ зависимости отъ причинъ*.

Въ первомъ случаѣ, если бы возможна была необходимость безъ свободы, мы бы пришли къ опредѣленію (законами) необходимости тою же необходимостью, т.-е. къ одной формѣ безъ содержанія.

Во второмъ случаѣ, если бы возможна была свобода безъ необходимости, мы бы пришли къ безусловной свободѣ внѣ пространства, времени и причинъ, которая по тому самому, что была бы безусловна и ничѣмъ не ограничивалась, была бы ничто, или одно содержаніе безъ формы.

Мы бы пришли вообще къ тѣмъ двумъ основаніямъ, изъ которыхъ складывается все міросозерцаніе человѣка — къ непостижимой сущности жизни и къ законамъ, опредѣляющимъ эту сущность.

Разумъ говоритъ: 1) Пространство со всѣми формами, которыя даетъ ему видимость его — матерія, безконечно и не можетъ быть мыслимо иначе. 2) Время есть безконечное движеніе безъ одного момента покоя, и оно не можетъ быть мыслимо иначе. 3) Связь причинъ и послѣдствій не имѣетъ начала и не можетъ имѣть конца.

Сознаніе говоритъ: 1) Я одинъ, и все, что существуетъ, есть только я; слѣдовательно, я включаю пространство; 2) я мѣряю бѣгущее время неподвижнымъ моментомъ настоящаго, въ которомъ одномъ я сознаю себя живущимъ; слѣдовательно, я внѣ времени, и 3) я внѣ причины, ибо я чувствую себя причиной всякаго проявленія своей жизни.

Разумъ выражаетъ законы необходимости. Сознаніе выражаетъ сущность свободы.

Свобода, ничѣмъ не ограниченная, есть сущность жизни въ сознаніи человѣка. Необходимость безъ содержанія есть разумъ человѣка съ его тремя формами.

Свобода есть то, что̀ разсматривается. Необходимость есть то, что̀ разсматриваетъ. Свобода есть содержаніе. Необходимость есть форма.

Только при разъединеніи двухъ источниковъ познанія, относящихся другъ къ другу какъ форма къ содержанію, получаются отдѣльно взаимно исключающіяся и непостижимыя понятія о свободѣ и о необходимости.

Только при соединеніи ихъ получается ясное представленіе о жизни человѣка.

Внѣ этихъ двухъ взаимно опредѣляющихся въ соединеніи своемъ — какъ форма съ содержаніемъ — понятій невозможно никакое представленіе жизни.

Все, что̀ мы знаемъ о жизни людей, есть только извѣстное отношеніе свободы къ необходимости, т.-е. сознанія къ законамъ разума.

Все, что̀ мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ природы, есть только извѣстное отношеніе силъ природы къ необходимости или сущности жизни къ законамъ разума.

Силы жизни природы лежатъ внѣ насъ и не сознаваемы нами, и мы называемъ эти силы тяготѣніемъ, инерціей, электричествомъ, животной силой и т. д.; но сила жизни человѣка сознаваема нами, и мы называемъ ее свободой.

Но точно такъ же, какъ непостижимая сама въ себѣ сила тяготѣнія, ощущаемая всякимъ человѣкомъ, только настолько понятна намъ, насколько мы знаемъ законы необходимости, которой она подлежитъ (отъ перваго знанія, что всѣ тѣла тяжелы, до закона Ньютона), точно такъ же и непостижимая сама въ себѣ сила свободы, сознаваемая каждымъ, только настолько понятна намъ, насколько мы знаемъ законы необходимости, которымъ она подлежитъ (начиная отъ того, что всякій человѣкъ умираетъ, и до знанія самыхъ сложныхъ экономическихъ или историческихъ законовъ).

Всякое знаніе есть только подведеніе сущности жизни подъ законы разума.

Свобода человѣка отличается отъ всякой другой силы тѣмъ, что сила эта сознаваема человѣкомъ; но для разума она ничѣмъ не отличается отъ всякой другой силы. Сила тяготѣнія, электричества или химическаго сродства только тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, что силы эти различно опредѣлены разумомъ.

Точно такъ же сила свободы человѣка для разума отличается отъ другихъ силъ природы только тѣмъ опредѣленіемъ, которое ей даетъ этотъ разумъ. Свобода же безъ необходимости, т.-е. безъ законовъ разума, опредѣляющихъ ее, ничѣмъ не отличается отъ тяготѣнія, или тепла, или силы растительности,—она есть для разума только мгновенное, неопредѣлимое ощущеніе жизни.

И какъ неопредѣлимая сущность силы, двигающей небесныя тѣла, неопредѣлимая сущность силы тепла, электричества, или силы химическаго сродства, или жизненной силы — составляютъ содержаніе астрономіи, физики, химіи, ботаники, зоологіи и т. д., точно такъ же сущность силы свободы составляетъ содержаніе исторіи. Но точно такъ же, какъ предметъ всякой науки есть проявленіе этой неизвѣстной сущности жизни, сама же эта сущность можетъ быть только предметомъ метафизики,—точно такъ же проявленіе силы свободы людей въ пространствѣ, времени и зависимости отъ причинъ составляетъ предметъ исторіи, сама же свобода есть предметъ метафизики.

Въ наукахъ опытныхъ то, что̀ извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что̀ неизвѣстно намъ, мы называемъ жизненной силой. Жизненная сила есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о сущности жизни.

Точно такъ же въ исторіи то, что̀ извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что̀ неизвѣстно, — свободой. Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о законахъ жизни человѣка.

XI.

Исторія разсматриваетъ проявленія свободы человѣка въ связи съ внѣшнимъ міромъ, во времени и въ зависимости отъ причинъ, т.-е. опредѣляетъ эту свободу законами разума; и потому исторія только настолько есть наука, насколько эта свобода опредѣлена этими законами.

Для исторіи признаніе свободы людей, какъ силы, могущей вліять на историческія событія, т.-е. не подчиненной законамъ, есть то же, что для астрономіи признаніе свободной силы движенія небесныхъ тѣлъ.

Признаніе это уничтожаетъ возможность существованія законовъ, т.-е. какого бы то ни было знанія. Если существуетъ хоть одно свободно двигающееся тѣло, то не существуетъ болѣе законовъ Кеплера и Ньютона и не существуетъ болѣе никакого представленія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Если существуетъ одинъ свободный поступокъ человѣка, то не существуетъ ни одного историческаго закона и никакого представленія объ историческихъ событіяхъ.

Для исторіи существуютъ линіи движенія человѣческихъ воль, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ, а на другомъ концѣ которыхъ движется — въ пространствѣ, во времени и въ зависимости отъ причинъ — сознаніе свободы людей въ настоящемъ.

Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія, тѣмъ очевиднѣе законы этого движенія. Уловить и опредѣлить эти законы составляетъ задачу исторіи.

Съ той точки зрѣнія, съ которой наука смотритъ теперь на свой предметъ; по тому пути, по которому она идетъ, отыскивая причины явленій въ свободной волѣ людей,—выраженіе законовъ для науки невозможно; ибо, какъ бы мы ни ограничивали свободу людей, какъ только мы ее признали за силу, не подлежащую законамъ, существованіе закона невозможно.

Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т.-е. разсматривая ее какъ безконечно-малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вмѣсто отысканія причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ.

Отысканіе этихъ законовъ уже давно начато, и тѣ новые пріемы мышленія, которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія.

По этому пути шли всѣ науки человѣческія. Придя къ безконечно-малому, математика, точнѣйшая изъ наукъ, оставляетъ процессъ дробленія и приступаетъ къ новому процессу суммованія неизвѣстныхъ безконечно-малыхъ. Отступая отъ понятія о причинѣ, математика отыскиваетъ законъ, т.-е. свойства, общія всѣмъ неизвѣстнымъ безконечно-малымъ элементамъ.

Хотя и въ другой формѣ, но по тому же пути мышленія шли и другія науки. Когда Ньютонъ высказалъ законъ тяготѣнія, онъ не сказалъ, что солнце или земля имѣетъ свойство притягивать: онъ сказалъ, что всякое тѣло, отъ крупнѣйшаго до малѣйшаго, имѣетъ свойство какъ бы притягивать одно другое, т.-е., оставивъ въ сторонѣ вопросъ о причинѣ движенія тѣлъ, онъ выразилъ свойство, общее всѣмъ тѣламъ, отъ безконечно-великихъ до безконечно-малыхъ. То же дѣлаютъ естественныя науки: оставляя вопросъ о причинѣ, онѣ отыскиваютъ законы. На томъ же пути стоитъ и исторія. И если исторія имѣетъ предметомъ изученіе движеній народовъ и человѣчества, а не описаніе эпизодовъ изъ жизни людей, то она должна, отстранивъ понятіе причинъ, отыскивать законы, общіе всѣмъ равнымъ и неразрывно связаннымъ между собою безконечно-малымъ элементамъ свободы.

XII.

Съ тѣхъ поръ, какъ найденъ и доказанъ законъ Коперника, одно признаніе того, что движется не солнце, а земля, уничтожило всю космографію древнихъ. Можно было, опровергнувъ

законъ, удержать старое воззрѣніе на движенія тѣлъ; но, не опровергнувъ его, нельзя было, казалось, продолжать изученіе Птоломеевыхъ міровъ. Но и послѣ открытія закона Коперника Птоломеевы міры еще долго продолжали изучаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ первый человѣкъ сказалъ и доказалъ, что количество рожденій или преступленій подчиняется математическимъ законамъ, и что извѣстныя географическія и политико-экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія; что извѣстныя отношенія населенія къ землѣ производятъ движенія народа, — съ тѣхъ поръ уничтожились въ сущности своей тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія.

Можно было, опровергнувъ новые законы, удержать прежнее воззрѣніе на исторію; но, не опровергнувъ ихъ, нельзя было, казалось, продолжать изучать историческія событія, какъ произведеніе свободной воли людей. Ибо если установился такой-то образъ правленія или совершилось такое-то движеніе народа, вслѣдствіе такихъ-то географическихъ, этнографическихъ или экономическихъ условій, то воля тѣхъ людей, которые представляются намъ установившими образъ правленія или возбудившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема, какъ причина.

А между тѣмъ прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ.

Долго и упорно шла въ физической философіи борьба между старымъ и новымъ взглядами. Богословіе стояло на стражѣ за старый взглядъ и обвиняло новый въ разрушеніи откровенія. Но когда истина побѣдила, богословіе построилось такъ же твердо на новой почвѣ.

Такъ же долго и упорно идетъ борьба въ настоящее время между старымъ и новымъ воззрѣніемъ на исторію, точно такъ же богословіе стоитъ на стражѣ за старый взглядъ и обвиняетъ новый въ разрушеніи откровенія.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ борьба вызываетъ страсти и заглушаетъ истину. Съ одной стороны является борьба страха и жалости за все, вѣками воздвигнутое, зданіе; съ другой — борьба страсти къ разрушенію.

Людямъ, боровшимся съ возникавшей истиной физической философіи, казалось, что, признай они эту истину, разрушается вѣра въ Бога, въ сотвореніе тверди, въ чудо Іисуса Навина. Защитникамъ законовъ Коперника и Ньютона, Вольтеру, напримѣръ, казалось, что законы астрономіи разрушаютъ религію, и

онъ, какъ орудіе противъ религіи, употреблялъ законы тяготѣнія.

Точно такъ же теперь кажется, стòитъ только признать законъ необходимости, и разрушатся: понятіе о душѣ, о добрѣ и злѣ и всѣ воздвигнутыя на этомъ понятіи государственныя и церковныя учрежденія.

Точно такъ же теперь, какъ Вольтеръ въ свое время, непризнанные защитники закона необходимости употребляютъ этотъ законъ необходимости, какъ орудіе противъ религіи; тогда какъ точно такъ же, какъ и законъ Коперника въ астрономіи, законъ необходимости въ исторіи не только не уничтожаетъ, но даже утверждаетъ ту почву, на которой строятся государственныя и церковныя учрежденія.

Какъ въ вопросѣ астрономіи тогда, такъ и теперь въ вопросѣ исторіи все различіе воззрѣнія основано на признаніи или непризнаніи абсолютной единицы, служащей мѣриломъ видимыхъ явленій. Въ астрономіи это была неподвижность земли; въ исторіи это — независимость личности, свобода.

Какъ для астрономіи трудность признанія движенія земли состояла въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства неподвижности земли и такого же чувства движенія планетъ, такъ и для исторіи трудность признанія подчиненности личности законамъ пространства, времени и причинности состоитъ въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства независимости своей личности. Но какъ въ астрономіи новое воззрѣніе говорило: «правда, мы не чувствуемъ движенія земли, но, допустивъ ея неподвижность, мы приходимъ къ безсмыслицѣ; допустивъ же движеніе, котораго мы не чувствуемъ, мы приходимъ къ законамъ», такъ и въ исторіи новое воззрѣніе говоритъ: «правда, мы не чувствуемъ нашей зависимости, но, допустивъ нашу свободу, мы приходимъ къ безсмыслицѣ; допустивъ же свою зависимость отъ внѣшняго міра, времени и причинъ, приходимъ къ законамъ».

Въ первомъ случаѣ надо было отказаться отъ сознанія несуществующей неподвижности въ пространствѣ и признать неощущаемое нами движеніе; въ настоящемъ случаѣ точно такъ же необходимо отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость.

Примѣчанія къ тому IV „Войны и мира".

Къ этому тому прилагаются:

1) Статья Льва Николаевича подъ названіемъ «Нѣсколько словъ по поводу книги «Война и миръ», ошибочно названной въ послѣднемъ изданіи «послѣсловіемъ»: во-первыхъ, потому, что Левъ Николаевичъ самъ, въ началѣ этой статьи говоритъ, что онъ пишетъ ее взамѣнъ «предисловія»; во-вторыхъ, по тому, что статья эта была написана и напечатана, когда самое изданіе романа еще не было окончено, а именно въ началѣ 1868 года (Архивъ № 3), тогда какъ 6-й томъ вышелъ только въ 1869 году, а первые 5 печатались и выходили въ теченіе 1868 года.

2) Нѣсколько отрывковъ изъ первоначальной редакціи, выброшенныхъ Львомъ Николаевичемъ при обработкѣ въ корректурахъ или значительно измѣненныхъ. Эти отрывки взяты изъ того же сборника корректурныхъ гранокъ «Войны и мира», о которомъ упоминалось въ примѣчаніяхъ ко II и III тому «Войны и мира» и хранящихся въ Историческомъ музеѣ, въ отдѣлѣ «Чертковской библіотеки».

Приложенія.

I.

Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и миръ".

Печатая сочиненіе, на которое положено мною пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда, при наилучшихъ условіяхъ жизни, мнѣ хотѣлось въ предисловіи къ этому сочиненію изложить мой взглядъ на него и тѣмъ предупредить тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть въ читателяхъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы читатели не видѣли и не искали въ моей книгѣ того, чего я не хотѣлъ или не умѣлъ выразить, и обратили бы вниманіе на то именно, что я хотѣлъ выразить, но на чемъ (по условіямъ произведенія) не считалъ удобнымъ останавливаться. Ни время, ни мое умѣніе не позволили мнѣ сдѣлать вполнѣ того, что я былъ намѣренъ, и я пользуюсь гостепріимствомъ спеціальнаго журнала для того, чтобы хотя не полно и кратко, для тѣхъ читателей, которыхъ это можетъ интересовать, изложить взглядъ автора на свое произведеніе.

1) Что такое «Война и миръ?» Это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. «Война и миръ» есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось. Такое заявленіе о пренебреженіи автора къ условнымъ формамъ прозаическаго художественнаго произведенія могло бы показаться самонадѣянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имѣло примѣровъ. Исторія русской литературы со времени Пушкина не только представляетъ много примѣровъ такого отступленія отъ европейской формы, но не даетъ даже ни одного примѣра противнаго. Начиная отъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя и до «Мертваго дома» Достоевскаго, въ новомъ періодѣ русской литературы нѣтъ ни одного художественнаго прозаическаго произведенія, немного выходящаго изъ посредственности, которое бы вполнѣ укладывалось въ форму романа, поэмы или повѣсти.

2) Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, недостаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее. Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ, — это ужасы крѣпостного права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи, я не считаю вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь, или когда-либо. Въ тѣ времена также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями; та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только отъ того, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ наиболѣе доходили выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство, такъ же несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ большей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. И этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить.

3) Употребленіе французскаго языка въ русскомъ сочиненіи. Для чего, въ моемъ сочиненіи говорятъ не только русскіе, но и французы, частью по-русски, частью по-французски. Упрекъ въ томъ, что лица говорятъ и пишутъ по-французски въ русской книгѣ, подобенъ тому упреку, который бы сдѣлалъ человѣкъ, глядя на картину и замѣтивъ въ ней черныя пятна (тѣни), которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Живописецъ не повиненъ въ томъ, что нѣкоторымъ тѣнь, сдѣланная имъ на лицѣ картины, представляется чернымъ пятномъ, котораго не бываетъ въ дѣйствительности; но живописецъ повиненъ только въ томъ, ежели тѣни эти положены не вѣрно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынѣшняго вѣка, изображая лица русскія извѣстнаго общества и Наполеона, и французовъ, имѣвшихъ такое прямое участіе въ жизни того времени, я невольно увлекся формой выраженія того французскаго склада мысли больше, чѣмъ это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенныя мною тѣни, вѣроятно, невѣрны и грубы,

я желалъ бы только, чтобы тѣ, которымъ покажется очень смѣшно, какъ Наполеонъ говоритъ то по-русски, то по-французски, знали бы, что это имъ кажется только оттого, что они, какъ человѣкъ, смотрящій на портретъ, видятъ не лицо съ свѣтомъ и тѣнями, а черное пятно подъ носомъ.

4) Имена дѣйствующихъ лицъ, Болконскій, Друбецкой, Билибинъ, Курагинъ и др., напоминаютъ извѣстныя русскія имена. Сопоставляя дѣйствующія не-историческія лица съ другими историческими лицами, я чувствовалъ неловкость для уха заставлять говорить графа Ростопчина съ кн. Пронскимъ, съ Стрѣльскимъ или съ какими-нибудь другими князьями или графами, вымышленной, двойной или одинокой фамиліи. Болконскій или Друбецкой, хотя не суть ни Волконскій ни Трубецкой, звучатъ чѣмъ-то знакомымъ и естественнымъ въ русскомъ аристократическомъ кругу. Я не умѣлъ придумать для всѣхъ лицъ именъ, которыя мнѣ показались бы не фальшивыми для уха, какъ Безухій и Ростовъ, и не умѣлъ обойти эту трудность иначе, какъ взявъ на удачу самыя знакомыя русскому уху фамиліи и перемѣнивъ въ нихъ нѣкоторыя буквы. Я бы очень сожалѣлъ, ежели бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описываніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которою я занимался.

М. Д. Ахросимова и Денисовъ, вотъ исключительно лица, которымъ невольно и необдуманно я далъ имена, близко подходящія къ двумъ особенно характернымъ и милымъ дѣйствительнымъ лицамъ тогдашняго общества. Это была моя ошибка, вытекшая изъ особенной характерности этихъ двухъ лицъ, но ошибка моя въ этомъ отношеніи ограничилась одною постановкою двухъ лицъ; и читатели, вѣроятно, согласятся, что ничего похожаго съ дѣйствительностью не происходило съ этими лицами. Всѣ же остальныя лица совершенно вымышленныя и не имѣютъ даже для меня опредѣленныхъ первообразовъ въ преданіи или дѣйствительности.

5) Разногласіе мое въ описаніи историческихъ событій съ разсказами историковъ. Оно не случайное, а неизбѣжное. Историкъ и художникъ, описывая историческую эпоху, имѣютъ два совершенно различные предмета. Какъ историкъ будетъ не правъ, ежели онъ будетъ пытаться представить историческое лицо во всей его цѣльности, во всей сложности отношеній ко всѣмъ сторонамъ жизни, такъ и художникъ не исполнитъ своего дѣла, представляя лицо всегда въ его значеніи историческомъ. Кутузовъ не всегда

съ зрительной трубкой, указывая на враговъ, ѣхалъ на бѣлой лошади. Ростопчинъ не всегда съ факеломъ зажигалъ Вороновскій домъ (онъ даже никогда этого не дѣлалъ), и императрица Марія Ѳеодоровна не всегда стояла въ горностаевой мантіи, опершись рукой на сводъ законовъ; а такими ихъ представляетъ себѣ народное воображеніе.

Для историка, въ смыслѣ содѣйствія, оказаннаго лицомъ какой-нибудь одной цѣли, есть герои; для художника, въ смыслѣ соотвѣтственности этого лица всѣмъ сторонамъ жизни, не можетъ и не должно быть героевъ, а должны быть люди.

Историкъ обязанъ иногда, пригибая истину, подводить всѣ дѣйствія историческаго лица подъ одну идею, которую онъ вложилъ въ это лицо. Художникъ, напротивъ, въ самой одиночности этой идеи видитъ несообразность съ своей задачей и старается только понять и показать не извѣстнаго дѣятеля, а человѣка.

Въ описаніи самыхъ событій различіе еще рѣзче и существеннѣе.

Историкъ имѣетъ дѣло до результатовъ событія, художникъ до самаго факта событія. Историкъ, описывая сраженіе, говоритъ: лѣвый флангъ такого-то войска былъ двинутъ противъ деревни такой-то, сбилъ непріятеля, но принужденъ былъ отступить; тогда пущенная въ атаку кавалерія опрокинула... и т. д. Историкъ не можетъ говорить иначе. А между тѣмъ, для художника слова эти не имѣютъ никакого смысла и даже не затрогиваютъ самаго событія. Художникъ, изъ своей ли опытности, или по письмамъ, запискамъ или разсказамъ, выводитъ свое представленіе о совершившемся событіи, и весьма часто (въ примѣрѣ сраженія) выводъ о дѣятельности такихъ-то и такихъ-то войскъ, который позволяетъ себѣ дѣлать историкъ, оказывается противоположнымъ выводу художника. Различіе добытыхъ результатовъ объясняется и тѣми источниками, изъ которыхъ и тотъ и другой черпаютъ свои свѣдѣнія. Для историка (продолжаемъ примѣръ сраженія) главный источникъ есть донесеніе частныхъ начальниковъ и главнокомандующаго. Художникъ изъ такихъ источниковъ ничего почерпнуть не можетъ, они для него ничего не говорятъ, ничего не объясняютъ. Мало того, художникъ отворачивается отъ нихъ, находя въ нихъ необходимую ложь. Нечего говорить уже о томъ, что при каждомъ сраженіи оба непріятеля почти всегда описываютъ сраженіе совершенно противоположно одинъ другому: въ каждомъ описаніи сраженія есть необходимость лжи, вытекающая изъ потребности въ нѣсколькихъ словахъ описывать дѣйствія тысячей людей, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, находящихся въ самомъ сильномъ нравственномъ раздраженіи, подъ вліяніемъ страха, позора и смерти.

Въ описаніяхъ сраженій пишется обыкновенно, что такія-то войска были направлены въ атаку на такой-то пунктъ, и потомъ велѣно отступать и т. д., какъ бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряетъ десятки тысячъ людей волѣ одного на плацу, будетъ имѣть то же дѣйствіе тамъ, гдѣ идетъ дѣло жизни и смерти. Всякій, кто былъ на войнѣ, знаетъ, насколько это несправедливо [1]); а между тѣмъ на этомъ предположеніи основаны реляціи, и на нихъ военныя описанія. Объѣздите всѣ войска тотчасъ послѣ сраженія, даже на другой, третій день, до тѣхъ поръ, пока не написаны реляціи, и спрашивайте у всѣхъ солдатъ, у старшихъ и низшихъ начальниковъ о томъ, какъ было дѣло; вамъ будутъ разсказывать то, что испытали и видѣли всѣ эти люди, и въ васъ образуется величественное, сложное до безконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатлѣніе; и ни отъ кого, еще менѣе отъ главнокомандующаго, вы не узнаете, какъ было все дѣло. Но черезъ два-три дня начинаютъ подавать реляціи, говоруны начинаютъ разсказывать, какъ было то, чего они не видали; наконецъ составляется общее донесеніе, и по этому донесенію составляется общее мнѣніе арміи. Каждому облегчительно примѣнять свои сомнѣнія и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представленіе. Черезъ мѣсяцъ и два разспрашивайте человѣка, участвовавшаго въ сраженіи, — ужъ вы не чувствуете въ его разсказѣ того сырого жизненнаго матеріала, который былъ прежде, а онъ разсказываетъ по реляціи. Такъ разсказывали мнѣ про Бородинское сраженіе многіе живые, умные участники этого дѣла. Всѣ разсказывали одно и то же, и всѣ по невѣрному описанію Михайловскаго-Данилевскаго, по Глинкѣ и др.; даже подробности, которыя разсказывали они, несмотря на то, что разсказчики находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, однѣ и тѣ же.

Послѣ потери Севастополя начальникъ артиллеріи Крыжановскій прислалъ мнѣ донесенія артиллерійскихъ офицеровъ со всѣхъ бастіоновъ и просилъ, чтобы я составилъ изъ этихъ болѣе чѣмъ 20-ти донесеній — одно. Я жалѣю, что не списалъ этихъ донесеній. Это былъ лучшій образецъ той наивной, необходимой, военной лжи,

---

[1]) Послѣ напечатанія моей первой части и описанія Шенграбенскаго сраженія мнѣ были переданы слова Николая Николаевича Муравьева-Карскаго объ этомъ описаніи сраженія,—слова, подтвердившія мнѣ мое убѣжденіе. Ник. Ник. Муравьевъ, главнокомандующій, отозвался, что онъ никогда не читалъ болѣе вѣрнаго описанія сраженія и что онъ своимъ опытомъ убѣдился въ томъ, какъ невозможно исполненіе распоряженій главнокомандующаго во время сраженія.

изъ которой составляются описанія. Я полагаю, что многіе изъ тѣхъ товарищей моихъ, которые составляли тогда эти донесенія, прочтя эти строки, посмѣются воспоминанію о томъ, какъ они по приказанію начальства писали то, чего не могли знать. Всѣ испытавшіе войну знаютъ, какъ способны русскіе дѣлать свое дѣло на войнѣ и какъ мало способны къ тому, чтобы его описывать съ необходимой въ этомъ дѣлѣ хвастливой ложью. Всѣ знаютъ, что въ нашихъ арміяхъ должность эту, составленія реляцій и донесеній, исполняютъ большей частью наши инородцы.

Все это я говорю къ тому, чтобы показать неизбѣжность лжи въ военныхъ описаніяхъ, служащихъ матеріаломъ для военныхъ историковъ, и потому показать неизбѣжность частыхъ несогласій художника съ историкомъ въ пониманіи историческихъ событій. Но, кромѣ неизбѣжности неправды въ изложеніи историческихъ событій, у историковъ той эпохи, которая занимала меня, я встрѣчалъ (вѣроятно, вслѣдствіе привычки группировать событія, выражать ихъ кратко и соображаться съ трагическимъ тономъ событій) особенный складъ выспренной рѣчи, въ которой часто ложь и извращеніе переходятъ не только на событія, но и на пониманіе значенія событія. Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть напечатаемы и читаемы эти книги. Не говоря уже объ изложеніи однихъ и тѣхъ же событій самымъ серьезнымъ, значительнымъ тономъ, съ ссылками на матеріалы и діаметрально-противоположно одинъ другому, я встрѣчалъ въ этихъ историкахъ такія описанія, что не знаешь, смѣяться ли или плакать; когда вспомнишь, что обѣ эти книги единственные памятники той эпохи и имѣютъ милліоны читателей. Приведу только одинъ примѣръ изъ книги знаменитаго историка Тьера. Разсказавъ, какъ Наполеонъ привезъ съ собой фальшивыхъ ассигнацій, онъ говоритъ: «Relevant l'emploi de ces moyens par un acte de bien-faisance *digne de lui et de l'armée française,* il fit distribuer des secours aux incendiés. Mais les vivres étanttrop précieux pour être donnés longtemps à des étrangers, la plupart ennemis, Napoléon aima mieux leur fournir de l'argent, et il leur fit distribuer des roubles papier»[1]).

---

[1]) Возмѣщая употребленіе этихъ средствъ дѣломъ благотворительности, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ оказывать пособіе погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги, и не представлялось долѣе возможности снабжать ими людей чужихъ, и по большей части непріязненныхъ, то Наполеонъ предпочелъ одѣлять ихъ деньгами, и для того были имъ выдаваемы бумажные рубли.

Это мѣсто поражаетъ отдѣльно своей оглушающей, нельзя сказать безнравственностью, но просто безсмысленностью; но во всей книгѣ оно не поражаетъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему выспреннему, торжественному и не имѣющему никакого прямого смысла, тону рѣчи.

Итакъ, задача художника и историка совершенно различна, и разногласіе съ историкомъ въ описаніи событій и лицъ въ моей книгѣ, не должно поражать читателя.

Но художникъ не долженъ забывать, что представленіе объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, составившееся въ народѣ, основано не на фантазіи, а на историческихъ документахъ, насколько могли ихъ сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и событія, художникъ долженъ руководствоваться, какъ и историкъ, историческими матеріалами. *Вездѣ, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріаломъ, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая библіотека книгъ, заглавія которыхъ я не нахожу надобности выписывать здѣсь, но на которыя всегда могу сослаться.*

6) Наконецъ шестое и важнѣйшее для меня соображеніе касается того малаго значенія, которое, по моимъ понятіямъ, имѣютъ такъ называемые великіе люди въ историческихъ событіяхъ.

Изучая эпоху столь трагическую, столь богатую громадностью событій и столь близкую къ намъ, о которой живо столько разнороднѣйшихъ преданій, я пришелъ къ очевидности того, что нашему уму недоступны причины совершающихся историческихъ событій. Сказать (что кажется всѣмъ весьма простымъ), что причины событій 12-го года состоятъ въ завоевательскомъ духѣ Наполеона и въ патріотической твердости императора Александра Павловича, такъ же безсмысленно, какъ сказать, что причины паденія Римской имперіи заключаются въ томъ, что такой-то варваръ повелъ свои народы на Западъ, а такой-то римскій императоръ дурно управлялъ государствомъ, или что огромная, срываемая гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ лопатой.

Такое событіе, гдѣ милліоны людей убивали другъ друга и убили половину милліона, не можетъ имѣть причиной волю одного человѣка: какъ одинъ человѣкъ не могъ одинъ подкопать гору, такъ не можетъ одинъ человѣкъ заставить умирать 500 тысячъ. Но какія же причины? Одни историки говорятъ, что причиной былъ завоевательный духъ французовъ, патріотизмъ Россіи. Другіе говорятъ о демократическомъ элементѣ, который разносилъ полчища Наполеона, и о необходимости Россіи вступить въ связь съ Европою и т. п. Но какъ же милліоны людей стали убивать другъ

друга, кто это велѣлъ имъ? Кажется, ясно для каждаго, что отъ этого никому не могло быть лучше, а всѣмъ хуже; зачѣмъ же они это дѣлали? Можно сдѣлать и дѣлаютъ безчисленное количество ретроспективныхъ умозаключеній о причинахъ этого безсмысленнаго событія; но огромное количество этихъ объясненій и совпаденіе всѣхъ ихъ къ одной цѣли только доказываетъ то, что причинъ этихъ безчисленное множество, и что ни одну изъ нихъ нельзя назвать причиной.

Зачѣмъ милліоны людей убивали другъ друга, тогда какъ съ сотворенія міра извѣстно, что это и физически и нравственно дурно?

Затѣмъ, что это такъ неизбѣжно было нужно, что, исполняя это, люди исполняли тотъ стихійный, зоологическій законъ, который исполняютъ пчелы, истребляя другъ друга къ осени, по которому самцы животныхъ истребляютъ другъ друга. Другого отвѣта нельзя дать на этотъ страшный вопросъ.

Эта истина не только очевидна, но такъ прирождена каждому человѣку, что ее не стоило бы доказывать, ежели бы не было другого чувства и сознанія въ человѣкѣ, которое убѣждаетъ его, что онъ свободенъ во всякій моментъ, когда онъ совершаетъ какое-нибудь дѣйствіе.

Разсматривая исторію съ общей точки зрѣнія, мы несомнѣнно убѣждены въ Предвѣчномъ Законѣ, по которому совершаются событія. Глядя съ точки зрѣнія личной, мы убѣждены въ противномъ.

Человѣкъ, который убиваетъ другого, Наполеонъ, который отдаетъ приказаніе къ переходу черезъ Нѣманъ, вы и я, подавая прошеніе объ опредѣленіи на службу, поднимая и опуская руку, мы всѣ несомнѣнно убѣждены, что каждый поступокъ нашъ имѣетъ основаніемъ разумныя причины и нашъ произволъ, и что отъ насъ зависѣло поступить такъ или иначе, и это убѣжденіе до такой степени присуще и дорого каждому изъ насъ, что, несмотря на доводы исторіи и статистики преступленій (убѣждающіе насъ въ непроизвольности дѣйствій другихъ людей), мы распространяемъ сознаніе нашей свободы на всѣ наши поступки.

Противорѣчіе кажется неразрѣшимымъ. Совершая поступокъ, я убѣжденъ, что я совершаю его по своему произволу; разсматривая этотъ поступокъ въ смыслѣ его участія въ общей жизни человѣчества (въ его историческомъ значеніи), я убѣждаюсь, что поступокъ этотъ былъ предопредѣленъ и неизбѣженъ. Въ чемъ заключается ошибка?

Психологическія наблюденія о способности человѣка ретроспективно поддѣлывать мгновенно подъ совершившійся фактъ цѣлый рядъ мнимо-свободныхъ умозаключеній (это я намѣренъ изложить въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно) подтверждаютъ предпо-

ложеніе о томъ, что сознаніе свободы человѣка, при совершеніи извѣстнаго рода поступковъ, ошибочно. Но тѣ же психологическія наблюденія доказываютъ, что есть другой рядъ поступковъ, въ которыхъ сознаніе свободы не ретроспективно, а мгновенно и несомнѣнно. Я несомнѣнно могу, чтобы ни говорили матеріалисты, совершить дѣйствіе или воздержаться отъ него, какъ скоро дѣйствіе это касается одного меня. Я несомнѣнно по одной моей волѣ сейчасъ поднялъ и опустилъ руку. Я сейчасъ могу перестать писать. Вы сейчасъ можете перестать читать. Несомнѣнно по одной моей волѣ и внѣ всѣхъ препятствій я сейчасъ мыслью перенесся въ Америку или къ любому математическому вопросу. Я могу, испытывая свою свободу, поднять и съ силой опустить свою руку въ воздухѣ. Я сдѣлалъ это. Но подлѣ меня стоитъ ребенокъ, я поднимаю надъ нимъ руку и съ той же силой хочу опустить на ребенка. Я *не могу* этого сдѣлать. На этого ребенка бросается собака, я *не могу* не поднять руку на собаку. Я стою во фронтѣ и не могу не слѣдовать за движеніями полка. Я не могу въ сраженіи не итти съ своимъ полкомъ въ атаку и не бѣжать, когда всѣ бѣгутъ вокругъ меня. Я не могу, когда я стою на судѣ защитникомъ обвиняемаго, перестать говорить или знать то, что я буду говорить. Я не могу не мигнуть глазомъ противъ направленнаго въ глазъ удара.

Итакъ, есть два рода поступковъ. Одни зависящіе, другіе не зависящіе отъ моей воли. И ошибка, производящая противорѣчіе, происходитъ только отъ того, что сознаніе свободы (законно сопутствующее всякому поступку, относящемуся до моего *я*, до самой высшей отвлеченности моего существованія) я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые въ совокупности съ другими людьми и зависящіе отъ совпаденія другихъ произволовъ съ моимъ. Опредѣлить границу области свободы и зависимости весьма трудно, и опредѣленіе этой границы составляетъ существенную задачу психологіи; но, наблюдая за условіями проявленія нашей наибольшей свободы и наибольшей зависимости, нельзя не видѣть, что чѣмъ отвлеченнѣе и потому чѣмъ менѣе наша дѣятельность связана съ дѣятельностями другихъ людей, тѣмъ она свободнѣе; и наоборотъ, чѣмъ больше дѣятельность наша связана съ другими людьми, тѣмъ она не свободнѣе.

Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь съ другими людьми есть такъ называемая власть надъ другими людьми, которая въ своемъ истинномъ значеніи есть только наибольшая зависимость отъ нихъ.

Ошибочно или нѣтъ, но вполнѣ убѣдившись въ этомъ въ продолженіе моей работы, я естественно, описывая историческія со-

бытія 1805, 1807 и особенно 1812 года, въ которомъ наиболѣе выпукло выступаетъ этотъ законъ предопредѣленія [1]), я не могъ приписывать значенія дѣламъ тѣхъ людей, которымъ казалось, что они управляютъ событіями, но которые менѣе всѣхъ другихъ участниковъ событій вносили въ нихъ свободную человѣческую дѣятельность. Дѣятельность этихъ людей была занимательна для меня только въ смыслѣ иллюстраціи того закона предопредѣленія, который по моему убѣжденію управляетъ исторіей и того психологическаго закона, который заставляетъ человѣка, исполняющаго самый несвободный поступокъ, поддѣлывать въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ ретроспективныхъ умозаключеній, имѣющихъ цѣлью доказать ему самому его свободу.

Графъ Левъ Толстой.

II.

Отрывки и варіанты, извлеченные изъ первоначальной редакціи.

№ 1. Часть I, глава VII.

Получивъ письмо отца и матери, писанное въ Лаврѣ, въ которомъ описывался отъѣздъ изъ Москвы, странная случайность приведшая раненымъ князя Андрея въ ихъ домъ и примиреніе и обрученіе Наташи съ княземъ Андреемъ въ Троицѣ, Николай въ ту же минуту поѣхалъ съ этимъ письмомъ къ княжнѣ Марьѣ.

Въ письмѣ два раза повторялось, что, по мнѣнію доктора, рана не такъ опасна. Кромѣ того, если произошло обрученіе, то надо было предполагать, что рана была незначительна.

Николай былъ очень счастливъ полученіемъ этого письма. Онъ радовался за счастіе Наташи, радовался за княжну Марью, которая, какъ онъ слышалъ, считала рану своего брата смертельною; радовался за то, что онъ объявитъ ей это, и что между имъ и нею уничтожатся эти непріятныя, натянутыя, произведенныя сватовствомъ, отношенія.

Николай ѣхалъ къ княжнѣ Марьѣ съ убѣжденіемъ, что онъ первый привезетъ ей извѣстіе о ея братѣ, но съ тѣмъ же курьеромъ, съ которымъ Николай получилъ письмо, княжна Марья получила изъ Троицы же письмо отъ брата, который писалъ ей о томъ, что рана его не опасна, о томъ, съ кѣмъ и гдѣ онъ находился, но ни слова не писалъ о возобновленіи прежнихъ отношеній съ Наташей (онъ просилъ Наташу отложить это до пріѣзда сестры).

---

[1]) Достойно замѣчаніе, что почти всѣ писатели, писавшіе о 12-мъ годѣ, видѣли въ этомъ событіи что-то особенное и роковое.

Съ этимъ же курьеромъ губернаторша получила свое письмо отъ Сони, и какъ ни чувствовала добрая старушка несвоевременность сватовства въ такое время, соображая то, что Николай завтра уѣдетъ и для нея навсегда исчезнетъ возможность принять участіе въ этомъ дѣлѣ, составляющемъ главную радость ея жизни особенно въ этомъ случаѣ.

Она поѣхала къ княжнѣ Марьѣ и сначала принявъ участіе въ ея радости] о хорошихъ] извѣстіяхъ о братѣ, сдѣлала ей формальное предложеніе отъ имени Ростова. Княжна Марья поблѣднѣла, какъ полотно и, широко раскрывъ глаза, долго молча смотрѣла на губернаторшу и вдругъ зарыдала и хотѣла уйти отъ нея.

— Не говорите мнѣ про это. Никогда не говорите, — рыдая проговорила княжна Марья удерживавшей ее губернаторшѣ. — Я не могу, не могу думать о себѣ теперь. Не могу, не могу, я чувствую, что я дурная женщина. Ахъ, не говорите мнѣ, не говорите ему...— и Марья убѣжала отъ губернаторши.

Когда ей доложили, что пріѣхалъ Николай, княжна Марья тотчасъ же съ сухими, злобно блестящими глазами и краснымъ лицомъ вышла къ нему. Ее возмущала мысль о томъ, что онъ, кото раго она любила, могъ быть такъ грубъ, такъ неделикатенъ, чтобы въ такое для нея время говорить ей о замужествѣ. До сихъ поръ ни разу не приходившая ей страшная мысль въ отношеніи Николая, мысль о его корыстолюбіи, о желаніи его не любя жениться на ней, на богатой невѣстѣ теперь пришла ей, и она повѣрила.

№ 2. Часть I, глава VIII.

Вернувшись въ гостиницу, Наташа узнала, что князь Андрей проснулся, взглянула въ зеркало не видя себя, но только для того, чтобы узнать не красны ли ея глаза?

— Пойдемъ вмѣстѣ къ нему, Соня, — сказала она. — Онъ любитъ тебя. Онѣ вошли къ князю Андрею, къ жениху, который высоко лежалъ на подушкахъ, покрытый синимъ одѣяломъ.

Лицо его было строго и недовольно, когда барышни вошли въ комнату. Увидавъ ихъ, онъ поспѣшно и притворно измѣнилъ выраженіе своего лица.

— А вы были у угодника, — сказалъ онъ. — Я радъ, что вы были.

Наташа взяла его за руку и сѣла подлѣ него.

— Ахъ! — вдругъ почти вскрикнула Соня. И князь Андрей и Наташа оглянулись на нее.

— Что ты? — спросила Наташа

Соня взволнованно покраснѣла.

— Знаешь, что я вспомнила, Наташа. Я вспомнила наше гаданье на святкахъ, помнишь, когда мы ѣздили къ Мелюковымъ.

— Ахъ да, ты въ зеркало смотрѣла, ты видѣла *его*,—сказала Наташа, широко раскрывая глаза. Но въ ту же секунду Наташа какъ будто вспомнила, что теперь она не можетъ отдаваться однимъ своимъ чувствомъ. Даже въ мелочи она не смѣла теперь удивляться, радоваться, волноваться, не узнавъ прежде, какъ ея господинъ и обладатель смотритъ на это. Она вдругъ остановилась въ выраженіи своего удивленія и на князя Андрея посмотрѣла вопросительно и искательно, какъ умная собака смотритъ на своего хозяина.

— Вы, можетъ быть, не вѣрите этому, князь? — сказала Соня, обращаясь къ князю Андрею, замѣтивъ взглядъ Наташи. — Но это необыкновенно. Я видѣла, видѣла въ зеркало вотъ это самое. Я видѣла, что вы лежите покрытые чѣмъ-то синимъ и подлѣ васъ сидитъ Наташа,—разсказываетъ Соня то, что придумала глядя въ зеркало, и то, что потомъ напечатлѣлось въ ея воспоминаніи, представлялось ей столь же дѣйствительнымъ, какъ и всякое воспоминанье, основаніемъ котораго была не выдумка, но дѣйствительность. Она только прибавила теперь, что синимъ былъ покрытъ князь Андрей и прибавка эта не поразила Наташу, напротивъ ей именно поразительнымъ казалось то, что еще тогда Соня сказала, что князь Андрей былъ покрытъ чѣмъ-то синимъ.

Когда Наташа и Соня разсказали подробно, какъ это все было, Соня еще разъ обратилась къ князю Андрею съ вопросомъ: вѣритъ ли онъ въ это. Наташа не спрашивала, она знала по выраженію лица своего хозяина, что онъ скажетъ, что вѣритъ, но что въ этихъ словахъ будетъ другое значеніе, которое она чувствуетъ, но не понимаетъ. Дѣйствительно князь Андрей такъ и отвѣчалъ, какъ она предполагала.

— Отчего же думаете, что я не повѣрю? Нѣтъ, я теперь во все вѣрю послѣ того, что она (онъ взглянулъ на Наташу) сдѣлала со мной; захотѣла связать себя съ у..... я во все вѣрю,—прибавилъ онъ, пожавъ руку Наташѣ.—Что жъ, послали письмо къ сестрѣ?—сказалъ онъ естественнымъ путемъ мысли, наведенной на воспоминаніе о томъ, что въ этомъ письмѣ онъ писалъ чему не вѣрилъ, что его рана идетъ очень хорошо.

— Нынче вечеромъ пошлютъ, — сказала Соня и, желая уйти, чтобы оставить ихъ однихъ, вспомнила, что ей самой надо было написать письмо, вышла изъ комнаты.

№ 3. Часть I, глава XII.

Пьеръ стоялъ противъ этой кучки солдатъ. Всѣ эти лица, фигуры, позы, звуки голосовъ, все это было такъ знакомо Пьеру и такъ страшно безсмысленно.

— Ребята, тутъ мѣстечко барину дайте, — сказалъ офицеръ, подвигаясь къ нимъ.

— Что жъ, можно, — откликнулся голосъ.

— Да, вишь, ловокъ, я и такъ вчерась Миронова задавилъ было, — сказалъ другой.

Пьеръ стоялъ по серединѣ балагана, молча оглядываясь.

— Ишь какъ витютень ни очей, ни рѣчей, — послышался въ это время насмѣшливый и чрезвычайно пріятный голосъ. — Экой народъ не ласковый — право, человѣкъ новый неизвѣстный, — и говоря эти слова, небольшого роста, полу-солдатъ, полу-мужикъ въ лаптяхъ и солдатской шинели, имѣя что-то круглое (такъ онъ отразился въ впечатлѣніи Пьера), раскачиваясь, подошелъ къ Пьеру и слегка тронулъ его за руку.

— Мѣста много, соколикъ, у меня въ уголушкѣ упокой чудесный, — сказалъ этотъ человѣкъ.

— Пойдемъ, баринъ, пойдемъ, въ наши палаты, — прибавилъ онъ, и тотчасъ съ очевидной увѣренностью, что Пьеръ не можетъ отказать ему и не пойти за нимъ, пошелъ по балагану. И Пьеръ пошелъ за нимъ.

Движенія солдата были точно такъ же, какъ его слова, не быстры, но споры: за каждымъ движеніемъ и словомъ слѣдовало сейчасъ другое; и ни въ одномъ ни словѣ, ни движеніи не было замѣтно ни усилія, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя къ углу балагана, онъ нагнулся, взбилъ солому, подвинулъ передвинулъ рогожки, подложилъ соломы въ голова, прихлопнулъ рукою и сѣлъ.

